СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

ФЕВРАЛЬ 1938 г. 2

Редакция: Москва, Пушкинская, д. 15а

ПИСЬМО т. ИВАНОВА И ОТВЕТ т. СТАЛИНА

ТОВ. СТАЛИНУ

От штатного пропагандиста РК ВЛКСМ Мантуровского района Курской области— Иванова Ивана Филипповича

Дорогой тов. Сталин, убедительно прошу разъяснить мне следующий вопрос: у нас на местах, да и в обкоме комсомола имеется двоякое понятие об окончательной победе социализма в нашей стране, т. е. путают первую группу противоречий со второй. В Ваших трудах — о судьбах социализма в Советском Союзе идет речь о двух группах противоречий — о внутренних и внешних.

О первой группе противоречий понятно, что мы их разрешили — социализм внутри страны победил.

Я хочу получить ответ о второй группе противоречий, т. е. между страной социализма и капитализма. Вы указываете, что окончательная победа социализма означает разрешение внешних противоречий, имеет полную гарантию от интервенции, а следовательно от реставрации капитализма. А эта группа противоречий разрешима только усилиями рабочих всех стран.

Да, и тов. Ленин учил нас — «окончательно победить можно только в мировом масштабе, только совместными усилиями рабочих всех стран».

Будучи на семинаре штатных пропагандистов в обкоме ВЛКСМ, я, основываясь на Ваших трудах, сказал, что окончательная победа социализма может быть в мировом масштабе, но обкомовские работники — Уроженко (первый секретарь обкомола) и Казелков (инструктор по пропаганде) мое выступление квалифицируют, как троцкистскую вылазку.

Я стал им зачитывать цитаты из Ваших трудов по этому вопросу, но Уроженко предложил мне закрыть трехтомник, высказав, что «тов. Сталин говорил в 1926 г., а мы уже имеем 1938 г., тогда мы не имели окончательную победу, а теперь имеем и нам теперь думать об интервенции и реставрации никак не следует»; дальше он говорит — «мы теперь имеем окончательную победу социализма и имеем полную гарантию от интервенции и реставрации капитализма». Итак меня посчитали пособником троцкизма, сняли с пропагандистской работы и поставили вопрос о пребывании в комсомоле.

Прошу, тов. Сталин, разъяснить — имеем ли мы окончательную победу социализма или пока еще нет? Может быть я еще не нашел дополнительного современного материала по этому вопросу, в связи с изменениями современности.

Я также считаю заявление Уроженко антибольшевистским, что труды тов. Сталина по этому вопросу немножко устарели. И правильно ли поступили работники обкома, посчитав меня троцкистом. Это для меня очень обидно и оскорбительно.

Прошу, тов. Сталин, не откажите в просьбе и дайте ответ по адресу — Мантуровский район, Курской обл. 1-й Засемский с/совет ИВАНОВУ Ивану Филипповичу.

И. ИВАНОВ.

18.I.38 г.

ОТВЕТ т-щу ИВАНОВУ ИВАНУ ФИЛИППОВИЧУ

Вы, конечно, правы, т. Иванов, а Ваши идейные противники, т. е. товарищи Уроженко и Казепков — не правы.

И вот почему.

Несомненно, что вопрос о победе социализма в одной стране, в данном случае, в нашей стране — имеет ДВЕ РАЗЛИЧНЫЕ стороны.

ПЕРВАЯ сторона вопроса о победе социализма в нашей стране обнимает проблему взаимоотношений классов внутри нашей страны. Это — область ВНУТРЕННИХ отношений. Может ли рабочий класс нашей страны преодолеть противоречия с нашим крестьянством и наладить с ним союз, сотрудничество? Может ли рабочий класс нашей страны в союзе с нашим крестьянством разбить буржуазию нашей страны, отобрать у нее землю, заводы, шахты и т. п. и построить своими силами новое бесклассовое общество, полное социалистическое общество?

Таковы проблемы, связанные с ПЕРВОЙ стороной вопроса о победе социализма в нашей стране.

Ленинизм отвечает на эти проблемы положительно. Ленин учит, что «МЫ ИМЕЕМ ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ ПОЛНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА». Стало быть, мы можем и должны собственными силами одолеть свою буржуазию и построить социалистическое общество. Троцкий, Зиновьев, Каменев и прочие господа, ставшие потом шпионами и агентами фашизма, отрицали возможность построения социализма в нашей стране без предварительной победы социалистической революции в других странах, в капиталистических странах. Эти господа по сути дела хотели повернуть нашу страну назад, на путь буржуазного развития, прикрывая свое отступничество фальшивыми ссылками на «победу революции» в других странах. Об этом именно и шел спор у нашей партии с этими господами. Дальнейший ход развития нашей страны показал, что партия была права, а Троцкий и компания были не правы. Ибо за это время мы успели уже ликвидировать свою буржуазию, наладить братское сотрудничество со своим крестьянством и построить в основном социалистическое общество, несмотря на отсутствие победы социалистической революции в других странах.

Так обстоит дело с ПЕРВОЙ стороной вопроса о победе социализма в нашей стране.

Я думаю, тов. Иванов, что Ваш спор с тт. Уроженко и Казелковым касается не этой стороны вопроса.

ВТОРАЯ сторона вопроса о победе социализма в нашей стране обнимает проблему взаимоотношений нашей страны с другими странами, с капиталистическими странами, проблему взаимоотношений рабочего класса нашей страны с буржуазией других стран. Это — область ВНЕШНИХ, МЕЖДУНАРОДНЫХ отношений. Может ли победивший социализм одной страны, имеющий в окружении множество сильных капиталистических стран, считать себя вполне гарантированным от опасности военного вторжения (интервенции), и, стало быть, от попыток возстановления капитализма в нашей стране? Могут ли наш рабочий класс и наше крестьянство собственными силами, без серьезной помощи рабочего класса капиталистических стран одолеть буржуазию других стран так же, как они одолели свою буржуазию? Иначе говоря: можно ли считать победу социализма в нашей стране окончательной, т. е. свободной от опасности военного нападения и попыток возстановления капитализма, при условии, что победа социализма имеется только в одной стране, а капиталистическое окружение продолжает существовать?

Таковы проблемы, связанные со ВТОРОЙ стороной вопроса о победе социализма в нашей стране.

Ленинизм отвечает на эти проблемы отрицательно. Ленинизм учит, что «окончательная победа социализма в смысле полной гарантии от реставрации буржуазных отношений возможна только в международном масштабе» (см. известн. резолюцию XIV конференции ВКП). Это значит, что серьезная помощь международного пролетариата является той силой, без которой не может быть решена задача окончательной победы социализма в одной стране. Это, конечно, не значит, что мы сами должны сидеть, сложа руки, в ожидании помощи извне. Наоборот, помощь со стороны международного пролетариата должна быть соединена с нашей работой по усилению обороны нашей страны, по усилению Красной армии и Красного флота, по мобилизации всей страны на борьбу с военным нападением и попытками реставрации буржуазных отношений.

Вот что говорит на этот счет Ленин:

> «Мы живем не только в государстве, но и В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВ, и существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен. Это значит, что господствующий класс, пролетариат, если только он хочет и будет господствовать, должен доказать это и своей военной организацией» (т. XXIV, стр. 122).

И дальше:

> «Мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают ненависть к нам. Надо помнить, что от всякого нашествия мы всегда на волоске» (т. XXVII, стр. 117).

Сказано остро и крепко, но честно и правдиво, без прикрас, как умел говорить Ленин.

На основе этих предпосылок в «Вопросах ленинизма» Сталина было сказано:

> «Окончательная победа социализма есть полная гарантия от попыток интервенции, а значит, и реставрации, ибо сколько нибудь серьезная попытка реставрации может иметь место лишь при серьезной поддержке извне, лишь при поддержке международного капитала. Поэтому поддержка нашей революции со стороны рабочих всех стран, а тем более победа этих рабочих хотя бы в нескольких странах является необходимым условием полной гарантии первой победившей страны от

попыток интервенции и реставрации, необходимым условием окончательной победы социализма» («Вопросы ленинизма», 1937 г., стр. 134).

В самом деле было бы смешно и глупо закрывать глаза на факт капиталистического окружения и думать, что наши внешние враги, например, фашисты не попытаются при случае произвести на СССР военное нападение. Так могут думать только слепые бахвалы или скрытые враги, желающие усыпить народ. Не менее смешно было бы отрицать, что в случае малейшего успеха военной интервенции интервенты попытаются разрушить в занятых ими районах советский строй и возстановить буржуазный строй. Разве Деникин или Колчак не возстанавливали в занятых ими районах буржуазный строй? Чем фашисты лучше Деникина или Колчака? Отрицать опасность военной интервенции и попыток реставрации при существовании капиталистического окружения могут только головотяпы или скрытые враги, желающие прикрыть бахвальством свою враждебность и старающиеся демобилизовать народ. Но можно ли считать победу социализма в одной стране окончательной, если эта страна имеет вокруг себя капиталистическое окружение и если она не гарантирована полностью от опасности интервенции и реставрации? Ясно, что нельзя.

Так обстоит дело с вопросом о победе социализма в одной стране.

Выходит, что вопрос этот содержит две различные проблемы: а) проблему ВНУТРЕННИХ отношений нашей страны, т. е. проблему преодоления своей буржуазии и построения полного социализма, и б) проблему ВНЕШНИХ отношений нашей страны, т. е. проблему полного обеспечения нашей страны от опасностей военной интервенции и реставрации. Первая проблема уже разрешена нами, так как наша буржуазия уже ликвидирована и социализм уже построен в основном. Это называется у нас победой социализма, или точнее, победой социалистического строительства в одной стране. Мы могли бы сказать, что эта победа является окончательной, если бы наша страна находилась на острове и если бы вокруг нее не было множества других, капиталистических стран. Но так как мы живем не на острове, а «в системе государств», значительная часть которых враждебно относится к стране социализма, создавая опасность интервенции и реставрации, то мы говорим открыто и честно, что победа социализма в нашей стране не является еще окончательной. Но из этого следует, что вторая проблема пока не разрешена и ее придется еще разрешить. Более того: вторую проблему невозможно разрешить в том же порядке, в каком разрешили первую проблему, т. е. путем лишь собственных усилий нашей страны. Вторую проблему можно разрешить лишь в порядке соединения серьезных усилий международного пролетариата с еще более серьезными усилиями всего нашего советского народа. Нужно усилить и укрепить интернациональные пролетарские связи рабочего класса СССР с рабочим классом буржуазных стран; нужно организовать политическую помощь рабочего класса буржуазных стран рабочему классу нашей страны на случай военного нападения на нашу страну, равно как организовать всяческую помощь рабочего класса нашей страны рабочему классу буржуазных стран; нужно всемерно усилить и укрепить нашу Красную армию, Красный флот, Красную авиацию, Осоавиахим. Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох...

Из Вашего письма видно, что т. Уроженко держится других, не совсем ленинских взглядов. Он, оказывается, утверждает, что «мы теперь имеем окончательную победу социализма и имеем полную гарантию от интервенции и реставрации капитализма». Не может быть сомнения, что т. Уроженко в корне не прав. Такое утверждение т. Уроженко может быть объяснено лишь непониманием окружающей действительности и незнанием элементарных положений ленинизма, или же пустопорожним хвастовством зазнавшегося молодого чиновника. Если мы в самом деле «имеем полную гарантию от интервенции и реставрации капитализма», то нужны ли нам после этого сильная Красная армия, Красный флот, Красная авиация, сильный Осоавиахим, усиление и укрепление интернациональных пролетарских связей? Не лучше ли будет миллиарды денег, уходящие на усиление Красной армии, обратить на другие нужды, а Красную армию сократить до минимума, или даже распустить вовсе? Такие люди, как т. Уроженко, если они субъективно даже преданы нашему делу, объективно опасны для нашего дела, ибо они своим хвастовством вольно или невольно (это все равно!) усыпляют наш народ, демобилизуют рабочих и крестьян и помогают врагам застигнуть нас врасплох в случае международных осложнений.

Что касается того, тов. Иванов, что Вас, оказывается, «сняли с пропагандистской работы и поставили вопрос о пребывании в комсомоле», то опасаться Вам этого не следует. Если люди из обкома ВЛКСМ действительно захотят уподобиться чеховскому унтер-офицеру Пришибееву, можно не сомневаться, что они проиграют на этом. В нашей стране не любят Пришибеевых.

Теперь Вы можете судить, устарело ли известное место из книги «Вопросы ленинизма» по вопросу о победе социализма в одной стране. Я бы сам очень хотел, чтобы оно устарело, чтобы не было больше на свете таких неприятных вещей, как капиталистическое окружение, опасность военного нападения, опасность реставрации капитализма и т. п. Но, к сожалению, эти неприятные вещи все еще продолжают существовать.

И. СТАЛИН.

12 февраля 1938 г.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ ОЧЕРЕДНОМ ПЛЕНУМЕ ЦК ВКП(б) в/з 2-38

На днях состоялся очередной Пленум Центрального Комитета ВКП(б).

Пленум рассмотрел вопросы сессии Верховного Совета СССР и принял соответствующие решения.

Пленум обсудил вопрос «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков» и принял соответствующее постановление, публикуемое ниже.

Кроме того, Пленум ЦК рассмотрел ряд хозяйственных вопросов и принял соответствующие решения.

Пленум освободил тов. Постышева П. П. из состава кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Пленум ввел в состав кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б) секретаря Московского Обкома ВКП(б) тов. Хрущева Н. С. и в состав Оргбюро ЦК ВКП(б) — тов. Мехлиса Л. З.

Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ЦК ВКП(б)

Пленум ЦК ВКП(б) считает необходимым обратить внимание партийных организаций и их руководителей на то, что они, проводя большую работу по очищению своих рядов от троцкистско-правых агентов фашизма, допускают в процессе этой работы серьезные ошибки и извращения, мешающие делу очищения партии от двурушников, шпионов, вредителей. Вопреки неоднократным указаниям и предупреждениям ЦК ВКП(б), партийные организации во многих случаях подходят совершенно неправильно и преступно-легкомысленно к исключению коммунистов из партии.

ЦК ВКП(б) не раз требовал от партийных организаций и их руководителей внимательного, индивидуального подхода к членам партии при решении вопросов об исключении из партии или о восстановлении неправильно исключенных из ВКП(б) в правах членов партии.

Пленум ЦК ВКП(б) в своем решении от 5 марта 1937 г. по докладу товарища Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» указывал:

«Некоторые наши партийные руководители страдают отсутствием должного внимания к людям, к членам партии, к работникам. Более того, они не изучают работников, не знают, чем они живут и как они растут, не знают вообще своих кадров. Именно поэтому у них нет индивидуального подхода к членам партии, к работникам партии. А индивидуальный подход составляет главное дело в нашей организационной работе. И именно потому, что у них нет индивидуального подхода при оценке членов партии и партийных работников, они обычно действуют наобум: либо они хвалят их огулом, без меры, либо они избивают их также огулом, без меры, исключают

из партии тысячами и десятками тысяч. Некоторые наши партийные руководители вообще стараются мыслить десятками тысяч, не заботясь об «единицах», об отдельных членах партии, об их судьбе. Исключить из партии тысячи и десятки тысяч людей они считают пустяковым делом, утешая себя тем, что партия у нас большая и десятки тысяч исключенных не могут что-либо изменить в положении партии. Но так могут подходить к членам партии лишь люди, по сути дела глубоко антипартийные.

В результате такого бездушного отношения к людям, членам партии и партийным работникам искусственно создается недовольство и озлобление в одной части партии.

Понятно, что троцкистские двурушники ловко подцепляют таких озлобленных товарищей и умело тащат их за собой в болото троцкистского вредительства».

В этом же решении пленума ЦК ВКП(б) сказано:

«Осудить практику формального и бездушно-бюрократического отношения к вопросу о судьбе отдельных членов партии, об исключении из партии членов партии, или о восстановлении исключенных в правах членов партии.

Обязать партийные организации проявлять максимум осторожности и товарищеской заботы при решении вопроса об исключении из партии или о восстановлении исключенных в правах членов партии».

В письме от 24 июня 1936 года «Об ошибках при рассмотрении апелляций исключенных из партии во время проверки и обмена партийных документов» ЦК ВКП(б) указывал на несерьезное, а в ряде случаев, бездушно-чиновническое отношение партийных органов к разбору апелляций исключенных из партии:

«Вопреки указаниям ЦК — говорится в этом письме — апелляции исключенных рассматриваются крайне медленно. Многие исключенные месяцами добиваются разбора поданных ими апелляций. Большое количество апелляций рассматривалось заочно, без всякой проверки заявлений апеллирующих, без обеспечения апеллирующим возможности дать подробные объяснения по поводу причин их исключения из партии.

В ряде районных партийных организаций был допущен совершенно нетерпимый произвол по отношению к исключенным из партии. Исключенных из партии за сокрытие социального происхождения и за пассивность, а не по мотивам их враждебной деятельности против партии и советской власти, автоматически снимали с работы, лишали квартир и т. п.

Таким образом партийные руководители этих парторганизаций, не усвоив по-настоящему указаний партии о большевистской бдительности, своим формально-бюрократическим отношением к рассмотрению апелляций исключенных при проверке партийных документов играли на-руку врагам партии».

Как видно, предупреждающие указания местным партийным организациям были.

И все же, несмотря на это, многие парторганизации и их руководители продолжают формально и бездушно-бюрократически относиться к судьбам отдельных членов партии.

Известно немало фактов, когда партийные организации без всякой проверки и, следовательно, необоснованно исключают коммунистов из партии, лишают их работы, нередко даже объявляют, без всяких к тому оснований, врагами народа, чинят беззакония и произвол над членами партии.

Так, например: **ЦК КП(б) Азербайджана** на одном заседании 5 ноября 1937 г. механически подтвердил исключение из партии 279 чел.; **Сталинградский обком** 26 ноября утвердил исключение 69 человек; **Новосибирский обком** 28 ноября механически подтвердил решения райкомов ВКП(б) об исключении из партии 72 человек; в **Орджоникидзевской** краевой партийной организации Партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) отменила, как неправильные и совершенно необоснованные, решения об исключении из партии 101 коммуниста из 160 человек, подавших апелляции; по **Новосибирской** партийной организации таким же образом пришлось отменить 51 решение из 80; по **Ростовской** парторганизации отменены 43 решения из 66; по **Сталинградской** парторганизации — 58 из 103; по **Саратовской** — 80 из 134; по **Курской** парторганизации — 56 из 92; по **Винницкой** — 164 из 337 и т. д.

Во многих районах Харьковской области под видом «бдительности» имеют место многочисленные факты незаконного увольнения с работы и отказа в предоставлении работы исключенным из партии и беспартийным работникам. В Змиевском районе в октябре и ноябре 1937 г. беспричинно сняты с работы 36 учителей и намечено к увольнению еще 42. В результате, в школах сел Тарановка, Замостяжное, Скрыпаевка и других не преподают историю, Конституцию СССР, русский, украинский и иностранные языки.

В г. Змиеве в средней школе преподавала биологию учительница Журко, 1904 года рождения, дочь колхозника, имеющая 8-летний педагогический стаж, заочница 4 курса пединститута. В местной газете появилась заметка о ее брате, работающем педагогом в г. Изюме, как о националисте. Этого оказалось достаточным для увольнения Журко с работы. В связи с увольнением т. Журко было выражено политическое недоверие ее мужу и поднят вопрос также и о его увольнении. При проверке же выяснилось, что заметка о брате Журко оказалась клеветнической и он с работы не снимался.

В г. Харькове по делу одной арестованной троцкистки Горской органами НКВД была допрошена в качестве свидетельницы работница завкома фабрики им. Тинякова Эйнгорн. О своем вызове в НКВД она поделилась с начальником спецчасти Семенковым, который немедленно после этого поставил на парткоме завода вопрос о связях Эйнгорн с троцкисткой Горской. В результате, Эйнгорн была снята с работы в завкоме и уволена. Муж сестры Эйнгорн, работавший в редакции местной газеты, уволен за то, что «не сообщил о связях сестры его жены с троцкистами».

Курский обком ВКП(б) без всякой проверки, заочно исключил из партии и добился ареста члена партии пред. завкома Дмитро-Таранов-

ского сахарного завода Иванченковой, приписав ей сознательную контрреволюционную подготовку выступления беспартийного рабочего Кулиниченко на предвыборном собрании в Верховный Совет СССР. При проверке установлено, что вся «вина» Иванченковой заключалась в том, что на предвыборном собрании беспартийный рабочий Кулиниченко, после того, как рассказал о своей жизни, сбился в выступлении и забыл назвать фамилию кандидата в депутаты Верховного Совета.

Во многих районах Куйбышевской области исключено из партии большое количество коммунистов с мотивировкой, что они являются врагами народа. Между тем, органы НКВД не находят никаких оснований для ареста этих исключенных из партии. Например, Больше-Черниговский райком ВКП(б) исключил из партии и объявил врагами народа 50 человек из общего количества 210 коммунистов, состоящих в районной парторганизации, в то время, как в отношении 43-х из этих исключенных органы НКВД не нашли никаких оснований для ареста. В партколлегию КПК при ЦК ВКП(б) по Куйбышевской области являются многие исключенные райкомами ВКП(б), как враги народа, с требованием либо их арестовать, либо снять с них позорное клеймо.

ЦК ВКП(б) располагает данными о том, что такие факты имеют место и в других парторганизациях.

Пленум ЦК ВКП(б) считает, что все эти и подобные им факты имеют распространение в парторгапизациях прежде всего потому, что среди коммунистов существуют, еще не вскрыты и не разоблачены **отдельные карьеристы-коммунисты, старающиеся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, на репрессиях против членов партии, старающиеся застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения огульных репрессий против членов партии.**

Такой карьерист-коммунист полагает, что раз на члена партии подано заявление, хотя бы неправильное или даже провокационное, он, этот член партии, опасен для организации и от него нужно избавиться поскорее, чтобы застраховать себя, как бдительного. Поэтому он считает излишним объективно разбираться в предъявленных коммунисту обвинениях и заранее предрешает необходимость его исключения из партии.

Такой карьерист-коммунист, желая выслужиться, без всякого разбора разводит панику насчет врагов народа и с легкостью вопит на партсобраниях об исключении членов партии из партии на каком-либо формальном основании, или вовсе без основания. Партийные же организации нередко идут на поводу у таких крикунов-карьеристов.

Такой карьерист-коммунист безразлично относится к судьбам членов партии и готов заведомо неправильно исключить десятки коммунистов из партии для того, чтобы самому выглядеть бдительным. Он готов по маловажным проступкам исключить членов партии из партии с тем, чтобы приписать себе «заслуги» в разоблачении врагов, а, если вышестоящие партийные органы восстанавливают неправильно исключенных из партии, он ни мало не смущается, становится в позу человека, довольного тем, что он во всяком случае перестраховался насчет «бдительности».

Партийные организации и их руководители вместо того, чтобы сорвать маску фальшивой бдительности с таких «коммунистов» и вывести их на чистую воду, сами нередко создают им ореол бдительных борцов за чистоту рядов партии.

Пора разоблачить таких с позволения сказать коммунистов и заклеймить их, как карьеристов, старающихся выслужиться на исключениях из партии, старающихся перестраховаться при помощи репрессий против членов партии.

Известно, далее, немало фактов, когда замаскированные враги народа, вредители-двурушники в провокационных целях организуют подачу клеветнических заявлений на членов партии и под видом «развертывания бдительности» добиваются исключения из рядов ВКП(б) честных и преданных коммунистов, отводя тем самым от себя удар и сохраняя себя в рядах партии.

Разоблаченный враг народа, бывший зав. ОРПО Ростовского обкома ВКП(б) Шацкий и его сообщники, пользуясь политической близорукостью руководителей Ростовского обкома ВКП(б), исключали из партии честных коммунистов, выносили заведомо неправильные взыскания работникам, всячески озлобляли коммунистов, делая в то же время все возможное, чтобы сохранить в партии свои контрреволюционные кадры.

В том же Ростове, бывший зав. отделом школ Ростовского обкома ВКП(б) враг народа Шестова по заданию контрреволюционной организации провела в партийной организации Ростовского педагогического института исключение из партии около 30 честных коммунистов.

Бывший секретарь Киевского обкома КП(б)У, враг народа Кудрявцев на партийных собраниях неизменно обращался к выступавшим коммунистам с провокационным вопросом: «А вы написали хоть на кого-нибудь заявление?» В результате этой провокации в Киеве были поданы политически компрометирующие заявления почти на половину членов городской парторганизации, причем большинство заявлений оказалось явно неправильным и даже провокационным.

Разоблаченное ныне вражеское руководство Баррикадного райкома ВКП(б) гор. Сталинграда провокационно исключило из партии и добилось ареста члена партии с 1917 года Мохнаткина, бывшего красного партизана, начальника одного из крупнейших цехов завода «Баррикады» за «антисоветские разговоры». Как выяснилось в результате проверки, эти «антисоветские разговоры» выражались в том, что т. Мохнаткин в беседе с товарищами высказывал недовольство по поводу бездушного отношения сельсовета к детям павшего в бою с белыми, в годы гражданской войны, командира партизанского отряда, в котором Мохнаткин был помощником командира. Тов. Мохнаткин восстановлен в правах члена партии только после вмешательства КПК при ЦК ВКП(б).

Такие факты провокационной работы врагов партии, пробравшихся в партийный аппарат, имели место также в Воронежской, Краснодарской, Челябинской и в других партийных организациях.

Все эти факты показывают, что многие наши парторганизации и их руководители до сих пор не сумели разглядеть и разоблачить **искусно замаскированного врага, старающегося криками о бдительности замаскировать свою враждебность и сохраниться в рядах партии — это во-первых,— и, во-вторых, стремящегося путем проведения мер репрессий — перебить наши большевистские кадры, посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в наших рядах.**

Такой замаскированный враг — злейший предатель — обычно громче всех кричит о бдительности, спешит как можно больше «разоблачить» и все это делает с целью скрыть свои собственные преступления перед партией и отвлечь внимание партийной организации от разоблачения действительных врагов народа.

Такой замаскированный враг — гнусный двурушник — всячески стремится создать в парторганизациях обстановку излишней подозрительности, при которой каждого члена партии, выступившего в защиту другого коммуниста, оклеветанного кем-либо, немедленно обвиняют в отсутствии бдительности и в связях с врагами народа.

Такой замаскированный враг — подлый провокатор — в тех случаях, когда парторганизация начинает проверять поданное на коммуниста заявление, всячески создает провокационную обстановку для этой проверки, сеет вокруг коммуниста атмосферу политического недоверия и тем самым, вместо объективного разбора дела, организует на него поток новых заявлений.

Партийные организации и их руководители вместо того, чтобы вскрыть и разоблачить провокационную работу такого замаскированного врага, нередко идут у него на поводу, создают ему обстановку безнаказанности за клевету на честных коммунистов и сами встают на путь массовых необоснованных исключений из партии, наложений взысканий и т. п. Больше того, даже после разоблачения врагов, пробравшихся в партийный аппарат и клевещущих на честных коммунистов, наши партийные руководители часто не принимают мер к ликвидации последствий вредительства в партийных организациях в отношении неправильных исключений коммунистов из партии.

Пора всем партийным организациям и их руководителям разоблачить и до конца **истребить замаскированного врага,** пробравшегося в наши ряды и старающегося фальшивыми криками о бдительности скрыть свою враждебность и сохранить себя в партии, чтобы продолжать в ней свою гнусную предательскую работу.

Чем объяснить, что наши партийные организации до сих пор не разоблачили и не заклеймили не только карьеристов-коммунистов, старающихся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, но и замаскированных врагов внутри партии, старающихся криками о бдительности скрыть свою враждебность и сохраниться в партии, старающихся путем проведения мер репрессий перебить наши большевистские кадры и посеять излишнюю подозрительность в наших рядах?

Объясняется это преступно-легкомысленным отношением к судьбе членов партии.

Всем известно, что многие наши партийные руководители оказались политически-близорукими делягами, позволили врагам народа и карьеристам обойти себя и легкомысленно отдали на откуп второстепенным работникам разрешение вопросов, касающихся судеб членов партии, преступно устранившись от руководства этим делом.

Обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий и их руководители не только не исправляют антипартийную, чуждую большевизму практику в деле исключения коммунистов из партии, но часто сами, своим неправильным руководством, насаждают формальное и бездушно-бюрократическое отношение к членам партии и тем самым создают благоприятную обстановку для карьеристов-коммунистов и замаскированных врагов партии.

Не было ни одного случая, чтобы обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий, разобравшись в деле, осудили практику огульного, валового подхода к членам партии, привлекли к ответственности руководителей местных партийных организаций за необоснованное и неправильное исключение коммунистов из партии.

Руководители партийных организаций наивно считают, что исправление ошибок в отношении неправильно исключенных может подорвать авторитет партии и повредить делу разоблачения врагов народа, не понимая, что каждый случай неправильного исключения из партии — на-руку врагам партии.

Во многих областных и краевых организациях лежит без всякого движения большое количество нерассмотренных апелляций. В Ростовской области не рассмотрено более 2500 апелляций, в Краснодарском крае — 2000, Смоленской области — 2300, Воронежской области — 1200, Саратовской области — 500 и т. д.

Обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий, отказавшись от рассмотрения апелляций исключенных, превратили, вопреки уставу партии, решения райкомов и горкомов ВКП(б) по этому вопросу в безапелляционные и окончательные решения.

Все это означает, что обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий по существу устранились от руководства деятельностью местных партийных организаций в самом важном и остром вопросе, в вопросе о судьбах членов партии, предоставив решение этого вопроса самотеку, а часто и произволу.

Обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий сами поощряют практику массовых, огульных исключений из партии тем, что оставляют безнаказанными тех партийных руководителей, которые допускают произвол в отношении коммунистов.

Пора покончить с чуждым для большевиков формальным и бездушно-бюрократическим отношением к людям, к членам партии.

Пора понять, что:

«Партия стала для члена партии очень большим и серьезным делом и членство в партии или исключение из партии — это большой перелом в жизни человека».

Пора понять, что:

«Для рядовых членов партии пребывание в партии или исключение из партии,— это вопрос жизни и смерти» (Сталин).

Пора понять, что существо большевистской бдительности состоит в том, чтобы уметь разоблачать врага, как бы хитер и изворотлив он ни был, в какую бы тогу он ни рядился, а не в том, чтобы без разбора, или «на всякий случай» исключать десятками и сотнями из партии всех, кто попадется под руку.

Пора понять, что большевистская бдительность не только не исключает, а наоборот, предполагает умение проявлять максимум осторожности и товарищеской заботы при решении вопросов об исключении из партии или о восстановлении исключенных в правах членов партии.

Пленум ЦК ВКП(б) требует от всех партийных организаций и их руководителей всемерного повышения большевистской бдительности партийных масс, разоблачения и выкорчевывания до конца всех вольных и невольных врагов партии.

Пленум ЦК ВКП(б) считает важнейшим условием успешного разрешения этой задачи — ликвидацию без остатка антипартийной практики огульного, неиндивидуального, валового подхода к людям, к членам партии.

Пленум ЦК ВКП(б) **постановляет:**

1. Обязать обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий и все партийные организации решительно покончить с массовыми, огульными исключениями из партии и установить на деле индивидуальный, дифференцированный подход при решении вопросов об исключении из партии или о восстановлении исключенных в правах членов партии.

2. Обязать обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий снимать с партийных постов и привлекать к партийной ответственности тех партийных руководителей, которые не выполняют директив ЦК ВКП(б), исключают из партии членов и кандидатов ВКП(б) без тщательной проверки всех материалов и допускают произвол по отношению к членам партии.

3. Предложить обкомам, крайкомам, ЦК нацкомпартий и партколлегиям КПК при ЦК ВКП(б) в трехмесячный срок закончить рассмотрение апелляций всех исключенных из партии.

4. Обязать все партийные комитеты в своих постановлениях об исключении коммунистов из партии ясно и точно излагать мотивы, послужившие основанием к исключению, чтобы вышестоящие партийные органы имели возможность проверить правильность этих постановлений, а каждое такое постановление райкома, горкома, обкома или ЦК нацкомпартии обязательно публиковать в печати.

5. Установить, что партийные органы, восстанавливая в правах членов партии неправильно исключенных местными парторганизациями, обязаны в своих постановлениях точно указывать, какой райком, горком ВКП(б) должен выдать восстановленному в партии партийные документы.

6. Обязать райкомы, горкомы партии немедленно выдавать партийные документы восстановленным в партии, привлекать их к участию в партийной работе и разъяснять всем членам первичных парторганизаций, что они отвечают за большевистское воспитание восстановленных в рядах ВКП(б).

7. Обязать партийные организации привлекать к партийной ответственности лиц, виновных в клевете на членов партии, полностью реабилитировать этих членов партии и публиковать в печати свои постановления в тех случаях, когда предварительно в печати были помещены дискредитирующие члена партии материалы.

8. Запретить парторганизациям заносить в учетную карточку коммуниста факт исключения его из партии до рассмотрения апелляционной жалобы и вынесения окончательного решения об исключении.

9. Запретить неправильную, вредную практику, когда исключенных из ВКП(б) немедленно снимают с занимаемой ими должности.

Установить, что во всех случаях, когда оказывается необходимым, в связи с исключением из ВКП(б), освободить работника от занимаемой должности, это освобождение можно производить только после предоставления ему другой работы.

10. Обязать обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий не позже чем к 15 февраля 1938 г. обеспечить через соответствующие советские и хозяйственные органы поступление исключенных из ВКП(б) на работу и впредь не допускать такого положения, чтобы исключенные из ВКП(б) оставались лишенными работы.

1-я СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР

Речь председателя Совнаркома СССР депутата В. М. Молотова

(Депутаты устраивают продолжительную овацию Председателю Совнаркома СССР товарищу Молотову. Все встают, раздаются возгласы: «Председателю Совнаркома товарищу Молотову ура!». Бурные аплодисменты, возгласы: «Ура!»).

Товарищи, мы обсуждаем сейчас большой вопрос, поскольку дело касается нашей Конституции, нашего Основного закона. Представленные на ваше утверждение решения Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о некоторых изменениях и дополнениях к отдельным статьям Конституции касаются, главным образом, организационно-административных вопросов, но они вносят изменения в административное деление внутри нескольких союзных республик, касаются общесоюзного государственного аппарата и затрагивают жизненные интересы народов Союза.

В докладе тов. Горкина и в выступлениях представителей республик уже достаточно освещены вопросы, касающиеся административного деления и создания ряда новых областей в РСФСР, Украине, Узбекистане, Казахстане и Белоруссии. Я остановлюсь на вопросах, связанных с работой общесоюзных органов и с созданием новых общесоюзных наркоматов.

По первой Конституции Союза, принятой в 1924 году, у нас было создано 12 наркоматов и Государственная Плановая Комиссия. С тех пор многое изменилось в жизни страны, размах государственной работы на много увеличился. Приняв решения, которые представлены теперь на утверждение Верховного Совета, мы будем иметь в составе Совета Народных Комиссаров руководителей 26 наркоматов, комитетов и постоянных комиссий, включая Госплан и Комиссию Советского Контроля. Кроме того, при Совете Народных Комиссаров существует еще 9 общегосударственных организаций, которые непосредственно ему подчинены. Во всем этом нашли свое отражение не только громадный рост народного хозяйства и культурного строительства, но также и рост задач военной обороны страны и соответствующая всему этому потребность большей дифференциации в государственном руководстве, неизбежно требующая новых организационных форм.

Насколько быстро растет наше хозяйство и насколько расширяются наши задачи в этом отношении, видно хотя бы из следующего. Прошло немного больше года со времени утверждения нашей Конституции VIII Всесоюзным Съездом Советов, а мы уже стоим перед необходимостью проведения ряда новых организационно-административных мер как в союзных республиках, так и в общесоюзном государственном аппарате.

Всем известно, какой большой путь прошла за эти годы наша индустрия. В особенности это относится к тяжелой промышленности, которая шла впереди всех других отраслей народного хозяйства. В результате этого Наркомтяжпром, до выделения из него машиностроения, сделался непомерно большой организацией с огромным количеством быстро развивающихся отраслей индустрии. Даже теперь, когда из Наркомтяжпрома уже выделено машиностроение и создан Народный Комиссариат Машиностроения, даже теперь Наркомтяжпром — самый крупный промышленный наркомат, наркомат, дающий колоссальное количество и при том весьма разнообразной продукции.

Нельзя не согласиться с тем, что быстро растущее машиностроение, в дальнейшем ускоренном развитии которого так заинтересованы все отрасли народного хозяйства, можно в теперешних условиях правильно организовать только при помощи специального наркомата. За это говорят следующие цифры. Если взять только период двух пятилеток — первой и второй пятилетки,— то только за это время, то-есть с 1928 года, машиностроение выросло в Советском Союзе в 13,5 раза. А вы знаете, что потребности технической реконструкции еще далеко не удовлетворены, что эти потребности продолжают быстро расти. В сущности, мы имеем уже два крупных комиссариата машиностроительного типа. Прежде всего, надо сказать о Народном Комиссариате Оборонной Промышленности,— это также, главным образом, машиностроительный комиссариат. Он создан еще при принятии нашей Конституции, немного больше, чем год тому назад, но он уже нагружен работой, так сказать, до отказу. Он дает нужные машины и оборудование для Красной Армии и Флота и производит немалое количество другой, преимущественно машиностроительной, продукции. Нам пришлось, однако, создать специальный наркомат машиностроения, так как наши потребности в технике, в машинах, в станках не ограничены. Напомню еще, что и другие общесоюзные и союзно-республиканские наркоматы, а также наркоматы местной промышленности производят немалое количество машин и разного оборудования. Ведущее место в проведении дальнейшей технической реконструкции в нашей стране принадлежит теперь Наркоммашу, созданному несколько месяцев тому назад. Мы думаем, что Верховный Совет одобрит решение о создании Наркоммаша. **(Аплодисменты).**

Второй наркомат, о котором идет речь в предложениях, представленных на утверждение Верховного Совета,— Народный Комиссариат Заготовок.

Уже в теперешнем виде Комитет Сельско-Хозяйственных Заготовок при СНК Союза ССР — организация наркоматского типа в полном смысле этого слова. У него есть свои республиканские органы, краевые и областные, а также и

районные органы. На деле это большой общесоюзный наркомат, которому, как вы знаете, работы хватает.

Рост задач в области заготовок связан с подъемом нашего сельского хозяйства. Возьмем факты, относящиеся к росту сельскохозяйственных заготовок за период первой и второй пятилеток, точнее говоря, за последние девять лет. За этот период заготовки зерна выросли в 2,5 раза; заготовки как сахарной свеклы, так и картофеля, увеличились в два раза; заготовки хлопка выросли в три раза.

Теперь, когда наши урожаи начали быстро идти вверх, так как колхозный строй приносит уже свои первые зрелые плоды, когда колхозы и совхозы встали уже на ноги, они покажут себя по-настоящему в росте всей сельскохозяйственной, и в том числе животноводческой, продукции. **(Аплодисменты).**

Колхозы начали уже успешно осуществлять великую задачу создания зажиточной жизни колхозников. Крепкие колхозы и зажиточные колхозники — быстрый рост этого рода фактов идет на наших глазах. Такие колхозы сумеют еще лучше обеспечить и государственные нужды. Заготовки основных продуктов, которыми снабжается население, которыми снабжается наша промышленность, которые нужны для многих важнейших потребностей государства,— это такое дело, которое с каждым днем растет, становится все более серьезным. Организация дела заготовок на громадной территории Союза — сложное, большое дело. В этом деле у нас еще немало крупных недостатков. Скорейшее улучшение дела организации заготовок в интересах всего государства и в интересах самого сельского хозяйства, в интересах колхозов и колхозников. Нужен наркомат, который бы наладил это дело по-настоящему, который улучшил бы свой местный и центральный аппарат, который отвечал бы за выполнение всего дела заготовок. Этим объясняется предложение о создании Наркомзага.

Теперь перейду к Государственному банку.

Наш Государственный банк — это уже громадная организация, равной которой ни в одном государстве нет в этой области. Госбанк имеет во всех республиках, краях и областях и почти во всех районах свои учреждения. Это — громадный, разветвленный аппарат нашей финансовой системы. Его работа имеет первостепенное значение для развития народного хозяйства, в особенности для развития торговли, для развертывания товарооборота, для снабжения промышленными и продовольственными товарами как города, так и деревни. Вместе с ростом народного хозяйства, вместе с быстрым ростом потребностей трудящихся города и деревни, растут и задачи Государственного банка.

Из нескольких цифр мы можем видеть, что произошло за последние годы в этой области.

Обороты Государственного банка, если брать только расчеты Госбанка с народным хозяйством, без внутрибанковских расчетов, выросли за последние восемь лет в 13 раз. В 1928—29 году эти расчеты Госбанка с народным хозяйством составляли сто семьдесят шесть миллиардов шестьсот шестьдесят два миллиона двести девятнадцать тысяч рублей (176.662.219.000 руб.), а в 1936 году они составили два триллиона сто пятнадцать миллиардов семьсот девяносто три миллиона восемьсот восемьдесят шесть тысяч рублей (2.115.793.886.000 руб.).

Так вырос масштаб работы Государственного банка.

Государственный банк считается у нас по традиции, по-старинке, одной из организаций внутри Наркомата Финансов, как будто он не имеет самостоятельного значения, как будто он не является самостоятельной кредитно-финансовой организацией. На деле это, конечно, далеко не так.

С другой стороны, масштаб работы самого Народного Комиссариата Финансов в огромной мере вырос и продолжает расти с каждым годом. Об этом красноречиво говорят данные о бюджете нашего государства.

Если взять наш бюджет в целом, то-есть включая союзный, вместе с республиканскими и местными бюджетами, то получим такую картину. В 1928—1929 году этот наш бюджет был 7,5 миллиардов рублей, а в истекшем 1937 году он уже достиг, по предварительным подсчетам, 101 миллиарда рублей, то-есть вырос за эти 9 лет в 13 раз. **(Аплодисменты).**

Если бы у нас не было такого быстрого роста государственного, республиканского и местного бюджетов, если бы не было такого быстрого роста кредитных оборотов Государственного банка, о которых мы сейчас говорим, у нас не могло бы расти такими быстрыми темпами наше хозяйство, наше культурное строительство и не могла бы так быстро укрепляться оборона страны, как это мы имеем за все эти последние годы.

Государственный бюджет и финансовые обороты Государственного банка, как зеркало, отражают то, что у нас происходит в стране Советов, в простых цифрах, правда, цифрах довольно солидных, довольно внушительных, довольно авторитетных.

Из этого надо сделать, товарищи, некоторые организационные выводы. Мы, как будто, не собираемся сокращать обороты Государственного банка, а хотим их дальнейшего роста. Мы, как будто, не собираемся сокращать и наш бюджет, а хотим идти вперед по испытанному пути, финансируя должным образом растущие потребности государства, обеспечивая еще лучше растущие потребности населения. Поэтому возникает вопрос о том, чтобы придать бо́льшую самостоятельность такой важной финансовой организации, как Государственный банк. Этим вызывается необходимость отделить Государственный банк от Народного Комиссариата Финансов, придать ему необходимую самостоятельность, а, значит, и возложить на него бо́льшую ответственность за руководство кредитным делом в Союзе, подчинив Госбанк непосредственно Совнаркому и предоставив его руководителю решающий голос в Совете Народных Комиссаров, на правах Народного Комиссара. Все это позволяет рассчитывать на то, что Верховный Совет одобрит наше предложение, как правильное, как своевременное. **(Аплодисменты).**

Затем, о создании еще одного нового наркомата, о создании Народного Комиссариата Военно-Морского Флота. Нельзя не признать, что это и весьма важный, и весьма назревший вопрос. У нас теперь 4 военно-морских флота: Балтийский, Черноморский, Северный и Тихоокеанский. Кажется, не мало для одной страны, тем более, что наши морские флоты имеют непосредствен-

нее отношение и к некоторым океанам. Но по-настоящему взяться за строительство морского флота мы смогли только в последние годы. И Балтийский, и Черноморский, и Северный, и Тихоокеанский флоты начали уже расти так, как полагается для Советской великой державы. Они усиленно пополняются новыми единицами, пока более мелкими, а вот достроим некоторые новые заводы,— которые постараемся построить поскорее! — и начнем пополнять наши флоты быстрее и притом мощными морскими единицами. **(Бурные аплодисменты).**

Мы должны считаться с тем, что страна наша большая, что она омывается морями на громадном протяжении, и это нам всегда напоминает о том, что флот у нас должен быть крепкий, сильный. **(Бурные аплодисменты).** Об этом же нам напоминают и капиталистические державы тем, что за последние годы они развернули громадное военно-морское строительство. Мы не думаем оставаться равнодушными к этому факту, тем более, что империалистические державы никак не могут договориться насчет хоть некоторых ограничений гонки в военно-морском строительстве. Например, такая агрессивная держава, как Япония, до сих пор отказывается от какого либо участия в ограничении морских вооружений. До сих пор, несмотря на всякие международные конференции,— напомним хотя бы Лондонскую конференцию 1936 года по вопросам ограничения морских вооружений,— для морских вооружений нашего дальневосточного соседа — Японии — ограничений никаких нет. Разве мы не должны учесть этот факт? Очевидно, вы скажете, что это обстоятельство мы должны как следует учесть в нашей работе. **(Аплодисменты).**

Вот другой факт. Несмотря на формальное участие в Лондонской конференции 1936 года, фашистская Италия также, по всяким несерьезным мотивам, отказалась подписать какое либо соглашение с другими странами об ограничении морских вооружений. А ведь Италия теперь претендует на то, чтобы бесконтрольно хозяйничать во всем Средиземном море, что не может не затрагивать крупнейших интересов Советского Союза. Разве мы не должны учесть и этот факт в наших решениях? **(Аплодисменты).**

Говорят, что фашистская Германия подписала морское соглашение, но мы еще должны посмотреть, чего стоит эта подпись. **(Смех, аплодисменты).**

Во всяком случае, все говорит за то, что нам нужно иметь сильный военно-морской флот. **(Аплодисменты).**

Мы считаем так: главное, чтобы был крепок и могуч наш государственный корабль, а он, как мы знаем, крепок и все больше крепнет. **(Бурные аплодисменты).** Наш советский строй могуч и хочет быть еще могущественнее, хочет быть неприступным для врагов. **(Бурные, продолжительные аплодисменты).** Из этого мы делаем вывод, что нам нужна сильная Красная Армия и нам нужен сильный военно-морской флот. **(Продолжительные аплодисменты).** У могучей Советской державы должен быть соответствующий ее интересам, достойный нашего великого дела, морской и океанский флот. **(Продолжительные аплодисменты).**

Для того, чтобы организовать этот флот с его сложным техническим оснащением, с его мощной морской артиллерией, с его соответствующей достоинству советского флота морской авиацией **(бурные аплодисменты)** и для того, чтобы воспитать по-советски многочисленные кадры квалифицированных моряков и морских техников, нужен новый наркомат, нужен Наркомат Военно-Морского Флота. **(Аплодисменты).**

Именно потому, что выросла наша Красная Армия, что и здесь нужна громадная повседневная работа по дальнейшему ее укреплению, по ее дальнейшему техническому оснащению, нужна значительно лучшая работа по большевистскому воспитанию преданных родине красноармейцев и командиров, именно потому, что руководство всем этим делом в Красной Армии имеет перед собой громадные задачи, а военно-морской флот требует специального, и притом усиленного к себе внимания, мы считаем необходимым, наряду с Наркоматом Обороны, иметь Наркомат Военно-Морского Флота. **(Бурные, продолжительные аплодисменты).**

Наша задача — поднять еще выше дело обороны сухопутных границ и морских берегов Советского Союза. Надеемся, что наши моряки с честью выполнят свою задачу, а Наркомморфлот настойчиво и без устали будет работать над созданием сильного советского военного морского флота. **(Продолжительные аплодисменты).**

Наконец, товарищи-депутаты, еще несколько слов по поводу одного из предложений, вносимых на ваше утверждение,— а именно о дополнении статьи 49-й Конституции. Дело идет о том, чтобы дополнить эту статью указанием на право Президиума Верховного Совета решать вопрос о введении военного положения там, где это будет нужно.

Вы знаете, что на Советский Союз за последние годы никто извне не нападал, хотя и не было недостатка в разного рода провокациях со стороны империалистических агрессоров. Не было поэтому и потребности в указанных мероприятиях и в особых решениях по этому поводу. И все же мы должны предвидеть кое-что насчет возможных осложнений. Поэтому, мне кажется, предложение, которое вносится по этому вопросу, вам понятно и вполне приемлемо. **(Дружные аплодисменты).**

Вот, товарищи, вопросы, на которых я должен был остановиться в связи с изменениями в Конституции.

У нас хорошая советская Конституция, и поэтому народ назвал ее Сталинской Конституцией. **(Бурные, долго несмолкаемые аплодисменты, все встают, возгласы «Ура!», «Да здравствует товарищ Сталин!»).**

Жизнь все же, своим чередом, идет вперед. Наша страна растет со дня на день и требует новых организационных форм. Этим и вызываются изменения и дополнения, вносимые в нашу Конституцию. Это необходимо. Это соответствует тому, что растет, крепнет и совершенствуется наш советский строй.

Во всем этом мы видим силу и значение того дела, которое теперь в наших руках, в руках трудящихся,— во всем этом мы видим великое значение и могучую силу дела Ленина — Сталина! **(Бурные, продолжительные аплодисменты, все встают, возгласы «Ура!», «Да здравствует товарищ Сталин!», «Да здравствует товарищ Молотов!»).**

Доклад председателя Мандатной Комиссии депутата Щербакова А. С.

Товарищи депутаты, Мандатная Комиссия, избранная Советом Союза на основании 50 статьи Конституции СССР, проделала для проверки полномочий депутатов Совета Союза следующую работу:

Мандатная Комиссия проверила все представленные Центральной Избирательной Комиссией избирательные документы и материалы на каждого депутата. Так, например, в соответствии с требованием статьи 44, пункт «в» Положения о выборах в Верховный Совет СССР, Мандатная Комиссия Совета Союза проверила наличие протоколов регистрации кандидатов в депутаты, проверила также наличие протоколов голосования, счетных листов.

Мандатная Комиссия, после проверки документов и материалов на каждого депутата, установила, что выборы депутатов в Совет Союза по всем 569 избирательным округам проведены на основе и в соответствии с Конституцией СССР и Положением о выборах в Верховный Совет.

Мандатная Комиссия установила также, что никаких поводов для кассирования выборов по какому-либо округу не имеется, так же как не имеется и никаких жалоб и заявлений как в делах окружных избирательных комиссий, принятых Мандатной Комиссией Совета Союза от Центральной Избирательной Комиссии, так и жалоб и заявлений в Центральную Избирательную Комиссию, ставящих под сомнение выборы депутатов в Совет Союза по какому-либо округу.

Перехожу к характеристике состава депутатов Совета Союза.

По 569 избирательным округам выбрано 569 депутатов Совета Союза.

Вот данные о партийном составе депутатов. Среди депутатов Совета Союза членов Всесоюзной Коммунистической партии 461, или 81 проц. и беспартийных 108, или 19 проц. Первый вывод, вытекающий из этих данных, тот, что наша Коммунистическая партия пользуется величайшим авторитетом и доверием советского народа **(бурные продолжительные аплодисменты)**, доверием, которое наша партия завоевала преданностью делу трудящихся, своей мудрой политикой, обеспечившей победу трудящимся над всеми врагами. Это величайшее доверие и нашло свое выражение в том, что 81 проц. депутатов Совета Союза является членами большевистской партии.

Второй вывод это тот, что партия за эти годы сумела воспитать огромное число непартийных большевиков, честных, преданных делу Ленина — Сталина, пользующихся авторитетом у народа. Многие из числа беспартийных избраны депутатами в Верховный Совет СССР.

Оглашаю данные о социальном составе депутатов Совета Союза.

У нас имеются данные по 546 депутатам. В числе депутатов Совета Союза рабочих 247 человек, или 45,3 проц.; крестьян 130, или 23,7 проц.; служащих и советской интеллигенции 169, или 31 проц. Из числа рабочих 201 работают на партийной, советской, хозяйственной, военной и общественной работе.

Среди рабочих, выдвинутых на руководящую партийную, государственную и иную работу, большую часть составляют те, которые прошли горнило гражданской войны и социалистического строительства. Наряду с этим к руководящей работе поднялись многочисленные кадры, которые совсем недавно работали у станка. Представителем этой группы является самый молодой в мире член высшего органа государственной власти, а также самый молодой в мире заместитель директора крупного предприятия Родниковского текстильного комбината — 19-летняя ткачиха Клавдия Федоровна Сахарова. **(Аплодисменты.)**

Все депутаты Совета Союза, работающие на производстве, являются стахановцами. Известно, что значительная группа инициаторов стахановского движения — Стаханов, Кривонос и другие выросли в крупных хозяйственных работников.

Замечательная работа депутата Гудова поставила вопрос о возможности резкого увеличения программы не только по заводу, на котором он работает, но и по всему машиностроению.

В Совете Союза широко представлен победоносный рабочий класс, «совершенно новый, освобожденный от эксплоатации, рабочий класс, подобного которому не знала еще история человечества». (Сталин.)

Из числа крестьян — 79 работают на партийной, советской, военной, хозяйственной и других работах.

Крестьяне-колхозники, депутаты Совета Союза, работающие в сельском хозяйстве, все являются стахановцами и знатными людьми социалистических полей. Среди крестьян-депутатов Совета Союза 25 — председатели колхозов.

Депутаты Совета Союза колхозники являют собой яркую иллюстрацию к словам товарища Сталина, что «советское крестьянство — это совершенно новое крестьянство, подобного которому еще не знала история человечества».

Из общего числа депутатов Совета Союза — служащих и советской интеллигенции 169. Из них на партийной работе находятся 32 человека, на советской — 78, на военной — 24 и т. д.

В число советской интеллигенции входят: 9 академиков, 6 профессоров, научные работники, писатели, артисты. И здесь опять мы встречаем имена людей, которых знает не только наша страна, но и другие страны — академиков Комарова, Байкова, Баха, профессора Бурденко, писателей Шолохова и Алексея Толстого, народных артистов Москвина, Корчагину-Александровскую и других.

Товарищи, Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик вобрал в себя все самое передовое и самое активное, что есть в советском народе. Достаточно сказать, что среди депутатов Совета Союза 242 депутата или 42,5 проц. являются орденоносцами. **(Аплодисменты).**

18 депутатов являются Героями Советского Союза. **(Продолжительные аплодисменты).**

Ленин и Сталин неоднократно указывали на то обстоятельство, что в народных массах таится неисчерпаемый источник талантливых руководителей и организаторов. Эти таланты капитализм мял и душил. Советский строй открыл широкую дорогу талантливым людям из народа.

Растут, крепнут не по дням, а по часам новые кадры талантливых организаторов и вовлекаются партией в дело управления нашей огромной страной.

Товарищ Сталин сказал: «Наше общество состоит исключительно из свободных тружеников города и деревни — рабочих, крестьян, интеллигенции».

Этими словами товарищ Сталин выразил все величие победы рабочего класса и нашей партии за эти годы.

Социальный состав депутатов Совета Союза ярко иллюстрирует эту всемирно-историческую победу.

Депутатами Совета Союза являются: русские, украинцы, евреи, белоруссы, грузины, узбеки, татары, казахи, армяне, азербайджанцы, латыши, чуваши, поляки, немцы, мордвины, греки, таджики, киргизы, туркмены, удмурты, башкиры, болгары, кара-калпаки, кабардинцы, якуты, чеченцы, марийцы, ненцы, эстонцы.

В этом олицетворяется сталинское содружество народов Советского Союза. **(Бурные продолжительные аплодисменты. Возгласы: «Да здравствует дружба советских народов!». Аплодисменты).**

Велики достижения нашей партии в области взаимоотношений между народами Советских Социалистических Республик.

Кому неизвестно, что царская Россия была тюрьмой народов? Кому неизвестно, что в царской России целые народы вымирали из года в год от жесточайшей эксплоатации, от туберкулеза, трахомы и водки.

И вот нет больше тюрьмы народов, есть дружная семья различных национальностей. Коммунистическая партия обеспечила новую жизнь всем народам нашей социалистической родины.

Победа социализма зиждется на братстве народов Советского Союза, и одним из решающих успехов Советского Союза является нерушимая дружба народов страны Советов. **(Бурные аплодисменты).**

Среди депутатов Совета Союза женщин — 77. Ни в каком буржуазном парламенте никогда не было и нет такого количества женщин. **(Бурные аплодисменты).**

Ленин писал: «Во всех цивилизованных странах, даже самых передовых, положение женщин таково, что не даром их называют домашними рабынями. Ни в одном капиталистическом государстве, даже самой свободной республике, нет полного равноправия женщин». (Ленин, т. XXIII, стр. 285).

Только в нашей стране полностью и безоговорочно воплощены в жизнь законы, дающие женщинам право избирать и быть избранными наравне с мужчинами. **(Бурные аплодисменты).**

Среди женщин депутатов Совета Союза вы найдете наших знатных стахановок-работниц, овладевших техникой производства и показывающих образцы социалистического отношения к труду, таких, как депутат Матрена Кузьминична Симонженкова. Среди депутатов-женщин вы найдете известных всей стране колхозниц таких, как депутат Прасковья Ивановна Ковардак, среди них вы найдете крупных партийных и советских работников, хозяйственников, представителей советской интеллигенции.

Среди депутатов Совета Союза, имеющих высшее и незаконченное высшее образование — 110 человек; имеющих среднее и незаконченное среднее образование — 168. Таким образом, почти половина депутатов Совета Союза имеют высшее и среднее образование.

Возраст депутатов Совета Союза таков: до 20 лет — 5 человек, от 21 до 25 лет — 34 чел., от 26 до 30 лет — 73 чел., от 31 до 35 — 134 чел., от 36 до 40 лет — 140 чел., от 41 и выше — 183 чел.

Эти цифры показывают, что большая часть депутатов в возрасте не старше 40 лет.

Для того, чтобы закончить характеристику состава депутатов Совета Союза, я должен еще отметить два факта.

Первый факт. 12 декабря советский народ выбрал в Совет Союза группу работников НКВД. **(Шумные аплодисменты).** Этим самым советский народ еще и еще раз одобрил деятельность наших карательных органов по разгрому и уничтожению врагов народа, подлых предателей — троцкистско-бухаринских наймитов японо-германского фашизма. **(Шумные аплодисменты всего зала, возгласы с мест: «Да здравствует товарищ Ежов!»).**

Второй факт. 12 декабря советский народ полностью одобрил политику партии и правительства, направленную на создание могучей, любимой народом Красной Армии. **(Бурные аплодисменты).**

Избирая в Совет Союза большую группу представителей Красной Армии — рядовых красноармейцев, командиров, политработников, руководителей Красной Армии, советский народ на весь мир заявил: Красную Армию любим безгранично, Красную Армию крепили и будем крепить, ибо Красная Армия охраняет наш мирный труд, стоит на страже наших границ. **(Шумные, продолжительные аплодисменты).**

Товарищи депутаты, 12 декабря 1937 года из общего количества 94.138.159 избирателей по СССР приняли участие в выборах депутатов в Верховный Совет СССР 91.113.153 человека, что составляет 96,8 проц. к числу избирателей. По всем избирательным округам при выборах в Совет Союза за кандидатов блока коммунистов и беспартийных голосовали 89.844.271 избиратель, что составляет 98,6 проц. всего числа участвовавших в голосовании. **(Шумные аплодисменты).**

Эти цифры свидетельствуют о полной победе блока коммунистов и беспартийных, блока, который выковывался за годы советской власти, за годы ожесточенной борьбы со всеми врагами рабочих и крестьян.

Советский народ, единодушно проголосовал за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, выразил полное одобрение внутренней и международной политике Советского Правительства, выразил безграничное доверие партии Ленина — Сталина. **(Шумные продолжительные аплодисменты).**

Советский народ, единодушно проголосовав за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, продемонстрировал несокрушимое моральное и политическое единство и могущество советского общества, продемонстрировал горячую и безграничную любовь к тому, под чьим руководством трудящиеся страны Советов построили социализм,— к товарищу Сталину. **(Бурные продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают. Возгласы с мест: «Да здравствует товарищ Сталин! Ура!»).**

Несокрушимое политическое и моральное единство, которое проявил советский народ при вы-

борах в Верховный Совет, показало всему миру, что враги народа внутри страны остались в жалком одиночестве, что народ их изолировал и ненавидит, что народ их уничтожит до последнего.

Своим единодушным голосованием советский народ выявил свою волю добиться окончательной победы — построить коммунизм, а также заявил на весь мир о готовности отстоять свою социалистическую родину от любых врагов.

В этом смысле выборы являются ответом на происки фашистских агрессоров против СССР, против дела мира.

Наша партия добилась того, что сплотила советское общество в несокрушимую силу. Трудящиеся, руководимые партией Ленина — Сталина, непобедимы. Нет преград, нет такой силы в мире, которая могла бы задержать победное шествие советского народа к коммунизму. **(Бурные аплодисменты. Возгласы с мест: «Да здравствует товарищ Сталин! Ура!» Бурные аплодисменты. Возгласы: «Ура!» Аплодисменты переходят в овацию).**

Товарищи депутаты! В результате проверки полномочий депутатов Совета Союза Мандатная Комиссия Совета Союза приняла следующее решение, которое и выносит на ваше рассмотрение.

Проверив все представленные Центральной Избирательной Комиссией избирательные документы и материалы по выборам в Совет Союза в отдельности на каждого депутата, Мандатная Комиссия Совета Союза устанавливает:

1. Выборы депутатов в Совет Союза по всем 569 избирательным округам проведены на основе и в полном соответствии с Конституцией СССР и Положением о выборах в Верховный Совет СССР.

2. Никаких оснований для кассирования выборов по какому-либо избирательному округу, а также никаких жалоб и заявлений по выборам депутатов Совета Союза на нарушение Конституции и Положения о выборах как по избирательным округам, так и в Центральной Избирательной Комиссии не имеется.

На основании изложенного, Мандатная Комиссия Совета Союза признает правильность полномочий всех депутатов Совета Союза, зарегистрированных в Центральной Избирательной Комиссии, список которых опубликован в газете «Известия» от 15 декабря 1937 года в № 291. **(Бурные аплодисменты).**

Доклад председателя Мандатной Комиссии депутата Нурпеисова Садык

Товарищи депутаты Совета Национальностей, Мандатная Комиссия Совета Национальностей на основании статьи 50-й Конституции СССР проверила полномочия депутатов, избранных в Совет Национальностей, и представляет свой доклад на утверждение Сессии Совета Национальностей.

В стране было создано всего 574 избирательных округа по выборам в Совет Национальностей. В этих избирательных округах были зарегистрированы кандидаты блока коммунистов и беспартийных.

574 кандидата блока коммунистов и беспартийных оказались избранными в Совет Национальностей Верховного Совета СССР. **(Бурные аплодисменты).**

Товарищи депутаты, в обращении Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) ко всем избирателям, рабочим, работницам, крестьянам и крестьянкам, к Красной Армии, к советской интеллигенции говорилось: «Партия большевиков выступает на выборах в **блоке,** в **союзе** с беспартийными рабочими, крестьянами, служащими, интеллигенцией. Зарегистрированные в избирательных округах кандидаты в депутаты Верховного Совета,— как коммунисты, так и беспартийные,— выдвинуты общими собраниями рабочих и служащих по заводам, собраниями красноармейцев по воинским частям, собраниями колхозников и единоличников по селам — на основе избирательного союза коммунистов и беспартийных. Эти кандидатуры единодушно поддержаны многочисленными митингами трудящихся по избирательным округам и участкам...

...День 12 декабря 1937 года должен стать днем великого праздника единения трудящихся всех народов СССР вокруг победного знамени Ленина — Сталина». **(Бурные аплодисменты, возгласы: «Да здравствует наш Сталин, «ура!»).**

12 декабря 1937 года народы нашей многонациональной родины опустили избирательные бюллетени за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, т. е. отдали свои голоса лучшим своим представителям, большевикам — партийным и непартийным.

Вся страна голосовала за партию большевиков, за великого вождя многонационального Советского Союза — товарища Сталина. **(Депутаты, стоя, приветствуют товарища Сталина бурными аплодисментами. Со всех концов зала несутся возгласы на национальных языках в честь товарища Сталина).**

Товарищи депутаты, Мандатная Комиссия Совета Национальностей, рассмотрев документы в отдельности на каждого депутата, установила, что все 574 депутата избраны в Совет Национальностей правильно, в полном соответствии с Конституцией СССР и Положением о выборах в Верховный Совет СССР.

Союз Советских Социалистических Республик — государство многонациональное. В своем докладе о проекте Конституции Союза ССР на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов товарищ Сталин следующим образом разъяснил необходимость создания Совета Национальностей:

«У нас имеется верховный орган, где представлены **общие** интересы всех трудящихся СССР независимо от их национальности. Это — Совет Союза. Но у национальностей СССР кроме общих интересов имеются еще **свои особые, специфические** интересы, связанные с их национальными особенностями. Можно ли пренебрегать этими специфическими интересами? Нет, нельзя. Нужен ли специальный верховный орган, который бы отражал эти именно специфические

интересы? Безусловно нужен. Не может быть сомнения, что без такого органа невозможно было бы управлять таким многонациональным государством, как СССР. Таким органом является вторая палата, Совет Национальностей СССР».

Наличие двух палат Верховного Совета СССР — Совета Союза и Совета Национальностей — является наглядным подтверждением величайшей победы и правильного разрешения в нашей стране национальной политики.

Совет Национальностей является подлинным детищем ленинско-сталинской национальной политики. **(Бурные аплодисменты всего зала).** Только в нашей стране, в стране социализма, только на базе социалистических побед многомиллионные и многонациональные массы Советского Союза имели возможность избрать Совет Национальностей, призванный отражать особые, специфические интересы трудящихся различных национальностей СССР, связанные с их национальными особенностями.

Вот кого советский народ послал в Совет Национальностей Верховного Совета СССР:

русские — 146, украинцы — 34, белоруссы — 15, азербайджанцы — 34, грузины — 33, армяне — 30, туркмены — 17, узбеки — 26, таджики — 16, казахи — 24, киргизы — 17, татары — 15, евреи — 15, немцы — 9, калмыки — 9, осетины — 9, удмурты — 7, коми — 8, буряты — 8, марийцы — 6, башкиры — 6, якуты — 6, чеченцы — 5, мордовцы — 5, черкесы — 5, кабардинцы — 4, чуваши — 4, ненцы — 4, молдаване — 5, каракалпаки — 4, абхазцы — 5, карелы — 4.

В Совете Национальностей представлены также другие национальности, как ойроты, карачаи, балкары, кумыки, ингуши, эвенки, хакассы, таты, чехи, курды, ногайцы, авары, лаки, лезгины, латыши, вепсы, болгары, аджарцы, туземные евреи, иранцы и др.

Всего в составе Совета Национальностей Верховного Совета СССР представлены 54 народности. **(Многочисленные возгласы на различных национальных языках в честь товарища Сталина. Все встают, бурные аплодисменты всего зала).**

Социальный состав депутатов Совета Национальностей следующий: рабочих — 218, в том числе работающих на руководящей государственной и общественной работе — 152; крестьян — 200, в том числе работающих на руководящей государственной и общественной работе — 100; служащих и интеллигенции — 156.

Состав депутатов Совета Национальностей по полу: всего депутатов — 574, из них мужчин — 464, или 81 проц., женщин — 110, или 19 проц.

Возрастной состав депутатов Совета Национальностей: до 20 лет — 8, от 21 до 25 лет — 50, от 26 до 30 лет — 114, от 31 до 35 лет — 158, от 36 до 40 лет — 115, от 41 до 50 лет — 102, от 51 до 60 лет — 20 и старше 60 лет — 7 человек.

Состав депутатов Совета Национальностей по партийности: коммунистов 409 — 71 проц., беспартийных 165—29 проц.

Состав депутатов Совета Национальностей по характеру выполняемой ими работы: партийных работников — 88, советских работников — 161, хозяйственных работников — 34, работников общественных организаций — 31, рабочих, работающих на производстве — 70, колхозников — 97, из советской интеллигенции — 52, военных работников — 41.

Сталинская Конституция — самая демократическая Конституция в мире — дала возможность выдвинуть в Совет Национальностей большое количество рабочих, колхозников и интеллигенции.

Среди депутатов Совета Национальностей имеется 8 паровозных машинистов, 8 комбайнеров, 9 бригадиров тракторных бригад, трактористов и т. д.

Среди депутатов Совета Национальностей имеется 28 председателей передовых колхозов, 25 бригадиров и звеньевых колхозов, 15 заведующих товарными фермами колхозов.

Трудящиеся союзных и автономных республик, автономных областей и национальных округов избрали в Совет Национальностей большое количество беспартийных рабочих, колхозников и представителей советской интеллигенции. Так, среди депутатов Совета Национальностей три четверти колхозников являются беспартийными. Около одной трети депутатов Совета Национальностей из советской интеллигенции также являются беспартийными.

Советский строй впервые в истории человечества принес раскрепощение женщине. Перед советской женщиной открылась широкая дорога ко всем областям знаний, производства и общественной деятельности. К общественной жизни в нашей стране в результате победы ленинско-сталинской национальной политики приобщены громадные массы трудящихся женщин ранее отсталых и угнетаемых национальностей, всегда находившихся в особо тяжелых условиях. Среди депутатов Совета Национальностей мы имеем 110 женщин. Этот факт красноречиво говорит о наших огромных успехах в борьбе за раскрепощение женщин национальных республик и областей, в борьбе за вовлечение женщин в дело управления государством.

Избрано депутатами работниц — 16, колхозниц — 40, женщин из советской интеллигенции — 21. Большое количество женщин депутатов из среды хозяйственных работников — 23 проц., а также работников общественных организаций — 23 проц.

Среди женщин депутатов Совета Национальностей почти две трети составляют беспартийные.

Товарищи депутаты, в своем обращении ко всем избирателям, рабочим и работницам, крестьянам и крестьянкам, к Красной Армии, к советской интеллигенции Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), призывая всех избирателей нашей страны голосовать за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, указывал, что «партия большевиков вправе надеяться, что избиратели будут единодушно голосовать за кандидатов блока коммунистов и беспартийных».

Результаты выборов в Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик являются ярчайшим свидетельством морально-политического единства советского народа, его сплоченности вокруг партии Ленина—Сталина. **(Бурные аплодисменты. Все встают. Раздаются возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин!», «Да здравствует ленинско-сталинская национальная политика!», «Великому Сталину — ура!»).**

Победа на выборах достигнута под руководством славной коммунистической партии, возглавляемой гением человечества, великим Сталиным

(бурные аплодисменты, все депутаты встают) в результате беспощадной борьбы со всеми троцкистско-зиновьевскими, бухаринскими, рыковскими и националистскими агентами японо-германского фашизма.

Победа блока коммунистов и беспартийных на выборах Верховного Совета СССР отражает также безграничную поддержку и любовь многонациональных и многомиллионных народов великого Советского Союза к славным органам Наркомвнудела и их боевому сталинскому наркому Николаю Ивановичу Ежову **(все депутаты встают; бурные аплодисменты)**, беспощадно выкорчевывающим остатки фашистских банд в нашей стране.

Единодушно голосуя за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, граждане СССР голосовали за партию большевиков, за вдохновителя и организатора наших побед великого Сталина. **(Бурные аплодисменты. Все депутаты встают. Возгласы: «Да здравствует первый депутат Верховного Совета товарищ Сталин!»).**

Товарищи депутаты, Верховному Совету — высшему органу власти нашей страны — предстоит решать важнейшие вопросы государственного строительства великого Советского Союза.

Посылая своих депутатов в верховный орган государственной власти, советский народ оказал высокое доверие нам, своим избранникам. Но мы никогда не должны забывать, что обязанность депутата — это беззаветное служение своему народу, великому делу Ленина — Сталина. **(Бурные аплодисменты. Все депутаты встают. Раздаются возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин!», «Да здравствует железный нарком товарищ Ежов! Ура!», «Да здравствует маршал Советского Союза товарищ Ворошилов!»).**

«Депутат,— говорит товарищ Сталин,— должен знать, что он слуга народа, его посланец в Верховный Совет и он должен вести себя по линии, по которой ему дан наказ народом». Мы, депутаты, гордые честью, оказанной нам великим советским народом, должны всегда помнить эти замечательные слова товарища Сталина **(бурные аплодисменты, все встают)** и своей практической деятельностью оправдать доверие своих избирателей.

Товарищи депутаты Совета Национальностей, Мандатная Комиссия Совета Национальностей, избранная вами 12 января 1938 года, представляет на утверждение Сессии Совета Национальностей следующие свои предложения о результатах проверки полномочий депутатов Совета Национальностей по 574 избирательным округам.

Проверив все представленные Центральной избирательной комиссией избирательные документы и материалы по выборам в Совет Национальностей в отдельности на каждого депутата, Мандатная Комиссия Совета Национальностей устанавливает:

1. Выборы депутатов Совета Национальностей по всем 574 избирательным округам проведены на основе и в полном соответствии с Конституцией СССР и Положением о выборах в Верховный Совет СССР.

2. Никаких оснований для кассирования выборов по какому-либо избирательному округу, а также никаких жалоб и заявлений по выборам депутатов Совета Национальностей на нарушение Конституции и Положения о выборах как по избирательным округам, так и в Центральной Избирательной Комиссии не имеется.

На основании изложенного, Мандатная Комиссия Совета Национальностей признает правильность полномочий всех депутатов Совета Национальностей, зарегистрированных в Центральной Избирательной Комиссии, список которых опубликован в газете «Известия» от 15 декабря 1937 года за № 291. **(Бурные аплодисменты).**

Речь депутата А. А. Жданова

Товарищи депутаты Верховного Совета! Заявление, оглашенное здесь председательствующим от имени Совета Народных Комиссаров, подписанное Председателем Совета Народных Комиссаров Вячеславом Михайловичем Молотовым, о сложении правительством полномочий, находится в полном соответствии с нашим Основным Законом — Конституцией СССР.

Я думаю, что выражу общее мнение всех депутатов Верховного Совета, если скажу, что Верховный Совет единодушен в своем выражении доверия Совету Народных Комиссаров.

(Присутствующие в зале встают, бурно аплодируют, аплодисменты переходят в овацию, возгласы «Ура!»).

Голоса с мест: Да здравствует депутат Верховного Совета Вячеслав Михайлович Молотов! **(Бурные аплодисменты, возгласы «Ура!»).**

Товарищи! Народные массы нашей великой родины, пославшие нас в качестве своих избранников в Верховный Совет Советского Союза, на выборах 12 декабря единодушно отдали свои голоса за поддержку той политики, которую проводило и проводит Советское Правительство, за политику ленинско-сталинской партии и советской власти, за последовательное проведение этой политики как во внешних, так и во внутренних делах на благо нашей великой родины. **(Бурные аплодисменты).**

Я вношу предложение о том, чтобы поручить Вячеславу Михайловичу Молотову представить в Верховный Совет свои предложения о составе правительства — Совета Народных Комиссаров Союза ССР.

(Все присутствующие встают, бурные аплодисменты, аплодисменты переходят в овацию, возгласы: «Ура!»).

Товарищи, в связи с обсуждением вопроса об образовании правительства — Совета Народных Комиссаров Союза ССР — я хотел бы сделать несколько замечаний о деятельности некоторых Наркоматов. Видимо дело обстоит так, что отдельные дефекты и теневые стороны имеются у ряда наших Наркоматов.

Я взял слово, как депутат Ленинграда. Может быть нам, работникам с мест, не все ясно и не

все понятно в деятельности наших Наркоматов, но, говорят, со стороны кое-что виднее.

Я хотел бы сказать несколько слов о деятельности Народного Комиссариата Иностранных Дел.

Товарищи, я думаю, у нас нет разных мнений по поводу того, что НКИД под руководством нашего Советского Правительства проводит последовательную политику мира и что наш уважаемый Нарком Максим Максимович Литвинов имеет огромные заслуги в деле проведения мирной политики Советского государства. **(Бурные аплодисменты, все депутаты встают).**

У меня есть несколько вопросов, касающихся практической деятельности НКИД, по которым я хотел бы получить разъяснение.

Первый вопрос, по которому мне хотелось бы получить разъяснения: у нас, в Ленинграде имеется очень большое количество консулов различных иностранных держав. У нас, в Ленинграде почти каждая иностранная держава имеет своего консула. При этом я должен сказать, что часть из этих консулов явно выходит за рамки своих полномочий и обязанностей и ведет себя непозволительно, занимаясь подрывной деятельностью против народа и страны, в которой они представлены.

Известно также, что СССР в этих странах не имеет равного количества консулов. У меня возникает вопрос, почему это так? Почему НКИД допускает такое положение, при котором количество консулов, представляющих иностранные державы в СССР, не равно, а больше количества консулов, представляющих СССР в иностранных державах. Не вытекает ли из силы и мощи нашей великой социалистической державы равенство консульских представительств как наших в заграничных странах, так и иностранных? **(Аплодисменты).**

Перехожу ко второму вопросу, по которому я хотел бы получить некоторое разъяснение. Я думаю, что НКИД следовало бы быть порешительнее в отношении наглых, хулиганских и провокационных выходок агентов Японии и так называемого марионеточного Манчжоу-Го. **(Бурные аплодисменты).**

Товарищи, наблюдая за развитием наших отношений на Дальнем Востоке, все мы видим, что редко проходят дни, когда на наших восточных границах не произошла бы какая-либо очередная провокационная вылазка со стороны агентов Японии и так называемого Манчжоу-Го.

Об этом говорит, хотя бы, последний факт совершенно незаконного и грубого нарушения и попирания общепризнанных норм права и общения между народами — факт провокационного задержания нашего гражданского самолета, который вез пассажиров и почту. Насколько нам известно,— до сих пор действенных мер в отношении возвращения самолета и грузов, которые в нем находились, не принято.

Мне кажется, общественное мнение всех трудящихся нашей страны единодушно в том, чтобы по линии нашей дипломатии были приняты действенные меры к такому урегулированию отношений на нашей восточной границе, которые мы сделали невозможными, раз и навсегда, какие-либо провокационные выходки со стороны хулиганствующих агентов японского империализма. **(Шумные одобрения).**

Затем, товарищи, я не понимаю, что творится сейчас во Франции.

Как понять положение, когда правительство страны, с которой мы — СССР — находимся в довольно тесных отношениях и с которой у нас, как будто бы, происходит сближение, допускает на своей территории существование организаций, проповедующих и организующих терроризм против СССР?

Говорят, что это делается на основании закона о праве убежища для иностранцев. Мне кажется, что это не так. Мне кажется, что факт существования на французской территории, на территории государства, с которым мы находимся в нормальных отношениях, с которым мы имеем пакт о взаимной помощи,— факт существования такого рода организаций представляет собой не что иное, как специальное и заведомое поощрение активной враждебной деятельности всяких мерзавцев, русского и не русского происхождения, со стороны правительства, с которым мы имеем пакт о взаимной помощи.

И мы здесь должны спросить, существует этот пакт или не существует, есть ли на деле этот пакт или нет? И я бы хотел, чтобы Председатель Совета Народных Комиссаров СССР обратил внимание на эти дефекты и принял соответствующие меры для их устранения. **(Аплодисменты).**

Товарищи, я хотел бы сказать также несколько слов о деятельности одного комиссариата, имеющего большое значение для нашего народного хозяйства. Я имею в виду Народный Комиссариат Водного Транспорта.

Как будто у нас на юге Советского Союза еще не закрыта навигация. Я имею в виду Каспийское море, а равно и другие моря и реки, расположенные на юге нашего Советского Союза. А в то же самое время, когда смотришь на деятельность Народного Комиссариата Водного Транспорта, получается такое впечатление, что вообще все и везде замерзло. Как будто замерзли реки, моря и океаны, омывающие наш Советский Союз. **(Аплодисменты. Смех).**

Я хочу сказать о том, что транспортные средства, находящиеся в ведении Народного Комиссариата Водного Транспорта, используются крайне неудовлетворительно. Аварии, на рост которых неоднократно обращали внимание Наркомвода и Правительство, и партия, и советская общественность, эти аварии продолжают оставаться бичом водного транспорта. Убыточность, которая сопутствовала деятельности Наркомвода в 1936 г. и объяснялась им всякого рода ссылками на различные объективные условия, как например, на мелководье 1936 г., эта убыточность не имела тенденции к снижению и в 1937 г., как будто во всех отношениях благоприятном для навигации как по морям, так и по рекам Советского Союза.

Я должен обратить внимание на тот факт, что перевозки нефти, которые имеют такое огромное значение для народного хозяйства нашей страны, находятся сейчас в таком положении, что из Баку вместо 12 тыс. тонн ежедневной погрузки нефтяных продуктов на север грузится сейчас только 4 тыс. тонн, несмотря на вполне достаточное количество тяги и тоннажа. Это вынуждает возвращать нефть обратно в нефтяные

амбары для хранения, так как Наркомвод не принимает ее к погрузке.

Я хотел бы обратить внимание на крайне неудовлетворительное состояние с делом выдвижения и подготовки молодых кадров на водном транспорте. Об этом очень много говорит наша советская общественность, много пишет наша печать.

Товарищи, мы народ терпеливый, но надо с той мели, на которой сидит Наркомвод в течение нескольких лет, слезать побыстрее **(смех)**, и пойти если уж не самым полным, то, во всяком случае, и не тем тихим ходом, которым Наркомвод ведет корабли нашего водного транспорта. Необходимо в этом отношении преодолеть спокойствие и благодушие, которое в значительной степени свойственно нашему наркомату и его руководству, и предупредить, что если так дело будет продолжаться с положением водного транспорта, то общественное терпение может лопнуть, и если дело к следующей сессии не будет поправлено, как бы и раньше не прокуковала кукушка в отношении руководства Народного Комиссариата Водного Транспорта. **(Смех).**

Я не требую немедленного снятия Народного Комиссара, но думаю, что Верховный Совет должен в этом отношении предупредить Народный Комиссариат Водного Транспорта о необходимости работать значительно лучше, чем он работает до настоящего времени.

Есть еще одна отрасль советской работы, имеющая чрезвычайно важное значение. Я имею в виду советское искусство. Известно, какое огромное значение имеет советское искусство для нашего народа. Известно, что развитие советского искусства связано с удовлетворением растущих культурных потребностей трудящихся нашей страны. Все знают, что этот рост советского искусства находится в тесной связи с победой социализма, который представляет неограниченные возможности для роста и развития всех человеческих потребностей и для их удовлетворения.

В соответствии с ростом культурных потребностей идет в искусстве рост молодых дарований. Все мы являемся свидетелями того, каким пышным цветом расцветают в нашей стране молодые дарования и таланты. Советская власть, советское правительство окружают наше искусство во всех союзных республиках неослабным вниманием и заботой. Я думаю, что по этому поводу мне нет нужды распространяться — это всем ясно.

В этих условиях Комитет по делам искусств при Совете Народных Комиссаров СССР должен был развернуть настоящую работу и использовать исключительно благоприятную обстановку для развития советского искусства, чтобы делать действительно большие дела.

А если взять руководство Комитета по делам искусств и председателя Комитета — товарища Керженцева, как оно сейчас выглядит, то я не знаю, может быть, это руководство чувствуется в каких-либо городах, краях, областях и союзных республиках нашего Советского Союза, но мы в Ленинграде этого руководства не ощущаем. **(Смех).**

Взять хотя бы вопрос относительно идейной выдержанности репертуара. Всем памятна история с постановкой антиисторической и политически двурушнической пьесы «Богатыри», в которой была организована настоящая издевка над историей русского народа. Известно недавнее постановление о ликвидации театра Мейерхольда — чуждого советскому искусству. Непонятно, однако, почему Комитет по делам искусств и его руководитель товарищ Керженцев в течение такого долгого времени допускали существование у себя под боком, в Москве, театра, который своим кривлянием и трюкачеством пытался опошлить пьесы классического репертуара, не создал ни одной настоящей советской пьесы, разложил актерский коллектив театра и в то же самое время находился под неусыпной поддержкой Комитета по делам искусств, который все время ему предоставлял широкие государственные субсидии? Разве это не свидетельствует о том, что руководство Комитета по делам искусств находится в неудовлетворительном состоянии.

Я хотел бы еще указать на недавно имевший место факт, когда в связи с конкурсом пианистов председатель Комитета товарищ Керженцев отвел от участия в конкурсе ряд молодых музыкантов без всяких к тому оснований, только в связи с тем, что некоторые из этих музыкантов имели когда-то, где-то дальних родственников, не вполне выдержанных в политическом отношении, и за грехи этих очень отдаленных родственников, из которых многие умерли много десятков лет тому назад, товарищ Керженцев склонен был взыскать с этих молодых талантливых людей и на этом основании не допустить их к участию в конкурсе.

Что это — руководство или пародия на руководство,— вправе мы спросить.

Не так давно председатель Комитета по делам искусств товарищ Керженцев пытался закрыть отделение национальных кадров при Московской консерватории. Это закрытие подготовлялось вопреки неоднократным указаниям Советского Правительства о всемерной поддержке дела развития национальных кадров в искусстве.

Я думаю, что этих фактов достаточно для того, чтобы спросить: нужен ли нам такой председатель Комитета по делам искусств и кто он такой — руководитель Комитета по делам искусств или коммивояжер? **(Смех).** Незадачливый у нас председатель Комитета по делам искусств! **(Голоса: Правильно. Аплодисменты).**

Я думаю, что мы можем обеспечить такое руководство делом искусств в нашей стране, которое бы вполне соответствовало значению и содержанию этой большой и славной задачи.

Я полагаю, что Председатель Совета Народных Комиссаров учтет мои критические замечания в дальнейшей работе Совета Народных Комиссаров с тем, чтобы эти дефекты в деятельности отдельных народных комиссариатов были исправлены. **(Аплодисменты).**

Речь депутата С. В. Косиора

Товарищи депутаты, я, как и предыдущие ораторы, целиком уверен в том, что мы все единодушно вынесем полное доверие нашему правительству — Совету Народных Комиссаров и товарищу Молотову, который его возглавляет. **(Аплодисменты.)**

Я не хочу повторять того, о чем здесь говорили выступавшие до меня депутаты, но считаю своим долгом с этой трибуны кое-что сказать об одном центральном учреждении, которое здесь не упоминалось, но отрицательная работа которого, мне кажется, особенно видна у нас на Украине. Я имею в виду Комитет заготовок, который в настоящее время, по-моему совершенно правильно, преобразуется в Народный Комиссариат. Я имею в виду работу руководителя этой организации тов. Кольцова.

Еще совсем недавно нам пришлось выкинуть из Комитета заготовок целую банду вредителей, которых набралось не мало и на местах.

Всем еще памятны недавно проведенные процессы над вредителями, которые портили хлеб, продукты и пускали на ветер государственное достояние.

Обстоятельства требовали принятия со стороны правительства самых решительных мер для оздоровления системы, заготовляющей продукты, системы, которая обязана безукоризненно хранить эти продукты и развозить их по стране.

Я знаю, что Совнарком Союза со своей стороны принял ряд мер, ряд решений, которые должны были и могли обеспечить улучшение работы Комитета заготовок.

Я знаю, что во главе этого учреждения был поставлен местный работник — тов. Кольцов, человек, который долго работал в заготовительной системе и который как будто бы должен был хорошо знать заготовительное дело.

И мы все, работники на местах, рассчитывали, что с приходом тов. Кольцова начнется настоящая, подлинная борьба за то, чтобы выправить дела во всей системе Комитета заготовок. Но все мы жестоко ошиблись. На протяжении всей деятельности тов. Кольцова мы не видим никакой, сколько-нибудь значительной, сколько-нибудь заметной работы по ликвидации последствий вредительства.

А между тем, вопрос идет об очень важной для нас организации. Вы подумайте сами, какие колоссальнейшие — миллионные достояния находятся в руках Комитета заготовок: мы собираем сотни миллионов пудов хлеба, огромное количество мяса, заготавливаем много других продуктов. Все это государственное добро мы должны беречь. Мы должны беречь каждую копейку, каждый пуд, каждую тонну. К сожалению настоящей, решительной борьбы за улучшение, за поднятие работы в системе Комитета заготовок, как этого требует правительство, мы не видим.

Из бесед с товарищами из других республик я знаю, что и у них дело обстоит не лучше, а кое-где, говорят, даже хуже. Присматриваясь к работе Комитета заготовок, мы видим, что там не только нет никакого улучшения, а наоборот, я бы сказал, дело продолжает разваливаться. Никакого улучшения нет потому, что то бумажное руководство, которое применяется Комитетом заготовок, ни к чему хорошему привести не может. При таком положении дело двигаться вперед не будет.

Вот несколько примеров. Возьмем такой вопрос, как хранение хлеба.

В этом году хлебопоставки мы закончили рано. Казалось бы, что в январе весь хлеб должен находиться уже на складах в полной сохранности и хорошо обеспечен укрытиями. Что же мы видим на самом деле? На Украине в ряде пунктов колхозники сейчас привозят хлеб по закупкам и сдают натуроплату, а хлеб принимать некуда, так как сплошь и рядом склады забиты, часть хлеба лежит под открытым небом, крыши складов протекают. До каких же пор это будет продолжаться?!

После того, как хлебопоставки кончаются, хлеб вывозится в те места и районы, где он должен храниться для потребления. От нас вывозится много хлеба, но сплошь и рядом вывозится из таких мест, где он мог бы полежать, и, наоборот, не вывозится из тех мест, где он лежать не может. Путаница в этом отношении прямо невероятная. Я должен сказать, что если бы Комитет заготовок работал лучше, энергичнее, я бы сказал добросовестнее, мы бы и склады нашли. Нельзя сказать, чтобы в этом отношении мы были так бедны. А между тем, хлеб хранится плохо, порядка на складах нет. И это происходит, несмотря на то, что мы на местах принимаем меры для того, чтобы помочь заготовительной системе работать лучше. Я знаю, что и здесь, в центре, принимались меры, чтобы помочь Комитету заготовок.

Но в Комитете заготовок возмутительный беспорядок и совершенно нетерпимое бумажное, бюрократическое руководство. Комитет заготовок работает плохо.

Я не могу здесь умолчать о таком вопросе, как состояние государственного и сельского мукомолья. В свое время был принят ряд мер к тому, чтобы навести порядок в мукомольной системе — на наших государственных мельницах — где дело обстоит очень плохо, где допускается немало безобразий и портится много добра. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что за 3 месяца целиком положение исправить нельзя, но все же какое то течение воды должно было бы быть. К сожалению этого нет.

Безобразия на мельницах такие же, какие были и 3 месяца тому назад. Все наши попытки, попытки местных работников, местных организаций поправить, вытащить как-нибудь дело, упираются в бездушную бюрократическую систему, которая все, что мы пытаемся на местах сделать, сводит на нет. Я считаю, что дальше такое положение терпеть невозможно.

Вам нечего говорить о значении сельского мукомолья. Вредители тут напортили много, они привели к развалу систему местных мельниц-ветряков и простых мельниц. Казалось бы, нужно было быстро это дело выправить, но опять-таки мы не видим никакого стремления к этому со стороны Комитета заготовок.

Если взять другие отрасли работы Комитета заготовок, то мы видим здесь ту же самую картину: путаное, противоречивое бумажное руководство, отписки без конца и никакого настоящего дела, никакого серьезного стремления со

стороны тов. Кольцова выправить дело. По крайней мере мы этого на местах не видим.

Я не могу умолчать о совершенно нетерпимом положении с кадрами в системе Комитета заготовок. У нас очень много вакантных мест. Конечно, и мы, местные работники, кое за что отвечаем, но возглавляющая государственная организация и ее руководители должны заботиться о кадрах в первую очередь. Этой заботы об укомплектовании своей системы кадрами мы опять-таки не видим. Я прямо скажу, что Комитет заготовок свои кадры и сейчас разваливает, вместо того, чтобы их подтягивать. Вот как обстоит дело.

Я считаю, что по сравнению с теми недостатками, которые имеются в работе ряда наркоматов, недостатки в работе Комитета заготовок являются вопиющими.

Я считаю, что на это Председатель Совета Народных Комиссаров должен обратить очень серьезное внимание. Больше того, я считаю, что такое руководство Комитета заготовок, которое, вместо того, чтобы выправить дело, его ухудшает, не годится, его нужно сменить. **(Аплодисменты).**

Речь депутата М. Д. Багирова

Товарищи депутаты Верховного Совета! Я целиком поддерживаю предложение депутата Верховного Совета товарища Жданова о выражении полного доверия Правительству СССР — Совету Народных Комиссаров во главе с товарищем Молотовым. **(Аплодисменты).** Я поддерживаю предложение депутата товарища Жданова: поручить товарищу Молотову Вячеславу Михайловичу представить новый состав правительства — Совета Народных Комиссаров Союза ССР — на утверждение Верховного Совета.

Я также полностью присоединяюсь к критическим замечаниям депутата товарища Жданова о практической работе Народного Комиссариата Иностранных Дел. Мы, депутаты Верховного Совета, вправе требовать от Наркоминдела защищать интересы и права самой великой, самой могучей державы в мире, защищать так, как заслуживает этого наша страна. **(Аплодисменты).**

Я согласен с критическими замечаниями депутата Верховного Совета товарища Жданова по отношению к Народному Комиссариату Водного Транспорта. Товарищ Жданов говорил о положении с вывозом нефтепродуктов. Мы работаем на нефтяном участке, и наши избиратели рабочие-стахановцы, инженерно-технические работники нефтяной промышленности Азербайджана прилагают все силы, все старания, чтобы полностью, бесперебойно обеспечить нашу страну, нашу социалистическую промышленность и социалистическое сельское хозяйство жидким горючим. И если мы не можем своевременно и бесперебойно доставлять нефтепродукты в соответствующие пункты, то в этом сказывается плохая работа Народного Комиссариата Водного Транспорта, который не выполняет своих задач, несмотря на огромное внимание, оказываемое ему нашим Правительством.

Присоединяюсь также к совершенно справедливой и правильной критике со стороны депутата Верховного Совета товарища Жданова в отношении руководства Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР. Плохое руководство Комитета по делам искусств чувствуется не только в Ленинграде, но и у нас в Азербайджане, в одной из одиннадцати союзных республик.

Я хочу сказать несколько слов еще об одном Народном Комиссариате. Товарищи депутаты Верховного Совета, Сталинская Конституция — самая демократическая Конституция в мире — закрепила величайшие права граждан нашей страны. Охрана прав граждан СССР имеет исключительно важное значение. Граждане нашей страны вправе требовать от надлежащих органов охраны своих незыблемых прав и строгого соблюдения революционной законности.

В числе органов Советского государства, призванных охранять права наших граждан и стоять на страже революционной законности, особое место в нашей Сталинской Конституции отведено Народному Комиссариату Юстиции. Прошел год с лишним после принятия Чрезвычайным VIII Всесоюзным Съездом Советов Сталинской Конституции. Время вполне достаточное, чтобы перестроить коренным образом, в соответствии с Конституцией, руководство и всю работу Народного Комиссариата Юстиции.

Однако, мы имеем ряд фактов, говорящих о том, что руководство Народного Комиссариата Юстиции, в лице тов. Крыленко, с этим не справилось. Достаточно сказать, что такой важный вопрос, как отчеты народных судей перед гражданами, прошел мимо Народного Комиссариата Юстиции. Тов. Крыленко не сумел обеспечить руководство этим делом.

Кадры решают все,— говорил товарищ Сталин. Умелый подбор, выращивание, выдвижение и подготовка кадров, повышение их квалификации — все это прямая обязанность Народного Комиссариата Юстиции. Этими вопросами тов. Крыленко не занимается.

Вопросами Наркомюста тов. Крыленко занимается между прочим. Руководство Наркомюстом требует большой инициативы и серьезного отношения к себе. Если раньше тов. Крыленко большую часть своего времени уделял туризму и альпинизму,— то теперь отдает свое время шахматной игре.

Я большой сторонник максимального развития всех видов спорта в нашей стране, в том числе и туризма, и альпинизма, и шахмат. Но я никак не могу согласиться с малейшим ослаблением руководства и работы такого важнейшего Комиссариата, как Народный Комиссариат Юстиции, и с таким несерьезным отношением тов. Крыленко к работе возглавляемого им Наркомата.

Нам нужно все же узнать — с кем мы имеем

дело в лице тов. Крыленко — с альпинистом или с наркомом Юстиции? **(Смех.)** Не знаю, кем больше считает себя тов. Крыленко, но Наркомюст он, бесспорно, плохой.

Я уверен, что товарищ Молотов учтет это при представлении нового состава Совета Народных Комиссаров Верховному Совету.

Я убежден, что депутаты Верховного Совета, при утверждении состава Совета Народных Комиссаров, поддержат такое руководство Народного Комиссариата Юстиции, которое обеспечит успешное претворение в жизнь всех требований, вытекающих из нашей Сталинской Конституции. **(Аплодисменты.)**

Речь т. В. М. Молотова об образовании Правительства СССР

(Когда председательствующий предоставляет слово товарищу Молотову, все присутствующие в зале встают, бурно аплодируют. Аплодисменты переходят в овацию, овация длится несколько минут. Несутся возгласы с мест: «Ближайшему соратнику товарища Сталина — товарищу Молотову — Ура!». Бурные аплодисменты, возгласы «Ура»).

Товарищи депутаты! Верховный Совет поручил мне представить на утверждение состав Совета Народных Комиссаров. В этом своем решении Верховный Совет предложил учесть критические замечания, высказанные депутатами в ходе прений по вопросу об образовании правительства. Разумеется, из этого и будут исходить мои предложения.

Прежде чем перейти к составу Совета Народных Комиссаров, мне придется остановиться на тех критических замечаниях, которые здесь были высказаны депутатами Ждановым, Багировым и Коснором. Эти товарищи в своих речах остановились на работе ряда наркоматов, и я должен сказать, что с их критическими замечаниями Совет Народных Комиссаров целиком согласен.

Начну с вопроса о некоторых сторонах работы Народного Комиссариата Иностранных Дел. На что здесь было указано? Тов. Жданов отметил, что Верховный Совет и он, как представитель трудящихся Ленинграда, полностью поддерживают проводимую советским правительством внешнюю политику, которая нам обеспечивает мир, которая успешно защищается и практически проводится Народным Комиссариатом Иностранных Дел. Но он указал и на некоторые моменты, которые нельзя не считать теневыми сторонами в этой области.

Вот, например, вопрос об иностранных консулах в Советском Союзе.

Надо признать, что этим вопросом в должной мере мы не занимались до последнего времени. Между тем, этот вопрос заслуживает внимания и, конечно, в первую очередь внимания Наркоминдела. Действительно, в Советском Союзе оказались в избытке иностранные консульства у ряда государств, которые ничем не заслужили особого положения и преимущества по отношению к другим государствам. Некоторые из иностранных государств, и в том числе из таких, которые никак нельзя признать дружественными к Советскому Союзу, имели этих консульств гораздо больше, чем Советский Союз имел в этих государствах. Спрашивается, на каком это основании?

Правильно и то, что некоторые иностранные консулы занимались в нашей стране непозволительными делами, занимались враждебными, антисоветскими делами шпионского и вредительского характера. Дальше терпеть такое положение безусловно нельзя.

Для внесения полной ясности в этот вопрос я должен сообщить, что некоторые меры в этом отношении уже приняты. Закрыта пара японских консульств, в Новосибирске и Одессе. Закрыта также пара польских консульств, в Харькове и Тбилиси. Закрыты пять германских консульств: в Ленинграде, Харькове, Одессе, Тбилиси и Владивостоке. К 15 января это уже было осуществлено. Подлежит закрытию и ряд других консульств. Подлежит закрытию ряд консульств Италии, Ирана, Турции, Афганистана, Латвии и других стран.

Замечания тов. Жданова относительно иностранных консульств, дружно поддержанные всем Верховным Советом, Совет Народных Комиссаров полностью учтет и проведет все надлежащие меры в этом отношении в ближайшее же время. **(Аплодисменты).**

Здесь сделаны были также замечания относительно наших взаимоотношений с двумя государствами — с Японией и с Францией.

Прежде всего, насчет наших взаимоотношений с Японией и насчет поведения некоторых бесцеремонных агентов японского правительства и небезызвестного, но действительно марионеточного Манчжоу-Го.

Вы знаете, товарищи, что советскому правительству приходилось не раз протестовать против некоторых недопустимых действий со стороны японских и манчжурских властей. Никто в Советском Союзе без возмущения не может смотреть на те бесцеремонные приемы со стороны японо-манчжурских властей, которые они применяют, например, теперь в отношении одного почтового самолета гражданской авиации на Дальнем Востоке, заблудившегося в пути и случайно севшего на территории Манчжоу-Го. Ровно месяц тому назад, 19 декабря, имел место этот факт, факт захвата нашего почтового самолета, захвата двух советских людей — летчика и его помощника — и захвата многочисленной почтовой корреспонденции, имевшейся на этом самолете. Но и до настоящего времени мы не имеем никаких сообщений по этому поводу от японского правительства, несмотря на неоднократные запросы и в Токио и в Манчжоу-Го.

Советское правительство вынуждено было 16 января послать обращенную к японскому правительству ноту протеста против недопустимых и незаконных действий японо-манчжурских властей. В этой ноте мы категорически настаиваем на немедленном освобождении задержанных советских граждан и на возвращении самолета и почты, предупреждая японское правительство о

том, чтобы оно не вынудило нас встать на путь ответных репрессалий. Мы рассчитываем, что сумеем полностью обеспечить интересы Советского Союза против таких и всяких других бесцеремонных действий иностранных государств. Мы можем заверить вас, товарищи, в том, что все те меры, которые потребуются с нашей стороны, мы действительно проведем. **(Продолжительные аплодисменты).**

Несколько слов о наших взаимоотношениях с Францией. Опять-таки, нельзя не признать основательности замечаний тов. Жданова. Действительно, до настоящего момента, несмотря на наличие дружественных отношений между Советским Союзом и французской республикой, на территории Франции находят себе всяческий приют такие авантюристы и такие преступные организации, которые являются не чем иным, как змеиными гнездами террористов и диверсантов, открыто занимающихся этими своими враждебными антисоветскими делами на глазах и под покровительством французских властей. Конечно, это нельзя оправдать правом убежища для иностранцев. Спрашивается, кому нужно это поощрение всякого рода преступников, русского и нерусского буржуазного происхождения, занимающихся антисоветскими террористическими делами на французской территории и открыто подготовляющих свои преступные дела против советских деятелей, против советских органов? Почему этих господ так поощряют во Франции, и как это соответствует дружественному советско-французскому пакту? Этим вопросом безусловно придется заняться нашему Народному Комиссариату Иностранных Дел.

Верховный Совет не счел возможным пройти мимо этих возмутительных и направленных против Советского Союза фактов. Нельзя не согласиться с тем, что он имел к этому полное основание. Совнарком учтет сделанные на Сессии Верховного Совета замечания по этому вопросу и даст соответствующие указания Наркоминделу.

Здесь были затронуты также и вопросы, относящиеся к работе других народных комиссариатов.

Тов. Жданов отметил недостатки в работе Народного Комиссариата Водного Транспорта. Действительно, времени прошло не мало для того, чтобы Наркомвод принял меры и сдвинулся с мели, на которую он сел еще в позапрошлом мелководном году. Как Совнарком ни помогал Народному Комиссариату Водного Транспорта слезть с этой мели, пока нам не удалось этого добиться. Руководство Наркомвода чересчур медленно раскачивается и пока не обеспечивает должного улучшения в работе. Напомним товарищам из Наркомвода, что скоро начинается новая навигация, она начнется всего через каких нибудь два-три месяца. Это будет последнее испытание для теперешних руководителей Наркомвода. Еще не поздно, чтобы тов. Пахомов, нарком водного транспорта, исправил положение, занялся по-настоящему ремонтом судов, развернул решительную борьбу с авариями, по-настоящему взялся за ликвидацию убыточности водного транспорта, а главное — за подбор и воспитание кадров водного транспорта. Руководство Наркомвода получило здесь серьезное предупреждение, и если оно быстро не исправит свою работу, оно должно будет пенять на себя. Товарищи водники, среди которых немало хороших работников и настоящих стахановцев, должны показать свое умение исправлять недостатки и должны в 1938 году так поднять свою работу, как это полагается передовым транспортникам и настоящим строителям социализма.

Более резко здесь были подчеркнуты недостатки трех общесоюзных органов, а именно: Наркомюста, Комитета Заготовок и Комитета Искусств.

Нельзя не признать речь тов. Багирова вполне объективной. Он указал в отношении тов. Крыленко, наркома юстиции, не только на недостатки, но и на положительные стороны, когда он говорил насчет альпинизма, туризма и шахматного дела. **(Смех в зале).** Но в том-то и дело, что у наркома Юстиции были отмечены положительные стороны, но совсем не в области работы Наркомюста... А нам нужно, чтобы Наркомюст работал, как образцовый советский наркомат, на который возложены нашей Конституцией новые громадные задачи, чего, к сожалению, не понял тов. Крыленко. Очевидно, это придется учесть при утверждении состава Совета Народных Комиссаров.

Дальше — о работе Наркомзага, созданного из Комитета Заготовок. Правильно указал тов. Косиор, что, выдвигая руководителем Комитета Заготовок тов. Кольцова, имеющего немалый местный опыт, мы рассчитывали на то, что дела Комитета Заготовок значительно улучшатся. Между тем, новый руководитель не понял даже своей обязанности расчистить органы Комитета Заготовок от забравшихся туда вредителей и всякой дряни. Он не проявил никакого вкуса в этом отношении, не показал себя большевиком в работе. Следовательно, придется при утверждении состава Совета Народных Комиссаров считаться и с этим фактом.

Наконец, о Комитете Искусств. О нем здесь говорили двое из выступавших депутатов. Оба депутата критически отзывались о руководстве Комитета Искусств, но я бы сказал, что их критические замечания были минимальными. Дело с руководством Комитета Искусств у нас весьма неблагополучно. Сколько мы ни пытались помочь теперешнему руководителю — тов. Керженцеву выправить дело, сам он настоящей инициативы и понимания своих обязанностей не проявил. Значит, надо учесть и это обстоятельство при утверждении нового состава Совета Народных Комиссаров.

Вот, товарищи, те замечания, которые я должен был сделать, прежде чем перейти к оглашению состава Совета Народных Комиссаров.

Теперь разрешите перейти к составу Правительства.

Я не останавливаюсь на вопросе о Председателе Совета Народных Комиссаров, перехожу к Заместителям Председателя Совнаркома.

В настоящее время у нас два Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров, которые вместе с тем являются Народными Комиссарами. В интересах дальнейшей работы Совета Народных Комиссаров,— а работы у Совнаркома становится все больше! — я прошу о том, чтобы Заместители Председателя Совнаркома были освобождены от наркоматских постов и целиком были бы заняты работой в Совете Народных Комиссаров.

В соответствии с этим, вношу следующие предложения:

Утвердить Заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров Власа Яковлевича **Чубаря (бурные аплодисменты)**, с освобождением его от обязанностей Народного Комиссара Финансов.

Вношу, дальше, предложение — утвердить Заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров Анастаса Ивановича **Микояна (бурные аплодисменты)**, с освобождением его от обязанностей Народного Комиссара Пищевой Промышленности.

Вношу также предложение — утвердить еще одного Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров, назначив его и Председателем Комиссии Советского Контроля — Станислава Викентьевича **Косиора. (Бурные аплодисменты).**

Прошу утвердить Председателем Государственной Плановой Комиссии Николая Алексеевича **Вознесенского. (Аплодисменты).**

Народным Комиссаром по Иностранным Делам — Максима Максимовича **Литвинова. (Аплодисменты).**

Народным Комиссаром Внутренних Дел — Николая Ивановича **Ежова. (Продолжительные аплодисменты).**

Народным Комиссаром Обороны — Климента Ефремовича **Ворошилова. (Бурные, продолжительные аплодисменты, все встают, по залу прокатывается могучее «ура товарищу Ворошилову!», «Да здравствует товарищ Ворошилов!»).**

Народным Комиссаром Военно-Морского Флота — Петра Александровича **Смирнова. (Аплодисменты).**

Народным Комиссаром Тяжелой Промышленности — Лазаря Моисеевича **Кагановича. (Бурные, продолжительные аплодисменты, возгласы: «Да здравствует товарищ Каганович!», «Ура товарищу Кагановичу!». Все встают).**

Народным Комиссаром Машиностроения — Александра Давидовича **Брускина. (Аплодисменты).**

Народным Комиссаром Оборонной Промышленности — Михаила Моисеевича **Кагановича. (Аплодисменты).**

Народным Комиссаром Пищевой Промышленности — Абрама Лазаревича **Гипинского. (Аплодисменты).**

Народным Комиссаром Легкой Промышленности — Василия Ивановича **Шестакова. (Аплодисменты).**

Народным Комиссаром Лесной Промышленности — Михаила Ивановича **Рыжова. (Аплодисменты).**

Народным Комиссаром Путей Сообщения — Алексея Венедиктовича **Бакулина. (Аплодисменты).**

Народным Комиссаром Водного Транспорта — Николая Ивановича **Пахомова. (Аплодисменты).**

Народным Комиссаром Связи — Матвея Давидовича **Бермана. (Аплодисменты).**

Народным Комиссаром Земледелия — Роберта Индриковича **Эйхе. (Аплодисменты).**

Народным Комиссаром Совхозов — Тихона Александровича **Юркина. (Аплодисменты).**

Народным Комиссаром Заготовок — Михаила Васильевича **Попова. (Аплодисменты).**

Народным Комиссаром Финансов — Арсения Григорьевича **Зверева. (Аплодисменты).**

Народным Комиссаром Торговли — Михаила Павловича **Смирнова. (Аплодисменты).**

Народным Комиссаром Внешней Торговли — Евгения Денисовича **Квялева. (Аплодисменты).**

Народным Комиссаром Юстиции — Николая Михайловича **Рычкова. (Аплодисменты).**

Народным Комиссаром Здравоохранения — Михаила Федоровича **Болдырева. (Аплодисменты).**

Председателем Государственного Банка — Алексея Петровича **Гричманова. (Аплодисменты).**

Председателем Комитета по делам Высшей Школы — Сергея Васильевича **Кафтанова. (Аплодисменты).**

Председателем Комитета по делам искусств — Алексея Ивановича **Назарова. (Аплодисменты).**

Товарищи, мне нет необходимости давать отдельные пояснения о руководителях наркоматов, имена которых я здесь огласил. Вы и без того их хорошо знаете.

Совету Народных Комиссаров, который будет вами утвержден, предстоит большая работа, предстоит решение еще более сложных задач, чем было до сих пор. Растет наше дело, растут и наши задачи.

Мне пришлось уже говорить о критических замечаниях, которые были сделаны депутатами в отношении отдельных наркоматов. Нельзя не признать, что за работу наркоматов отвечает Совнарком, а поэтому должно быть ясно, что критические замечания о работе наркоматов относятся в известной мере и к самому Совнаркому. Сделанные замечания должны быть учтены всеми наркоматами и Правительством в целом.

Критику недостатков наркоматов Совнарком рассматривает и будет рассматривать, как помощь и поддержку в его работе. Из этой критики мы должны сделать вывод — значит, Совнарком должен еще больше и значительно лучше помогать более слабым наркоматам, усилить свой контроль в отношении их работы, во-время заменять не отвечающих делу руководителей.

Руководители, стоящие на высоких государственных постах, не должны предаваться самомнению или самодовольству, должны серьезно прислушиваться к критике, должны совершенствоваться в работе. Самомнение, выражающееся в таком представлении: «я высоко стою и потому я все вижу и все знаю»,— мы должны осудить, как политическую близорукость, как чванство, как бюрократизм.

Лучше будет, товарищи, если мы будем помнить замечательные слова товарища Сталина, сказанные им недавно на приеме металлургов и горняков:

> «Быть руководителем в советских условиях — значит удостоиться высокой чести и доверия в глазах народа... Руководители приходят и уходят, а народ остается. Только народ бессмертен. Все остальное — преходяще. Поэтому надо уметь дорожить доверием народа». **(Аплодисменты).**

«Уметь дорожить доверием народа» — такова основная обязанность Совета Народных Комисса-

ров, такова основная обязанность каждого из государственных руководителей.

Выборы в Верховный Совет и окрепший за это время блок коммунистов и беспартийных открывают новую страницу в истории нашей страны, в истории социализма. Верховному Совету, избранному победоносным блоком коммунистов и беспартийных, мы должны заявить: мы, руководители — **коммунисты**, которые знают, что успех нашей работы будет тем значительнее, чем больше и чем крепче будет осуществляться наша повседневная и живая связь с многомиллионными **беспартийными** массами трудящихся. **(Аплодисменты).**

У нас в Советском Союзе сложилось невиданное раньше и не существующее в других странах, где капитализм раздирает общество на классы,— у нас сложилось на основе победы власти трудящихся моральное и политическое единство народа, потому что в нашей стране сблизились и соединились в одно целое две великие силы: народ и коммунизм. **(Бурные аплодисменты).**

Все это накладывает на нас, на руководителей, большие обязанности. Чтобы понять эти обязанности, мы должны помнить о том, что говорил товарищ Сталин на собрании избирателей Сталинского округа в Москве накануне выборов депутатов Верховного Совета. Он говорил:

«Избиратели, народ должны требовать от своих депутатов, чтобы они оставались на высоте своих задач чтобы они в своей работе не спускались до уровня политических обывателей, чтобы они оставались на посту политических деятелей ленинского типа, чтобы они были такими же ясными и определенными деятелями, как Ленин **(аплодисменты)**, чтобы они были такими же бесстрашными в бою и беспощадными к врагам народа, каким был Ленин **(аплодисменты)**, чтобы они были свободны от всякой паники, от всякого подобия паники, когда дело начинает осложняться и на горизонте вырисовывается какая-нибудь опасность, чтобы они были также свободны от всякого подобия паники, как был свободен Ленин **(аплодисменты)**, чтобы они были также мудры и неторопливы при решении сложных вопросов, где нужна всесторонняя ориентация и всесторонний учет всех плюсов и минусов, каким был Ленин **(аплодисменты)**, чтобы они были также правдивы и честны, каким был Ленин **(аплодисменты)**, чтобы они также любили свой народ, как любил его Ленин **(аплодисменты)».**

Товарищ Сталин говорил дальше о том, что депутаты «должны иметь перед собой великий образ великого Ленина и подражать Ленину во всем». **(Шумные аплодисменты).**

Товарищ Сталин предъявил эти высокие требования к депутатам Верховного Совета. Тем более все это относится к народным комиссарам и к Совету Народных Комиссаров в целом. Мы должны помнить о том, что Совет Народных Комиссаров с самого начала его образования возглавлял Ленин, и должны стремиться к тому, чтобы быть достойными учениками великого Ленина, заложившего основы всего нашего дела. **(Шумные, продолжительные аплодисменты).**

Мы хотим быть верными помощниками нашего учителя и вождя народов Советского Союза — великого Сталина. Во всех важных вопросах мы, Совет Народных Комиссаров, обратимся за советом и за указаниями к Центральному Комитету большевистской партии и, прежде всего, к товарищу Сталину. **(Шумная овация, все встают, возгласы из зала: «Да здравствует вождь великого советского народа великий Сталин!», «Вождю и учителю товарищу Сталину ура!»).**

Вы знаете, товарищи, что это и по существу и по форме соответствует нашей великой Конституции. **(Аплодисменты).**

Мы хотим быть достойными нашего социалистического народного парламента — Верховного Совета, хотим быть достойными народа, строящего своими трудовыми усилиями, самоотверженностью и творческим энтузиазмом, вопреки всем и всяким препятствиям, коммунистическое общество. **(Шумные аплодисменты).**

В заключение скажу словами товарища Сталина: «Что касается нас, членов ЦК, членов правительства, то нет у нас другой жизни, чем жизнь для нашего великого дела, чем жизнь для борьбы за всеобщее благосостояние народа, за радость для всех трудящихся, для миллионных масс». **(Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают. Приветственные возгласы по адресу товарищей Сталина и Молотова на языках братских республик и возгласы «ура» прокатываются по залу).**

Речь депутата Г. И. Петровского

Товарищи депутаты Верховного Совета! Согласно 114 статьи Конституции, которая гласит: «Прокурор СССР назначается Верховным Советом СССР сроком на семь лет»— предлагаю от имени Советов Старейшин Совета Союза и Совета Национальностей назначить Прокурором СССР тов. Вышинского Андрея Януарьевича. **(Шумные аплодисменты).**

Тов. Вышинский всем вам известен по своим выступлениям на судебных процессах против врагов народа, разоблаченных нашими славными органами Наркомвнудела под руководством Николая Ивановича Ежова. **(Продолжительные аплодисменты).**

Тов. Вышинский за большую работу по укреплению революционной законности награжден Правительством Орденом Ленина и Орденом Трудового Красного Знамени. **(Аплодисменты).**

Товарищи депутаты Верховного Совета, Сталинская Конституция ставит перед органами Прокуратуры и Суда огромные задачи. Согласно статьи 113 Конституции на Прокурора СССР возлагается «Высший надзор за точным исполнением законов всеми Народными Комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР».

Успехи социалистического строительства вызывают усиленное озлобление внутренних и внешних врагов против нашего рабоче-крестьянского государства. Товарищ Сталин был абсолютно прав, когда указывал, что пока мы бу-

дем находиться в капиталистическом окружении, враги будут всеми силами стараться нам вредить. Они будут заниматься подрывной, диверсионной работой. Это неизбежно, и мы должны об этом помнить, а органам прокуратуры особенно надо быть бдительными.

Прошедшие недавно судебные процессы над вредителями, контрреволюционными троцкистско-зиновьевскими, бухаринскими и буржуазно-националистическими шайками бандитов, этими фашистскими псами, немало навредившими в сельском хозяйстве и промышленности,— показывают, что органы прокуратуры должны еще зорче стоять на страже революционной законности, оберегать, как зеницу ока, социалистическую — государственную и кооперативно-колхозную собственность от всех врагов. «Малейшее беззаконие,— писал Владимир Ильич,— малейшее нарушение советского порядка есть уже **дыра**, которую немедленно используют враги трудящихся...»

Твердой рукой диктатуры пролетариата, острым мечом революционной законности выкорчуем до конца все вражеские гнезда, уничтожим дотла презренную, мерзкую контрреволюционную гадину, где бы она ни была.

Согласно ст. 117 Конституции «Органы прокуратуры осуществляют свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Прокурору СССР». Это очень важная статья. Она ограждает органы прокуратуры от какой бы то ни было зависимости от местных органов власти, является сильнейшим средством борьбы против местничества, произвола, своеволия, нарушения Конституции, нарушения законов. Тем более повышается ответственность прокуратуры.

Мы давно уже отошли от того времени, когда многие советы и исполкомы на местах каждый в отдельности устанавливали свои законы, против чего боролся Ленин, указывая, что «законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая» для всех советских республик.

Однако, мы не можем сказать, что на местах уже полностью искоренены такие явления. Задача органов прокуратуры и дальше вести решительную борьбу за укрепление революционной законности. Это задача большая, но благодарная, ибо нет и не было такой страны в мире, как наш Союз Советских Социалистических Республик, страна победившего социализма, где так высоко поднято человеческое достоинство, где законы на деле ограждают интересы трудящихся, всецело служат интересам всего советского народа, вырабатываются и принимаются самим народом.

Совсем не то было при старом режиме, когда царские законы, прокуратура, суд оберегали интересы частной собственности капиталистов, помещиков, кулаков, эксплоататоров и угнетателей.

Ленин о буржуазно-помещичьем суде писал, что он является «тонким орудием беспощадного подавления эксплоатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка», что это «суд чиновников с безгласными сословными представителями», в котором «подтасованные свидетели: заводское начальство, заводские сторожа, полицейские, бившие народ, солдаты, стрелявшие в рабочих. Какая гнусная комедия!»

Хорошо известны глубоко вкоренившиеся в народе старые пословицы о вопиющем бесправии народа: «до неба высоко, до царя далеко», «с сильным не борись, с богатым не судись», «правда твоя, мужичек, але полізай у мішок», «як в кармані сухо, то і в суді глухо», «не йди в суд з одним носом, а йди з приносом», «з казною судиться, то краще втопиться» — таковы были едкие русские и украинские пословицы по адресу старого суда.

В произведениях Щедрина, Чехова, Гоголя и других писателей беспощадно бичуется и едко высмеивается царский суд, бездушие чиновников-бюрократов. Вспомните рассказ Чехова «В суде», в котором описывается как судили крестьянина Николая Харламова. В этом рассказе писатель дает яркую картину старого, царского суда:

«Заседание окружного суда началось в десятом часу. К разбирательству было приступлено немедленно, с заметной спешкой. Дела замелькали одно за другим и кончались быстро, как обедня без певчих, так что никакой ум не смог бы составить себе цельного, картинного впечатления от всей этой пестрой, бегущей, как полая вода, массы лиц, движений, речей, несчастий, правды, лжи...»

Сколько тогда при старом режиме невинных человеческих жизней было обречено такими судами на гибель и несчастье!

Все это — царский суд, взяточничество, чиновничий аппарат, который ненавидел народ, вместе с царским самодержавием повергнуто врах. Вместо старого — создан новый, государственный советский аппарат, пользующийся доверием и любовью нашего советского народа. В корне изменились общественные отношения в нашей стране, вырос новый человек, проникнутый советским патриотизмом, безграничной любовью к своей социалистической родине, коммунистической партии и нашему вождю товарищу Сталину. **(Бурные аплодисменты).**

Сталинская Конституция, самая демократическая Конституция в мире,— закон всех законов — еще больше сплотила все народы СССР в единую, могучую, непобедимую семью и как маяк освещает путь трудящихся всего земного шара к коммунизму. Она во славу воспевается всеми народами Советского Союза.

Под знаменем партии Ленина — Сталина, с великой Сталинской Конституцией страна Советов пойдет к новым победам, и в могучем социалистическом государстве, я полагаю, органы прокуратуры, суда и товарищ Вышинский на посту Прокурора СССР займут подобающее им место. **(Бурные аплодисменты).**

Информационное сообщение о заседании Совета Союза 12 января 1938 г.

12 января в 4 часа дня в зале заседаний Совета Союза в Кремле состоялось открытие Сессии Совета Союза.

По предложению депутата тов. **ХРУЩЕВА Н. С.** Сессию открывает старейший депутат Совета Союза академик **Алексей Николаевич БАХ.**

После короткой речи тов. **БАХА** Совет Союза приступил к выборам Председателя и заместителей Председателя Совета Союза.

Председателем Совета Союза единогласно избран тов. **АНДРЕЕВ Андрей Андреевич;** заместителями Председателя избраны тов. **ЛЫСЕНКО Трофим Денисович** и тов. **СЕГИЗБАЕВ Султан.**

Совет Союза принял следующий регламент работы Сессии:

1. Заседания Сессии Совета Союза происходят с 11 часов утра до 3 часов дня.

2. Докладчики по вопросам порядка дня Сессии Совета Союза утверждаются Председателем Совета Союза.

3. Каждая группа депутатов Совета Союза, насчитывающая не менее 50 человек, может выставить своего содокладчика.

4. Докладчикам предоставляется для доклада 1 час и для заключительного слова — 30 минут, содокладчикам для содоклада — 30 минут, для заключительного слова — 15 минут.

5. Ораторам предоставляется слово в первый раз 20 минут и во второй раз — 5 минут.

6. Личные заявления и фактические справки вносятся в письменном виде и оглашаются Председателем Совета Союза немедленно или в конце заседания, смотря по их содержанию.

7. Внеочередные запросы вносятся в письменном виде и оглашаются Председателем Совета Союза немедленно.

8. Для слова к порядку предоставляется 5 минут.

9. По мотивам голосования предоставляется 3 минуты.

По предложению депутата тов. **ЖДАНОВА А. А.** от группы депутатов Ленинграда, Москвы, Киева и Тбилиси Совет Союза принял следующий порядок дня:

1. Выборы Мандатной Комиссии Совета Союза;
2. О постоянных комиссиях Совета Союза;
3. Внесение изменений и дополнений в некоторые статьи Конституции СССР, в связи с принятыми решениями ЦИК и СНК СССР;
4. Избрание Президиума Верховного Совета СССР —
   а) Председателя Президиума Верховного Совета СССР,
   б) Заместителей Председателя Президиума Верховного Совета СССР,
   в) Секретаря Президиума Верховного Совета СССР,
   г) Членов Президиума Верховного Совета СССР;
5. Образование Правительства СССР — Совета Народных Комиссаров СССР;
6. Назначение Прокурора СССР;
7. Об оплате расходов депутатов, связанных с выполнением их депутатских обязанностей.

Советом Союза принято постановление рассмотреть на совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей следующие пункты:

3. Внесение изменений и дополнений в некоторые статьи Конституции СССР, в связи с принятыми решениями ЦИК и СНК СССР;
4. Избрание Президиума Верховного Совета СССР;
5. Образование Правительства СССР — Совета Народных Комиссаров СССР;
6. Назначение Прокурора СССР.

Для проверки полномочий депутатов Совета Союза избрана Мандатная Комиссия в составе:

Председатель Мандатной Комиссии — товарищ **ЩЕРБАКОВ А. С.**

Члены Мандатной Комиссии:

АЛЕМАСОВ А. М.
ШАГИМАРДАНОВ Ф. В.
ХУДАЙБЕРГЕНОВ Аитбай
НИКОЛАЕВА К. И.
КОРНЕЙЧУК А. Е.
ДЮКАНОВ М. Д.
СУГОНЯКА Н. И.
УТЕГАЛИЕВ Кулжан
АРУТЮНЯН Г. А.
КУЛИЕВ Теймур Имам Кули оглы

После избрания Мандатной Комиссии первое заседание Совета Союза закрывается.

Информационное сообщение о заседании Совета Национальностей 12 января 1938 г.

12 января в 8 часов вечера в зале заседаний Совета Национальностей в Кремле состоялось открытие Сессии Совета Национальностей.

По предложению депутата тов. **ПЕТРОВСКОГО Г. И.,** Сессию открывает старейший депутат Совета Национальностей тов. **ЦХАКАЯ М. Г.**

После краткой речи тов. **ЦХАКАЯ** Совет Национальностей приступил к выборам Председателя и заместителей Председателя Совета Национальностей.

Председателем Совета Национальностей единогласно избран тов. **ШВЕРНИК Н. М.**

Заместителями Председателя избраны: тт. **АСЛАНОВА Ч. А.** и **ЛЕВИЦКИЙ А. М.**

Совет Национальностей принял следующий регламент работ Сессии:

1. Заседания Сессии Совета Национальностей происходят с 6 до 10 часов вечера.

2. Докладчики по вопросам порядка дня Сессии Совета Национальностей утверждаются Председателем Совета Национальностей.

3. Каждая группа депутатов Совета Национальностей, насчитывающая не менее 50 человек, может выставить своего содокладчика.

4. Докладчикам предоставляется для доклада один час и для заключительного слова — 30 минут; содокладчикам для содоклада — 30 минут, для заключительного слова — 15 минут.

5. Ораторам предоставляется слово в первый раз — 20 минут и во второй раз — 5 минут.

6. Личные заявления и фактические справки вносятся в письменном виде и оглашаются Председателем Совета Национальностей немедленно или в конце заседания, смотря по их содержанию.

7. Внеочередные запросы вносятся в письменном виде и оглашаются Председателем Совета Национальностей немедленно.

8. Для слова к порядку предоставляется 5 минут.

9. По мотивам голосования предоставляется 3 минуты.

По предложению депутата тов. **Булганина Н. А.** от группы депутатов РСФСР, Казахстана и Белоруссии Совет Национальностей принял следующий порядок дня:

1. Выборы Мандатной Комиссии Совета Национальностей;

2. Избрание постоянных комиссий Совета Национальностей;

3. Внесение изменений и дополнений в некоторые статьи Конституции СССР, в связи с принятыми решениями ЦИК и СНК СССР;

4. Избрание Президиума Верховного Совета СССР —

а) Председателя Президиума Верховного Совета СССР,

б) заместителей Председателя Президиума Верховного Совета СССР,

в) секретаря Президиума Верховного Совета СССР,

г) членов Президиума Верховного Совета СССР;

5. Образование Правительства СССР — Совета Народных Комиссаров СССР;

6. Назначение Прокурора СССР;

7. Об оплате расходов депутатов, связанных с выполнением их депутатских обязанностей.

Принято постановление рассмотреть на совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей следующие пункты:

3. Внесение изменений и дополнений в некоторые статьи Конституции СССР, в связи с принятыми решениями ЦИК и СНК СССР.

4. Избрание Президиума Верховного Совета СССР.

5. Образование Правительства СССР — Совета Народных Комиссаров СССР.

6. Назначение Прокурора СССР.

7. Об оплате расходов депутатов, связанных с выполнением их депутатских обязанностей.

Для проверки полномочий депутатов Совета Национальностей избрана Мандатная Комиссия в составе:

1. Председатель Мандатной Комиссии товарищ **НУРПЕИСОВ Садык** — депутат от Петропавловского городского округа, Казахской ССР.

Члены Мандатной Комиссии:

2. **ШКИРЯТОВ Матвей Федорович** — депутат от Тульско-Рязанского округа.

3. **НИКИТИН Александр Ефимович** — депутат от Кантского округа, Киргизской ССР.

4. **ПАПЯН Мацак Петросович** — депутат от Степанаванского округа, Армянской ССР.

5. **БУРМИСТЕНКО Михаил Алексеевич** — депутат от Майкопского сельского округа, Адыгейской Автономной области.

6. **ТИМОШЕНКО Семен Константинович** — депутат от Харьковского сельского округа, Украинской ССР.

7. **РАЧОК Софья Петровна** — депутат от Слуцкого сельского округа, Белорусской ССР.

8. **КУЗЕМБАЕВ Тусуп** — депутат от Карагандинского округа, Казахской ССР.

9. **ПОССЫ Курбан Нияз** — депутат от Сталинского округа, Туркменской ССР.

10. **ХОРАВА Акакий Алексеевич** — депутат от Гегечкорского округа, Грузинской ССР.

11. **ХУДАЙКУЛОВ Ибрагим** — депутат от Катта-Курганского округа, Узбекской ССР.

Далее Совет Национальностей приступил к рассмотрению вопроса о постоянных Комиссиях Совета Национальностей.

Предложение об образовании Комиссии Законодательных предположений вносит от группы депутатов тов. **МАРЧАК Н. М.**

Советом Национальностей утверждается состав Комиссии Законодательных предположений в количестве 10 человек.

В состав Комиссии избираются:

1. Председатель Комиссии тов. **ТЮРКИН Петр Андреевич** — депутат от Ленинградского сельского округа.

Члены Комиссии:

2. **НУРПЕИСОВ Садык** — депутат от Петропавловского городского округа, Казахской ССР.

3. **ВЕЛИБЕКОВ Риза Халил оглы** — депутат от Вединского округа, Армянской ССР.

4. **ПЕТРУНИЧЕВ Николай Алексеевич** — депутат от Звениговского округа, Марийской АССР.

5. **ПИКИНА Валентина Федоровна** — депутат от Йошкар-Олинского городского округа, Марийской АССР.

6. **НЕЗДЫМЕНКО Калистрат Ефимович** — депутат от Шепетовского округа, Украинской ССР.

7. **ВЕДЕНЕЕВ Борис Евгеньевич** — депутат от Кандалакшского округа, Карельской АССР.

8. **АЛИ ГУСЕЙНОВ Ага-Гусейн Мехти оглы** — депутат от Касум-Измайловского округа, Азербайджанской ССР.

9. **ДЕКАНОЗОВ Владимир Георгиевич** — депутат от Ахалцыхского округа Грузинской ССР.

10. **ПЕТРОВА Мария Яковлевна** — депутат от Калининского округа, РСФСР.

Предложение об образовании Бюджетной Комиссии Совета Национальностей вносит депутат тов. **СТЕЦКИЙ А. И.**

Совет Национальностей избирает Бюджетную Комиссию Совета Национальностей в составе 13 человек:

1. Председатель Комиссии **ХОХЛОВ Иван Сергеевич** — депутат от Московского сельского округа, РСФСР.

Члены Комиссии:

2. **СУХОМЛИН Кирилл Васильевич** — депутат от Жмеринского округа, Украинской ССР.

3. **ГУСЕЙНОВ Орудж Вели Киши оглы** — депутат от Кировабадского округа, Азербайджанской ССР.

4. **ФИНОГЕНОВ Михаил Тимофеевич** — депутат от Гомельского городского округа, Белорусской ССР.

5. **КОРОБОВ Павел Иванович** — депутат от Челябинского округа РСФСР.

6. **ХОШТАРИЯ Семен Георгиевич** — депутат от Гагринского округа, Абхазской АССР.

7. **ИБРАГИМОВ Мемет Ибрагимович** — депутат от Бахчисарайского округа, Крымской АССР.

8. **АТЛИЕВ Серкас** — депутат Чарджоуского округа, Туркменской ССР.

9. **БОБОКАЛОНОВ ПУЛАТ** — депутат от Ленинабадского сельского округа, Таджикской ССР.

10. **КЕНЕБАЕВ Керим** — депутат от Гульчинского округа, Киргизской ССР.

11. **КУЖАНОВ Татигали** — депутат от Аягузского округа, Казахской ССР.

12. **ЮЛДАШЕВ Мухамеджан** — депутат от Ташкентского-Кировского округа, Узбекской ССР.

13. **ШПИЛЕВОЙ Петр Иванович** — депутат от Сталинского округа, Украинской ССР.

Совет Национальностей принимает предложение депутата **Шмидта О. Ю.**, внесенное им от группы депутатов Москвы, Татарии и Ленинграда, об образовании Комиссии по иностранным делам.

Совет Национальностей постановляет образовать Комиссию по иностранным делам Совета Национальностей в составе 10 членов.

1. Председатель Комиссии — **БУЛГАНИН Николай Александрович.**

Члены Комиссии:

2. **ЛЕВИЦКИЙ Алексей Михайлович** — депутат от Витебского городского округа, Белорусской ССР.

3. **МАРЧАК Николай Макарович** — депутат от Киевского городского округа, Украинской ССР.

4. **ИСКАНДЕРОВ Джурабек** — депутат от Канибадамского округа, Таджикской ССР.

5. **ПОСКРЕБЫШЕВ Александр Николаевич** — депутат от Белебеевского округа, Башкирской АССР.

6. **ПАПЯН Мацак Петросович** — депутат от Степанаванского округа, Армянской ССР.

7. **ВЕРШКОВ Петр Афанасьевич** — депутат от Тбилисского имени 26 коммунаров округа, Грузинской ССР.

8. **ЛОЗОВСКИЙ Соломон Абрамович** — депутат от Молотовского округа, Киргизской ССР.

9. **ТИМОШЕНКО Семен Константинович** — депутат от Харьковского сельского округа, Украинской ССР.

10. **ШМИДТ Отто Юльевич** — депутат от Казанского округа, РСФСР.

После избрания постоянных комисий первое заседание Сессии Совета Национальностей закрывается.

Информационное сообщение о заседании Совета Союза 13 января 1938 г.

13 января, в 11 часов дня, в зале заседаний Совета Союза в Кремле состоялось второе заседание Совета Союза.

Председательствует Председатель Совета Союза депутат **А. А. АНДРЕЕВ.**

Первым вопросом рассматривается пункт второй порядка дня Сессии Совета Союза — о постоянных комиссиях Совета Союза.

Депутат **Н. С. ХРУЩЕВ** от группы депутатов Москвы, Ленинграда, Киева и Ташкента вносит предложение об образовании Комиссии Законодательных предположений.

Советом Союза утверждается состав Комиссии Законодательных предположений в количестве 10 человек.

В состав Комиссии избираются:

1. Председатель Комиссии — **ЕВТУШЕНКО Дмитрий Матвеевич** — депутат от Белоцерковского округа Киевской области.

Члены Комиссии:

2. **УГАРОВ Александр Иванович** — депутат от Смольнинского округа гор. Ленинграда.

3. **КАГАНОВИЧ Юлий Моисеевич** — депутат от Горьковского-Сталинского округа.

4. **ШОЛОХОВ Михаил Александрович** — депутат от Новочеркасского округа Ростовской области.

5. **МОСКАТОВ Петр Георгиевич** — депутат от Шахтинского округа Ростовской области.

6. **ЮСУПОВ Усман** — депутат от Ташкентского-Сталинского округа Узбекской ССР.

7. **ЛЕОНОВА Ольга Федоровна** — депутат от Свердловского округа гор. Москвы.

8. **ШАГИМАРДАНОВ Фазыла Валиахметович** — депутат от Дуванского округа Башкирской АССР.

9. **КОВАЛЕВ Афанасий Федорович** — депутат от Витебского сельского округа Белорусской ССР.

10. **БАКРАДЗЕ Валериан Минаевич** — депутат от Кутаисского округа Грузинской ССР.

Совет Союза принимает предложение, внесенное от имени группы депутатов Украины, Москвы, Московской области и Казахстана депутатом **Д. С. КОРОТЧЕНКО**, об образовании Бюджетной Комиссии Совета Союза.

Бюджетная Комиссия избирается в составе 13 человек:

1. Председатель Комиссии — **СИДОРОВ Иван Иванович** — депутат от Октябрьского округа гор. Москвы.

Члены Комиссии:

2. **ПЕТРОВСКИЙ Алексей Николаевич** — депутат от Красногвардейского округа гор. Ленинграда.

3. **НИКАНОРОВ Александр Филиппович** — депутат от Архангельского городского округа.

4. **ИСАЕВ Ураз Джанзакович** — депутат от Семипалатинского округа Казахской ССР.

5. **КУРБАНОВ Мамадали** — депутат от Кулябского округа Таджикской ССР.

6. **КОВАЛЕВ Афанасий Федорович** — депутат от Витебского сельского округа Белорусской ССР.

7. **БУРДЕНКО Николай Нилович** — депутат от Ростокинского округа гор. Москвы.

8. **ЛЕГКОНРАВОВ Павел Константинович** — депутат от Амурского округа Дальне-Восточного края.

9. **НИКОЛАЕВА Клавдия Ивановна** — депутат от Кашинского округа Калининской области.

10. **КУЛИЕВ Теймур Имам Кули оглы** — депутат от Сабир-Абадского округа Азербайджанской ССР.

11. **ЖУК Сергей Яковлевич** — депутат от Чапаевского округа Куйбышевской области.

12. **ИСЛАМОВА Турдыбиби** — депутат от Кокандского сельского округа Узбекской ССР.

13. **ФЕСЕНКО Иван Александрович** — депутат от Лисичанского округа Донецкой области.

По предложению депутата **Л. П. БЕРИЯ**, внесенному им от группы депутатов РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР и Грузинской ССР, Совет Союза принимает постановление об образовании Комиссии по иностранным делам Совета Союза.

Комиссия по иностранным делам избирается в составе 11 человек:

Председатель комиссии **ЖДАНОВ Андрей Александрович** — депутат от Володарского округа гор. Ленинграда.

Члены Комиссии:

2. **ХРУЩЕВ Никита Сергеевич** — депутат от Красно-Пресненского округа гор. Москвы.

3. **БЕРИЯ Лаврентий Павлович** — депутат от Тбилисского-Сталинского округа Грузинской ССР.

4. **МЕХЛИС Лев Захарович** — депутат от Кунцевского округа Московской области.

5. **СТАЦЕВИЧ Георгий Михайлович** — депутат от Хабаровского округа Дальне-Восточного края.

6. **КОСАРЕВ Александр Васильевич** — депутат от Орджоникидзевского округа Донецкой области.

7. **ДВИНСКИЙ Борис Александрович** — депутат от Таганрогского округа Ростовской области.

8. **ВОЛКОВ Алексей Алексеевич** — депутат от Гомельского городского округа Белорусской ССР.

9. **АХУН-БАБАЕВ Юлдаш** — депутат от Андижанского округа Узбекской ССР.

10. **МАНУИЛЬСКИЙ Дмитрий Захарович** — депутат от Акмолинского округа Казахской ССР.

11. **ФЕДЬКО Иван Федорович** — депутат от Житомирского округа Украинской ССР.

Советом Союза принимается внесенное депутатом **П. Г. МОСКАТОВЫМ** предложение о перенесении пункта 7 порядка дня Сессии Совета Союза — об оплате расходов депутатов, связанных с выполнением их депутатских обязанностей,— на рассмотрение совместного заседания Совета Союза и Совета Национальностей.

На этом второе заседание Совета Союза закрывается.

Информационное сообщение о заседании Совета Союза 14 января 1938 г.

14 января, в 11 часов дня, в зале заседаний Совета Союза, в Кремле, состоялось третье заседание Совета Союза.

Председательствует Председатель Совета Союза депутат **А. А. АНДРЕЕВ.**

Совет Союза заслушал доклад Председателя Мандатной Комиссии Совета Союза депутата тов. **ЩЕРБАКОВА А. С.** о проверке полномочий депутатов Совета Союза.

Тов. **ЩЕРБАКОВ** оглашает постановление Мандатной Комиссии Совета Союза о результатах проверки полномочий депутатов Совета Союза по 569 избирательным округам:

«Проверив все представленные Центральной Избирательной Комиссией избирательные документы и материалы по выборам в Совет Союза в отдельности на каждого депутата, Мандатная Комиссия Совета Союза устанавливает:

1. Выборы депутатов в Совет Союза по всем 569 избирательным округам проведены на основе и в полном соответствии с Конституцией СССР и Положением о выборах в Верховный Совет СССР.

2. Никаких оснований для кассирования выборов по какому-либо избирательному округу, а также никаких жалоб и заявлений по выборам депутатов Совета Союза на нарушение Конституции и Положения о выборах как по избирательным округам, так и в Центральной Избирательной Комиссии не имеется.

На основании изложенного, Мандатная Комиссия Совета Союза признает правильность полномочий всех депутатов Совета Союза, зарегистрированных в Центральной Избирательной Комиссии, список которых опубликован в газете «Известия» от 15 декабря 1937 г. в № 291».

Совет Союза по предложению депутата академика **А. А. БАЙКОВА** принимает следующее постановление по докладу Мандатной Комиссии:

«Заслушав доклад Мандатной Комиссии, Совет Союза п о с т а н о в л я е т:

1. Утвердить доклад Мандатной Комиссии о признании правильными полномочий депутатов Совета Союза, избранных по всем 569 избирательным округам и зарегистрированных Центральной Избирательной Комиссией по выборам в Верховный Совет СССР.

2. Считать работу Центральной Избирательной Комиссии по выборам в Верховный Совет СССР законченной».

После принятия постановления по докладу Мандатной Комиссии третье заседание Совета Союза закрывается.

Информационное сообщение о заседании Совета Национальностей 14 января 1938 г.

14 января в 6 часов вечера в зале заседаний Совета Национальностей, в Кремле, состоялось второе заседание Совета Национальностей.

Председательствует Председатель Совета Национальностей депутат **Н. М. ШВЕРНИК.**

Совет Национальностей заслушал доклад Председателя Мандатной Комиссии Совета Национальностей депутата тов. **НУРПЕИСОВА САДЫК** о проверке полномочий депутатов Совета Национальностей.

Тов. **НУРПЕИСОВ** оглашает постановление Мандатной Комиссии Совета Национальностей о результатах проверки полномочий депутатов Совета Национальностей по 574 избирательным округам:

«Проверив все представленные Центральной Избирательной Комиссией избирательные документы и материалы по выборам в Совет Национальностей в отдельности на каждого депутата, Мандатная Комиссия Совета Национальностей устанавливает:

1. Выборы депутатов в Совет Национальностей по всем 574 избирательным округам проведены на основе и в полном соответствии с Конституцией СССР и Положением о выборах в Верховный Совет СССР.

2. Никаких оснований для кассирования выборов по какому-либо избирательному округу, а также никаких жалоб и заявлений по выборам депутатов Совета Национальностей на нарушение Конституции и Положения о выборах как по избирательным округам, так и в Центральной Избирательной Комиссии не имеется.

На основании изложенного Мандатная Комиссия Совета Национальностей признает правильность полномочий всех депутатов Совета Национальностей, зарегистрированных в Центральной Избирательной Комиссии, список которых опубликован в газете «Известия» от 15 декабря 1937 года за № 291».

Совет Национальностей по предложению депутата тов. **СИМОЧКИНА В. Я.** принимает следующее постановление по докладу Мандатной Комиссии:

«Заслушав доклад Мандатной Комиссии, Совет Национальностей постановляет:

1. Утвердить доклад Мандатной Комиссии о признании правильными полномочий депутатов Совета Национальностей, избранных по всем 574 избирательным округам и зарегистрированных в Центральной Избирательной Комиссии по выборам в Верховный Совет СССР.

2. Считать работу Центральной Избирательной Комиссии по выборам в Верховный Совет СССР законченной».

После принятия постановления по докладу Мандатной Комиссии второе заседание Совета Национальностей закрывается.

Информационное сообщение о совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей 15 января 1938 г.

15 января, в 2 часа дня, в зале заседаний Совета Союза, в Кремле, состоялось первое совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей.

Председательствует Председатель Совета Союза **А. А. АНДРЕЕВ.**

По предложению депутата **А. В. ОСИПОВА** принимается следующий регламент работ совместных заседаний Совета Союза и Совета Национальностей.

1. Докладчики по вопросам порядка дня совместного заседания Совета Союза и Совета Национальностей утверждаются Председателями той и другой палаты.

2. Каждая группа депутатов Совета Союза и Совета Национальностей, насчитывающая не менее 50 человек, может выставить своего содокладчика.

3. Докладчикам предоставляется для доклада 1 час и для заключительного слова 30 минут, содокладчикам для содоклада — 30 минут, для заключительного слова — 15 минут.

4. Ораторам предоставляется слово в первый раз — 20 минут и во второй раз — 5 минут.

5. Личные заявления и фактические справки вносятся в письменном виде и оглашаются Председательствующим на совместном заседании палат немедленно или в конце заседания, смотря по их содержанию.

6. Внеочередные запросы вносятся в письменном виде и оглашаются Председательствующим немедленно.

7. Для слова к порядку предоставляется 5 минут.

8. По мотивам голосования предоставляется 3 минуты.

Председательствующий **А. А. АНДРЕЕВ** оглашает вопросы для обсуждения на совместных заседаниях Совета Союза и Совета Национальностей, принятые палатами:

1. Внесение изменений и дополнений в некоторые статьи Конституции СССР, в связи с принятыми решениями ЦИК и СНК СССР.

2. Избрание Президиума Верховного Совета СССР:

а) Председателя Президиума Верховного Совета СССР;

б) заместителей Председателя Президиума Верховного Совета СССР;

в) Секретаря Президиума Верховного Совета СССР;

г) членов Президиума Верховного Совета СССР.

3. Образование Правительства СССР — Совета Народных Комиссаров СССР.

4. Назначение Прокурора СССР.

5. Об оплате расходов депутатов, связанных с выполнением их депутатских обязанностей.

Этот порядок дня единогласно утверждается.

По первому вопросу порядка дня совместных заседаний заслушивается доклад депутата **А. Ф. ГОРКИНА.**

В прениях по докладу выступили депутаты С. В. Косиор, А. А. Волков, Л. И. Мирзоян, Н. А. Булганин, С. Сегизбаев.

С большой речью по вопросу об изменениях и дополнениях к некоторым статьям Конституции СССР выступил встреченный продолжительной овацией Председатель Совета Народных Комиссаров СССР депутат В. М. Молотов.

По окончании прений Верховный Совет СССР переходит к постатейному чтению и голосованию раздельно по палатам внесенных изменений и дополнений.

Верховный Совет СССР принимает следующее постановление о внесении изменений и дополнений в некоторые статьи Конституции (Основного Закона) СССР в связи с принятыми решениями ЦИК и СНК СССР.

I. Об изменении статьи 22 Конституции СССР

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик п о с т а н о в л я е т:

Утвердить образование в составе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики краев: Алтайского и Краснодарского и областей: Архангельской, Вологодской, Иркутской, Новосибирской, Орловской, Ростовской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Тульской и Читинской.

В соответствии с этим изложить статью 22 Конституции СССР следующим образом:

«СТАТЬЯ 22. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика состоит из краев: Алтайского, Дальне-Восточного, Краснодарского, Красноярского, Орджоникидзевского; областей: Архангельской, Вологодской, Воронежской, Горьковской, Ивановской, Иркутской, Калининской, Кировской, Куйбышевской, Курской, Ленинградской, Московской, Новосибирской, Омской, Оренбургской, Орловской, Ростовской, Рязанской, Саратовской, Свердловской, Смоленской, Сталинградской, Тамбовской, Тульской, Челябинской, Читинской, Ярославской; автономных советских социалистических республик: Татарской, Башкирской, Дагестанской, Бурят-Монгольской, Кабардино-Балкарской, Калмыцкой, Карельской, Коми, Крымской, Марийской, Мордовской, Немцев Поволжья, Северо-Осетинской, Удмуртской, Чечено-Ингушской, Чувашской, Якутской; автономных областей: Адыгейской, Еврейской, Карачаевской, Ойротской, Хакасской, Черкесской».

II. Об изменении статьи 23 Конституции СССР

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик п о с т а н о в л я е т:

Утвердить образование в составе Украинской Советской Социалистической Республики областей: Житомирской, Каменец-Подольской, Николаевской и Полтавской.

В соответствии с этим изложить статью 23 Конституции СССР следующим образом:

«СТАТЬЯ 23. Украинская Советская Социалистическая Республика состоит из областей: Винницкой, Днепропетровской, Донецкой, Житомирской, Каменец-Подольской, Киевской, Николаевской, Одесской, Полтавской, Харьковской, Черниговской и Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики».

III. Об изменении статьи 26 Конституции СССР

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик п о с т а н о в л я е т:

Утвердить образование в составе Узбекской Советской Социалистической Республики областей: Бухарской, Самаркандской, Ташкентской, Ферганской, и Хорезмской.

В соответствии с этим изложить статью 26 Конституции СССР следующим образом:

«СТАТЬЯ 26. Узбекская Советская Социалистическая республика состоит из областей: Бухарской, Самаркандской, Ташкентской, Ферганской, Хорезмской и Кара-Калпакской Автономной Советской Социалистической Республики».

IV. Об изменении статьи 28 Конституции СССР

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик п о с т а н о в л я е т:

Утвердить образование в составе Казахской Советской Социалистической Республики областей: Гурьевской, Кзыл-Ординской, Павлодарской.

В соответствии с этим изложить статью 28 Конституции СССР следующим образом:

СТАТЬЯ 28. Казахская Советская Социалистическая Республика состоит из областей: Актюбинской, Алма-Атинской, Восточно-Казахстанской, Гурьевской, Западно-Казахстанской, Карагандинской, Кзыл-Ординской, Кустанайской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Южно-Казахстанской».

V. Об изменении статьи 29 Конституции СССР

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик п о с т а н о в л я е т:

Утвердить образование в составе Белорусской Советской Социалистической Республики областей: Витебской, Гомельской, Минской, Могилевской, Полесской.

В соответствии с этим изложить статью 29 Конституции СССР следующим образом:

«СТАТЬЯ 29. Белорусская Советская Социалистическая Республика состоит из областей: Витебской, Гомельской, Минской, Могилевской, Полесской».

VI. О дополнении статьи 49 Конституции СССР

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик п о с т а н о в л я е т:

Дополнить статью 49 Конституции СССР пунктом «п» следующего содержания:

«п) объявляет в отдельных местностях или по всему СССР военное положение в интересах обороны СССР или обеспечения общественного порядка и государственной безопасности».

VII. О дополнении статьи 77 Конституции СССР

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик п о с т а н о в л я е т:

Утвердить образование общесоюзных Народных Комиссариатов — Народного Комиссариата Машиностроения, Народного Комиссариата Военно-Морского Флота и Народного Комиссариата Заготовок.

В соответствии с этим изложить статью 77 Конституции СССР следующим образом:

«СТАТЬЯ 77. К общесоюзным Народным Комиссариатам относятся Народные Комиссариаты:

Обороны;
Иностранных дел;
Внешней торговли;
Путей сообщения;
Связи;
Водного транспорта;
Тяжелой промышленности;
Оборонной промышленности;
Машиностроения;
Военно-Морского Флота;
Заготовок».

VIII. О дополнении и поправках к статьям 70, 78, 83 Конституции СССР

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик п о с т а н о в л я е т:

Дополнить статью 70 Конституции СССР словами — «Председателя Правления Государственного Банка».

Из статьи 70 Конституции СССР исключить слова — «Председателя Комитета заготовок».

В статье 78 Конституции СССР слова «Внутренней торговли» заменить словом «Торговли».

В статье 83 Конституции СССР слова — «Уполномоченного Комитета заготовок» исключить и слова «Внутренней торговли» заменить словом «Торговли».

На этом первое совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей закрывается.

Информационное сообщение о совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей 17 января 1938 г.

17 января, в 2 часа дня, в Зале Заседаний Совета Союза, в Кремле, состоялось второе совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей.

Председательствует Председатель Совета Национальностей **Н. М. ШВЕРНИК.**

Верховный Совет СССР принимает предложение рассмотреть на данном заседании первым вопросом пункт 5-й порядка дня совместного заседания — о возмещении депутатам расходов, связанных с выполнением депутатских обязанностей. По предложению депутата **П. Г. МОСКАТОВА** Верховный Совет СССР принимает следующее постановление:

1. Установить для депутатов Верховного Совета СССР возмещение расходов, связанных с выполнением депутатских обязанностей, ежемесячно по 1.000 рублей.

2. Для возмещения расходов депутатов за период Сессии Верховного Совета СССР установить суточные в размере 150 рублей.

3. Установить для депутатов Верховного Совета СССР постоянные билеты на право бесплатного проезда по всем железнодорожным и водным путям СССР.

4. Предусмотреть по смете Президиума Верховного Совета СССР отпуск в распоряжение как Председателя и заместителей Председателя Совета Союза, так и в распоряжение Председателя и заместителей Председателя Совета Национальностей по 300 тыс. рублей в год по каждой палате на расходы по сношению с депутатами и на представительство.

Верховный Совет СССР переходит к обсуждению пункта 2-го порядка дня совместного заседания — избрание Президиума Верховного Совета СССР.

От Совета Старейшин Совета Союза и от Совета Старейшин Совета Национальностей выступает с предложением депутат **С. В. КОСИОР.**

Изложив соображения, которые по мнению Советов Старейшин должны быть положены в основу избрания Президиума Верховного Совета СССР, депутат Косиор оглашает кандидатов, выдвигаемых Советами Старейшин в Президиум Верховного Совета. Персональным голосованием каждого кандидата Верховный Совет избирает Президиум Верховного Совета СССР в следующем составе:

Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

1. **КАЛИНИН Михаил Иванович,** депутат от Ленинградского городского округа, РСФСР.

Заместители Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

2. **ХОХЛОВ Иван Сергеевич,** депутат от Московского сельского округа, РСФСР.

3. **ПЕТРОВСКИЙ Григорий Иванович,** депутат от Днепропетровского округа, УССР.

4. **НАТАЛЕВИЧ Никифор Яковлевич,** депутат от Слуцкого округа, БССР.

5. **КАСУМОВ Мир Башир Фатдах оглы,** депутат от Сабир-Абадского округа, Азербайджанская ССР.

6. **МАХАРАДЗЕ Филипп Есевич,** депутат от Самтредского округа, Грузинская ССР.

7. **ПАПЯН Мацак Петросович,** депутат от Степанаванского округа, Армянская ССР.

8. **БАБАЕВ Хивали,** депутат от Тедженского округа, Туркменская ССР.

9. **АХУНБАБАЕВ Юлдаш,** депутат от Андижанского округа, Узбекская ССР.

10. **ШАГАДАЕВ Мунавар,** депутат от Гармского округа, Таджикская ССР.

11. **УМУРЗАКОВ Нурбапа,** депутат от Чимкентского округа, Казахская ССР.

12. **САЛИХОВ Мурат,** депутат от Ошского округа, Киргизская ССР.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР.

13. **ГОРКИН Александр Федорович,** депутат от Канашского округа, Чувашская АССР.

Члены Президиума Верховного Совета СССР.

14. **БАГИРОВ Мир Джафар,** депутат от Бакинского — Сталинского округа, Азербайджанская ССР.

15. **БЕРИЯ Лаврентий Павлович,** депутат от Тбилисского — Сталинского округа, Грузинская ССР.

16. **БЛЮХЕР Василий Константинович,** депутат от Ворошиловского округа, Дальне-Восточный край.

17. **БУДЕННЫЙ Семен Михайлович,** депутат от Шепетовского округа, УССР.

18. **ВОЛКОВ Алексей Алексеевич,** депутат от Гомельского городского округа, БССР.

19. **ДИНМУХАМЕТОВ Галей,** депутат от Ново-Шешминского округа, Татарская АССР.

20. **ЖДАНОВ Андрей Александрович,** депутат от Володарского округа, г. Ленинград.

21. **КАГАНОВИЧ Юлий Моисеевич,** депутат от Горьковского — Сталинского округа, Горьковская область.

22. **КОСАРЕВ Александр Васильевич,** депутат от Орджоникидзевского округа, УССР.

23. **КРУПСКАЯ Надежда Константиновна,** депутат от Серпуховского округа, Московская область.

24. **МАЛЕНКОВ Георгий Максимилианович,** депутат от Клинского округа, Московская область.

25. **МОСКАТОВ Петр Георгиевич,** депутат от Шахтинского округа, Ростовская область.

26. **НИКОЛАЕВА Клавдия Ивановна,** депутат от Кашинского округа, Калининская область.

27. **ПЕТРОВСКИЙ Алексей Николаевич,** депутат от Красногвардейского округа, г. Ленинград.

28. **СИДОРОВ Иван Иванович,** депутат от Октябрьского округа, г. Москва.

29. **СТАЛИН Иосиф Виссарионович,** депутат от Сталинского округа, г. Москва.

30. **ТАХТАРОВ Адиль-Гирей,** депутат от Махач-Калинского городского округа, Дагестанская АССР.

31. **ТИМОШЕНКО Семен Константинович,** депутат от Харьковского сельского округа, УССР.

32. **УГАРОВ Александр Иванович,** депутат от Смольнинского округа, г. Ленинград.

33. **ФЕДЬКО Иван Федорович,** депутат от Житомирского округа, УССР.

34. **ХРУЩЕВ Никита Сергеевич,** депутат от Краснопресненского округа, г. Москва.

35. **ИБРАГИМОВ Рахим Киреевич,** депутат от Мелеузовского округа, Башкирская АССР.

36. **ШКИРЯТОВ Матвей Федорович,** депутат от Тульско-Рязанского округа, РСФСР.

37. **ЮСУПОВ Усман,** депутат от Ташкентского — Сталинского округа, Узбекская ССР.

После перерыва Верховный Совет СССР переходит к рассмотрению 3-го пункта порядка дня совместного заседания — образование Правительства СССР — Совета Народных Комиссаров СССР.

Председательствующий Председатель Совета Национальностей **Н. М. ШВЕРНИК** оглашает заявление Председателя Совета Народных Комиссаров СССР депутата **В. М. МОЛОТОВА:**

«Председателю совместного заседания Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР — тов. Швернику.

В соответствии со ст. 70-й Конституции СССР и в связи с тем, что вопрос об образовании Правительства СССР поставлен на рассмотрение Верховного Совета СССР, Совет Народных Комиссаров считает свои обязанности исчерпанными и слагает свои полномочия перед Верховным Советом.

Совет Народных Комиссаров СССР просит Вас довести о настоящем до сведения Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик.

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР — **В. МОЛОТОВ.**

17 января 1938 года».

Верховный Совет переходит к обсуждению заявления Председателя Совета Народных Комиссаров СССР.

Выступившие в прениях депутаты **А. А. ЖДАНОВ, М. Д. БАГИРОВ, С. В. КОСИОР** подвергли критике деятельность отдельных наркоматов и комитетов Совета Народных Комиссаров (Народный Комиссариат Иностранных Дел, Народный Комиссариат Водного Транспорта, Народный Комиссариат Юстиции, Комитет по делам искусств и Комитет Заготовок).

По предложению депутата **П. И. ШПИЛЕВОГО,** Верховный Совет принимает следующее постановление:

«Верховный Совет СССР выражает доверие Совету Народных Комиссаров СССР и поручает Председателю Совета Народных Комиссаров СССР товарищу Молотову Вячеславу Михайловичу представить предложения о составе Правительства, учтя при этом критические замечания депутатов, высказанные в ходе прений».

На этом второе совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей закрывается.

Информационное сообщение о совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей 19 января 1938 г.

19 января, в 2 часа дня, в Зале Заседаний Совета Союза, в Кремле, состоялось третье, заключительное совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей.

Председательствует Председатель Совета Союза **А. А. АНДРЕЕВ.**

По пункту пятому порядка дня — о назначении Прокурора СССР выступает депутат **Г. И. ПЕТРОВСКИЙ.** От имени Советов Старейшин Совета Союза и Совета Национальностей депутат Петровский предлагает назначить Прокурором СССР депутата А. Я. Вышинского.

Верховный Совет назначает депутата **А. Я. ВЫШИНСКОГО** Прокурором СССР.

Дальше совместное заседание палат переходит к рассмотрению вопроса о формировании Совета Народных Комиссаров СССР. Депутат **В. М. МОЛОТОВ** вносит на рассмотрение Верховного Совета состав Совета Народных Комиссаров СССР.

В. М. Молотов в своей речи отвечает на замечания и вопросы депутатов, сделанные на предыдущем заседании в прениях по вопросу об образовании Правительства СССР.

Персональным голосованием Верховный Совет образует следующий состав Правительства СССР — Совета Народных Комиссаров СССР:

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР — Вячеслав Михайлович МОЛОТОВ.

Заместители Председателя Совета Народных Комиссаров СССР —
Влас Яковлевич ЧУБАРЬ.
Анастас Иванович МИКОЯН.

Заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Председатель Комиссии Советского Контроля —
Станислав Викентьевич КОСИОР.

Председатель Госплана СССР —
Николай Алексеевич ВОЗНЕСЕНСКИЙ.

Народный Комиссар иностранных дел **Максим Максимович ЛИТВИНОВ.**

Народный Комиссар внутренних дел **Николай Иванович ЕЖОВ.**

Народный Комиссар обороны **Климент Ефремович ВОРОШИЛОВ.**

Народный Комиссар военно-морского флота **Петр Александрович СМИРНОВ.**

Народный Комиссар тяжелой промышленности **Лазарь Моисеевич КАГАНОВИЧ.**

Народный Комиссар машиностроения **Александр Давидович БРУСКИН.**

Народный Комиссар оборонной промышленности **Михаил Моисеевич КАГАНОВИЧ.**

Народный Комиссар пищевой промышленности **Абрам Лазаревич ГИЛИНСКИЙ.**

Народный Комиссар легкой промышленности **Василий Иванович ШЕСТАКОВ.**

Народный Комиссар лесной промышленности **Михаил Иванович РЫЖОВ.**

Народный Комиссар путей сообщения **Алексей Венедиктович БАКУЛИН.**

Народный Комиссар водного транспорта **Николай Иванович ПАХОМОВ.**

Народный Комиссар связи **Матвей Давидович БЕРМАН.**

Народный Комиссар земледелия **Роберт Индрикович ЭЙХЕ.**

Народный Комиссар зерновых и животноводческих совхозов **Тихон Александрович ЮРКИН.**

Народный Комиссар заготовок **Михаил Васильевич ПОПОВ.**

Народный Комиссар финансов **Арсений Григорьевич ЗВЕРЕВ.**

Народный Комиссар торговли **Михаил Павлович СМИРНОВ.**

Народный Комиссар внешней торговли **Евгений Денисович ЧВЯЛЕВ.**

Народный Комиссар юстиции **Николай Михайлович РЫЧКОВ.**

Народный Комиссар здравоохранения **Михаил Федорович БОЛДЫРЕВ.**

Председатель Правления Государственного банка **Алексей Петрович ГРИЧМАНОВ.**

Председатель Комитета по делам высшей шк лы **Сергей Васильевич КАФТАНОВ.**

Председатель Комитета по делам искусст **Алексей Иванович НАЗАРОВ.**

На заседание Верховного Совета прибывают делегации от рабочих, работниц, колхозников колхозниц, интеллигенции и служащих ряда республик, городов и областей, а также от Красной Армии и Военно-Морского флота.

От имени делегации города Москвы и Московской области выступает учительница школы им. Радищева тов. **Астахова Н. Ю.**; от Ленинградской делегации — председатель завкома завода «Электросила» им. Кирова тов. **Скоробогатько Ю. Е.**; от делегации Киева и Харькова — рабочий стахановец Киевского завода «Большевик» тов. **Костюк Н. Т.**; от делегации Белорусской ССР — рабочий Минского завода им. Молотова тов. **Кусков Ф. С.**; от делегации Татарской АССР — тов. **Мухаметов Самат**; от делегации шахтеров и металлургов Донбасса и других районов — управляющий трестом «Донбассантрацит» — тов. **Руденко Ф. М.**; от делегации Красной Армии и Военно-Морского флота — капитан **Герасимов Н. Н.** и младший командир-подводник — **Селезнев А. Ф.**

Порядок дня Сессии исчерпан. Председательствующий Председатель Совета Союза **А. А. Андреев** сообщает, что по всем вопросам порядка дня Верховным Советом приняты единогласные решения, и объявляет Первую Сессию Верховного Совета СССР закрытой.

А. ВЫШИНСКИЙ

Итоги первой сессии

12—19 января 1938 г. в г. Москве состоялась первая сессия Верховного Совета СССР.

Верховный Совет СССР — высший орган государственной власти Союза Советских Социалистических Республик — приступил таким образом к своей законодательной работе на основе великой Сталинской Конституции. 8 дней работы Верховного Совета СССР приковывали к себе внимание всей нашей страны и всего мира. За работою Верховного Совета СССР с напряженным вниманием следили и друзья и враги нашей родины: друзья — с гордостью и радостью, с братским сочувствием великому делу социалистического строительства в нашей стране, враги — со звериной ненавистью и злобой, в смертельном страхе перед могучей демонстрацией гигантского морального и политического единства всех народов СССР.

Верховный Совет СССР — единственный в мире социалистический парламент. Верховный Совет СССР — единственный парламент в мире, где осуществляется подлинная власть рабочих и крестьян, где слышится свободное и независимое слово трудящегося человека, где в братском единении многонациональных миллионных народных масс куется подлинное народное счастье.

Верховный Совет СССР — плоть от плоти советского народа, построившего свое могучее социалистическое государство. О кровной связи Верховного Совета СССР с миллионами рабочих и крестьян нашей страны свидетельствует самый состав его палат — Совета Союза и Совета Национальностей. По данным мандатной комиссии Совета Союза, из числа 546 депутатов Совета Союза имеется 247 рабочих, или 45,3%, 130 крестьян, или 23,7%, 169 служащих и советской интеллигенции, или 31%.

В Совете Национальностей представлены 54 народности: русские, украинцы, белоруссы, азербайджанцы, грузины, армяне, туркмены, узбеки, таджики, казахи, киргизы — почти все народности, населяющие наш великий Союз. В Совете Национальностей 218 рабочих, 200 крестьян, 156 служащих и представителей советской интеллигенции.

В Совете Союза и в Совете Национальностей имеется значительное количество женщин — 74 женщин в Совете Союза и 110 женщин в Совете Национальностей. Этот состав нашего социалистического парламента лучше всяких слов говорит о блестящей победе в СССР социализма и социалистической демократии.

На Чрезвычайном VIII съезде советов, в сво ем докладе о проекте Конституции, товарищ Сталин подчеркнул ту особенность нашей Конституции, которая заключается в законодательном закреплении победы социализма.

«В отличие от буржуазных конституций проект новой Конституции СССР, — говорил в своем историческом докладе товарищ Сталин, — исходит из того, что в обществе нет уже больше антагонистических классов, что общество состоит из двух дружественных друг другу классов,

бочих и крестьян, что у власти стоят эти менно трудящиеся классы, что государственное уководство обществом (диктатура) принадлежит абочему классу, как передовому классу обще-тва, что конституция нужна для того, чтобы закрепить общественные порядки, угодные и вы-одные трудящимся» [1].

Верховный Совет СССР блестяще подтверждает это положение, ибо в нашем обществе нет больше антагонистических классов, ибо в нашем обществе у власти стоят рабочие и крестьяне, прочный и нерушимый союз которых под руководством пролетариата составляет основу всего советского строя, основу нового, социалистического общества.

В противоположность капиталистическим странам, где парламенты состоят исключительно из эксплоататоров и их агентуры, где нет в парламентах рабочих и крестьян, в социалистическом парламенте Советской страны представлены рабочие, крестьяне и советская интеллигенция, дружба и братский союз которых олицетворяются в блоке коммунистов и беспартийных, в блоке, одержавшем историческую победу 12 декабря 1937 г.

Неразрывная связь Верховного Совета с широчайшими народными массами нашла свое выражение также в горячих словах любви к Верховному Совету, к Конституции, к ее великому творцу и вдохновителю товарищу Сталину со стороны многочисленных делегаций рабочих, работниц, колхозников, интеллигенции, служащих и наших доблестных Рабоче-Крестьянской Красной армии и флота.

Совершенно правильно выразила общее чувство учительница школы им. Радищева Нина Юльевна Астахова, сказавшая: «Товарищи, есть ли в мире другой такой парламент, депутаты которого так тесно, так неразрывно связаны с трудящимися массами? Наши депутаты — это органическая часть всего народа, дела, мысли и стремления которых — это дела, мысли и стремления всех трудящихся нашей родины» [2].

Глубоко волнующие советский народ чувства беспредельной любви и преданности товарищу Сталину, гениальному творцу новой, социалистической Конституции, выразил председатель заводского комитета завода «Электросила» им. Кирова тов. Скоробогатько, когда он от имени делегации ленинградских рабочих, работниц, служащих и интеллигенции сказал, обращаясь к депутатам Верховного Совета СССР:

«Вы, депутаты, собрались с необозримых просторов нашей родины — из знойного Таджикистана, из тундры полуночного Севера, с берегов Тихого океана и Балтики. Но где бы географически ни были расположены наши края и республики — везде и всюду радостно светит наше прекрасное, никогда не угасающее солнце социализма. За 20 лет советской власти трудящиеся нашей родины навсегда покончили с вековой отсталостью, нищетой и бесправием, прочно утвердили социалистический строй с великими правами народа, записанными в Сталинской Конституции» [3].

Тов. Скоробогатько сказал устами замечательного Джамбула, знаменитого певца Казахстана, то, что думает весь наш советский народ. Он сказал:

«Коль Сталин с нами — значит правда с нами,
Коль Сталин с нами — значит мы сильны.
Коль Сталин с нами — гордо реет знамя
Счастливой, мощной, солнечной страны» [4].

Верховный Совет СССР своими историческими днями законодательной работы отразил могущество и солнечную радость нашей новой, социалистической жизни, опирающейся на славную, великую Сталинскую Конституцию.

Верховный Совет СССР за восемь дней работы своей первой сессии принял ряд чрезвычайно важных постановлений.

Верховный Совет СССР в качестве первого вопроса порядка дня заслушал доклад о внесении изменений и дополнений в некоторые статьи Конституции и утвердил эти изменения и дополнения.

Эти изменения касаются раньше всего статьи 22 и статьи 23 Конституции СССР, содержащих перечень краев и областей, входящих в состав двух союзных республик — РСФСР и УССР.

Со времени утверждения Конституции СССР Чрезвычайным VIII съездом советов (5 декабря 1936 г.) в развитии РСФСР и УССР произошел ряд изменений, явившихся результатом продолжающегося и все возрастающего бурного развития нашего народного хозяйства. Могучее развитие социалистической промышленности и колхозной деревни, бурный рост культуры, а вместе с тем запросов и требований населения, создают все более и более сложные условия в работе административных и административно-хозяйственных учреждений и организаций.

Это обстоятельство вызывает необходимость соответствующей перестройки наших административных органов и даже самого административного деления СССР. Этим обстоятельством был продиктован ряд мероприятий, проводимых за истекший после 5 декабря 1936 г. период времени по административному преобразованию некоторых областей и краев.

Так, ЦИК СССР утвердил постановление ВЦИК о разделении Азово-Черноморского края на Краснодарский край и Ростовскую область, а также о разделении Северной области на Вологодскую и Архангельскую области.

Последующими постановлениями ЦИК СССР было произведено разделение Московской области на Тульскую, Рязанскую и Московскую области; Восточно-Сибирской — на Иркутскую и Читинскую; Западной и Курской областей — на Смоленскую, Орловскую и Курскую; Воронежской области — на Тамбовскую и Воронежскую и Западно-Сибирского края — на Новосибирскую область и Алтайский край.

В своем докладе по поводу разделения этих областей тов. Горкин показал, насколько это разделение явилось целесообразным с точки зрения облегчения руководства строительством городов, сел, колхозов, с точки зрения более быстрого выдвижения на руководящую работу новых, молодых кадров.

В самом деле, до разделения Западно-Сибирский край представлял собой гигантский край в 900 тыс. кв. километров с 122 районами и 2 326 сельсоветами. После разделения Новосибир-

[1] И. В. Сталин. О проекте Конституции Союза ССР, Партиздат ЦК ВКП(б), 1936, стр. 19.

[2] Бюллетень № 3 совместного заседания Совета Союза и Совета Национальностей, изд. Верховного Совета СССР, 1938, стр. 23.

[3] Там же, стр. 28.

[4] Там же.

ская область имеет лишь 57 районов и 1 257 сельсоветов, а Алтайский край — 55 районов и 951 сельсовет.

Азово-Черноморский край имел до разделения 133 района и 1 212 сельсоветов, раскинувшихся по территории в 182 тыс. кв. километров. Теперь Ростовская область объединяет всего лишь 61 район и Краснодарский край — 66 районов.

То же самое надо сказать и о других областях. Разделение этих областей упростило связь областных органов с местами, обеспечило больше гибкости и оперативности в руководстве, больше возможности и лучше знать нужды и требования мест и иметь больше возможности эти нужды и требования удовлетворять как можно лучше.

Ясно, что такое мероприятие, как разделение областей-гигантов на ряд областей, нужно всячески приветствовать.

Аналогичное положение наблюдается и в УССР, где ряд областей — Харьковская, Киевская, Винницкая, Одесская — постановлением ЦИК СССР были разделены на области: Харьковскую, Полтавскую, Киевскую, Житомирскую, Винницкую, Каменец-Подольскую, Одесскую и Николаевскую.

В связи с этими изменениями Верховный Совет СССР и принял постановления, которыми утвердил новую редакцию статей 22 и 23 Конституции СССР, отразившую указанные выше изменения.

По таким же основаниям Верховный Совет СССР принял постановления об изменении статей 26, 28 и 29 Конституции, касающемся состава Узбекской ССР, Казахской ССР и Белорусской ССР.

По постановлению Верховного Совета СССР подверглись также изменению статья 77 Конституции, дополняемая новыми народными комиссариатами — Машиностроения, Военно-воздушного флота и Заготовок, а также статьи 70, 78 и 83, в связи с возросшим значением Государственного банка в советской хозяйственной и государственной системе и введением председателя Госбанка в состав СНК СССР и переименованием Народного комиссариата внутренней торговли в Народный комиссариат торговли.

Чрезвычайно важным дополнением Конституции является принятое Верховным Советом СССР постановление о дополнении статьи 49 Конституции СССР пунктом «и», предоставляющим Президиуму Верховного Совета СССР объявлять в отдельных местностях или по всему Союзу ССР военное положение в интересах обороны СССР или обеспечения общественного порядка и государственной безопасности.

Это постановление было продиктовано горячим и единодушным стремлением многонационального советского народа еще больше укрепить дело мира, еще больше усилить обороноспособность нашей родины.

Говоря о создании военно-морского флота, тов. Молотов подчеркнул особенное значение этого мероприятия.

«Нельзя не признать,— сказал тов. Молотов,— что это и весьма важный, и весьма назревший вопрос. У нас теперь 4 военно-морских флота: Балтийский, Черноморский, Северный и Тихоокеанский. Кажется, не мало для одной страны, тем более, что наши морские флоты имеют непосредственное отношение и к некоторым океанам. Но по-настоящему взяться за строительство морского флота мы смогли только в последние годы» [5].

Тов. Молотов подчеркнул рост наших флотов— такой рост, какой и «... полагается для Советской великой державы» [6], пополняющей свои флоты новыми единицами, пока более мелкими, и подготовляющей пополнение флотов еще быстрее и притом мощными морскими единицами.

Тов. Молотов совершенно справедливо отмечал в своем выступлении на совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей 15 января с. г., что «мы должны считаться с тем, что страна наша большая, что она омывается морями на громадном протяжении...» [7], что нам угрожают враждебные СССР капиталистические государства, бешено развивающие из года в год военно-морское строительство и последовательно и настойчиво отвергающие всякую попытку ограничить гонку вооружений вообще и морских в частности. Особенно в этом отношении, как известно, отличаются фашистские страны.

Фашистская Япония усиливает свои морские вооружения без всяких ограничений, несмотря на различные международные конференции по ограничению вооружений. Фашистская Италия, хотя и участвовала в Лондонской конференции 1936 г. по ограничению морских вооружений, но отказалась подписать какое-либо соглашение по этому вопросу с другими странами. Гитлеровская Германия тоже старается в этом вопросе не отставать от своих друзей.

Перед лицом такого рода фактов, такого рода «мирной» политики капиталистических стран, совершенно обязательно и последовательно, с точки зрения борьбы против поджигателей войны и защиты интересов подлинного мира, явилось историческое постановление Верховного Совета СССР об учреждении Наркомата военно-морского флота.

Тов. Молотов сказал: «Во всяком случае, все говорит за то, что нам нужно иметь сильный военно-морской флот.

Мы считаем так: главное, чтобы был крепок и могуч наш государственный корабль, а он, как мы знаем, крепок и все больше крепнет. Наш советский строй могуч и хочет быть еще могущественнее, хочет быть неприступным для врагов. Из этого мы делаем вывод, что нам нужна сильная Красная армия и нам нужен сильный военно-морской флот. У могучей советской державы должен быть соответствующий ее интересам, достойный нашего великого дела, морской и океанский флот.

Для того, чтобы организовать этот флот с его сложным техническим оснащением, с его мощной морской артиллерией, с его соответствующей достоинству советского флота морской авиацией, и для того, чтобы воспитать по-советски многочисленные кадры квалифицированных моряков и морских техников, нужен новый наркомат, нужен Наркомат военно-морского флота.

Именно потому, что выросла наша Красная армия, что и здесь нужна громадная повседневная работа по дальнейшему ее укреплению, по ее дальнейшему техническому оснащению, нужна

---

[5] Бюллетень № 1 Совместного заседания Совета Союза и Совета Национальностей, изд. Верховного Совета СССР, 1938, стр. 39.

[6] Там же.

[7] Там же.

значительно лучшая работа по большевистскому воспитанию преданных родине красноармейцев и командиров, именно потому, что руководство всем этим делом в Красной армии имеет перед собой громадные задачи, а военно-морской флот требует специального и притом усиленного к себе внимания, мы считаем необходимым, наряду с Наркоматом обороны, иметь Наркомат военно-морского флота.

Наша задача — поднять еще выше дело обороны сухопутных границ и морских берегов Советского Союза. Надеемся, что наши моряки с честью выполнят свою задачу, а Наркомморфлот настойчиво и без устали будет работать над созданием сильного советского военного морского флота» [8].

Продолжительные аплодисменты, покрывшие эти исторические слова главы советского правительства, подчеркнули полное единодушие правительства и народа и в этом вопросе.

Нет никакого сомнения, что под мудрым руководством великого Сталина советская страна в кратчайший срок создаст непобедимую советскую армаду, что Красный военно-морской флот мощью своих кораблей, своей морской артиллерии, своей морской авиации, своими героями-краснофлотцами сделает еще более неприступными советские рубежи, еще крепче замкнет пограничные замки наших советских застав, всегда готовый бесстрашно и достойно встретить врага, откуда бы он ни повел свое нападение на священную землю социализма..

Постановление Верховного Совета СССР о праве Президиума Верховного Совета СССР объявлять военное положение также имеет громадное общественно-политическое значение.

В условиях ожесточенной, озверелой борьбы против социалистического строительства в СССР капиталистических элементов, фашистских агентов, троцкистско-бухаринских подонков, подготовляющих вкупе со своими хозяевами из фашистских генштабов войну против СССР, мы должны быть обеспечены всеми средствами разгрома наших врагов.

Одним из таких средств несомненно является военное положение, объявляемое Президиумом Верховного Совета СССР в отдельных местностях или по всему Союзу ССР в интересах обороны СССР и обеспечения общественного порядка и государственной безопасности.

Объявление военного положения не приостанавливает действия Конституции и гарантированных ею гражданских прав и свобод. Военное положение, объявляемое в интересах обороны СССР и обеспечения общественного порядка и государственной безопасности,— это вполне конституционный акт, опирающийся на свободно выраженную советским народом волю миллионных масс рабочих, крестьян, советской интеллигенции.

В капиталистических странах исключительные положения и всякого рода чрезвычайные меры направлены против интересов трудящихся и в интересах эксплоататорского меньшинства. В этих странах чрезвычайные меры, военные и исключительные положения и т. п. являются средствами порабощения трудящихся, подавления народа, восстающего за свою свободу, борющегося за свое освобождение. Эти меры поэтому несовместимы с гражданскими свободами и с правами граждан, завоеванными народом в борьбе с реакцией. Примером того, в какое вопиющее противоречие с гражданской свободой, провозглашенной буржуазными конституциями, вступают в капиталистических странах чрезвычайные меры, могут служить события 1926 г. в Англии.

Всеобщая стачка английских углекопов привела английскую буржуазию в трепет, заставивший отбросить в сторону конституционные гарантии неприкосновенности личности, жилища, свободы передвижения и т. д. и т. п., провозглашенные английской конституцией.

Знаменитый Habeas corpus act был немедленно приостановлен и лишен всякой силы перед лицом надвигавшейся на английскую буржуазию «красной опасности» — опасности победы рабочего класса, выступившего на борьбу с эксплоататорами.

Стоило только углекопам выйти на улицу и тряхнуть плечом, предъявив капиталистам свои справедливые пролетарские требования, как от английской хваленой конституции не осталось и следа! Это и неудивительно. Ведь в Англии существует не только Habeas corpus act, своевременно убираемый со сцены правящей капиталистической кликой, но и так называемый Act of indemnity (акт амнистии), предрешающий безнаказанность министров за нарушение конституции. Этот Act гласит буквально следующее: «В случае каких-нибудь неожиданных обстоятельств, например, возмущения или вторжения неприятеля, если министерству нужны дополнительные полномочия, оно должно тотчас же созвать парламент и просить таких полномочий, которые кажутся ему необходимыми для защиты страны. В ожидании же этого министры, рискуя даже нарушить законы, должны принимать все меры, какие они сочтут необходимыми для восстановления порядка или для отражения неприятеля, рассчитывая, что в случае, если при этом придется в силу необходимости нарушить тот или иной закон, парламент после своего созыва не откажется утвердить акт о сложении ответственности» [9].

Такое декларирование с последующим освобождением от ответственности за нарушение законов, если дело идет о так называемом «восстановлении порядка», т. е. о подавлении восставшего народа, чрезвычайно характерно для правильной оценки того, что стоит буржуазная демократия, что стоят провозглашенные буржуазными конституциями «гражданские права и свободы», что стоят сами эти, с позволения сказать, конституции.

Нельзя не отметить тут же, что по английскому Act of indemnity не делается никакого различия между восстанием и нападением неприятеля, иначе говоря, восставшие народные массы приравниваются к неприятелю со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Недаром поэтому Энгельс еще в 1842 г. весьма нелестно отозвался об английской конституции и английской свободе, когда писал: «В чем другом заключается прославленная английская свобода, как не в чисто формальном праве делать и по-

[8] Бюллетень № 1 Совместного заседания Совета Союза и Совета Национальностей, изд. Верховного Совета СССР, 1938, стр. 40—41.

[9] Цит. по П. Карееву, Парламентаризм и представительная форма правления в главных странах современной Европы, 1906, стр. 49.

ступать по произволу в пределах, установленных законами? И что это за законы? Хаос запутанных, взаимно противоречащих постановлений, которые низвели правоведение до уровня чистой софистики...» [10].

Известно, что Бенжамен Констан, которого никак нельзя упрекнуть в сколько-нибудь недоброжелательном отношении к английскому конституционному строю, отмечал, что «во время революции наши правительства часто высказывали притязания на право нарушать конституцию ради ее спасения». Наиболее ярким выражением таких «притязаний» и являются акты, подобные Act of indemnity. Исключительные положения и чрезвычайные меры в буржуазно-демократических странах приостанавливают, аннулируют конституционные гарантии, провозглашенные буржуазными конституциями на словах и грубо нарушаемые здесь на деле. Это делается здесь тем легче, что самые буржуазные конституции содержат в себе, наряду с некоторыми прогрессивными элементами, и элементы реакционные, выручающие буржуазию в критических случаях жизни.

Буржуазно-демократические конституции, выражающие собой победу передовой промышленной буржуазии над отжившим свой век феодализмом, являются по существу реакционными, антидемократичными, направленными против демократии, против народных интересов. Являясь прямым результатом реального соотношения классовых сил в данной стране, обращенные всегда в конечном счете против народа и народных интересов, эти конституции преисполнены глубокого внутреннего противоречия, содержат в себе немало «законных» или «конституционных» возможностей ликвидировать в необходимых случаях гарантии, предоставляемые ими народу. Во всех случаях выступления народных масс против существующего в капиталистических странах общественного и государственного порядка эти конституции дают господствующим в буржуазных странах эксплоататорским классам легкую возможность лишить народ «гарантированных» ему прав и свобод.

Поэтому конституционные принципы буржуазно-демократических конституций не способны пережить конфликты, возникающие здесь на почве классовых антагонизмов.

«Когда,— читаем мы у известного буржуазного историка Н. Кареева,— между наличным соотношением реальных сил общества и конституционным актом, закреплявшим известное соотношение, возникало несоответствие (если только его не было уже в момент составления конституции), писанная конституция не переживала возникавшего на такой почве конфликта» [11].

В этой пышной тираде основная мысль ясна и проста. Она заключается в констатировании того факта, что конституционные принципы в буржуазных странах сохраняют свое значение и способность действовать лишь до поры до времени, пока не сталкиваются с такими интересами господствующих классов, которые требуют в соответствии со сложившейся политической обстановкой отложить эти принципы в сторону и обратиться к другим, более «реальным» «принципам».

Всякого рода исключительные положения и прочие чрезвычайные меры в капиталистических странах и служат осуществлению этих, более «реальных» «принципов», чем принципы конституции.

Не очевидно ли, что военные и всякие иные исключительные, чрезвычайные и тому подобные положения и меры в буржуазных странах означают отмену конституционных гарантий и самих конституций, означают развязывание реакционных начал, сохранившихся в этих конституциях, и, так сказать, припасенных на черный день, на случай, когда выгоднее пренебречь конституционными побрякушками и конституционной мишурой и действовать по-настоящему, по-военному!..

Ничего подобного, разумеется, нет и не может быть в нашей стране, в стране последовательного до конца, подлинно социалистического демократизма. Военное положение в нашей стране всем своим острием направляется против наших врагов, против фашистских поджигателей войны и интервенции и их троцкистско-бухаринской агентуры. Право объявления военного положения в СССР имеет своей единственной задачей охрану интересов нашего многонационального и многомиллионного советского народа. Оно предназначено для защиты неприкосновенности, благоденствия и благополучия нашего народа и нашей родины.

Вот почему право объявления военного положения, как и право объявления состояния войны, в случае военного нападения на СССР или в случае необходимости выполнения международных договорных обязательств по взаимной обороне от агрессии, сами по себе являются величайшими конституционными принципами, гарантирующими соблюдение интересов нашего народа и советского государства.

Принятие Верховным Советом СССР этого постановления является необходимейшим дополнением нашей Конституции, стоящей на страже построенного миллионами рабочих, крестьян и интеллигенции нового, социалистического общества.

Крупнейшими политическими актами, отмечающими первую сессию Верховного Совета СССР, являются избрание Президиума Верховного Совета СССР во главе с тов. М. И. Калининым и образование правительства во главе с тов. В. М. Молотовым.

Образование правительства, формирование которого Верховным Советом СССР было поручено, под бурные аплодисменты обеих палат, тов. В. М. Молотову, явилось внушительнейшей демонстрацией полного морального и политического единства народов СССР, сплоченных, как никогда, вокруг своего правительства и своей родной коммунистической партии во главе с великим учителем и вождем всех трудящихся — товарищем Сталиным.

Образование правительства сопровождалось выступлением депутатов тт. Жданова, Косиора, Багирова, подвергнувших критике работу некоторых наркоматов, критике, вполне ими заслуженной и вполне справедливой.

Эта критика показала подлинную большевистскую силу социалистического парламента, бесстрашно вскрывающего недостатки в работе отдельных наркоматов и их руководителей, бес-

---

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс, т. II, стр. 270.

[11] Н. Кареев, Происхождение современного народно-правового государства, СПБ, 1908, стр. 455.

страшно бичующего их пороки и безжалостно вырывающего из советского поля сорную траву.

В беседе с Рой Говардом товарищ Сталин предсказал неизбежность у нас при действии новой Конституции избирательной борьбы со всеми вытекающими из нее последствиями.

Товарищ Сталин говорил: «Вам кажется, что не будет избирательной борьбы. Но она будет, и я предвижу весьма оживленную избирательную борьбу. У нас не мало учреждений, которые работают плохо. Бывает, что тот или иной местный орган власти не умеет удовлетворить те или иные из многосторонних и все возрастающих потребностей трудящихся города и деревни. Построил ли ты или не построил хорошую школу? Улучшил ли ты жилищные условия? Не бюрократ ли ты? Помог ли ты сделать наш труд более эффективным, нашу жизнь более культурной?» [12].

Вот критерии, с которыми, по словам товарища Сталина, миллионы избирателей будут подходить к кандидатам. Это, как и вся избирательная система, подтянет наши учреждения, создаст такое отношение, при котором «всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти» [13].

Это предвидение товарища Сталина полностью оправдалось. Критика в Верховном Совете СССР неудовлетворительной работы НКЮ СССР, Комитета заготовок и Комитета по делам искусств сказалась именно тем «хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти», о котором говорил товарищ Сталин.

Эта критика не может не оказать и несомненно окажет громадное влияние на все наши учреждения, которые обязаны хорошо работать, так работать, как работал Ленин, как работает Сталин, отдавая все свои силы и всю свою жизнь служению своему народу, великому делу борьбы за коммунизм.

Итоги первой сессии Верховного Совета СССР огромны. Они зовут всех нас к энергичной, творческой работе на благо нашего народа, на благо социализма.

Наши прокуроры и наши судьи, призванные охранять незыблемость социалистического закона, беспощадно громить презренных троцкистско-бухаринских агентов иностранных разведок, защищать неприкосновенность и незыблемость советского социалистического государственного и общественного строя, бороться за советский социалистический правопорядок, за социалистическую дисциплину, за интересы и права советских граждан, обязаны со всей решительностью, со всей большевистской принципиальностью, стойкостью, последовательностью и бесстрашием действовать, как подобает советским прокурорам, хранителям законности великого социалистического государства рабочих и крестьян!

Я. ГОРБУЛЕВ

Решения январского пленума ЦК ВКП(б)

Доклад товарища Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) и решения этого пленума с необычайной яркостью вскрыли сущность и методы борьбы троцкистско-правых агентов фашизма против партии и советской власти.

Пленум дал в руки партии и трудящихся масс Советского Союза мощное орудие для разоблачения и выкорчевывания врагов народа. Пленум дал большевистский анализ сущности троцкизма, уже давно переставшего быть политическим течением в рабочем классе.

> «Наши партийные товарищи не заметили,— сказал в своем докладе на пленуме тов. Сталин,— что троцкизм перестал быть политическим течением в рабочем классе, что из политического течения в рабочем классе, каким он был 7—8 лет тому назад, троцкизм превратился в оголтелую беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств».

Троцкистско-правая банда шпионов, диверсантов и вредителей, пользуясь политической беспечностью ряда партийных и советских руководителей, проводила подрывную работу на всех решающих участках социалистического строительства. Троцкисты и бухаринцы — ставленники японо-германского фашизма в борьбе против нашей партии и советской власти не брезгали никакими средствами: шпионаж, террор, организация диверсий и т. п. Всячески маскируясь, эти люди старались сохраниться в партии для того, чтобы получить еще большую возможность вредить и пакостить нашей родине.

Вождь нашей партии со свойственной ему гениальностью указал пути и методы успешной борьбы и выкорчевывания этой троцкистско-правой банды. Товарищ Сталин, вскрыв причины, давшие возможность этим предателям долгое время вредить и пакостить нам, поставил перед партией и всей страной основные задачи по успешной борьбе и выкорчевыванию троцкистско-бухаринских бандитов и ликвидации последствий вредительства.

До февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) многие партийные организации замыкались в узких рамках текущих вопросов, подменяя подчас действительную политическую работу делячеством. На пленуме товарищ Сталин заострил внимание всех парторганизаций на больших политических вопросах международного и внутреннего характера. Товарищ Сталин подчеркнул, что капиталистическое окружение СССР является основным фактором, определяющим международное положение Советского Союза, что в этих условиях закономерной является засылка со стороны капиталистических стран, а тем более фашистских стран, в Страну советов диверсантов и шпионов, вербовка ими таковых среди троцкистских резервов и сохранившихся в совет-

[12] Беседа товарища Сталина с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» г-ном Рой Говардом 1 марта 1936 года, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 15.

[13] Там же.

ской стране осколков капиталистических элементов, для того, чтобы ослабить экономическую и оборонную мощь Советского Союза.

Товарищ Сталин указал на необходимость вести борьбу с такими товарищами, которые недооценивают значения факта капиталистического окружения. Он указал, что необходимы новые методы борьбы с врагами,— разгром и выкорчевывание подлых предателей родины.

На основании этих указаний вождя партия провела большую работу по очищению своих рядов от троцкистско-правых агентов фашизма, по разгрому и выкорчевыванию предателей социалистической родины.

1937 год явился годом разгрома и выкорчевывания врагов народа, предателей родины.

Исключительно большая работа была проведена органами НКВД под руководством соратника товарища Сталина — товарища Н. И. Ежова. В результате огромной работы, проведенной советской разведкой, гнезда подлых врагов народа в основном выявлены и разгромлены.

Процесс антисоветского троцкистского центра, процесс троцкистского параллельного центра, приговор Военной коллегии по делу банды Тухачевского, Якира и других, а также по делу врагов и предателей народа Шеболдаева, Карахана и других, показывают силу и мощь пролетарской диктатуры.

В результате проведенной после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) работы по разгрому и выкорчевыванию врагов народа наша партия еще более закалилась, окрепли советские хозяйственные органы нашей страны и стали более боеспособными в деле выполнения важнейших и хозяйственных задач, стоящих перед нами на данном этапе.

Руководствуясь указаниями февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) и товарища Сталина, Прокуратура Союза и прокурорские органы на местах провели за истекший год значительную работу по очищению своих рядов от контрреволюционных элементов, разложившихся и чуждых людей. В результате очищения этих элементов органы прокуратуры окрепли и стали более подготовленными к выполнению возложенных на них партией и правительством задач по укреплению социалистической законности в стране.

Январский пленум ЦК ВКП(б) составляет важнейшее событие в жизни партии.

Январский пленум ЦК ВКП(б), отметив большую работу, проведенную партией по борьбе с врагами народа, вместе с тем констатировал, что парторганизации и их руководители допустили серьезные ошибки и грубейшие извращения в вопросе исключения коммунистов из рядов партии. Пленум отметил, что во многих случаях партийные руководители подходят совершенно неправильно и преступно-легкомысленно к решению вопросов об исключении коммунистов из партии, что парторганизации забыли неоднократные указания партии о внимательном, бережном и чутком отношении к члену партии. Кое-кто из партийных руководителей не усвоил того положения, что бдительность и чуткое отношение к человеку представляют собой одно неразрывное целое. Такие руководители стали на путь противопоставления бдительности чуткому отношению к члену партии, наделав при этом кучу ошибок. Партия всегда учила, как бороться с врагами партии. Сурово наказывая и выбрасывая из партии чуждых людей, врагов, мошенников, жуликов и зазнавшихся вельмож, партийные органы должны чутко и заботливо относиться к членам партии, допустившим отдельные ошибки, исправляя их и предупреждая этим повторение таковых. Партия всегда учила, что необходимо решительно бороться с теми, кто сводит личные счеты, кто пытается на мнимом разоблачении составить себе карьеру. Бдительность и чуткое отношение к человеку — одно неразрывное целое.

Партия всегда учила, что тот, кто не ведет борьбы с этими враждебными элементами, превращает борьбу с врагами народа в пособничество врагам, в борьбу с партией.

Еще III пленум КПК, состоявшийся в марте 1936 г., предупреждал парторганизации против огульного массового наложения партвзысканий на членов и кандидатов партии. В постановлении КПК записано:

«Плохо разоблачая примазавшихся, разложившихся и враждебных партии людей, оставляя часто безнаказанной их преступную деятельность, в то же время многие партийные организации практиковали огульное массовое наложение взысканий на членов и кандидатов партии по всякому малозначительному поводу, часто ничего общего не имеющему с нарушением партийной дисциплины».

В этом же постановлении говорится:

«Во всех случаях, когда партколлегии установят, что наказание члена партии или исключение его из рядов ВКП(б) вынесено соответствующей партийной организацией неправильно, они должны, не ограничиваясь только отменой этого решения, тщательным образом выяснить, почему именно вынесено такое неправильное решение, и в тех случаях, когда будет обнаружено преднамеренное, необъективное или поверхностное отношение к делу, наказать виновных, доведя об этом до сведения как той организации, которая вынесла это решение, так и вышестоящих партийных органов».

Если бы партийные руководители, о которых говорит постановление январского пленума ЦК ВКП(б), в своей практической работе неуклонно руководствовались бы этим постановлением третьего пленума КПК, разве не ясно, что они избегли бы тех крупнейших ошибок, которые наделали, не допустили бы того массового, валового подхода к членам партии, о котором говорит постановление недавно закончившегося пленума ЦК ВКП(б).

Далее февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) резко осудил практику формально-бездушного отношения к членам партии при рассмотрении вопроса о пребывании в партии и обязал парторганизации проявить максимум осторожности и товарищескую заботу о судьбе отдельных членов партии как при решении вопроса об исключении из партии, так и при рассмотрении вопроса об оставлении в рядах партии.

На февральско-мартовском пленуме ЦК в 1937 г. товарищ Сталин, ставя со всей остротой перед членами партии задачу по разгрому и выкорчевыванию врагов народа, считал необходимым тут же предупредить против бездушно-бюрократического отношения к судьбе отдельных членов партии.

«Дело в том,— сказал товарищ Сталин,— что некоторые наши партийные руководители стра-

дают отсутствием внимания к людям, к членам партии, к работникам. Более того, они не изучают членов партии, не знают, чем они живут и как они растут, не знают вообще работников. Поэтому у них нет индивидуального подхода к членам партии, к работникам партии. И именно потому, что у них нет индивидуального подхода при оценке членов партии и партийных работников, они обычно действуют наобум: либо хвалят их огулом, без меры, либо избивают их также огулом и без меры, исключают из партии тысячами и десятками тысяч. Такие руководители вообще стараются мыслить десятками тысяч, не заботясь об «единицах», об отдельных членах партии, об их судьбе. Исключить из партии тысячу и десятки тысяч людей они считают пустяковым делом, утешая себя тем, что в партии у нас два миллиона и десятки тысяч исключенных не могут что-либо изменить в положении партии. Но так могут подходить к членам партии лишь люди, по сути дела глубоко антипартийные» [1].

Однако и это предупреждение вождя партии рядом руководителей парторганизаций не было выполнено.

Забыв эти указания, руководители ряда парторганизаций не разглядели, более того, пошли на поводу карьеристов-коммунистов и не разоблаченных оставшихся еще в рядах партии действительных врагов народа.

Январский пленум ЦК сорвал маску с карьеристов-коммунистов и врагов народа и показал на ряде примеров и фактов их антипартийную вражескую работу.

Об этой категории «коммунистов» говорил еще тов. Ленин в докладе на VIII съезде партии:

> «К нам присосались кое-где карьеристы, авантюристы, которые назвались коммунистами и надувают нас, которые полезли к нам потому, что коммунисты теперь у власти. У карьеристов нет никаких идей, нет никакой честности. Это люди, которые стремятся только выслужиться, пускают на местах в ход принуждение и думают, что это хорошо» [2].

Пленум ЦК ВКП(б) констатировал, что в партийных организациях среди коммунистов еще не вскрыты и не разоблачены «отдельные карьеристы-коммунисты, старающиеся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, на репрессиях против членов партии, старающиеся застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения огульных репрессий против членов партии». Такой член партии опасен для партии, такой член партии способен предать интересы партии в угоду своим личным карьеристским, шкурническим интересам.

Борьба с врагами народа, троцкистско-правой агентурой фашизма не может быть в полной мере успешной без того, чтобы не вкрыть и не разоблачить карьеристов-коммунистов, этих обывателей с партбилетом в кармане, не содержащих в себе ни грана большевизма и старающихся построить свое личное благополучие, создавая видимость «бдительности», а по сути дела создающих все условия для активной деятельности врагов народа.

Враги народа, сохранившиеся еще в рядах партии, избрали в качестве одного из своих тактических приемов борьбы с советской властью мнимое разоблачение врагов народа, в действительности честных членов партии, преданных своей родине людей, совершивших в своей практической работе отдельные ошибки или даже не совершивших никаких ошибок. Эти враги создают себе репутацию «бдительных» коммунистов для того, чтобы отвлечь удар партии от себя.

Пленум ЦК ВКП(б) отметил, что многие партийные организации и их руководители

> «не сумели разглядеть и разоблачить искусно замаскированного врага, старающегося криками о бдительности замаскировать свою враждебность и сохраниться в рядах партии — это во-первых, и, во-вторых,— стремящегося путем проведения мер репрессий перебить наши большевистские кадры, посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в наших рядах».

Именно такой враг, как констатирует пленум, является подлым провокатором и злейшим предателем социалистической родины.

Борьба с врагами народа, троцкистско-правой агентурой фашизма не может быть в достаточной мере успешной без того, чтобы не вскрыть попытки замаскированного врага — «разоблачать» невиновных и покрывать подлинных врагов народа.

Партийные организации и их руководители вместо того, чтобы сорвать маску лживой бдительности с карьеристов-коммунистов и разоблачить притаившегося в партии врага, вывести этих притаившихся врагов на чистую воду, сами нередко создавали им «ореол бдительных борцов за чистоту рядов партии».

Пленум ЦК требует от партийных организаций и их руководителей решительных мер, подлинной большевистской бдительности по разоблачению карьеристов-коммунистов и врагов народа.

Огульный валовой подход к судьбе членов партии может быть объяснен только преступно-легкомысленным отношением со стороны отдельных руководителей партийных организаций к судьбе членов партии.

Пленум ЦК ВКП(б) призвал все партийные организации к прекращению подобной практики, к ликвидации без остатка «антипартийной практики огульного, неиндивидуального, валового подхода к людям, к членам партии».

Умение сочетать два требования — безжалостное отношение к врагам и любовное, товарищеское отношение к членам партии — требует тщательной проверки — кто друг, кто враг.

Пленум ЦК призвал всех членов партии понять, что существо большевистской бдительности состоит в том, чтобы разоблачить врагов, как бы они ни маскировались и в какую бы тогу они ни рядились, что большевистская бдительность не исключает, а предполагает заботливое, чуткое, товарищеское отношение к члену партии при рассмотрении вопроса об исключении его из партии или о восстановлении исключенных членов партии.

Пленум ЦК ВКП(б) не только дал большевистский анализ ошибок партийных организаций при исключении коммунистов из партии, но и вынес целый ряд совершенно конкретных мер по устранению этих недостатков. Он обязал обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий и все партийные организации решительно покончить с

---

[1] Сталин, О недостатках партийной работы, стр. 43

[2] Ленин, т. XXIV, стр. 167.

огульным исключением коммунистов из партии, установить индивидуальный, дифференцированный подход при решении этих вопросов, привлекать к партийной ответственности тех партийных руководителей, которые, не выполняя директивы ЦК ВКП(б), исключают из партии без тщательной проверки всех материалов.

Пленум обязал обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий и партколлегии в 3-месячный срок закончить рассмотрение апелляций всех исключенных из партии.

Пленум обязал все партийные комитеты четко и ясно формулировать причины исключения из партии, точно излагать мотивы, послужившие основанием к исключению, с тем чтобы выше стоящие партийные органы имели возможность проверить правильность применения столь суровой меры партийного взыскания.

Пленум запретил «неправильную, вредную практику, когда исключенных из ВКП(б) немедленно снимают с занимаемой ими должности», и установил, что во всех случаях, когда в связи с исключением из партии оказывается необходимым освободить работника от занимаемой им должности, это освобождение может иметь место лишь только после предоставления ему иной работы.

Пленум обязал также партийные органы обеспечить через советские и хозяйственные органы поступление всех исключенных из ВКП(б) на работу к 15 февраля и впредь не допускать такого положения, чтобы исключенные из ВКП(б) оставались без работы.

Решение Центрального комитета партии Ленина — Сталина является еще одним из доказательств заботливого, чуткого отношения партии к людям, к кадрам. Оно (это решение) вскрывает еще один хитрый маневр врагов, двурушников, которые, всячески маскируясь, пытаются направить отдельные партийные организации на путь репрессирования невиновных, с тем чтобы отвести от себя удар и сохранить себя в рядах партии для продолжения вредительской подрывной работы.

Это историческое решение ЦК дает в руки всей партии и каждому ее члену мощное большевистское оружие для борьбы с подлинными врагами народа и имеет огромное воспитательное значение, обучая ленинско-сталинскому отношению к человеку, к члену партии.

Из решения январского пленума ЦК ВКП(б) вытекают для органов прокуратуры очень серьезные и ответственные задачи.

Работники прокуратуры поставлены партией на серьезнейшем посту по борьбе за укрепление социалистической законности в стране.

В свете этого постановления органы прокуратуры обязаны перестроить свою работу и обеспечить выполнение ленинско-сталинского указания о внимательном, заботливом, чутком отношении к людям, кадрам, составляющим самый ценный капитал, стать более боеспособными по защите прав и интересов граждан нашей социалистической родины.

Решение пленума ЦК ВКП(б) касается не только работы партийных органов. Оно имеет непосредственное и прямое отношение к советским органам, в особенности к органам прокуратуры.

В работе некоторых органов прокуратуры имеет место огульное привлечение к уголовной ответственности без достаточных оснований. Неосновательное привлечение к уголовной ответственности лиц, не виновных в совершении каких-либо преступлений, играет на руку врагам, озлобляет неосновательно привлеченных, сеет недовольство.

Отдельные прокурорские работники вместо того, чтобы бороться за нерушимость советских законов, своими действиями сеют беззаконие, оказывая тем самым большие услуги врагам народа.

В среде прокуроров и следователей имеются такие карьеристские элементы с партбилетом в кармане или без него, которые легкой рукой отдают под суд, не заботясь об обоснованности обвинения, лишь бы самим казаться бдительными и нажить капитал.

Имеют место и такие факты, когда отдельные работники прокуратуры в своей практической работе допускают перестраховку, предавая суду людей без достаточных к тому оснований, перехлестывая и считая добродетелью лучше перегнуть, чем недогнуть. Не приходится говорить об антипартийности, а следовательно, политическом вреде, которые наносятся партии и государству такими, с позволения сказать, прокурорами. В органах прокуратуры и суда имеются еще неразоблаченные враги народа, которые, хитро и ловко маскируясь, насаждают беззаконие, дискредитируя советские порядки и советскую власть.

Разоблачать врага в нашей среде, снять с него маску, разоблачить карьеристов, бить метко и без промаху — вот вывод, который должен для себя сделать каждый партийный и беспартийный большевик — прокурор, судья и следователь.

Ряд фактов указывает, что в органах прокуратуры есть люди, которые не умеют и неспособны обеспечить защиту прав граждан, ставших жертвой клеветы замаскировавшихся врагов народа, либо шкурников, карьеристов.

Прокурор, не могущий обеспечить защиту прав граждан, не умеющий бесстрашно вступать в борьбу против клеветы, откуда бы она ни исходила, не может находиться на прокурорском посту.

Имеющиеся факты говорят о том, что и в органах прокуратуры было немало случаев необоснованного снятия с должности прокуроров и следователей только лишь на основании непроверенных заявлений, без предварительной, обязательной проверки таковых.

Особенно важно отметить, что так действовали обычно те «руководители», которые впоследствии сами были разоблачены как враги народа. Для иллюстрации приведем некоторые факты.

В Московской городской прокуратуре работала в качестве следователя тов. Дейч, которая, по отзывам очень многих прокурорских работников, является квалифицированным опытным следователем. Достаточно было заявления заведующего спец. частью городской прокуратуры Морковкиной о том, что Дейч вела с нею антисоветские разговоры, чтобы Дейч была немедленно уволена с работы в органах прокуратуры. Между тем, произведенным впоследствии расследованием установлено, что Дейч в свое время в разговоре с Морковкиной указала, что некая Преображенская в беседе с ней сообщила, что в одном из лагерей для заключенных имели место нарушения со стороны администрации установленного соответствующими органами порядка. Характерно отметить, что заключение о необходимости увольнения Дейч с работы было пред-

ставлено бывшим старшим помощником городского прокурора Гарт, впоследствии разоблаченной как враг народа. Увольнение было произведено бывшим городским прокурором Филипповым, также разоблаченным как враг народа, и санкционировано бывшим заместителем прокурора РСФСР — Нюриной, в настоящее время снятой с работы за антипартийные проступки.

Бывший прокурор г. Баку т. Подольский был отстранен от работы немедленно по поступлении в партийные органы компрометирующих его заявлений. В этих заявлениях, поданных Протасовым и Айрапетовым, как было впоследствии установлено, в результате личных неприязненных отношений к Подольскому, указывалось, что последний якобы в 1925—1926 г. принимал участие в деятельности троцкистской контрреволюционной группы и является великодержавным шовинистом. Между тем проведенной затем проверкой было установлено, что оба эти заявления носят клеветнический характер, что Подольский никогда ни в каких троцкистских группировках не участвовал и не проводил в работе великодержавный шовинизм, а также и то, что заявления эти имели целью скомпрометировать Подольского, для того чтобы добиться снятия его с работы.

Разве не ясно, что заботливое, товарищеское отношение к человеку требовало предварительной проверки фактов, прежде чем отстранить Подольского от работы?

Фактом бездушного, бюрократического подхода к рассмотрению вопроса о снятии с работы является случай с бывшим народным следователем Каменского района Челябинской области — Рожиным. Рожин был снят с работы бывшим вредительским руководством Челябинской облпрокуратуры по мотивам родственной связи с репрессированным вредителем. Приказ о снятии Рожина с работы был проштампован Прокуратурой РСФСР. Интересно отметить, что когда Прокуратура Союза истребовала из Прокуратуры РСФСР материалы, послужившие основанием к увольнению Рожина, Прокуратура РСФСР не выслала их, так как их у нее не оказалось.

Истребованный же из Челябинской областной прокуратуры материал состоял из протокола допроса Рожина о характере его связи с арестованными вредителями, причем, как это видно из протокола, кроме родственных отношений, между Рожиным и вредителем других отношений не было.

Рожин в 1937 г. окончил Свердловский юридический институт, только что вступил на самостоятельный трудовой путь и сразу же столкнулся с фактом бюрократического, бездушного отношения со стороны людей, штамповавших приказы вредителей.

Приведенные случаи не являются единичными. Уже сейчас имеются сигналы об огульном подходе к снятию работников в ряде областей, в особенности в Куйбышевской и Смоленской прокуратурах.

Органы прокуратуры должны не только покончить с необоснованным снятием с работы прокуроров и следователей, не только решительно разоблачать и выводить на чистую воду карьеристов-коммунистов и врагов народа, притаившихся кое-где в органах прокуратуры,— они должны развернуть работу так, чтобы покончить с теми безобразиями, искривлениями и перегибами, которые еще имеют место в хозяйственных и советских организациях, по необоснованному увольнению честных партийных и беспартийных работников. К этому их обязывает Сталинская Конституция. Эти требования вытекают из решений январского пленума ЦК нашей партии.

На первой сессии Верховного Совета СССР при обсуждении вопроса о назначении Прокурора СССР, депутат тов. Петровский, выступая от имени Совета Старейшин, выразил уверенность, что органы суда и прокуратуры и товарищ Вышинский на посту Прокурора Союза ССР займут подобающее им место в могучем социалистическом государстве.

Значение Пленума ЦК ВКП(б) определяет задачи партийных органов, а также органов диктатуры пролетариата в важнейшем вопросе — в борьбе с врагами народа, перестраховщиками, карьеристами. Эти задачи под руководством великой партии Ленина — Сталина будут успешно выполнены всеми органами прокурорской системы.

Е. ШИРВИНДТ

90 лет „Манифеста Коммунистической партии“

«Манифест Коммунистической партии» написан Марксом и Энгельсом накануне февральской революции 1848 года. В чеканных формулах «Коммунистического манифеста» основоположники марксизма провозгласили принципы научного коммунизма.

«Коммунистический манифест» — величайшее произведение марксистской мысли, самый революционный документ эпохи, в котором «рабочий класс заявляет о своей смертельной ненависти к буржуазному обществу».

Основываясь на глубочайшем историческом опыте революционного развития, вскрывая сущность капиталистических отношений, Маркс создал теорию классовой борьбы и исторической роли пролетариата.

«Теоретические положения коммунистов ни в какой мере не обосновываются на идеях, на принципах, выдуманных или открытых тем или другим обновителем мира.

Они являются лишь общим выражением действительных отношений существующей ныне классовой борьбы, совершающегося на наших глазах исторического движения» [1].

В «Коммунистическом манифесте» дана теория развития рабочего класса в капиталистическом обществе и точно выражены его исторические задачи.

«В этом произведении,— говорит Ленин,— с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, стр. 29.

глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества»[1].

Великая Октябрьская социалистическая революция, победившая в октябре 1917 г., свергла на одной шестой части мира власть буржуазии. Коммунистическая партия в СССР под руководством Ленина и Сталина осуществила лозунги «Коммунистического манифеста».

Социализм — первая фаза коммунизма — построен в нашей стране, он «вошел в быт, в повседневный быт народа» (Сталин).

«Коммунистический манифест» написан Марксом и Энгельсом как программа «Союза коммунистов» — первой боевой партии пролетариата. «Союз коммунистов» образовался летом 1847 года. До него самой крупной коммунистической организацией был «Союз справедливых», возникший в 1836 году в Париже. Будучи организацией заговорщического характера, «Союз справедливых» просуществовал недолго и после попытки восстания Бланки, совершившегося в 1839 году (12 мая), прекратил свое существование. Его главные деятели Шаппер, Бауэр, Моль, покинув Париж, организовали в Лондоне так называемое «Рабочее просветительное общество».

Разочаровавшись в заговорщических формах борьбы как методе, оторванном от масс, общество принимает все более и более пропагандистский характер. В этот период членами общества становятся Маркс и Энгельс. Собирается съезд, который принимает для новой организации название «Союза коммунистов» и поручает Марксу и Энгельсу составить манифест от имени партии. Так возник «Коммунистический манифест», восторженно встреченный во всех странах. Он был издан на немецком, французском, английском, датском, польском и русском языках, чем подчеркивалась интернациональность его идей, его характера.

«Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма»,— так начинается «Коммунистический манифест». Для «священной» травли его объединились все силы реакции: «Коммунизм признается уже силою всеми европейскими властями», коммунистам пора изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам «о призраке коммунизма противопоставить манифест самой партии». В первой главе «Манифеста» — «Буржуа и пролетарии» — дается глубочайший анализ буржуазного общества. Ясным становится, что вся история человеческого общества есть борьба классов.

С момента возникновения имущественных различий, когда появились «свободный и раб, патриций и плебей, феодал и крепостной, цеховой мастер и подмастерье, короче — угнетатель и угнетенный» — ведется между ними то затаенная, то открытая, но беспрестанная борьба. Особенностью современного общества является то, что оно поставило друг против друга два враждебных класса, буржуазию и пролетариат, упростив классовые противоречия.

Буржуазия, которая владеет всеми богатствами и властью, и пролетариат, который создает все эти богатства и ничем не владеет,— таковы уже два класса общества эпохи «Коммунистического манифеста».

Рост производительных сил, технический прогресс, изобретения, машины поставили в этот период во главе общества буржуазию. Этот рост не прекращается. Однако этот рост производительных сил, прогресс промышленности порождает кризисы, и буржуазия «производит прежде всего своих собственных могильщиков — пролетариат. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны».

«В каком отношении стоят коммунисты к пролетариям вообще»?— на этот вопрос отвечает вторая глава «Коммунистического манифеста». Коммунисты не имеют каких-либо интересов, отличных от интересов пролетариата. «Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, независящие от национальности интересы всего пролетариата, с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями интересов движения в целом». Пролетариат объединяется в своем классовом самосознании и сосредоточивает свою деятельность, но для полного единства действий и для повышения его сознания в коммунистическом духе ему нужно руководство партии, которая является передовой и решительной и в то же время имеет перед пролетариатом преимущество «в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения».

Отвечая в этой главе на обвинения буржуазии в том, что коммунисты стремятся уничтожить собственность, брак и семью, отечество и национальность, «Манифест» гласит: да, мы хотим уничтожить буржуазную собственность, так как в «вашем современном обществе частная собственность упразднена для девяти десятых его членов; она существует именно благодаря тому, что не существует для девяти десятых». А какого рода семья в буржуазном обществе возможна для рабочих? «В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии; но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в публичной проституции». Наконец, в буржуазном обществе «рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять того, чего у них нет», и лишь господство пролетариата обеспечит расцвет культуры национальной по форме, социалистической по содержанию. Далее дана формулировка основных идей марксизма о диктатуре пролетариата.

«Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, то есть пролетариата, организованного в господствующий класс, и как можно быстрее увеличить совокупность производительных сил». По поводу этой мысли «Коммунистического манифеста» Ленин пишет: «Государство, т. е. организованный в господствующий класс пролетариат, и есть диктатура пролетариата».

В конце этой главы перечисляются десять требований «Коммунистического манифеста», которые могут быть применены повсеместно. Важнейшие из них: экспроприация земельной собственности, конфискация имущества всех эмигрантов и бунтовщиков, одинаковая обязательность труда для всех, общественное и бесплатное воспитание всех детей и т. д. и т. д. По

[1] Ленин, т. XVIII, стр. 6.

поводу всех этих требований, которые были выставлены также в «Принципах коммунизма» Энгельса, товарищ Сталин на XV партконференции в 1926 году, сравнивая их с достижениями Октябрьской революции, сказал, что «девять десятых этой программы уже осуществлено нашей революцией».

Третья глава посвящена критике социалистических течений, которые были прямо враждебны рабочему классу, прикрывая интересы крупной буржуазии и помещиков, либо интересы городской и сельской мелкой буржуазии («реакционный социализм» и «консервативный или буржуазный социализм»). Кроме этого дана отдельно характеристика критически-утопического социализма и коммунизма. В этой главе «Коммунистического манифеста» «с железной твердостью и с пламенной пылкостью говорит научный социализм, обращаясь ко всему миру. Гордо и сознательно заявляет он о своей сущности, противополагая ее игрушкам утопического социализма, а равно и буржуазно-демократическому реформаторству» [1].

И наконец, последняя, четвертая глава говорит о тактике коммунистической партии.

«Тут в каждой фразе духовный динамит, который взорвет капиталистический строй» [2].

«Коммунистический манифест» заканчивается следующими знаменитыми словами:

«Коммунисты считают излишним скрывать свои взгляды и намерения; они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего до сих пор общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед коммунистической революцией. Пролетариям нечего терять в ней, кроме своих цепей. Приобретают же они целый мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Через 70 лет после издания «Коммунистического манифеста», накануне Октября, Ленин написал свою бессмертную книгу «Государство и революция». В ней Ленин ставит на небывалую высоту разработку вопросов марксизма о государстве. С исключительной силой он характеризует классовое общество и буржуазное государство как продукт непримиримости классовых противоречий, как орудие эксплоатации угнетенного класса, и разоблачает оппортунистические, ренегатские теории об «отмирании» государства.

Отвечая на вопрос, чем заменить государственную машину буржуазии, Ленин подчеркивает, что в 1848 году Маркс и Энгельс давали на этот вопрос еще совершенно абстрактный ответ, указывающий лишь задачи, а не способы их разрешения.

«Заменить организацией пролетариата в господствующий класс», «завоеванием демократии» — таков был ответ «Коммунистического манифеста».

Лишь опыт Парижской Коммуны и революционное движение пролетариата, породившее ее, поставило авторов «Коммунистического манифеста» перед изучением конкретных политических форм диктатуры пролетариата.

«Коммуна — «открытая наконец» пролетарской революцией форма, при которой может произойти экономическое освобождение труда.

[1] К. Цеткин, «Карл Маркс и дело социализма».

[2] Там же.

Коммуна — первая попытка пролетарской революции разбить буржуазную государственную машину и «открытая наконец» политическая форма, которою можно и должно заменить разбитое. Мы увидим в дальнейшем изложении, что русские революции 1905 и 1917 годов, в иной обстановке, при иных условиях, продолжают дело Коммуны и подтверждают гениальный исторический анализ Маркса» [1].

Вопрос о диктатуре рабочего класса стал основным вопросом Великой Октябрьской социалистической революции.

Товарищ Сталин говорил:

«Победить буржуазию, свергнуть ее власть революция сможет и без диктатуры пролетариата. Но подавить сопротивление буржуазии, сохранить победу и двинуться дальше к окончательной победе социализма революция уже не в состоянии, если она не создаст на известной ступени своего развития специального органа в виде диктатуры пролетариата в качестве своей основной опоры» [2].

Советы явились той конкретной формой пролетарской диктатуры, которую Великая Октябрьская социалистическая революция превратила в органы государственной власти. Сталинская Конституция гласит, что «политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоеваний диктатуры пролетариата» (ст. 2 Конституции СССР).

Учение Ленина — Сталина о построении социализма явилось конкретным выражением идей «Коммунистического манифеста», и партия большевиков под руководством Сталина осуществила это учение.

«Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, т. е. осуществило то, что у марксистов называется иначе первой или низшей фазой коммунизма» [3].

В советском обществе нет классового антагонизма: власть находится в руках дружественных друг другу классов — рабочих и крестьян — причем государственное руководство обществом (диктатура) принадлежит рабочему классу как передовому классу общества.

«Манифест Коммунистической партии» справедливо называют величайшим программным документом марксизма. Сталинская Конституция — это великая хартия трудящихся СССР — столь же верно названа Конституцией победившего социализма. Заповедь «Манифеста» о первой фазе коммунизма полностью выполнена Сталинской Конституцией.

Под знаменем Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина советское общество добьется осуществления высшей фазы коммунизма, где господствующим принципом будет формула: «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям»; верный залог грядущей победы коммунизма — руководство подлинно народной партии большевиков и ее вождя товарища Сталина.

[1] Ленин, Государство и революция, Партиздат ЦК ВКП(б), 1936 г., стр. 42.

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 25, изд. 10.

[3] Сталин, О проекте Конституции СССР, стр. 16—17.

М. САВИЦКИЙ

20 лет Красной армии

Радостно и любовно отмечает советская страна двадцатилетие рабоче-крестьянской Красной армии и военно-морского флота. Наш народ имеет все основания гордиться своей армией, своим великолепным детищем, воспитанным партией Ленина — Сталина, твердо и непоколебимо охраняющим завоевания социализма, свободу и независимость нашей великой родины.

Красная армия — самая могучая армия в мире. Она сильна и непобедима, потому что кровно спаяна со своим народом, безгранично предана делу социализма, сталинскому Центральному комитету и советскому правительству. Она сильна и непобедима потому, что ею руководят великая партия большевиков и величайший гений человечества товарищ Сталин, потому что во главе ее стоит железный нарком, искусный пролетарский полководец, Клементий Ефремович Ворошилов.

Сила Красной армии в политической сознательности и дисциплинированности ее командиров и бойцов. Каждый командир, политработник и рядовой красноармеец отчетливо понимают назначение и задачи Красной армии как оплота мирного созидательного труда нашего народа, как могучей опоры последовательной мирной политики советского правительства, как неусыпного стража наших границ.

В своем приветствии первой сессии Верховного Совета Союза ССР представитель Красной армии т. Герасимов правильно выразил общее мнение всей Красной армии, когда сказал: «Для нас, красноармейцев, командиров и политработников, незыблемым законом являются слова товарища Сталина: «Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому».

Командиры, политработники и красноармейцы, как и все трудящиеся нашей страны, целиком и полностью разделяют политику нашей партии, направленную на дальнейший рост и еще большее процветание нашей родины, на укрепление ее силы и могущества, на построение коммунистического общества. Все они объяты неукротимой ненавистью к фашизму и его троцкистско-бухаринской агентуре и активно участвуют в разгроме и выкорчевывании вражеских гнезд.

Боец Красной армии дает нам образец советского патриота, верного сына социалистической родины, готового на самопожертвование и героизм во имя великого дела партии Ленина — Сталина.

Красная армия воспитала блестящую когорту героев Советского Союза, покрывших себя неувядаемой славой во имя процветания нашего социалистического государства.

В глубокой идейности, высокой политической сознательности и беззаветной преданности своей родине заключается коренное отличие Красной армии от всех прочих армий и, вместе с тем, ее огромное превосходство над ними.

Эти замечательные качества Красной армии товарищ Сталин отметил еще в 1918 г., в первый год ее существования. В беседе с корреспондентом «Правды» по вопросу о положении на Юге России товарищ Сталин, объясняя успехи нашей армии в боях против красновских банд под Царицыном, говорил: «Успехи нашей армии объясняются прежде всего ее сознательностью и дисциплиной. Солдаты Краснова отличаются поразительною тупостью и невежеством, полной оторванностью от внешнего мира; они не знают, за что воюют: «нам приказали, и мы вынуждены драться»,— говорят они на допросах, попадая в плен. Не то наш красноармеец. Он гордо называет себя солдатом революции, он знает, что воюет не за барыши капиталистов, а за освобождение России, он знает это и смело идет в бой с открытыми глазами» [1].

Красная армия есть армия нового типа.

Все прежние и ныне существующие армии капиталистических государств имели и имеют своим назначением порабощение народов, угнетение трудового человечества. Они — орудие эксплоататорских классов, орудие империализма и милитаризма.

Армия старого типа всегда была призвана решать задачи, глубоко враждебные интересам трудящихся. Во внешней политике она была, а в капиталистических государствах продолжает оставаться и ныне, орудием империалистических завоеваний, колониального грабежа, захвата чужих земель, насилия над малыми нациями. Во внутренней политике буржуазные армии олицетворяют собою реакционную силу, на которую опирается господство эксплоататоров, играют роль жандарма, охраняющего капиталистический строй и беспощадно подавляющего революционное движение.

В странах, где господствует фашизм, как равно и в самых «демократических» странах современного капитализма, армия одинаково противостоит трудовому народу. Всюду там она выполняет одинаковую социальную функцию, чуждую и враждебную интересам трудящихся. В фашистских государствах, где господствуют самая разнузданная реакция и бешеный милитаризм, где шовинизм и расовая ненависть являются важнейшей составной частью политики монополистического капитала, эта особенность буржуазной армии выступает особенно выпукло и уродливо. Солдатский сапог царит всюду. Им задавлены самые куцые демократические свободы, наука, культура, искусство. Все это заменяется военной муштрой. Идеалом провозглашена всеобщая милитаризация, превращение всей страны в казарму, где вся жизнь протекает по команде и никто не смеет ослушаться начальства.

Глухая стена воздвигнута в капиталистических странах между народом и армией. Народ боится армии. Он основательно видит в ней существенную часть той чудовищной машины, которая именуется государством и которая ежедневно и ежечасно гнетет и калечит трудящиеся массы, вытягивает из них все жизненные соки.

Армия неотделима от государства, она представляет собой концентрированную мощь государства. «Постоянное войско и полиция,— писал Ленин в «Государстве и революции»,— суть

[1] «Правда», № 235 от 30 октября 1918 г.

главные орудия силы государственной власти»[1]. Естественно поэтому, что классовая ненависть, которую питают трудящиеся массы к капиталистическому государству, относится в равной мере и к армии этого государства.

Господствующие классы и сами озабочены тем, чтобы отделить армию от народа, изолировать ее от политики, не допустить проникновения в армию «тлетворного» духа. Они отлично понимают, что классовые интересы самой солдатской массы находятся в вопиющем противоречии с теми задачами, которые она призвана решать.

Солдат буржуазной армии это в подавляющем большинстве случаев те же рабочие и крестьяне, одетые в военные мундиры. Он не заинтересован в империалистическом разбое, в захвате чужих территорий, в подавлении и угнетении трудящихся.

Дело, которое его заставляют делать, чуждо и враждебно его собственным интересам. Но он его делает, безропотно подчиняясь палочной дисциплине, пока сознание не озарится правильным пониманием его классовых задач.

Это слепое орудие господствующих классов соответствует своему назначению, доколе солдатская масса темна и невежественна. «Сила,— говорил Ленин в 1917 г., — по буржуазному представлению, это тогда, когда массы идут слепо на бойню, повинуясь указке империалистических правительств. Буржуазия только тогда признает государство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители»[2].

Забота господствующих классов состоит в том, чтобы держать армию «вне политики». Буржуазный лозунг «армия вне политики»,— насквозь фальшивый, ибо армия всюду и всегда есть орудие политики, — имеет лишь один смысл: предохранить армию от разложения, удержать ее в повиновении.

В своей речи о трех особенностях Красной армии товарищ Сталин говорил: «Буржуа всех стран лгут, когда говорят, что армия политически нейтральна. Неверно это. В буржуазных государствах армия лишена политических прав, она отстранена от политической арены, это верно. Но это вовсе не значит, что она нейтральна политически. Наоборот, всегда и везде, во всех капиталистических странах армия вовлекалась и вовлекается в политическую борьбу, служа орудием подавления рабочих»[3].

Армия в капиталистических странах не допущена к участию в политической жизни. Солдаты не пользуются избирательными правами, им запрещено участие в политических собраниях, они лишены возможности следить за важнейшими политическими событиями. Их мир замкнут казарменными стенами. Они резко ограничены казарменным регламентом в своей личной свободе. Их связь с внешним миром подвержена строгому контролю.

Офицерская каста зорко следит за тем, чтобы «крамольные» идеи не проникли в казарму. Скудная духовная пища солдата состоит в зубрежке уставов, наставлениях начальников, поповских проповедях и в чтении благонамеренной литературы. Дисциплина основана на постоянном унижении человеческого достоинства солдата, самодурстве офицеров, на слепом и беспрекословном подчинении приказам.

В наше время, в эпоху империализма, в эпоху общего кризиса капитализма, все труднее, однако, становится держать армию в слепом повиновении.

«Сила империализма,— писал товарищ Сталин в 1919 г. в статье «Два лагеря»,— в темноте народных масс, обогащающих своих хозяев и кующих себе цепи угнетения. Но темнота масс — вещь преходящая, имеющая тенденцию неизбежно улетучиться с течением времени, с ростом недовольства масс, с распространением революционного движения»[1].

Огромное обострение классовых противоречий в странах капитализма не могло не коснуться армии. Революционные идеи проникают в казарму. Их приносят с собой вчерашние рабочий, батрак, крестьянин, надевшие сегодня военную форму. Разнообразными путями проникают в армию настроения недовольства, озлобленности против буржуазного и особенно фашистского режима и нередко находят там благоприятную почву.

Большевики, сознательные рабочие и крестьяне идут в самую реакционную армию и ведут там работу по политическому воспитанию солдатских масс.

Вопреки всем стараниям господствующих классов, полная изоляция армии становится невозможной. В той или иной степени она неизбежно отражает настроения народных масс.

Покойный немецкий генерал фон-Сект в своей книге «Оборона страны» с сожалением констатировал, что современные армии являются «зеркалом самой воли народа» и поэтому «рождается опасность, что эта воля, направленная на ложный путь, может привести через поражение к государственной катастрофе»[2]. Этого «ложного» пути больше всего боятся господствующие классы капиталистических стран.

Революционизирование буржуазных армий, являющееся неоспоримым фактом, обусловило кризис современных массовых армий. Один из наиболее твердо усвоенных буржуазией уроков мировой войны 1914—1918 гг. состоит именно в том, что массовые армии, превращающиеся во время войны во всенародное ополчение, представляют собой внушительную опасность для буржуазного режима. Этот неприятный факт причиняет много забот капиталистическим заправилам и зарубежным военным деятелям.

Расплодившиеся несколько лет тому назад в большом количестве теории «малых армий», «профессиональных армий», «армий без людей», как и разговоры о том, что массовые армии отжили свой век, оказались несостоятельными, и ни один генеральный штаб не принял эти наспех состряпанные теории всерьез.

Абсурдным является предположение, что будущую войну при ее размахе и напряженности, громадном насыщении армий сложнейшими машинами, огромной протяженности фронтов, длительности операций, большой убыли в живой силе и значительном усложнении обслуживания

---

[1] Ленин, т. XXI, стр. 374.

[2] Ленин, т. XXII, стр. 18.

[3] Сталин, О трех особенностях Красной армии, стр. 4, Воениздат, 1938 г.

[1] «Известия ВЦИК», № 40 (592) от 21 февраля 1919 г.

[2] Фон-Сект, Оборона страны.

действующих войск, можно будет вести небольшими профессиональными армиями.

В будущей войне неизбежна мобилизация многомиллионных армий, и в этом заложены крупнейшие противоречия и величайшие трудности подготовки капиталистических государств к войне.

В 1914 году Ленин писал: «Война наших дней есть народная война. Из этой истины следует..., что и в военное время, и на войне, и по-военному продолжают существовать и будут проявлять себя классовые противоречия, раздирающие народы» [1]. Эта истина стала теперь достоянием многих. Буржуазия принимает свои меры к локализации вытекающей отсюда опасности. Фашизация армий, политическая обработка солдат, свирепое преследование малейшего проявления «опасных мыслей», организация специальных отрядов фашистских головорезов для подавления революционных выступлений в армии, все эти, как и многие другие меры призваны к тому, чтобы предохранить буржуазные армии от распада, от разложения.

Насыщение современных армий сложной и разнообразной военной техникой, в свою очередь, ставит по-новому вопрос о качествах современного солдата. Приобретает большое значение интеллектуальное развитие солдата, его способность в короткие сроки освоить сложную военную технику и овладеть не менее сложными формами современного боя.

Когда-то Энгельс, говоря о новейших боевых судах того времени, отмечал, что не только производство этих орудий насилия, но и самое обращение с ними превратилось в одну из отраслей новейшей промышленности.

В наши дни это положение применимо к армиям в целом: обращение с современными орудиями войны стало отраслью крупной промышленности, предъявляющей большой спрос на квалифицированный труд.

Поэтому, если раньше в буржуазной армии преобладающим и наиболее желательным элементом были выходцы из сельского населения, неграмотные, малокультурные, политически отсталые, а потому более надежные, то сейчас эти качества превращаются в отрицательную силу. Преимущество, как поставщик человеческого материала для армии, приобретает население городов и, в первую очередь, индустриальный пролетариат, обладающий городской культурой, опытом обращения с машиной, приносящий с собой в армию приемы и организованность фабричного труда.

Любопытно мнение, высказанное по данному вопросу виднейшим английским военным писателем, глашатаем сверхмеханизированной войны Фуллером. Он пишет: «Если до последнего времени наиболее стойкие и надежные солдаты вербовались из сельскохозяйственного населения, то уже в ближайшем будущем, если не сегодня, гражданское население, связанное в той или иной степени с машинами, особенно с теми, которые могут быть немедленно использованы в войне,— автомобилями, грузовиками, автобусами, тракторами и самолетами,— будет представлять собой основной источник вербовки солдат» [2].

[1] Ленин, т. XVIII, стр. 70.

[2] Фуллер, Операции механизированных сил, стр. 6.

Так жизнь нагромождает одно противоречие за другим на пути подготовки буржуазии к будущей войне: увеличение рабочей прослойки в армии неизбежно ставит ведение войны все в большую зависимость от политических настроений рабочего класса.

Наша рабоче-крестьянская Красная армия и наш военно-морской флот коренным образом, принципиально отличаются от армий буржуазии, от всех армий старого типа.

Наша Красная армия и наш военно-морской флот являются также прямой противоположностью дореволюционной царской армии. Не царская армия и не армия временного правительства зачали новую вооруженную организацию рабочих и крестьян. Эти армии были вдребезги разбиты революцией. На их руинах из вооруженных рабочих отрядов, из Красной гвардии выросла новая могучая сила, регулярная армия диктатуры пролетариата.

Старая армия не могла быть использована для целей пролетарской революции не только потому, что она была деморализована и развалена длительной кровопролитной войной. Эта армия была составной частью буржуазной государственной машины, и победивший пролетариат поступил с ней так, как он поступил со всей старой государственной машиной в целом: он разбил ее.

Смелым шагом была демобилизация старой армии в обстановке войны и капиталистического окружения, в обстановке, когда неокрепшее еще советское государство оказалось на время невооруженным и лицом к лицу с целым сонмом врагов. Но ленинизм победил и на этот раз. Решение о демобилизации старой армии, принятое и проведенное в жизнь Лениным и Сталиным в борьбе с троцкистско-бухаринскими иллюзиями насчет возможности использования старой армии, оказалось единственно правильным.

Неслыханно трудна была обстановка, в которой зарождалась и становилась на ноги молодая Красная армия. Немного времени ей было отведено для формирования обучения, подготовки командных кадров. Все это приходилось доделывать уже в бою, под огнем. Армии белогвардейцев и иностранных интервентов, прекрасно вооруженные, отлично снабженные и снаряженные, с хорошо обученными кадрами, тесным кольцом окружили молодую советскую республику. Они отрезали многие жизненные центры нашей страны, где были хлеб, уголь, нефть, в которых так сильно нуждалась революция. Они повели концентрированное наступление на советскую республику, направляя свой удар в самое ее сердце.

В неравных условиях пришлось Красной армии вступить в бой. Хозяйство страны было истощено четырехлетней империалистической войной. Источники снабжения армии были подорваны. Блокада прекратила всякий доступ товаров из-за границы.

Голод, холод и эпидемии сопутствовали Красной армии в ее походах в гражданской войне. Ее боевая техника была мизерна. Транспорт, этот главный нерв войны, почти бездействовал. Регулярное снабжение отсутствовало.

И все же энтузиазм армии был неисчерпаем. Это была первая в истории армия, которая знала, за что ведет борьбу, и она победила вопреки всем трудностям, вопреки изменниче-

ской линии предателя Троцкого, вопреки пророчествам открытых врагов и мнимых друзей из лагеря буржуазии.

Красная армия победила, потому что она была и есть армия пролетарской революции. В жестокой гражданской войне она отстаивала кровные интересы трудового народа, она вела священную войну против всех и всяческих эксплоататоров, за уничтожение рабства и угнетения человека человеком, за социализм. В этой своей борьбе Красная армия опиралась на нерушимый союз пролетариата и трудового крестьянства под руководством рабочего класса.

В этом характере Красной армии кроется причина поразительного единства фронта и тыла, которое обеспечило непрерывную и могучую поддержку Красной армии усилиями всего советского народа.

Великие слова, написанные на ее знамени, жгли сердца трудящихся всего мира. В самых отдаленных уголках земного шара борьба, которую вела Красная армия, находила сочувствие и поддержку трудящихся.

Красная армия победила, потому что ею руководила партия Ленина — Сталина. Лучших своих сынов партия посылала на передовые позиции. Партия организовала в армии политотделы, она создала институт комиссаров, которые были недремлющим оком пролетарской диктатуры, беспощадно расправлялись с изменой и предательством и в то же время вели грандиозную работу по политическому просвещению командиров и красноармейцев, по сколачиванию и объединению их вокруг партии.

Гений Ленина ковал непобедимую Красную армию. Великий Сталин был организатором ее побед в гражданской войне.

Тов. Ворошилов в своей книге «Сталин и Красная армия» рисует яркими чертами громадную роль товарища Сталина в годы гражданской войны. В наиболее опасные, в наиболее страшные для революции места посылала партия товарища Сталина. «Он не спал ночей, он организовывал, он брал в свои твердые руки руководство, он ломал, был беспощаден и — создавал перелом, оздоровлял обстановку»[1].

Под Царицыном, в Перми, на Пет. оградском и южных фронтах,— всюду и везде, где появлялся товарищ Сталин, устанавливался большевистский порядок, уничтожались контрреволюционные гнезда, резко улучшалась организация снабжения войск, поднимались дух и дисциплина армии, и она побеждала.

Товарищ Сталин был автором гениального плана разгрома Деникина, как известно, принятого и осуществленного при противодействии Троцкого и его приверженцев. Товарищ Сталин был инициатором создания первой конной армии, совершившей не один легендарный подвиг на полях гражданской войны.

С именем товарища Сталина, с именем его ближайшего соратника, талантливого пролетарского полководца товарища Ворошилова связан весь славный путь нашей Красной армии.

Основа силы и могущества Красной армии состоит в том, что она представляет собой новый тип армии, неизвестный ранее человечеству.

В 1928 г. в речи на торжественном пленуме Московского совета, посвященном десятой годовщине Красной армии, товарищ Сталин дал непревзойденный анализ особенностей Красной армии как армии нового типа.

О трех особенностях говорил в своей речи товарищ Сталин: «Первая и основная особенность нашей Красной армии состоит в том, что она есть армия освобожденных рабочих и крестьян, она есть армия Октябрьской революции, армия диктатуры пролетариата»[1]. В этом заключается коренное, решающее отличие Красной армии от всех прочих армий.

Из этой особенности вытекают принципиально иные, чем в капиталистических странах, отношения между советским народом и Красной армией. В то время, как в капиталистических странах армия отгорожена от народа, «у нас,— говорит товарищ Сталин,— наоборот, народ и армия составляют одно целое, одну семью. Нигде в мире нет таких любовных и заботливых отношений со стороны народа к армии, как у нас. У нас армию любят, ее уважают, о ней заботятся»[2].

Единство Красной армии и советского народа, их спаянность и слитность, — вот что характеризует армию нового типа, армию, которая впервые в истории служит целям освобождения, а не порабощения, рабочих и крестьян.

Такая армия непобедима, потому что она питается из глубочайших недр народных, черпает в них неиссякаемую силу. Она непобедима, потому что любовь народа создает ей крепчайший тыл, без которого самые большие армии обречены на поражение.

Вторая особенность, о которой говорит товарищ Сталин, состоит в том, что «наша армия является армией братства между народами нашей страны, армией освобождения угнетенных народов нашей страны, армией защиты свободы и независимости народов нашей страны».

Эта особенность Красной армии опять-таки вытекает из самой ее сущности как орудия диктатуры рабочего класса, обеспечившей проведением ленинско-сталинской национальной политики непоколебимое единство многонационального советского государства. В Красной армии хорошо усвоена ст. 123 Сталинской Конституции, провозгласившая в качестве непременного закона равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Третья особенность, о которой говорит товарищ Сталин, состоит «в духе интернационализма, в чувствах интернационализма, проникающих всю нашу Красную армию»[3].

Эта особенность, совершенно немыслимая во всякой другой армии, характеризует нашу Красную армию как армию мировой революции, родную, близкую и горячо любимую трудящимися и угнетенными всех стран. В этом еще один источник силы и могущества нашей Красной армии, ибо наша Красная армия, воспитанная в духе интернационализма, имеет бесчисленное

[1] К. Е. Ворошилов, Сталин и Красная армия, стр. 6-7, Партиздат, 1937 г.

[1] Сталин — О трех особенностях Красной армии, стр. 4.
[2] Там же, стр. 6.
[3] Там же, стр. 6.

количество друзей и союзников во всех частях мира, от Шанхая до Нью-Йорка, от Лондона до Калькутты» (Сталин)[1].

Особенностям Красной армии соответствуют и ее внутренний строй, дисциплина, взаимоотношения между красноармейцами и командирами.

В нашей стране Красная армия является активной политической силой. Поголовно вся Красная армия принимала участие в исторических выборах в Верховный Совет Союза ССР и единодушно голосовала за кандидатов избирательного блока коммунистов и беспартийных. Красная армия — великолепная политическая школа, воспитывающая сознательных и активных членов социалистического общества. Беззаветная преданность партии Ленина — Сталина, любовь к социалистической родине, большевистская бдительность, самоотверженность и героизм, чувство собственного достоинства советского гражданина, честное отношение к советскому государству, дисциплина, культура и организованность — таковы качества, воспитываемые Красной армией в ее бойцах и командирах.

Особенности Красной армии как армии нового типа совершенно ликвидировали в наших условиях те противоречия, над разрешением которых тщетно бьется современная буржуазная военная мысль.

В советском государстве не существует проблемы массовой армии, потому что советский народ и его армия едины в своих целях и в своем стремлении отстоять завоевания социализма от всяких покушений.

В советской стране нет также противоречий между требованиями, которые предъявляет война в отношении качества бойцов, и нашими возможностями. Только социалистическое государство рабочих и крестьян с его передовой индустрией и механизированным сельским хозяйством может полностью обеспечить потребности фронта в живой человеческой силе и в материальных средствах без нарушения народнохозяйственной жизни.

Преимущества советской системы — это одновременно преимущества Красной армии. В этих преимуществах, в замечательных особенностях Красной армии — залог ее будущих побед.

Красная армия прошла героическую школу гражданской войны и имеет свои славные боевые традиции. Но сегодняшняя Красная армия сильно отличается от Красной армии периода гражданской войны. Сегодня — это крепкий возмужалый организм, стоящий твердо на своих ногах. Сталинские пятилетки создали могучую военно-техническую базу. Красная армия сегодняшнего дня обладает сильнейшим в мире по своим кадрам и материальной части воздушным флотом. Наши летчики по праву названы гордыми соколами нашей страны. Блестящие качества советских самолетов были продемонстрированы в 1937 году перед всем миром целой серией грандиозных перелетов.

Военно-техническая база Красной армии, в целом, находится на уровне современных требований военного дела. Социалистическая промышленность в состоянии дать Красной армии все необходимые средства вооружения в любом количестве.

Уровень моторизации и механизации Красной армии не уступает ни одной из армий передовых капиталистических стран. Красная армия сегодняшнего дня — это армия индустриального типа, великолепно оснащенная технически и способная нанести быстрый и решительный удар противнику.

В то же время за эти годы выросли и закалились кадры Красной армии.

Сегодня, как никогда, Красная армия едина, монолитна и сплочена вокруг сталинского Центрального комитета нашей партии и советского правительства.

Ликвидация военно-фашистского заговора, разоблачение и выкорчевывание троцкистско-бухаринских шпионов, диверсантов и вредителей, изгнание притаившихся двурушников,— вся эта громадная очистительная работа неизмеримо укрепила Красную армию, еще более сплотила ее ряды и повысила ее боеспособность.

Организация военных советов и введение института комиссаров, встреченные с огромным удовлетворением бойцами, командирами и политработниками, послужат дальнейшему росту силы и могущества нашей Красной армии.

Мы живем в условиях чрезвычайно напряженной международной обстановки. В Китае и в Испании фашистские интервенты ведут разбойничью империалистическую войну против испанского и китайского народов, отстаивающих свою свободу и независимость. В ряде других стран фашистская агентура интенсивно ведет подрывную работу, направленную к подготовке новой мировой войны и интервенции против Страны советов.

Неизменная и последовательная мирная политика советского правительства опирается на сочувствие и поддержку советского народа. Советский народ отлично понимает, что лучшая гарантия мира — это готовность к войне. В своей политике мира советское правительство опирается на сильную и могучую Красную армию, которая готова по первому его зову выступить на защиту наших рубежей.

Мы питаем глубокую уверенность в том, что, когда наступит час и партия кликнет клич, наша Красная армия, вся советская страна выступят как один и под водительством великого Сталина и его славного соратника товарища Ворошилова уничтожат врага на вражеской территории.

---

[1] Сталин — О трех особенностях Красной армии, стр. 6-7.

С. ФИДЕЛЕВ

Новый социалистический закон о жилищах

С беспощадной логикой, вскрывая всеобщий закон капиталистического накопления и связанную с ним безграничную эксплоатацию рабочей силы, Карл Маркс говорит: «Чем быстрее капиталистическое накопление, тем хуже состояние жилищ рабочих». И далее: «Антагонистический характер капиталистического накопления, а следовательно и отношений капиталистической собственности вообще здесь (т. е. в жилищных условиях рабочих.— С. Ф.) до такой степени очевиден, что даже английские официальные отчеты по этому предмету переполнены еретическими нападками на «собственность и ее права». И тут же, в качестве иллюстрации, приводит слова S. Laing: «Нигде еще права личности не приносятся так скрыто и так бесстыдно в жертву праву собственности, как в жилищных условиях рабочего класса. Каждый большой город,— то место человеческих жертвоприношений, алтарь, на котором ежегодно убиваются тысячи Молоха жадности» [1].

«Удивительная это вещь капиталистическая справедливость! — восклицает Маркс,— земельный собственник, домовладелец, коммерсант при всякой экспроприации по случаю «улучшений», например, при постройке железных дорог, прокладке новых улиц и т. д., не только получает полное вознаграждение. Мало того, за свое вынужденное «самоотречение» он по законам божеским и человеческим должен быть утешен, кроме того, еще хорошей прибылью. А вот рабочих с женами, детьми и всем имуществом выбрасывают на улицу и, если они слишком большими массами отправляются в те городские кварталы, в которых муниципалитет особенно следит за благоприличием, то их преследует санитарная полиция» [2].

Безотрадная картина жестокой жилищной нужды рабочего класса в эксплоататорскую эпоху капитализма не могла пройти мимо пристального внимания и Фридриха Энгельса. В своей замечательной работе «Жилищный вопрос» он не только показал неизбежность и закономерность происхождения жилищной эксплоатации трудящихся от всего капиталистического строя, но и с непреложной ясностью установил, что только социалистическая революция, произведя «экспроприацию экспроприаторов», а вместе с нею и «экспроприацию одной части роскошных жилищ, принадлежащих владеющим классам», для принудительного заселения неимущих, сумеет сразу, на первых же порах, ослабить эту жестокую жилищную нужду, являющуюся в условиях капитализма «не случайностью», а «необходимым институтом» [3].

По пути, предуказанному Энгельсом, пошла наша Октябрьская революция в разрешении не допускавшего отлагательства жилищного вопроса. Декретом от 30 октября 1917 г. [4] одновременно с освобождением от квартирной платы малоимущих и семей лиц, состоящих на военной службе, горсоветам предоставлено было право отбирать все пустующие помещения, годные для жилья, и уплотнять лиц, занимавших огромные особняки, большие квартиры и пр. И уже в 1919 г. в программе партии, принятой на VIII съезде РКП, в качестве констатации пройденного пути в области жилищного вопроса, читаем: «Стремясь к разрешению жилищного вопроса, особенно обостренного в период войны, советская власть экспроприировала полностью все дома капиталистических домовладельцев и передала их городским советам; произвела массовое вселение рабочих с окраин в буржуазные дома; передала лучшие из них рабочим организациям, приняв содержание этих зданий на счет государства». Однако эти первоначальные мероприятия, которыми на первых порах необходимо было ослабить чрезвычайно острую нужду в жилищах огромной армии городских и поселковых рабочих, не разрешали и разрешить не могли всего жилищного вопроса в целом. Декретами от 20 августа 1918 г. об отмене частной собственности на недвижимости в городах [1], от 8 августа 1921 г. об управлении домами [2], от 14 мая 1923 г. и 1 декабря 1924 г. о муниципализированных строениях [3] был создан основной муниципальный фонд, маневрирование которым давало возможность органам власти на местах удовлетворять жилищную нужду трудящихся. Но этот же основной муниципальный фонд возлагал на местные органы власти заботы как о сохранении и улучшении его, так и об его увеличении в связи с возрастающими потребностями трудящихся. Между тем, организационная и хозяйственная слабость в то время местных советов не обеспечивала ни рационального использования существующего фонда, ни его расширения. И потому уже в 1924 г. «в целях борьбы с жилищным кризисом путем развития жилищного строительства и содействия наиболее хозяйственному использованию наличных жилых строений на началах самодеятельности широких масс трудящегося населения» издан был закон о жилищной кооперации (19 августа 1924 г.). По этому закону «гражданам СССР, для удовлетворения жилищной нужды, предоставляется добровольно объединяться в жилищные кооперативные товарищества», которые разделяются на три вида: а) жилищноарендные кооперативные товарищества (жакты), б) рабочие жилищно-кооперативные строительные товарищества (РЖСКТ), в) общегражданские жилищно-строительные кооперативные товарищества [4]. Цели, преследуемые этими товариществами, а равно их организационная структура, с исчерпывающей полнотой определены первоначальной и последующими редакциями основного закона о жилищной кооперации [5]. Жакты целью своей организации имеют «использование муниципализированных домовладений» на основе заключаемых с местными советами арендных договоров, РЖСКТ и общегражданские строительные товарищества преследуют цели

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, 1936 г., стр. 563.
[2] Там же, стр. 565.
[3] Ф. Энгельс, Жилищный вопрос, 1935 г.
[4] СУ, № 1, 1917 г., ст. ст. 13 и 14.

[1] СУ, № 62, 1918 г., ст. 674.
[2] СУ, № 60, 1921 г., ст. 411.
[3] СУ, № 44, 1923 г., ст. 465 и № 89, ст. 910.
[4] СЗ, № 5, 1924 г., ст. 60.
[5] СЗ, № 43, 1927 г., ст. 430, № 58, 1925 г., ст. 435.

«удовлетворения жилищной нужды своих членов путем возведения новых, восстановления разрушенных или достройки незаконченных жилых строений».

Расширение муниципального фонда, для изжития жилищного кризиса, продвигалось и в других направлениях. Законодательными мерами периода 1924—1930 гг., с одной стороны, всемерно поощрялось строительство жилых домов госорганами и госпредприятиями, особенно из средств фонда улучшения быта рабочих и служащих, а с другой — рядом льгот и вещным правом застройки к усиленному строительству привлекался частный капитал в лице частных юридических и физических лиц[1]. И в результате оказалось, что местные советы в регулировании жилищного строительства, в распределении и использовании жилищ самоустранились и свои права передали мелким коллективам жильцов, «лишь формально объединенным в союзы жилищно-арендной кооперации», а «по существу бесконтрольным, независимым от местных советов». Эти мелкие коллективы жильцов, формально объединенные в жакты, «в подавляющем большинстве на деле домами не управляют, не заботятся об их ремонте, не поддерживают их в культурном состоянии. Имеющая место бесхозяйственность в управлении домами зачастую приводит их в полуразрушенное состояние». В области привлечения к строительству жилищной кооперации оказалось, что жилищный фонд, на который в порядке долгосрочных банковских ссуд затрачены огромные государственные средства (1,5 миллиарда рублей), «фактически превращен в личную собственность отдельных членов жилищно-строительных кооперативов» и члены эти (пайщики кооперации) «получили за счет государства квартиры в бессрочное и безвозвратное пользование и фактически превратились в привилегированных собственников жилой площади, при незначительном вложении собственных средств». В области привлечения и поощрения строительства жилищ за счет частного капитала оказалось, что существующие законодательные меры «используются владельцами домов на праве застройки, особенно в дачных местностях, в целях взимания неограниченной законом квартирной платы и для спекуляции жилой площадью» (из постановления ЦИК СНК СССР от 17 октября 1937 г.)[2].

На основании ст. 6 Сталинской Конституции основной жилищный фонд в городе и промышленных пунктах, который на 1 января 1937 г. увеличен вновь построенными 54 миллионами квадратных метров жилой площади, является государственной собственностью, то есть всенародным достоянием. Само собой разумеется, что охрана и неприкосновенность государственной собственности требуют особых мер, пресекающих в корне какие бы то ни было попытки к ослаблению. Наоборот, это требует ряд мер, направленных на всемерное укрепление государственной собственности, являющейся составной частью общественной социалистической собственности — основы советского строя, источника богатства и могущества родины, источника зажиточной и культурной жизни трудящихся. Поэтому, считая необходимым пресечь все и всяческие пути прямого и косвенного разбазаривания государственного жилищного фонда и прекратить спекуляцию жилой площадью, а также признавая необходимым организовать надлежащее управление жилищным хозяйством для удовлетворения все растущей потребности граждан Союза ССР в культурном жилье, ЦИК и СНК СССР издали новый жилищный закон по охране, укреплению, управлению и использованию той части всенародного достояния, которая целиком и полностью служит удовлетворению основных потребностей граждан социалистического государства.

Признавая существующую практику управления и использования жилищного фонда вредной и не отвечающей интересам государства и трудящихся, новый жилищный закон упраздняет жилищно-арендную кооперацию и союзы жилищно- и дачно-строительной кооперации. Жилищно- и дачно-строительные кооперативы, в изъятие из общего правила, сохраняются лишь в тех случаях и тогда, если жилищно- и дачно-строительные кооперативы в течение шести месяцев с момента издания нового жилищного закона полностью погасят полученную от государства ссуду и впредь будут осуществлять строительство домов и дач исключительно за счет собственных средств, без участия в каком бы то ни было виде государственного капитала; причем для сохранения дачно-строительных кооперативов требуется еще, чтобы их финансирование государством было менее 50% стоимости выстроенных или строящихся дач. Жилищный фонд, находящийся в пользовании жилищно-арендной кооперации, и жилищный и дачный фонд, вновь выстроенный или строящийся жилищно- и дачно-строительной кооперацией в основном за счет государственных средств, передаются в непосредственное управление местных советов и государственных предприятий в тех случаях, если государственные предприятия финансировали и финансируют строительство домов и дач (последних в размере 50% и выше), или если государственные предприятия жилые строения, возведенные за счет фонда улучшения быта рабочих и служащих, в свое время сдали жилищно-арендной кооперации. В дальнейшем государственным учреждениям и предприятиям категорически воспрещается «в какой бы то ни было форме вкладывать финансовые и материальные средства, принадлежащие им, в строительство домов и дач, осуществляемое жилищно-строительными кооперативами».

Однако сталинская забота о людях, о повышении их материального и культурно-бытового уровня, заставила новый жилищный закон в интересах отдельных трудящихся отступить от строгого проведения изложенных только что принципов. Так, государственным хозяйственным организациям, а в отдельных местностях и местным советам разрешается оказывать помощь и содействие трудящимся при постройке ими своих жилых домов. Помощь и содействие в этих случаях может оказываться и строительными материалами, необходимыми для постройки, и банковским кредитом на срок не свыше пяти лет. В случаях ликвидации дачных кооперативов по причинам использования банковских кредитов или государственных средств в размерах 50% и выше, городским советам и хозяйственным организациям предоставляется право оставлять дачи за отдельными членами ликвидированных дач-

[1] СЗ, № 26, 1928 г., ст. 231 и др., ст. ст. 71—84 ГК.

[2] «Известия ЦИК и ВЦИК» 18 октября 1937 г., № 244/6406.

ных кооперативов на правах личной собственности, но при непременном условии погашения ими полученной ссуды в течение шести месяцев с момента издания закона. В этих случаях члены ликвидированных кооперативов выдают соответствующие обязательства, невыполнение которых влечет за собой переход дач в распоряжение государства. Местным советам разрешается передавать дома, размером не выше 60 кв. метров жилой площади, в пользование отдельным гражданам на срок от 5 до 10 лет. В этих случаях местные советы заключают с гражданами особые договоры на основе типового договора, подлежащего утверждению СНК СССР. И, наконец, для сохранения и улучшения дачного фонда,—одного из важнейших участков летнего отдыха трудящихся,—новый закон возлагает на городские советы, при наличии в их распоряжении значительных дачных площадей, забогу по управлению, развитию и улучшению коммунального хозяйства дачных поселков (водопровод, канализация, дороги и пр.), для чего в составе жилищных управлений горсоветов должны быть организованы на началах хозяйственного расчета дачные тресты.

Возлагая непосредственное управление государственным жилищным фондом и полную ответственность за его сохранность на местные советы и на государственные учреждения и промышленные предприятия в отношении домов, находящихся в их ведении, новый закон осуществление технического и санитарного надзора, а равно наблюдение и контроль за содержанием и ремонтом всего жилищного фонда, независимо от того, в чьем ведении находятся дома, оставляет за местными советами, в составе которых для выполнения всех указанных задач должны быть организованы жилищные управления при отделах коммунального хозяйства, а где подобных отделов нет,—на правах самостоятельных отделов. При жилищных управлениях на основе хозяйственного расчета организуются подрядные ремонтные конторы и мастерские, транспортные и снабженческие конторы и подсобные предприятия по производству и обработке местных строительных материалов и мелкого оборудования для ремонта домов. На жилищные управления в городах и промышленных пунктах возлагается распоряжение торговыми и конторскими помещениями всех домов, не находящихся во владении государственных, общественных и кооперативных организаций. Пользование этими помещениями производится исключительно по ордеру жилищного управления и оформляется письменным арендным договором, заключаемым государственными, общественными и кооперативными организациями с управляющим домом на срок, установленный жилищным управлением.

Существующий порядок закрепления за государственными учреждениями, предприятиями и общественными организациями домов, принадлежащих местным советам, отменяется. Впредь дома могут передаваться в пользование этим учреждениям, предприятиям и организациям лишь в порядке аренды на основе долгосрочных договоров, обеспечивающих полную сохранность домов.

Новый жилищный закон подробно регламентирует способы и порядок непосредственного управления отдельными домами или группой домов управляющими домами, очерчивает пределы их прав, обязанностей и ответственности, устанавливает порядок денежных поступлений по дому и порядок их расходования и т. п.

Особо и подробно закон останавливается на порядке использования жилищного фонда.

Установив, что в результате многолетнего хозяйствования жактов жилые дома находятся в неудовлетворительном состоянии, что строительная жилкооперация, вместо мобилизации средств населения для усиления жилищного строительства, фактически строительство домов производила за счет государства, не обеспечивая за органами коммунального хозяйства прав по использованию и управлению построенными домами, что действующие законы о праве застройки используются владельцами домов для взимания не ограниченной законом квартирной платы и для спекуляции жилой площадью,—новый жилищный закон рядом мер прекращает установившуюся вредную практику использования жилищного фонда.

Отныне свободные жилые помещения предоставляются в пользование граждан исключительно по ордерам жилищных управлений отделов коммунального хозяйства, если дома, в которых имеются свободные помещения, находятся в управлении местных советов, и по распоряжению администрации государственных учреждений, предприятий и общественных организаций при заселении их работниками свободных помещений в домах, принадлежащих этим учреждениям, предприятиям и организациям или арендованных ими. Право пользования предоставленными жилыми помещениями во всех домах оформляется письменным договором, в котором с исчерпывающей полнотой должны быть перечислены права и обязанности сторон (съемщика и домоуправления или арендатора) и последствия их нарушения. Договоры эти заключаются на определенный по соглашению сторон срок, но не свыше 5 лет, в течение какового срока закон категорически воспрещает одностороннее расторжение договора или изменение его условий. Однако, если во время действия договора у съемщика образуется излишек площади против установленных законных норм в виде отдельной изолированной комнаты и съемщик в течение трех месяцев после соответствующего предупреждения не заселит оказавшийся излишек по своему усмотрению, местный совет или, соответственно, государственное учреждение, предприятие или общественная организация вправе использовать этот излишек по своему усмотрению. Во время действия договора допускается обмен жилыми площадями между съемщиками со взаимной передачей прав и обязанностей по договорам аренды, но лишь с разрешения жилищных управлений или, соответственно, государственных учреждений, предприятий или общественных организаций, владеющих или арендующих дома.

Съемщики жилых помещений, их семьи и прочие проживающие с ними лица обязаны строго соблюдать установленные правила внутреннего распорядка в квартире, содержать помещения в полной исправности, бережно обращаться со всеми устройствами и соблюдать чистоту как в самом помещении, так и в местах общего пользования. В случаях разрушения или порчи жилых помещений необходимые исправления производятся за счет виновного съемщика, а в случаях систематических разрушений или порчи жилых помещений или мест общего пользования, виновные съемщики, члены их семей и

проживающие с ними лица подлежат выселению в судебном порядке без предоставления им другого помещения. Наоборот, съемщикам, выполняющим все обязательства по договору и добросовестно относящимся к содержанию предоставленного в их пользование жилища, принадлежит преимущественное право возобновления договора по истечении срока его действия.

Помимо случаев систематического разрушения и порчи помещений выселению по суду без предоставления другого помещения съемщики подвергаются, если они, члены их семей и проживающие при них лица своим поведением делают невозможным совместное проживание в той же квартире или комнате для других жильцов или если съемщик не вносит квартирной платы в течение трех месяцев со дня истечения срока платежа.

Выселению в административном порядке без предоставления другой площади съемщик может быть подвергнут лишь в случаях, перечисленных в законе. Сюда относятся случаи увольнения работника по собственному желанию, или за нарушение трудовой дисциплины, или за совершение преступления, если работнику в связи с его работой предоставлено помещение в доме собственном или арендованном государственным учреждением или общественной организацией. Из домов собственных или арендованных государственных предприятий работники, получившие жилое помещение в связи с работой, подлежат административному выселению без предоставления другой жилой площади при всяком увольнении, если последнее не имело место в связи с инвалидностью, увечьем или призывом на действительную службу в РККА. В последнем случае жилая площадь сохраняется за семьями призванных. Сюда относятся также случаи выселения в связи с реконструкцией городов Москвы, Ленинграда и Киева, а равно лиц, не состоящих в рядах РККА, из домов, принадлежащих органам Наркомата обороны и лиц посторонних транспорту из помещений, принадлежащих органам транспорта. Во всех прочих, не перечисленных в законе случаях, выселение допускается только в судебном порядке с возложением на органы, производящие выселение, обязанности предоставить выселяемому другое, годное для жилья, помещение.

Для прекращения и предотвращения в дальнейшем спекуляции жилыми помещениями закон не только сохраняет существующее нормирование квартирной платы, но и распространяет его на все без исключения дома, в том числе и на дома застройщиков, владеющих ими на праве застройки. Отдельным гражданам, владеющим домами на праве застройки, на праве личной собственности и на правах аренды, разрешается взимать надбавки к установленным законом ставкам квартирной платы в размере не свыше 20%. Право застройщиков на получение от съемщиков, помимо квартирной платы, еще единовременных сумм, так называемых въездных, а равно права застройщиков по неограниченному заселению жилых площадей и по выселению жильцов по истечении договоров найма новым законом полностью отменены. Также отменено законом бронирование жилых помещений за лицами, выезжающими со своими семьями на работу в другие местности. За съемщиками, выезжающими со своими семьями временно в другие местности, сохраняются жилые помещения лишь в течение шести месяцев. Этот срок в каждом отдельном случае может быть продлен жилищным управлением или соответственно руководителями государственного учреждения, предприятия и общественной организации. Но бронирование жилых помещений, в качестве общего правила, законом отменено. Исключение допущено только для лиц, выезжающих на работу за границу, на Дальний Восток и в Арктику. В этих случаях жилые помещения могут быть забронированы за выезжающими лицами на срок не свыше 2 лет.

Таковы основные установки нового жилищного закона эпохи социализма.

Прекращая в самой категорической форме спекуляцию жилыми площадями и разбазаривание государственного жилищного фонда, преследуя цели сохранения и улучшения этого всенародного достояния, являющегося источником удовлетворения насущнейших потребностей трудящихся, новый жилищный закон открывает новую страницу нашего социалистического гражданского права.

Эта новая страница есть страница о том, какие нормы и правила должны быть введены в общесоюзный Гражданский кодекс, предусмотренный Сталинской Конституцией, в разделе, регулирующем право советских граждан на удобное, светлое, здоровое и культурное жилище.

Б. БОРИСОВ

О порядке применения жилищного закона от 17 октября 1937 года

Постановление ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» ставит по-новому ряд принципиальных вопросов жилищного права. За время революции широко развернулось жилищное строительство. Так на 1 января 1937 года построено 54 млн. кв. метров жилой площади, стоимостью в 12½ млрд. руб. «Весь этот новый жилищный фонд»,— говорится в постановлении,— «вместе с домами, конфискованными Октябрьской революцией у капиталистических домовладельцев, является согласно ст. 6 Конституции Союза ССР государственной собственностью, то есть всенародным достоянием». Эти огромные успехи советского государства в области жилищного строительства являются лучшим подтверждением слов Энгельса, что «пока существует капиталистический способ производства, до тех пор глупо пытаться решать в отдельности жилищный или какой-либо другой общественный вопрос, затрагивающий судьбу рабочего. Решение состоит только в уничтожении капиталистического способа производства, в присвоении самим рабочим классом всех средств существования и средств труда»[1]. По-

[1] Маркс и Энгельс, т. XV, стр. 57.

пытки разрешения «жилищного вопроса» делались, исходя из принципа самосохранения, и отдельными представителями буржуазии. «Современное естествознание,— говорит Энгельс,— показало, что так называемые «дурные кварталы», в которых скучены рабочие, образуют собою очаги всех тех эпидемий, которые периодически навещают наши города. Холера, тиф и тифозная горячка, оспа и другие опустошительные болезни распространяют свои бактерии в зачумленном воздухе и отравленной воде этих рабочих кварталов... Господствующий класс капиталистов не может безнаказанно доставлять себе удовольствие обрекать на эпидемические заболевания рабочий класс; последствия падают на самих капиталистов... Вот почему,— говорит Энгельс,— человеколюбивые буржуа воспылали благородным соревнованием в заботах о здоровьи своих рабочих» [1], однако в условиях капитализма все средства по облегчению жилищного положения трудящихся не достигают цели. «Капиталистический общественный строй,— продолжает Энгельс,— постоянно воспроизводит бедствия, о лечении которых идет речь» [2]. В другом месте Энгельс объясняет, чем вызывается безнадежность разрешения жилищного вопроса буржуазией. «Ясно, как день,— говорит он,— что современное государство не может и не хочет устранить жилищные бедствия. Государство есть не что иное, как организованная совокупность власть имущих классов, землевладельцев и капиталистов, направленная против эксплоатируемых классов, крестьян и рабочих. Чего не желают отдельные капиталисты... того не желает и их государство» [3].

Только социалистическое государство рабочих и крестьян, экономическую основу коего составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, создает условия для окончательной ликвидации жилищной нужды и удовлетворения все растущих потребностей граждан в культурном жилье. К разрешению именно этих задач и сводится смысл нового жилищного закона от 17 октября 1937 года. Старое жилищное законодательство, констатирует закон от 17 октября, «было разработано в период 1924—1930 гг., когда местные советы и госпредприятия не могли обеспечить надлежащего управления жилищным фондом. Это законодательство теперь, в условиях значительного улучшения работы местных советов, а также госпредприятий и учреждений, себя совершенно не оправдывает, и во многом препятствует оздоровлению жилищного хозяйства».

По содержанию своему новый жилищный закон от 17 октября 1937 года направлен на создание условий, обеспечивающих сохранность жилищного фонда (ликвидация систем жилищно-арендной и жилищно-строительной кооперации, возложение непосредственного управления государственным жилищным фондом на местные советы и государственные учреждения и предприятия, ведение домового хозяйства на началах хозяйственного расчета, установление платы ответственному по квартире, точное определение компетенции управдомов и т. д.) и реальность расширенных прав трудящихся на жилье (недопустимость одностороннего расторжения договора аренды, право самостоятельного заселения излишков, удлинение срока сохранения жилплощади за временно отсутствующим, удлинение льготного срока, по истечении коего у наймодателя возникает право на иск о выселении и т. д.).

Одним из несомненных последствий, к коим приведет новый закон, является значительное увеличение жилого маневренного фонда, которым будут располагать жилищные управления для удовлетворения нужд трудящихся в жилье. Вся жилая площадь, освобождающаяся в домах, равно как и жилплощадь, закреплявшаяся раньше, по мере освобождения, в узковедомственных интересах за различными учреждениями и общественными организациями (Главное управление исправительно-трудовых учреждений республики, милиция, секции научных работников и др.) или в порядке брони за отдельными уезжавшими лицами — по новому закону переходит в исключительное распоряжение жилищных управлений местных советов или соответственно учреждений и предприятий.

Новый жилищный закон, охватывая в основном все вопросы жилищного права, вносит единообразие и ясность, а также значительно упрощает действовавшее ранее весьма сложное, а иногда противоречивое и запутанное жилищное законодательство.

В связи с применением закона от 17 октября на практике возникает ряд проблем, вызванных как тем, что закон своими 37 статьями не смог исчерпывающим образом ответить на все вопросы правового порядка, так и тем, что еще не приведено в соответствие с этим законом действовавшее ранее законодательство. В настоящей статье мы остановимся на тех спорных моментах, с которыми приходится сталкиваться в своей текущей работе органам суда и прокуратуры. Все эти вопросы связаны с применением III раздела жилищного закона «О порядке пользования жилищным фондом» (ст.ст. 23—27).

О действии закона в пространстве

Если исходить из заголовка закона, то надо будет притти к выводу, что действие его распространяется только на дома, находящиеся в городах. Однако этот вывод был бы не верен. Нет никакого, например, сомнения в том, что право на административное выселение из домов учреждений и предприятий сохраняется и тогда, когда эти дома находятся вне городских поселений; ведь смысл этого права заключается в том, чтобы предприятия и учреждения имели возможность использовать принадлежащий им жилой фонд для производственных и служебных целей; ясно, что в этом заинтересован завод, независимо от того, где он расположен. При этом, конечно, продолжают сохранять свою силу все неотмененные нормы, которые специально регулируют вопросы имущественного найма в деревне. Так, например, продолжает сохранять свое значение примечание 3 к ст. 156 Гражданского кодекса РСФСР, согласно коему «автоматическое возобновление договора найма жилых помещений без согласия наймодателя не распространяется на случаи найма строений, непосредственно связанных с земледельческим хозяйством». В целом ряде вопросов закон этот, конечно, имеет «городской» характер, поскольку вопросы, им регулируемые, имеют место преимущественно в го-

---

[1] Маркс и Энгельс, т. XV, стр. 26.
[2] Там же, стр. 27.
[3] Там же, стр. 52.

родах; так, например, обстоит дело с вопросом о ликвидации системы жилищно-арендной и жилищно-строительной кооперации; однако в ряде вопросов действие закона несомненно распространяется и на дома, находящиеся вне городских поселений.

О соотношении нового закона с прежним жилищным законодательством

Некоторые товарищи высказываются в том смысле, что этот закон носит «универсальный» характер и что им автоматически аннулировано все то, что регламентировалось ранее действовавшим законодательством. С этим никак нельзя согласиться. Имеется ряд вопросов жилищного права, не регламентируемых новым законом; к ним, например, относятся: право отдельных граждан на дополнительную площадь, сроки и порядок административного выселения, специальные льготы военнослужащих и персональных пенсионеров и т. д. Отсюда некоторыми делается тот вывод, что институт дополнительной площади упразднен, что никаких предварительных сроков для административного выселения больше не существует (на практике мы сплошь и рядом сталкиваемся с предупреждением о выселении за 1—2—3 дня), что льготы военнослужащих ликвидированы и т. д. Между тем, совершенно ясно, что коль скоро все эти вопросы новым законом не затрагиваются, они продолжают регулироваться действующим и никем не отмененным законодательством. В отношении же вопросов, которые регулируются законом от 17 октября иначе, чем они решались ранее действовавшим, но до сих пор еще не отмененным законодательством, применяется исключительно новый закон (например, порядок управления государственным жилищным фондом, право на площадь, броня, административный и судебный порядок выселения, отмена льгот и преимуществ застройщиков и т. д.).

О действии закона во времени

Закон от 17 октября формально обратной силы не имеет; с этой точки зрения неправильно было бы пересматривать старые, вступившие в законную силу судебные решения только потому, что они противоречат новому закону. В практике прокуратуры часто встречаются случаи, когда администрация учреждения или предприятия, опираясь на новый закон, ставит вопрос об административном выселении трудящегося из дома, несмотря на то, что по этому же спору имеется уже вступившее в законную силу судебное решение об отказе в иске о выселении или же о выселении с предоставлением площади. В этих случаях, если нет оснований для опротестования судебного решения по законам, действовавшим ранее, вопрос должен быть урегулирован в соответствии с имеющимся уже решением суда. Бывают, однако, отдельные случаи, когда придание обратной силы закону целесообразно с точки зрения фактических обстоятельств данного дела и необходимости всемерной защиты личных прав трудящихся. Конкретно, это может иметь место тогда, когда решение суда о выселении того или иного лица еще не приведено в исполнение и когда в отношении данного случая новым законом установлены более льготные условия для выселяемого, сравнительно с ранее действовавшим законодательством. Например, выселение из домов застройщиков, выселение из домов учреждений по основаниям утраты трудовой связи, вследствие перевода на другую работу, сокращения штатов, непригодности, партийной или иной мобилизации и т. п. В этих случаях необходимо, по нашему мнению, приостанавливать исполнение решений и приносить протесты со ссылкой на соответствующие статьи нового закона.

Об административном выселении

Статья 31 закона дает исчерпывающий перечень случаев, когда допускается административное выселение. Тем самым надо считать отмененными те десятки законодательных норм, которые в прошлом регулировали различные случаи административного выселения.

Необходимо подчеркнуть то различие, которое статья эта проводит между предприятием и учреждением в смысле их права на требование административного выселения. В отношении домов государственных предприятий установлено, что съемщик, которому в связи с его работой было предоставлено жилое помещение, подлежит, как правило, административному выселению. В порядке исключения оговаривается обязанность госпредприятия предоставлять выселяемому другое жилое помещение, если работник был уволен в связи с инвалидностью или увечьем, или в связи с его призывом на действительную службу в РККА. В отношении же домов учреждений и общественных организаций вопрос ставится по-иному. Как правило, учреждение не имеет права выселять из своего дома уволенного работника, хотя бы он в свое время помещение получил в порядке трудового соглашения; выселение же без предоставления помещения возможно лишь в порядке исключения, если съемщик был уволен по собственному желанию или за нарушение трудовой дисциплины, либо за совершение преступления.

Учитывая практику, необходимо иметь в виду, что п. «а» ст. 31 подлежит ограничительному толкованию в том смысле, что подобное выселение может производиться исключительно из домов государственных предприятий (фабрика, завод, склад, база, совхоз, МТС и т. д.)

Опыт показывает, что в случаях, предусмотренных ст. 31, может возникнуть необходимость в разрешении спора не в административном, а в судебном порядке. Это будет иметь место в том случае, если помещение не было получено съемщиком в порядке трудового соглашения, либо когда между съемщиком и предприятием или учреждением в свое время было заключено по этому поводу какое-либо специальное соглашение гражданско-правового порядка; так, например, при наличии доказательств получения выселяемым жилой площади в доме госпредприятия или учреждения в порядке обмена, прокурор вправе прекратить административное выселение и предложить соответствующей администрации разрешить спор в судебном порядке.

Кроме того, необходимо также иметь в виду, что право учреждения, предприятия или общественной организации на административное выселение уволенного работника, получившего жилое помещение в связи с трудовым договором, распространяется также и на их правопреемников.

О сроках и порядке административного выселения

При административном выселении возникает ряд вопросов правового порядка; какому кругу должностных лиц предоставляется право давать распоряжение об административном выселении? За сколько времени надо предупредить съемщика о предстоящем административном выселении? Оказывать ли содействие выселяемым в смысле предоставления транспортных средств? Ответы на все эти вопросы закон от 17 октября 1937 г. не дает, если не считать домов, принадлежащих Наркомату обороны, органам транспорта или подлежащих сломке и сносу в порядке реконструкции некоторых городов (пункты «в» и «г» ст. 31). Так, например, согласно ст. 6 постановления ЦИК и СНК СССР от 13 февраля 1931 г. выселение из домов транспорта производится по истечении месячного срока со дня объявления жильцам об их выселении; согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 17 августа 1931 г. выселение из домов Наркомата обороны производится по истечении двухмесячного срока со дня объявления жильцам о выселении; согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 21 июля 1936 г. лица, подлежащие выселению из домов, намеченных к сносу в связи с реконструкцией, предупреждаются за 2—3 месяца. Этими же законами предусматриваются и все вопросы процедурного порядка, связанные с административным выселением из указанных домов. Совершенно ясно, что поскольку указанные постановления воспроизведены в новом законе, предусмотренный ими порядок выселения продолжает сохранять свою силу.

Неясным, таким образом, остается вопрос о порядке и сроках выселения из остальных домов учреждений и предприятий. Мы полагаем, что поскольку новый закон на этот вопрос конкретного ответа не дает, продолжают действовать неотмененные республиканские законы, регулирующие этот вопрос; так, например, по РСФСР надо пока руководствоваться неотмененным еще постановлением ЦИК и СНК СССР от 14 июня 1926 г.; в частности, исходя из этого закона, нельзя допускать административное выселение из домов учреждений и предприятий в зимнее время (с 1 ноября по 1 апреля).

Совершенно очевидно, что необходим специальный законодательный акт, который бы исчерпывающе и единообразно разрешил все вопросы, связанные с порядком и сроками административного выселения.

О случаях выселения, непредусмотренных законом

Статья 32 закона устанавливает, что во всех случаях, кроме тех, о которых говорится в ст.ст. 30 и 31 закона, выселение жильцов из занимаемых ими помещений может быть допущено только в судебном порядке и только с возложением на органы, производящие выселение, обязанности предоставить выселяемому другое, годное для жилья помещение.

Можно ли считать случаи, перечисленные в ст.ст. 30 и 32 закона, исчерпывающими?

Практика показывает, что могут встретиться случаи, в отношении коих трудно применить закон 17 октября. Статьи 30, 31 и 32 имеют в виду случаи выселения из тех жилищных помещений, которые были предоставлены съемщикам в порядке ст.ст. 23—24 закона. В силу последних свободные жилые помещения в домах местных советов или госучреждений и предприятий предоставляются в пользование гражданам исключительно по распоряжениям (ордерам) соответствующих жилищных управлений. В этих случаях естественно говорить о возможности выселения через суд, с предоставлением площади, если налицо нет признаков, предусмотренных ст.ст. 30—31 закона. Однако в тех случаях, когда помещения заняты не в указанном порядке, или когда жилые помещения предоставляются не в домах для постоянного пользования, а в домах специального назначения, само проживание в коих по характеру этих домов может быть только временным, а равно и в случаях сдачи съемщиком в наем жилплощади по специальному соглашению, может встать вопрос о выселении нанимателя и без предоставления другой площади.

Так, например, в каком порядке можно выселять лиц, самовольно занявших жилое помещение? Статья 31 этот случай не предусматривает как основание для административного выселения. Если применять судебный порядок по ст. 32, то необходимо предоставить выселяемому жилплощадь, так как ст. 30 также не предусматривает этот случай выселения без предоставления площади. Совершенно ясно, что такой вывод был бы нелепым. Нельзя же в самом деле премировать захватчика площади. Или, например, возьмем случаи выселения из студенческих общежитий, гостиниц, домов крестьянина и т. п. помещений, само проживание в коих может быть по характеру своему только временным. Эти случаи также не предусмотрены ст. 31; если же применять ст. 32, возникнет тот же вопрос о предоставлении другой площади. Неправильность такого предположения ясна сама собой. Нельзя обязывать вузы или гостиницы предоставлять студентам и временно поселившимся жильцам другую площадь. В указанных случаях, надо полагать, должно производиться выселение без предоставления площади в судебном или административном порядке, в зависимости от действующего законодательства соответствующих союзных республик.

Трудность возникает также в случаях сдачи в наем жилплощади по особому соглашению (сдача уезжающим за границу на время его отсутствия другому лицу забронированной площади, сдача площади на летнее время и т. д.). В этих случаях также не может стоять вопрос о применении ст.ст. 31—32 закона, поскольку административный порядок выселения для этих случаев не предусмотрен, а предоставление площади, естественно, исключается. В указанных случаях необходимо придерживаться правила, что при наступлении соответствующих условий, оговоренных в соглашении (приезд владельца забронированной площади, приезд с дачи), съемщик имеет право требовать выселения поселенного жильца (в административном или судебном порядке, в зависимости от действующего законодательства союзных республик) без предоставления другой площади.

О выселении лиц, занимающих специальное жилое помещение

На основании ст. 171-а Гражданского кодекса РСФСР «в случае прекращения трудового договора, заключенного под условием предоставле-

ния нанявшемуся специального жилого помещения, работодатель имеет право потребовать освобождения помещения»; два признака определяют применимость к конкретному случаю этой статьи: «специальный» характер помещения и предоставление его нанявшемуся по трудовому соглашению. На практике закон этот применялся в отношении таких, например, категорий трудящихся, как дворники, коменданты, домашние работницы, коим предоставлялось в связи с их работой специальное жилое помещение (дворницкая, комната для домашней работницы и т. д.). Судебная практика часто становилась на путь распространительного толкования этой статьи, подводя под нее и случаи предоставления нанявшемуся помещения хотя и не «специального» (например, предоставление служащим обычных помещений в домах учреждений и предприятий); с опубликованием нового закона от 17 октября 1937 г. отпадает, конечно, возможность распространительного толкования ст. 171-а Гражданского кодекса, поскольку случаи выселения нанявшихся из домов учреждений и предприятий прямо предусмотрены ст. 31 закона. Однако остается вопрос о порядке выселения лиц, занимающих по трудовому соглашению действительно «специальные» помещения (дворники, домработницы и т. д.) в домах, не принадлежащих ведомствам. Административный порядок выселения для них не предусмотрен. Остается, следовательно, судебный порядок. Однако, было бы неправильно ставить вопрос о выселении их в порядке ст. 32 закона, то есть при условии предоставления им другого помещения. Дело в том, что указанная категория лиц не получает специального помещения в порядке обычного договора имущественного найма. Занятие подобного помещения органически связано с характером выполняемых ими функций и является частью трудового соглашения; эти помещения, как правило, и не оплачиваются нанимателями. С прекращением работы, естественно, отпадает и право на занятие того «специального» помещения, которое давало возможность эту работу выполнять. Что касается, в частности, домашних работниц, то необходимо подчеркнуть, что новый закон вообще не охватывает отношений, складывающихся между нанимателями и лицами, поселенными ими на своей площади. Закон регулирует лишь отношения между наймодателем и основным съемщиком. Исходя из изложенных соображений, надо притти к выводу, что ст. 171-а Гражданского кодекса РСФСР сохраняет свою силу и после опубликования закона от 17 октября 1937 г. и что, следовательно, лица, занимающие «специальные» жилые помещения в домах, не принадлежащих учреждениям и предприятиям, подлежат по расторжению трудового договора выселению в судебном порядке без предоставления жилой площади.

О выселении временных жильцов

Новый закон от 17 октября 1937 г. не затрагивает, как выше уже было сказано, отношений между нанимателями и их поднанимателями. Следовательно, и при разрешении вопроса о порядке выселения временных жильцов следует исходить не из ст.ст. 30—32 закона, а из законодательства, действующего в отдельных союзных республиках. Так, например, продолжает действовать статья 156-б Гражданского кодекса, согласно коей «временные жильцы (поднаниматели), проживающие на площади основного съемщика и занявшие жилую площадь на обусловленный договором срок, независимо от продолжительности этого срока, не приобретают в дальнейшем права на автоматическое возобновление договора найма»; как и прежде, выселение этих лиц должно производиться в судебном, а не в административном порядке без предоставления другой жилой площади. На практике, конечно, могут встречаться случаи, когда право съемщика на площадь, занимаемую временным жильцом, будет серьезно оспариваться, хотя у этого съемщика излишков не имеется; так, если будет доказано, что съемщик систематически спекулирует этой площадью, жилищное управление сможет поставить вопрос об ее изъятии; от жилищного же управления и будет зависеть дальнейший вопрос о том, кому эта спорная площадь должна быть предоставлена по ордеру; проживающему там временному жильцу или иному претенденту. Конечно, изъятие в подобном случае площади у основного съемщика может иметь место только по суду.

Об изъятии излишков

В силу ст. 24 жилищного закона «право пользования жилым помещением во всех домах оформляется письменным договором, заключаемым съемщиком с управляющим домом или с арендатором дома».

В полном соответствии с нашими общими установками о всемерном укреплении договорной дисциплины, ст. 27 закона запрещает «в течение действия арендного договора одностороннее расторжение его и изменение условий договора». Статья эта, однако, знает одно исключение, которое дает право местному совету или соответственно администрации учреждения, предприятия или общественной организации в течение действия арендного договора требовать внесения в него одного изменения. Последнее заключается в том, что наймодатель может поставить вопрос об изъятии у съемщика образовавшейся во время действия договора излишней (против установленных санитарных норм) площади, в виде изолированной комнаты. Излишек этот может быть использован наймодателем по своему усмотрению. Это значит, что на данную площадь наймодателем будет заключен с другим съемщиком новый арендный договор, ничего общего не имеющий с уже существующим; этой же статьей предусмотрена льгота для съемщика в том смысле, что ему предоставляется трехмесячный срок со дня предупреждения для заселения образовавшихся у него излишков жилплощади по своему усмотрению. Правовая сторона дела, однако, при этом нисколько не меняется. Льгота заключается лишь в том, что съемщик может себе выбрать «соседа» по своему усмотрению. Излишняя же комната переходит в распоряжение нового жильца, который должен на нее заключить арендный договор не с основным съемщиком, который потерял на нее уже право, а с соответствующим жилуправлением. Никакие новые обстоятельства, могущие появиться впоследствии у прежнего съемщика, не могут служить основанием для требования о возврате излишков, поскольку последние были в свое время совершенно правильно и по закону изъяты. Некоторыми высказывается сомнение на счет того, распространяется

ли статья об изъятии излишков на жильцов, состоявших раньше найщиками РЖСКТ. При этом ссылаются на ст. 25, устанавливающую, что найщики жилищно-строительных кооперативов сохраняют занимаемую ими жилую площадь. Вывод этот, конечно, неправилен. Статья 25 дает право бывшим найщикам, несмотря на ликвидацию кооператива и возврат паев, продолжать занимать их прежние жилые помещения. Эти дома, однако, ставшие домами местных советов, или ведомственными, подпадают под общий правовой режим, существующий для этих категорий домов. Никаких оснований для дальнейших исключений или «привилегий» в отношении бывших кооперативных домов закон не дает.

Что касается порядка изъятия излишков, то, по нашему мнению, вопрос этот в спорных случаях подлежит исключительно рассмотрению суда. Никаких административных распоряжений об изъятии площади, предусмотренных договором, быть не может. Излишняя комната может быть изъята только по решению суда, вынесенному на основании искового заявления соответствующего жилуправления, поданного по истечении трехмесячного срока со дня предупреждения о заселении излишков.

О преимущественном праве на заключение арендного договора

Статья 156 Гражданского кодекса РСФСР предусматривает за отдельными небольшими исключениями право нанимателей (если таковыми являются государственные учреждения и предприятия, или трудящиеся) на автоматическое возобновление договора найма жилых помещений на тех же условиях, на неопределенный срок, независимо от согласия наймодателя. Закон от 17 октября 1937 г. кончает с принципом автоматического возобновления договора, выдвинув на его место принцип преимущественного права нанимателя на заключение договора на занимаемое им жилое помещение. Это значит, что прежний наниматель, если он аккуратно и добросовестно выполнял возлагавшиеся на него арендным договором обязательства, имеет преимущественное право перед другими претендентами на возобновление договора. Таким образом «согласие наймодателя» начинает уже иметь значение при возобновлении арендных договоров. Совершенно естественно, что институт письменных срочных договоров призван стимулировать бережное и хозяйское отношение жильцов к занимаемым ими квартирам в домах, составляющих всенародное достояние. При этом, могущие возникнуть споры по поводу возобновления или заключения арендных договоров как споры о праве гражданском должны рассматриваться в общем порядке судом.

Особо возникает вопрос о домах личных собственников и застройщиков. По новому закону для этих домов оставлена лишь одна льгота, заключающаяся в том, что собственники и застройщики вправе взимать квартирную плату с надбавкой против существующих ставок до 20%. Во всех других отношениях они приравнены к прочим домам. Таким образом, подлежит применению и в отношении этих домов преимущественное право прежнего нанимателя на возобновление договора найма помещения. Это будет правильно во всех тех случаях, когда собственник дома или застройщик намеревается сдавать, по истечении договорного срока, спорную площадь другому претенденту; а как быть в тех случаях, когда собственник небольшого дома, в силу изменившихся у него семейных обстоятельств (увеличение количества членов семьи, тяжелая болезнь и т. д.) не имеет возможности сдавать впредь спорную площадь в аренду, поскольку она ему самому нужна; можно ли и здесь ставить вопрос о преимущественном праве нанимателя на площадь перед претензией самого собственника дома или застройщика? Нам кажется, что такая постановка вопроса противоречила бы ст. 10 Сталинской Конституции, защищающей право личной собственности гражданина на жилой дом. В этих случаях собственник дома или застройщик вправе претендовать на то, что спорная площадь будет предоставлена ему в непосредственное пользование и что прежний договор с нанимателем возобновлен больше не будет.

О дополнительной площади

Поскольку закон от 17 октября 1937 г. не касается этого вопроса, он подлежит регулированию на основе действующего законодательства союзных республик; продолжают, следовательно, пользоваться правом на дополнительную площадь некоторые категории граждан (научные работники, больные и т. д.); однако по-новому стоит вопрос о порядке осуществления права указанных категорий граждан на освобождающуюся в домах государственного фонда площадь. По ранее действовавшему законодательству претенденты на площадь (основную или дополнительную — все равно) могли в ряде случаев (в жактах, научные работники — и в остальных домах) добиваться предоставления им освобождающейся площади в судебном порядке. Новым законом этот порядок получения площади исключается. На основании ст. 23 свободные жилые помещения предоставляются в пользование граждан исключительно по распоряжениям (ордерам) соответствующих жилищных управлений. Таким образом, вопросы, связанные с предоставлением основной или дополнительной площади, должны отныне рассматриваться исключительно в административном порядке. Такой порядок совершенно правилен и потому, что суд может заниматься вопросами лишь о восстановлении и охране нарушенного уже гражданского права, а не о предоставлении истцу права, которого у него до суда вообще не было. Суд не может поэтому рассматривать иски граждан к жилуправлениям о предоставлении им той или другой площади. Это дело самих жилуправлений и вышестоящих в отношении их организаций. Если же дополнительная площадь уже имеется у съемщика на-лицо и речь идет о ее изъятии, то спор этот, конечно, может рассматриваться исключительно в судебном порядке. В этом случае речь идет об охране уже имеющегося права на площадь.

О броне

Для увеличения маневренного фонда местных советов закон от 17 октября 1937 г. значительно сократил случаи бронирования жилплощади лицами, уезжающими на работу и оставляющими в связи с этим место постоянного проживания. Согласно ст.ст. 33 и 34 закона бронирование жилых помещений на 2 года сохраняется лишь в

случаях выезда на работу за границу, на Дальний Восток и в Арктику. Во всех остальных случаях жилое помещение сохраняется за временно выехавшим с семьей лишь в течение 6 месяцев. На практике сейчас возникает вопрос: как быть с помещениями, на которые до опубликования нового закона выдавались брони, потерявшие уже сейчас свою силу? Можно ли их сейчас занимать по ордерам, коль скоро выехавшие съемщики еще продолжают отсутствовать, а право на дальнейшую броню этой площади они согласно новому закону уже потеряли? Нам представляется, что в этих случаях, с момента опубликования нового закона, за временно выехавшим сохраняется площадь в течение 6 месяцев (ст. 34), после чего она поступает в распоряжение жилищного управления. Таким образом никакого «захвата» этих помещений допускать сейчас нельзя.

О праве на обмен

В силу ст. 28 закона от 17 октября 1937 г. съемщикам жилых помещений предоставлено «право обмена занимаемой ими площади с другими съемщиками, с взаимной передачей прав и обязанностей по договорам аренды, лишь с разрешения жилищного управления местного совета или соответственно — государственного учреждения, предприятия или общественной организации, владеющих или арендующих дом». Закон не устанавливает, в каких конкретных случаях жилищное управление может отказать в разрешении на обмен жилплощади. Надо полагать, что в основном эти мотивы будут совпадать с мотивами, предусмотренными инструкцией НККХ и НКЮ РСФСР от 19 июля 1934 г. «Об условиях и порядке обмена жилыми помещениями» (спекулятивный характер обмена, наличие судебного дела об изъятии обмениваемой комнаты, сравнительная переуплотненность помещения как результат обмена, наличие задолженности по квартирной плате за меняющимся пользователем жилого помещения).

На практике, конечно, будут возникать многочисленные споры по поводу отказов жилуправлений в разрешении на обмен помещениями. Все эти споры несомненно должны рассматриваться в судебном порядке, поскольку они связаны с охраной конкретных гражданско-правовых интересов.

Таковы, в основном, вопросы, которые вызваны практикой применения жилищного закона от 17 октября 1937 г.

Е. ДОМБРОВСКИЙ

Правоспособность

Проблема правоспособности является одной из основных проблем гражданского права. Понять ее действительное значение можно только в связи с раскрытием содержания и природы гражданского права, то есть той специфической отрасли права, которая регулирует строй имущественных отношений данного господствующего класса. Правоспособность в социалистическом гражданском праве познается только на основе изучения классовой природы гражданского права, организованного в господствующий класс пролетариата. Говорить о правоспособности «вообще» — пустая никчемная затея, объясняемая абстрактными упражнениями невежд, «плохо учившихся по плохим книгам» (Ленин), или прямым вредительским извращением марксизма-ленинизма. Ниже будет показано, как этими извращениями до поры до времени занимались в «марксистской теории права» Пашуканис, Доценко и другие вредители.

Гражданское право исторически господствовавших классов, свергнутых в огне революционного переустройства общества, до победы великой пролетарской революции было неизменно правом эксплоатации.

«Возникшее из гибели феодального общества, современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. На место старых оно лишь поставило новые классы, новые условия угнетения, новые виды борьбы» [1].

«Там, где буржуазия достигла господства, она разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Она безжалостно разорвала пестрые феодальные связи, прикреплявшие человека к его «естественным повелителям», и оставила между людьми только одну связь — голый интерес, бессердечный «чистоган». Она утопила в ледяной воде эгоистического расчета священный порыв набожной мечтательности, рыцарского воодушевления, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных, скрепленных грамотами и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли. Словом, эксплоатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила открытой, бесстыдной, прямой, сухой эксплоатацией» [1] (разрядка моя.— Е. Д.).

Это право эксплоатации под видом права «священной, неотъемлемой частной собственности» победившая буржуазия закрепила в своих гражданских кодексах. Правоспособность в субъективном праве буржуазии стала еще более утонченным, еще более бесстыдным, свирепым правом эксплоатации.

Правовое положение личности, весь личный и имущественный статус буржуа, его правоспособность в гражданском обществе определяется целиком и полностью этой основой буржуазного общества, священной, неотъемлемой, неприкосновенной частной собственностью на средства и орудия производства, на все и всякие материальные и нематериальные блага.

Рабовладельческое общество знало правоспособность рабовладельцев — рабы были бесправны, они были вещи — servi sunt res (рабы есть вещи). В XII веке государство рабовладельцев окончательно сменяется господством феодалов.

[1] Маркс и Энгельс, Манифест коммунистической партии, стр. 18.

[1] Маркс и Энгельс, Манифест коммунистической партии, стр. 19—20.

Крепостные крестьяне заняли положение рабов. Правоспособность принадлежала господствующему классу — землевладельцам-феодалам. В XVIII веке буржуазия, написавшая на своих знаменах пламенные лозунги — свободы, равенства, братства — в кровавых боях за новые порядки угнетения трудящихся устанавливает свою диктатуру, и вместе с утверждением своего господства сосредоточивает собственность в своих руках, экспроприирует мелких собственников, утверждает наемное рабство.

Гражданское право буржуазии закрепляет «свободу собственности», узаконяет нищету наемного раба, гарантирует правоспособность господствующих классов, эксплоатацию наемных рабов.

Так отношения собственности с победой буржуазии закрепляются в законах о правоспособности буржуазии, сменившей господство феодалов, крупных земельных магнатов.

«Пролетарий не имеет собственности; его отношения к жене и детям не имеют ничего общего с буржуазными семейными отношениями; современный промышленный труд, современное порабощение капиталу, одинаковое как в Англии, так и во Франции, как в Америке, так и в Германии, стерло с него весь национальный характер. Законы, мораль, религия — все это для него не более как буржуазные предрассудки; за каждым из них скрываются определенные буржуазные интересы» [1].

Гражданская правоспособность буржуазии и капиталистов вырастает на основе капиталистической частной собственности, выражающей отношения дикой эксплоатации человека человеком, преступного порабощения рабочего класса, созидателя всех и всяческих материальных благ.

Свое происхождение капиталистическая частная собственность ведет не только от феодальной собственности, которую буржуазия в ходе революционного преобразования превращает в капиталистическую собственность, но и от уничтожения мелкой трудовой частной собственности. Эта собственность, представлявшая собой наряду с феодальной собственностью основу способа производства, предшествовавшего капитализму, становится на пути развития новых общественных отношений, которые вызывает к жизни капитализм. Поэтому буржуазия безжалостно и беспощадно уничтожает эту мелкую собственность, проводя в широких масштабах экспроприацию мелких товаропроизводителей (то есть лишение их собственности). Это блестяще показано Марксом в «Капитале». «Превращение индивидуальных и раздробленных средств производства в общественно-концентрированные, следовательно превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, экспроприация у широких народных масс земли, средств существования, орудий труда, эта ужасная и трудная экспроприация народной массы образует пролог истории капитала. Она включает в себя целый ряд насильственных методов...

Экспроприация непосредственных производителей совершается с беспощадным вандализмом, ее движущими пружинами являются самые бесстыдные, грязные, отвратительные и мелочные страсти» [1].

Разрушая все предшествовавшие ей формы собственности и продолжая их разрушать на всем протяжении своего господства, буржуазия превращает новую форму собственности — частнокапиталистическую эксплоататорскую собственность — в основу своего дальнейшего существования и развития. А это развитие означает дальнейшую экспроприацию мелких товаропроизводителей, превращение их в армию наемных рабов и беспощадную их эксплоатацию, выжимание из них прибавочной стоимости и превращение ее в капитал, то есть в новое орудие эксплоатации рабочих масс.

Ясно, о какой «правоспособности» речь может итти в таких условиях, ясно, кто и кого «правоспособно» эксплоатирует, ясно, о какой «правоспособности» для трудящихся может говорить буржуазия.

Гражданское право буржуазии и капиталистов отражает и легализует этот строй имущественных отношений, основанных на эксплоататорской частной капиталистической собственности на средства и орудия производства. Правоспособность в буржуазном праве есть по существу право на эксплоатацию человека человеком.

Понятию правоспособности посвящены целые тома исследований буржуазных ученых. Она занимает центральное место учения о субъектах права. Имеются плеяды ученых, доказывающих развитие правоспособности личности в рамках буржуазного общества «в направлении социализации гражданского права». Это издевательски чудовищно, но это верно, такие «труды» имеются и их немало.

На западе подобными упражнениями в области цивилистики занимаются с усердием, достойным лучшего применения, пресловутые Шварцы, Дюги, Гедеманы, Эндеманы и др.

К этой же плеяде принадлежит и небезызвестный австрийский публицист Карл Реннер (Marxismus, Krieg und Internationale).

Характеризуя прежние буржуазные революции, он говорит, что они имели своей задачей развязывать, освобождать людей и вещные элементы производства от всех традиционных, феодальных, сословных и других оков и предоставить их самим себе. Грядущая революция, по мнению Реннера, «будет иметь задачу прямо противоположную: не освобождать, а связывать живые и вещные элементы производства, заставлять их двигаться не на основе свободных договоров, а сообразно с интересами общественными и в порядке принудительной государственной регламентации».

Это грубейшее извращение марксизма-ленинизма. Великие учителя научного социализма — Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин учат нас иному пониманию гражданского права.

Понятие правоспособности, классовое ее содержание, сущность правоспособного субъекта определяется общественными условиями производства, классовой структурой общества, отношением господствующего класса к средствам и орудиям производства.

«Общественные отношения тесно связаны с производительными силами» [2].

---

[1] Маркс и Энгельс, Коммунистический Манифест, стр. 27.

[1] Маркс и Энгельс о праве, изд. Ком. академии, стр. 655.

[2] Маркс и Энгельс о праве, стр. 75.

Право всегда отражает и закрепляет в писанных нормах строй общественных отношений, охраняя его в интересах господствующего класса.

Гражданское право буржуазии и капиталистов регулирует важнейшую область этих отношений — имущественные отношения, угодные и выгодные для господствующего класса, поэтому и охраняемые его вооруженной силой, всей властью подавления.

В центре этих отношений ставится собственность и ее носитель — правоспособный субъект — представитель имущих классов. Его правоспособность есть законодательное выражение объективного рабства и эксплоатации на основе частной собственности на средства и орудия производства в субъективном праве господствующего класса.

Понятие правоспособности буржуазные юристы отрывают от экономической основы и абстрактно изображают всех участников общественного производства, независимо от их положения в производстве материальных благ в виде абстрактных «равных» правоспособных субъектов, скрывая действительные отношения рабства и эксплоатации.

«На различных формах собственности и социальных условиях существования поднимается целая надстройка разнообразных специфических восприятий, иллюзий, типов мышления, мировоззрений. Каждый класс возводит и формирует эту надстройку сообразно своей материальной основе и окружающим общественным отношениям. Отдельный индивидуум, которому известный строй взглядов передается традицией и воспитанием, может, конечно, вообразить, что мотивом и исходной точкой его поступков как раз и являются эти восприятия, иллюзии и т. д. [1].

На деле право отражает строй общественных отношений господствующего класса и не может быть иным, чем закрепленная в писанных нормах воля господствующего класса. Правоспособный субъект буржуазного гражданского права есть не что иное, как представитель господствующих классов буржуазного общества, владелец средств и орудий производства, эксплоататор наемных рабочих! Юридические абстракции здесь ничего не объясняют и не вскрывают действительного классового содержания понятия субъекта права, правоспособности, ибо «Ваши идеи сами являются продуктом буржуазных производственных и имущественных отношений, точно так же, как ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями существования вашего класса» [2].

На заре своей победы буржуазия как восходящий революционный класс провозгласила права человека и гражданина, властно требуя для всех членов общества равной правоспособности.

На своих знаменах, идя на штурм феодального общества и привлекая на свою сторону весь народ, буржуазия написала пламенные слова: свобода, братство, равенство.

Но под «свободой» буржуазия понимала и защищала свободу собственности, буржуазной собственности на средства и орудия производства.

Декларации прав, сопутствовавшие конституциям 1789, г., 1791 г., 1793 г., 1848 г., 1852 г.),— неизменно включали собственность в число неприкосновенных и священных прав гражданина.

Из всех этих деклараций лишь декларация 1789 г. осталась в памяти, так как «с самого начала она являлась политическим катехизисом или современным евангелием, которое люди мечтали воплотить в жизнь» [1].

Статья 2 Декларации прав человека и гражданина 1789 года гласит:

«Целью всякой политической ассоциации является охранение естественных и непререкаемых прав человека. Этими правами являются свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению».

Статья 17 Декларации постановляла:

«Ввиду того, что собственность есть неприкосновенное и священное право, никто не может быть лишен ее, кроме случаев, когда это очевидно требуется в силу законно установленной публичной необходимости и с условием справедливого предварительного возмещения» [2].

Таким образом, буржуазная революция устранила один вид собственности — феодальный, — для того чтобы утвердить на ее месте и закрепить в своей конституции другой вид собственности — буржуазной или капиталистической. И эта смена одной формы собственности другой, эта смена одного господствующего и эксплоатирующего класса другим составляет основную черту всех прежних революций. Господствующие классы менялись, эксплоатация сохранялась, грабительские отношения продолжались, эксплоататорская правоспособность, эксплоататорская собственность продолжала господствовать веками. Прежние революции не устраняют и не могут устранить монопольного владения одной группой людей средствами и орудиями производства, в противовес всем остальным людям, не владеющим ими, они не устраняют возможности использования этих средств и орудий производства в качестве орудий эксплоатации неимущих классов, то есть, другими словами, они не устраняют и не могут устранить деления общества на классы, так как они лишь изменяют форму частной собственности и форму эксплоатации, хотя и производят изменение этих форм революционным путем, то есть путем принудительного нарушения права частной собственности.

Характеризуя опыт этих революций, Энгельс писал: «Все бывшие до сих пор революции были революциями в целях защиты одного вида собственности против другого вида собственности. Они не могли охранять один вид собственности, не посягая на другой. В Великой французской революции была принесена в жертву феодальная собственность, чтобы спасти собственность буржуазную; в революции, произведенной Солоном, должна была пострадать собственность кредиторов в интересах собственности должников... Во всяком случае, факт тот, что в течение полуторы тысячи лет частная собственность могла сохраняться лишь благодаря нарушениям прав собственности» [3]. Средства и орудия производства неизменно на протяжении веков исторического развития классового обще-

---

[1] К. Маркс и Энгельс о праве, стр. 174.

[2] Маркс и Энгельс, Манифест Коммунистической партии, стр. 32.

[1] М. Орлу. Публичное право, стр. 473—474.

[2] См. текст Декларации прав человека и гражданина 1789 г.

[3] Маркс и Энгельс о праве, стр. 154.

ства являлись основным объектом гражданского права господствовавших классов. Земля, скот, рабы — в рабовладельческом обществе и государстве; земля, орудия производства, крепостные крестьяне в феодальном обществе; земля, фабрики, заводы, шахты, рудники и пр. в буржуазном обществе неизменно являлись предметом ожесточенных классовых боев за закрепление их за господствующим классом и охрану права последнего на эти объекты всей силой принуждения господствующего класса. В центре учения о правоспособности в гражданском праве всегда стоял управомоченный носитель имущественных прав — представитель имущих классов — правоспособный субъект — caput persona juris (лицо) римского права ex jure quiritium — (по праву квиритов),— феодал средневекового общества и государства, буржуа, правоспособный деятель буржуазного общества, фабрикант, капиталист в союзе с помещиком, купцом и попом. Их правоспособность одинаково выражала отношения эксплоатации, право порабощения человека человеком, право подавления, подчинения, угнетения.

Касаясь вопроса о классовом характере бывших революций, наш великий вождь и учитель товарищ Сталин на первом всесоюзном съезде колхозников-ударников сказал: «История народов знает немало революций, они отличаются от Октябрьской революции тем, что все они были однобокими революциями. Сменялась одна форма эксплоатации трудящихся другой формой эксплоатации, но сама эксплоатация оставалась. Сменялись одни эксплоататоры и угнетатели другими эксплоататорами и угнетателями, но сами эксплоататоры и угнетатели оставались. Только Октябрьская революция поставила себе целью уничтожить всякую эксплоатацию и ликвидировать всех и всяких эксплоататоров и угнетателей.

Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплоатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплоатации трудящихся. Одни эксплоататоры сменились другими эксплоататорами. При рабстве «закон» разрешал рабовладельцам убивать рабов. При крепостных порядках «закон» разрешал крепостникам «только» продавать крепостных.

Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплоатации. Но она поставила вместо них капиталистов и помещиков, капиталистическую и помещичью форму эксплоатации трудящихся. Одни эксплоататоры сменились другими эксплоататорами. При крепостных порядках «закон» разрешал продавать крепостных. При капиталистических порядках «закон» разрешает «только» обрекать трудящихся на безработицу и обнищание, на разорение и голодную смерть.

Только наша советская революция, только наша Октябрьская революция поставила вопрос так, чтобы не менять одних эксплоататоров на других, не менять одну форму эксплоатации на другую,— а искоренить всякую эксплоатацию, искоренить всех и всяких эксплоататоров, всех и всяких богатеев и угнетателей, и старых и новых»[1] (разрядка моя. — Е. Д.).

Вот гениальнейший по глубочайшему содержанию в сжатых словах мудрого вождя товарища Сталина обзор многовекового пути развития господства свергнутых классов, многовековой эксплоатации трудящегося человечества, обзор «правоспособности» — полноты прав и привилегий имущих классов, многовекового угнетения, рабства и кабалы, слез и горя, нищеты и страданий, забитости и бесправия трудящихся. Итак, Декларация прав человека и гражданина, теоретические источники которой следует искать в политической философии XVIII века (Локк, Монтескье, Блэкстон, Руссо и др.), на деле закрепила в числе неотъемлемых естественных прав гражданина — право эксплоатации, право буржуазной частной собственности. Только богатые обладали полнотой правоспособности в гражданском обществе и в государстве.

...«В 1789 году господствовала та теория, санкционированная практическим применением ее американцами, в силу которой только одни наиболее состоятельные граждане должны были управлять государством и пользоваться политическими правами»...[2].

...«Когда писатели начинали утверждать, что народ есть верховный повелитель, то они подразумевали под народом только его состоятельную и образованную часть, буржуазию (разрядка моя.— Е. Д.). Это деление нации на две категории, буржуазию и пролетариат, активных и пассивных граждан уже существовало в умах, прежде чем учредительное собрание установило его в действительности»[3].

Интересно, что все проекты Декларации прав человека и гражданина (Лафайетта, Сиейса, Мунье, Тарже и др.) включали в ее содержание в числе свобод гражданина и свободу собственности. Они различались между собою лишь по форме. По содержанию они совпадали. И все же буржуазия колебалась вотировать Декларацию прав человека и гражданина.

Ряд депутатов — представителей буржуазии — высказывался прямо против Декларации прав. Так, например, Малуэ говорил на заседании 3 августа 1789 года: «Зачем переносить людей на вершину горы и показывать им оттуда всю область их прав, когда мы будем обязаны вслед затем заставить их спуститься с вершины, указать пределы их прав и снова бросить их в мир действительности, где они на каждом шагу будут встречать пограничные камни?»[4].

Но декларация была вотирована, и ее «закрыли покрывалом», как выражались тогда, и Национальное собрание стало держаться политики покрывала.

Ст. 2 декларации, устанавливавшая право собственности, ничего не говорила о том, что эта собственность принадлежит богатым, что она — эксплоататорская собственность и что эта собственность утверждает угнетение, сопротивление которому вотировано было той же статьей 2 декларации. Исследователь французской рево-

---

[1] И. Сталин, Речь на первом всесоюзном съезде колхозников-ударников.

[2] А. Олар, Политическая история французской революции, стр. 19.

[3] Там же, стр. 19.

[4] Там же, стр. 30.

люции А. Олар ставит перед собой вопрос таким образом: «В 1792 году народ отнял у буржуа, то есть у человека, получившего от рождения привилегии экономические и политические, его политические привилегии; не логично ли было лишить его также и его экономических привилегий?»[1].

И автор здесь же отвечает:

«Эта мысль сначала не приходила почти никому в голову. Дело в том, что первоначальная экономическая и социальная революция совершилась или готовилась совершиться путем уничтожения феодальной собственности, отмены права первородства, продажи национальных имуществ, путем менее несправедливой организации и менее несправедливого распределения собственности. Французы во всей своей массе были удовлетворены этой революцией и еще не заглядывали дальше, потому что их самые жгучие страдания только что были облегчены.

Только когда заставили почувствовать себя другие страдания, вызванные новым положением вещей, только тогда явилось требование извлечь из декларации прав все ее последствия»[2] (разрядка моя.— Е. Д.).

В Декларации прав человека и гражданина, обсуждавшейся и вотированной в промежуток времени с 20 по 26 августа 1789 года, содержится в скрытом состоянии вся буржуазная демократическая республика. Победившая буржуазия закрепила в своих гражданских законах свою эксплоататорскую собственность, свою буржуазную эксплоататорскую правоспособность.

Анализируя так называемые гражданские свободы (свободу бытия, личную свободу или свободу передвижения, свободу социального бытия, относящуюся к различным элементам статуса лиц, к происхождению, имени, к почетным титулам (дворянские титулы герцога, маркиза, графа, барона, виконта и т. д.); свободу деятельности (свобода труда, промышленности, торговли, свободу слова, собраний и т. д.), Орю ставит в центре этих свобод свободу частной собственности.

«С юридической точки зрения собственность усиливает в индивидуальных свободах элемент вещного статута и тем удваивает их ценность. Свобода сама по себе опирается лишь на известную дисциплинарную организацию человеческой группы; свобода, сопровождаемая собственностью, опирается кроме того на вещь, которая сама по себе является богатством вещь, которая, поскольку речь идет о недвижимой собственности, является оградой, жилищем, а, быть может, и крепостью. Таким образом, собственность присоединяет мир вещей к миру человеческих существ и позволяет индивиду опираться как на тот, так и на другой, а, быть может, опираться на один из них для защиты против другого»[3]. Здесь маститый буржуазный профессор в своем панегирике буржуазной частной собственности как основе гражданской правоспособности буржуазии и капиталистов ставит все точки над «и», подчеркивая значение собственности в руках господствующих классов в их борьбе за свое классовое господство, когда приходится «опираться» на мир вещей в борьбе против «мира человеческих существ»...

Здесь, несомненно, звучит сила буржуазии и капиталистов как правоспособных носителей имущественных, гражданских прав, здесь эта сила властно звучит в устах маститого буржуазного профессора, видящего, как и профессор Победоносцев, центр правоспособности в вещном праве, вотчинном праве. Но здесь звучит уже и тревога буржуазии и капиталистов за свое классовое будущее.

Частную собственность как основу гражданских свобод буржуазии и капиталистов Орю понимает как неотъемлемую, священную, неограниченную, абсолютную собственность.

«Частная собственность представляет собою власть над вещами, принципиально дающую возможность исчерпать всю их полезность; она охватывает usus, fructus и abusus. Следует остановиться на abusus, который придает частной собственности характер свободы.

Abusus предоставляет собственнику право физического распоряжения вещью, доходящее до ее уничтожения и фактически позволяющее приспособить эту вещь к индивидуальным потребностям собственника...»

«Самой полной собственностью является собственность на движимости, так как возможность уничтожения или видоизменения движимости доходит до максимума. Коллекционер, который имел бы в своем обладании Джиоконду или Венеру Милосскую, был бы в сильнейшей степени собственником, так как мог бы сжечь картину или разбить статую»[1]. Более открытого цинизма в характеристике правоспособности буржуазных капиталистических собственников искать не приходится.

Не так ли понимают пределы своей «правоспособности» преступные эксплоататоры-капиталисты, сжигающие тысячи тонн хлеба, кофе и других товаров на кострах во время экономических кризисов для поднятия цен на товары и выбрасывающие в море целые транспорты сахара, муки, крупы и других товаров для той же цели. И это в обстановке нищеты и голода миллионов трудящихся!

Не так ли понимают свою «правоспособность» в области международных отношений германские, итальянские и японские фашисты, громящие с воздуха мирные села и города в Китае и многострадальной республиканской Испании, уничтожающие огнем и мечом вековые памятники человеческой культуры (Мадрид, Герника и др.), создающие себе взамен памятник проклятия всех честных людей мира.

Орю и не замечает, что он в своем профессорском панегирике «свободы» буржуазной частной собственности является идеологическим защитником и вдохновителем преступлений господствующих классов не только в сфере гражданских правоотношений своего государства, но и в сфере агрессивных выступлений империалистов на международной арене.

Так нагло откровенные буржуазные профессора, [illegible] незыблемость принципа капи-

---

[1] А. Олар. Политическая история французской революции, стр. 33.

[2] Там же, стр. 34.

[3] М. Орю, Публичное право, стр. 507.

[1] Там же, стр. 508.

талистической частной собственности, доказывая его рациональность и вечность, вскрывают, сами этого не подозревая, его эксплоататорское, хищническое, античеловечное, преступное содержание.

Определяя объем гражданской правоспособности физического лица как субъекта права, то есть его способность иметь и приобретать гражданские имущественные права, буржуазная юриспруденция и законодательство капиталистических стран не ограничиваются лишением фактически этой правоспособности громадного большинства трудящихся, не обладающих собственностью, жестоко эксплоатируемых капиталистами, лишь формально, на бумаге «правоспособных».

Буржуазия в довершение издевательств над трудящимися еще формально ограничивает по закону «правоспособность» на деле бесправных многомиллионных масс трудящихся. Общеизвестны ограничения правоспособности по полу, вероисповеданию, национальности, расе, сословной принадлежности и т. п.

Царское Уложение о наказаниях предусматривало в ряде случаев осуждения лишение всех прав состояния, то есть потерю осужденным лицом всех принадлежавших ему личных и имущественных прав, как-то «прав состояния, прав семейственных в отношении жены и детей, всех прав, основанных на связях родства и свойства, прав собственности и требований, которые переходят к его законным наследникам, прав наследственных (Улож. о наказ., ст. 22, 25, 27, 28). Поэтому они неспособны уже получить имущество по завещанию (т. X, ч. 1, ст. 1067, п. 4) или же по законному наследованию (т. X, ч. 1, ст. 1107). Со времени объявления приговора осужденный лишается своей прежней правоспособности: он не только утратил все принадлежавшие ему до того права, но и не может приобретать новых, поскольку они основываются на прежних отношениях» [1].

Совершенно ясно, что при проведении царской уголовной политики указанные выше ограничения правоспособности всем своим классовым острием направлялись против трудящихся.

Говоря об ограничениях правоспособности по полу, проф. Шершеневич так объясняет эти ограничения:

«Исторически выработались типы женщины как домашней хозяйки и мужчины, приобретающего вне дома средства для существования семьи. Этим определялось, что только мужчине приходится вступать в сделки, что женщина, непривычная к ним и неопытная в деле житейском, не должна без согласия мужа совершать какие-либо юридические акты. На этом начале основывается на Западе идея постоянной опеки (mundium) мужа над женой. До сих пор по западным законодательствам замужняя женщина в отношении дееспособности (то есть личного осуществления своей правоспособности.— Е. Д.) поставлена наравне с несовершеннолетними, лишена права совершать сделки без согласия мужа, не иметь даже права искать и отвечать на суде» [2].

Замужняя женщина по дореволюционным законам не вправе была без согласия мужа «вступать в договор личного найма» (т. X, ч. 1, ст. 2202), потому что «личный наем соединяется с отношениями, не согласными с правами мужа, и с удалением от места жительства мужа» [1].

«Всякий договор личного найма может оказаться несовместным с правом личной власти мужа, следовательно сюда подходят случаи поступления на сцену по контракту с антрепренером, найма в гувернантки, конторщицы и т. п.» [2].

Нам представляются чудовищными эти дикие ограничения правоспособности замужней женщины.

Кажется невероятным, что еще 20 лет тому назад существовали подобного рода «законные» порядки, не говоря уже о всем классовом гнете и эксплоатации трудящейся женщины.

Неудивительно, что трудящиеся капиталистических стран с глубочайшим волнением читают огненные слова ст. 122 Великой Сталинской Конституции:

«Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских ясель и садов».

Неудивительно, что сердца трудящихся всех стран горят искренней пролетарской любовью к мудрому творцу Конституции Союза ССР — великому Сталину.

Правоспособность субъектов буржуазного общества лучше всего можно проанализировать в отношениях между капиталистом и наемным рабочим. Тот и другой одинаково «правоспособны» по буржуазному праву. Они заключают между собой сделку, как равный с равным.

«Обмен между капиталом и трудом воспринимается первоначально совершенно так же, как купля и продажа всякого другого товара. Покупатель дает известную сумму денег, продавец — вещь, отличную от денег. Юридическое сознание видит здесь в лучшем случае лишь материальную разницу, которая выражается в юридически эквивалентных формулах: «Do ut des», «do ut facias», «facio ut des», «facio ut facias» (т. е. даю, чтобы ты дал, даю, чтобы ты сделал, делаю, чтобы ты дал, делаю, чтобы ты сделал,— четыре основных формулы римского обязательственного права.— Е. Д.).

...«Первоначальное превращение денег в капитал совершается в самом точном согласии с экономическими законами товарного производства и вытекающим из них правом собственности. Несмотря на это, в результате его оказывается:

1) что продукт принадлежит капиталисту, а не рабочему;

2) что стоимость этого продукта, кроме стоимости авансированного капитала, заключает в себе еще прибавочную стоимость, которая рабочему стоила труда, а капиталисту ничего не стоила, и тем не менее составляет правомерную собственность последнего;

[1] Проф. Г. Ф. Шершеневич. Русское гражданское право, стр. 60, изд. 18
[2] Там же, стр. 65.

[1] Там же, стр. 65.
[2] Там же, стр. 65.

3) что рабочий сохранил свою рабочую силу и может снова продать ее, если найдет покупателя» [1].

В области ограничений правоспособности по вероисповеданию наиболее дикими были ограничения в отношении евреев. Профессор Шершеневич так объясняет эти ограничения:

«Евреи, состоящие в подданстве России, подлежат общим законам во всех тех случаях, в коих не постановлено особых о них правил (т. IX, ст. 952). Но таких правил довольно много и они весьма существенны по содержанию (разрядка моя.— Е. Д.). Избрание местожительства для евреев составляет первое и основное ограничение их прав. В законе указаны места, в которых они могут поселяться и за пределы которых (за черту оседлости) могут проникать только евреи, обладающие известным образованием, капиталом или техническими познаниями. Соответственно тому евреям воспрещается приобретать недвижимую собственность вне черты их оседлости» [2].

Казалось бы, что ограничения правоспособности евреев не распространялись на тех из них, которые проживали в пределах «черты оседлости». Однако проф. Шершеневич продолжает: «... В действительности даже в черте оседлости евреям преграждена возможность приобретения собственности, совершения закладных, арендования и управления по доверенности в отношении недвижимостей, находящихся вне городов и местечек» [3].

Ограничение свободы местожительства было всем острием направлено против евреев трудящихся, рабочих, ремесленников, которые по этим диким «законам» не вправе были свободно передвигаться по территории царской империи, селиться вне черты оседлости и выбирать там не воспрещенные законом занятия и профессии.

Классовое содержание этих законов говорило само за себя.

Евреи капиталисты, банкиры, купцы первой гильдии и пр. занимали господствующее положение, были вполне правоспособны, наряду с представителями господствовавших классов царской России — помещиков и капиталистов.

Проф. Гамбаров начинает изложение учения в правосубъективности указанием на абстрактную человеческую личность как носителя гражданских прав, правоспособного субъекта.

«Человеческая личность, в ее качестве обладать известными правами и нести известные обязанности, называют обыкновенно лицом, или юридической личностью, и положение, указывающее на человеческую личность как на единственного субъекта права, есть одно из наиболее общих положений права, верных не только для настоящего времени, но и для всех исторически известных нам состояний сознательного мышления о праве.

Мы называем положение это наиболее общим потому, что оно служит основанием для всех институтов права.

Не существует такого права, которое не имело бы своим предположением человеческой личности вообще или известной квалификации этой личности. Нет собственности без способности к ее обладанию, договора — без признания его обязательного действия для участвующих в нем лиц, брака — без connubium, то есть способности к вступлению в него, завещания — без testamenti factio, то есть способности писать завещание и получать по завещанию и т. д.» [1].

Гамбаров вспоминает при этом положение римских юристов, утверждающих, что «omne jus hominum causa constitutum est» (всякое право учреждено (создано) для человека).

Проф. Гамбаров отвергает мнение некоторых новых юристов, допускающих бессубъектное существование права, утверждая, что такое мнение представляет собою «contradictio in adjecto» (внутреннее противоречие).

Гамбаров в этом случае прав, представляя себе всякое право как юридическое выражение общественных отношений.

Указывая на существование в праве рядом с фигурой физического лица,— человека — индивида — как субъекта права, и фигуры так называемого юридического лица, не являющегося физической личностью, проф. Гамбаров находит, что юридическое лицо «ставится рядом с человеческой личностью и представляет собой, по господствующему и в настоящее время учению, искусственное распространение понятия субъекта права от единичного физического лица на идеальное единство многих физических лиц или имуществ, служащих определенной цели и приравниваемых в своем единстве, в силу фикции, к понятию того же физического лица, как субъекта права» [2].

Мы оставляем пока в стороне различные многочисленные теории, относящиеся к фигуре юридического лица как самостоятельного правоспособного субъекта гражданского права. Этих теорий много. Вкратце о них речь будет впереди.

Пока мы считаем важным подчеркнуть, что проф. Гамбаров ставит человеческую личность в центре понятия правоспособного субъекта и утверждает, что признание человеческой личности как единственного субъекта права служит «основанием для всех институтов права».

Однако в разделе, трактующем о видоизменениях право и дееспособности, проф. Гамбаров открыто признает, что «равенство перед законом» правоспособных лиц есть формальная пустышка, не имеющая ничего общего с действительностью.

«Сказать, что [illegible] человек есть лицо, [illegible] значит обнять [illegible] юридическое положение. Качество «лица», состоящее в способности иметь права и обязанности, есть только часть общего явления, представляемого человеческой личностью, и оно [illegible] предрешает ни размера правоспособности личности, ни формы ее обнаружения».

«Равенство перед законом» означает не математическое равенство, а равноценность юридической личности, вовсе не исключающую градаций правоспособности по различию тех фактических условий, от которых никто не может уйти» [3]. (Разрядка моя.— Е. Д.)

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 493.

[2] Проф. Г. Ф. Шершеневич, Русское гражданское право, стр. 72.

[3] Там же, стр. 73.

[1] Ю. С. Гамбаров, Курс гражданского права, т. I, изд. 1911 г., стр. 445—446.

[2] Там же, стр. 489.

[3] Там же, стр. 489.

Мы благодарны проф. Гамбарову за признание ого факта, что «равенство» правоспособных убъектов гражданского права буржуазии и капиталистов не имеет ничего общего с фактическим положением.

Мы прекрасно знаем, что представители господствующих классов в странах капитала правоспособны потому именно, что неправоспособны миллионы эксплоатируемых трудящихся. Мы знаем, что правоспособность имущих классов есть право эксплоатации, порабощения человека человеком.

«Рабство современного торгашеского мира, утонченная, совершенная, универсальная продажность более бесчеловечна и всеобъемлюща, чем крепостное право феодальной эпохи»... [1]

«Равная» правоспособность, «равенство перед законом» эксплоатируемых и эксплоататоров представляют собой пышные, лживые слова буржуазных профессоров.

«Долой эту гнусную ложь! Не может быть, нет и не будет «равенства» угнетенных с угнетателями, эксплуатируемых с эксплуататорами. Не может быть, нет и не будет настоящей «свободы», пока нет свободы для женщины от привилегий по закону в пользу мужчины, свободы для рабочего от ига капитала, свободы для трудящегося крестьянина от ига капиталиста, помещика, купца» [2].

Правоспособность по законам свергнутых классов на всем протяжении существования эксплоататорских отношений в истории человечества всегда принадлежала господствовавшим классам, всегда выражала в праве отношения господства — подчинения, отношения эксплоатации.— Древние юристы прославленной эпохи римского права утверждали, как указано выше, что «omne jus hominum causa constitutum est», всякое право создано ради человека, но здесь же они расшифровали и понятие того человека, для которого создано было omne jus, т. е. полнота прав, определяли понятие этой правоспособной личности, persona juris, полноправного римского гражданина — caput,— утверждая, что servi sunt res — рабы есть вещи, они относятся к имуществу правоспособной личности — persona, они бесправны, они есть объект права. В изложении римских юристов право изучается по системе — personae, res, actiones (лица, вещи, иски). В этом изложении четко подчеркивается классовая эксплоататорская сущность учения о лицах, как и всего учения о праве. Servi sunt res — рабы есть вещи. О них нет никакой речи в учении о лицах. Правоотношение — actio negotium возникает только между равными, правоспособными лицами. Право квиритов было правом господствующих классов. Это подчеркивалось во всех сделках: «Hanc ego rem ex jure quiritium meam esse ajo» — я утверждаю, что эта вещь принадлежит мне по праву квиритов (формула, которую произносил покупатель в момент купли-продажи, ударяя куском меди по весам в удостоверение совершения сделки по праву квиритов — mancipatio).

Такую природу всего права рабовладельческого общества определяла вся структура последнего; организация принуждения, природа государства определяла, естественно, и все классовое содержание права рабовладельцев. Известно, что самый состав законодательной комиссии, создавшей законы XII таблиц, leges duodecim tabularum, состоял из десяти патрициев, то есть представителей знатных и богатых полноправных граждан. Decemviri legibus scribundis — комиссия десяти для составления законов состояла из патрициев. Им принадлежала вся полнота управления государством. Плебеи в состав комиссии десяти не входили. Рабы были вещи. Первоначально полнота правоспособности — caput — принадлежала по закону только полноправным римским гражданам — квиритам. В понятие полной правоспособности входили гражданские и политические права (jus connubii — право вступать в квиритский брак, jus commercii — право совершать имущественные сделки и обладать имущественными правами, jus suffragii et honorum — право голоса в народном собрании и право быть кандидатом на магистратские должности (honores). Последние права означали политическую правоспособность полноправных граждан [1].

«У греков и римлян неравенство людей играло гораздо большую роль, чем равенство в каком бы то ни было отношении. Мысль о том, что греки и варвары, свободные и рабы, граждане государства и лица, только пользующиеся его покровительством, римские граждане и римские подданные (употребляя последнее слово в широком смысле) могли притязать на равное политическое значение — должна была казаться древним безумной» [2].

Во время римской империи, когда эти различия мало-помалу стирались, основное различие между свободным и рабом осталось.

Следует иметь в виду, что то право, которое юристы падающей римской империи привели в такую искусную систему, было не феодальное, а римское право, право общества, состоящего из товаропроизводителей. «Частное право развивается параллельно с частной собственностью из процесса разложения натуральной общественной организации» [3].

Правоспособность буржуазии и капиталистов отражает в себе весь строй отношений эксплоатации, отношений, в основе которых лежит право частной капиталистической собственности на средства и орудия производства, отношений полноты прав и привилегий для богатых, нищеты и бесправия для бедных.

Несмотря на все и всякие высокопарные словоупражнения буржуазной науки права о равенстве субъектов прав, о равенстве всех перед законом, о развитии права в направлении уравнения правоспособности и т. д. и т. п. правоспособность как выражение в праве отношений эксплоатации есть кровь от крови и плоть от плоти всего классового содержания буржуазного права, всего законодательства буржуазии и капиталистов, всего буржуазного государства. В от-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, О праве, стр. 319.

[2] В. И. Ленин. Советская власть и положение женщины, т. XXIV, стр. 518.

[1] Н. Боголепов, Учебник истории римского права, стр. 148.

[2] Маркс и Энгельс о праве, стр. 90.

[3] Там же, стр. 121.

ношении полноты объема гражданских прав отдельных граждан — физических лиц — правоспособность буржуазного права на деле означает бесправное положение девяти десятых общества, всех многомиллионных масс трудящихся. Еще и еще раз приходится вспомнить, что право теснейшим образом связано с государством, что оно не может быть иным по своему классовому содержанию, чем политика господствующих классов, что право оформляется законодательными органами, состоящими из представителей имущих классов, представляющих в парламентах народ и предающих его интересы (см. Ленин, Тезисы и доклад к 1 конгрессу Коминтерна).

Чрезвычайно яркую справку для характеристики классового состава буржуазных парламентов приводит тов. Крастин в своей статье об избирательном праве (см. «Социалистическая законность», № 12 за 1937 г.). Английская палата общин состоит из 5 рабочих и 590 представителей помещиков, капиталистов и буржуазной интеллигенции (состав палаты по ноябрьским выборам 1935 г.).

Такое же, примерно, соотношение мы видим и в составе французской палаты депутатов (см. журнал «Социалистическая законность» № 12 за 1937 г., стр. 15—16).

Ясно, что подобные составы буржуазных законодательных палат могут защищать и отражать в своей работе только правоспособность буржуазии и капиталистов. По существу вопрос о правоспособности в рамках буржуазного строя иначе и стоять не может в силу тех законов и противоречий, которые лежат в основе буржуазного капиталистического общества. Еще и еще раз полезно вспомнить слова В. И. Ленина: «Пусть лжецы и лицемеры, тупицы и слепцы, буржуа и их сторонники надувают народ, говоря о свободе вообще, о равенстве вообще, о демократии вообще.

Мы говорим рабочим и крестьянам: срывайте маску с этих лжецов, открывайте глаза этим слепцам, спрашивайте:— равенство какого пола с каким полом?

— Какой нации с какой нацией?

— Какого класса с каким классом?

— Свободы от какого ига или от ига какого класса? Свобода для какого класса?

Кто говорит о политике, демократии, о свободе, о равенстве, о социализме, не ставя этих вопросов, не выдвигая их на первый план, не воюя против прятания, скрывания, затушевывания этих вопросов,— тот худший враг трудящихся, тот волк в овечьей шкуре, тот злейший противник рабочих и крестьян, тот слуга помещиков, царей, капиталистов» [1].

Это следует напомнить всем буржуазным профессорам, много пишущим о «социализации гражданского права», о врастании буржуазного общества в социализм через развитие идеи права и тому подобных вещах, элементарно невежественных с точки зрения учения марксизма-ленинизма о государстве и праве.

В учении буржуазной юриспруденции о правоспособности юридических лиц замечательно то, что во всех определениях понятия юридического лица у всех цивилистов и коммерциалистов особенно подчеркивается извлечение капиталистической прибыли как основная цель организации и существования всех видов юридических лиц. Так определяют specificum юридического лица как самостоятельного правоспособного субъекта гражданских прав проф. Шершеневич, проф. Гамбаров, проф. Каминка и др.

Критикуя конструкции Марбаха и Беккера по их теории юридического лица — целевого имущества (Zweckvermögen), проф. Каминка указывает, что эта теория оказывается пригодной для всякого имущественного комплекса, выделенного в каких-либо определенных целях (акционерная компания, полное товарищество, приданое и т. п.).

Однако достоинством теории целевого имущества Каминка считал именно то, что она выдвигает капиталистический элемент и ту цель, которой должен служить капитал компании, ради которой он собирается — извлечение предпринимательской прибыли.

Вот где душа юридического лица, вот что является основным моментом, определяющим понятие юридического лица, его differentia specifica [1].

Рассматривая наиболее распространенный вид юридических лиц как вполне оформившихся за последнее время самостоятельных правоспособных субъектов развитого гражданского оборота капиталистических стран — акционерные компании — профессор Каминка считает совершенно бесспорным, что акционерная компания является по преимуществу капиталистической формой предприятия. Ее цель и задачи — извлечение капиталистической прибыли [2].

Учение о юридических лицах как самостоятельных субъектах прав представляется очень сложным в буржуазной юриспруденции. Существует множество различных теорий о природе юридического лица (теория фикции, органическая, целевого имущества, «социальная теория» Гирке и т. д.).

Нет никакой необходимости в теме о правоспособности, рассматриваемой в рамках журнальной статьи, излагать содержание всех этих теорий.

Важно подчеркнуть, что назначение юридического лица как самостоятельного носителя гражданских прав, правоспособного субъекта, заключается по мнению буржуазных профессоров именно в извлечении предпринимательской прибыли. А это и есть основное, что выявляет классовое содержание данного института буржуазного права, его классовое нутро, выражение концентрированной правоспособности отдельных капиталистов — физических лиц, объединенных для извлечения капиталистической прибыли в товарищества, компании, анонимные общества и т. п.

Классовое содержание этой «правоспособности» акционерных компаний, трестов, синдикатов, картелей и т. п. явствует из всех преступлений империализма в отношении рабочего класса и всех трудящихся.

(Продолжение в следующем номере).

---

[1] В. И. Ленин, Советская власть и положение женщины, т. XXIV, стр. 518.

[1] Проф. Каминка, Очерки торгового права стр. 341.

[2] Там же, стр. 315.

А. ЦЫПКИН

Материальная истина в советском суде

Советский суд только тогда выносит обвинительный приговор, когда он бесспорно убежден в виновности подсудимого. Это убеждение суда не является простым впечатлением, а вытекает из рассмотрения всей совокупности доказательств по делу. Только тогда, когда суд устанавливает доказанность того или иного обвинения, он переходит к решению следующего вопроса — вопроса о мере наказания — и какую бы меру наказания суд ни определял, самую ли строгую меру репрессии, или более мягкую меру взыскания, безразлично — и тому и другому предшествует установление бесспорной доказанности обвинения.

Вся организация судебной деятельности построена так, чтобы установление истины не встречало на своем пути никаких препятствий.

Задачей предварительного расследования является «выяснить и исследовать обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а равно все обстоятельства как усиливающие, так и смягчающие степень характера его ответственности» (ст. 111 УПК), судебное следствие направляется в сторону, наиболее способствующую раскрытию истины (ст. 257 УПК), кассационное производство, не ограничивающееся проверкой только формальной стороны дела, обязано проверить правильность и полноту проведенного следствия (ст. 413, п. 1 УПК), — все эти различные стадии, хотя и различными процессуальными методами, стремятся к одному, к установлению истины в наиболее полном и исчерпывающем ее виде.

Стремление к установлению материальной истины характеризует подлинное правосудие и подлинный суд [1]. Оно характеризует советский суд на всем протяжении его деятельности.

Буржуазный суд, объявляя себя формально сторонником и борцом за установление материальной истины, в действительности чинит немало препятствий и устраивает немало рогаток истине в тех случаях, когда она ему невыгодна.

Даже наиболее либерально организованный суд, действующий на началах формальной состязательности с участием сторон — обвинения и защиты, даже и этот суд не обеспечивает торжества истины. Суд внешне беспристрастен и пассивен, но под лицемерной тиарой этой беспристрастности и пассивности кроется помощь сильной стороне — в данном случае прокурору против подсудимых, подавляющее большинство которых состоит из трудящихся и не в состоянии противостоять своими возражениями мощному напору всесильного прокурора.

Можно привести немало случаев, когда буржуазный суд привлекал к ответственности и стремился к осуждению заведомо невиновных.

Наглядным доказательством этому является дело 193-х, слушавшееся в 1877 г., по которому подсудимые обвинялись царским судом в принадлежности к революционным организациям и в революционной агитации. Многие из подсудимых просидели до суда очень долгое время в тюрьмах, а на суде прокурор Желеховский вынужден был признать, что против ста подсудимых нет улик. Он беззастенчиво заявил, что эти сто человек, будучи невиновными, были привлечены лишь для составления фона в картине обвинения остальных [1].

Буржуазная теория ссылкой на объективные причины, на «верховный промысел» пыталась обосновать неизбежность приговоров, в которых невиновные оказываются осужденными.

«Напрасное привлечение к суду»,— читаем мы в объяснительной записке 1863 г. к судебным уставам,— «является несчастьем, которому человек нередко подвергается вследствие несовершенства его природы или вследствие неисповедимых судеб верховного промысла».

Фашистский суд, осуществляющий расправу над трудящимися и антифашистами, не стремится к установлению материальной истины. Максимальное свертывание предварительного следствия, сокращение судебного следствия, ущемление, а порой и полное уничтожение прав обвиняемого в суде,— все это приводит к тому, что материальная истина на суде не устанавливается, не может быть установлена. Это на руку фашистам, которые при осуществлении своей террористической деятельности не только не заинтересованы в установлении материальной истины, а заинтересованы в противоположном — в сокрытии, в искажении истины. Достаточно вспомнить хотя бы Лейпцигский суд, когда фашисты, поджигатели рейхстага всячески старались обвинить тов. Димитрова в этом поджоге.

Требование установления материальной истины означает, что только при наличии несомненных доказательств подсудимый может быть осужден.

Если не только при окончательном судебном рассмотрении, но и при предварительном расследовании нет полной доказанности вины, существует сомнение виновности вследствие недостаточности улик, то дело должно быть прекращено (ст. 204 п. «б» УПК).

Здесь, опять-таки, забота о полной доказанности обвинения, недопустимость предания суду при недостаточных доказательствах, отличает советский суд от буржуазных судов и в частности от дореволюционного русского суда. Дореволюционный русский суд задачей предварительного следствия объявлял «установление лишь вероятности вины» [2], установление такой степени достоверности, на основании которой могло бы создаться «достаточное подозрение против обвиняемого для предания его суду» [3].

Этому положению буржуазного процесса, объявляющему, что для предания суду достаточно лишь подозрения против обвиняемого, достаточ-

---

[1] Вышинский, «Социалистическая законность», № 3 за 1937 г., стр. 10.

[1] Кони, Воспоминание о деле В. Засулич.

[2] Фойницкий, Уголовное судопроизводство, т. II.

[3] Случевский, Учебник русского уголовного процесса.

на лишь вероятность вины, противопоставляется советская точка зрения, требующая полной доказанности обвинения еще в стадии предварительного расследования. Для предъявления обвинения (а это ведь еще далеко не окончание предварительного следствия) требуется, как указывает А. Я. Вышинский, максимум доказательств [1].

Установление материальной истины, полная доказанность обвинения требуется по всем без исключения делам. Нет того дела, «большого» или «маленького», в отношении которого считалось бы возможным вынесение обвинительного приговора без полного установления вины. Какой бы строгости наказание ни выносилось, оно возможно лишь при установлении виновности. Решительно воспрещается осуждение даже и к очень мягкому наказанию тогда, когда нет полной уверенности в виновности. Еще в 1924 г. наказ пленума Верховного Суда РСФСР указывал: «Если суд сомневался в виновности обвиняемого, то снижение меры социальной защиты в зависимости от степени доказанности обвинения явно недопустимо» [2].

Требование установления в наиболее полном и исчерпывающем ее виде истины неизбежно вытекает из самой сущности советского правосудия, из задач, стоящих перед ним.

Требование организации меткого удара по подлинному врагу — по врагу народа, вредителю, шпиону, диверсанту и по всякому преступнику, творящему классово-опасное дело, не допускает ни осуждения, ни безосновательного привлечения невиновных. Это же недопустимо и с точки зрения защиты прав и законных интересов граждан. Принцип неприкосновенности личности, записанный в Сталинской Конституции, естественно, не допускает иного отношения к этому вопросу.

Буржуазия, используя клевету как одно из средств борьбы с государством пролетарской диктатуры, старается показать дело в таком виде, что советский суд не ставит перед собой задачи установления материальной истины.

Когда в 1933 г. в Москве слушалось дело о вредительстве на электростанциях, английский министр торговли Рэнсимен заявил по поводу этого процесса, что «были сделаны тщательные изыскания, и мы не могли найти ни одного примера, чтобы один из таких процессов не окончился бы осуждением». Это клеветническое утверждение, имевшее целью опорочить советское правосудие, было разоблачено А. Я. Вышинским, выступавшим в этом деле в качестве государственного обвинителя. Тов. Вышинский при этом напомнил, что по одному из крупнейших процессов о вредителях,— шахтинскому процессу было оправдано четыре обвиняемых.

К сожалению в нашей советской литературе находятся лица, пытающиеся приписать советскому суду, что он «в одних случаях решает дела с большей, а в других с меньшей уверенностью».

Такова точка зрения И. Ильинского и, что еще хуже, такую точку зрения он старается приписать советскому суду.

И. Ильинский указывает: «судья стремится обосновать свое убеждение на данных, имеющихся в деле. Хорошо если их достаточно, а если нет?»

Неужели И. Ильинский всерьез задается этим вопросом, неужели он не знает, что делает суд, если в деле нет достаточных данных? Суд в таких случаях или направляет дело на доследование или оправдывает подсудимого — оправдывает потому, что так требует наше советское правосудие, так требует закон (ст. 326 п. «б» УПК).

Этот вопрос нужен И. Ильинскому для того, чтобы развить свою теорию — и опять-таки приписать ее советскому суду, теорию «сниженной достоверности». Эта теория «сниженной достоверности» означает, что по И. Ильинскому советский суд якобы выносит обвинительный приговор и при неполной доказанности совершения преступления обвиняемым.

Интересно, до каких пределов допускает Ильинский «снижение» достоверности.

В изображении этой теории различных степеней достоверности — достоверности полной и сниженной — Ильинский бесспорно воспользовался имеющей полуторастолетнюю давность теорией английского ученого И. Бентама, предлагавшего при допросе свидетелей пользоваться так называемой «лестницей степеней убеждения».

Эта лестница Бентама должна была быть разделена на десять ступеней; она имела положительную сторону, на которую следовало заносить степени положительного убеждения (т. е. подтверждающие существование спорного факта), и сторону отрицательную, на которую заносятся степени убеждения отрицательного (т. е. отрицающие существование того же факта).

По мысли Бентама свидетель для того, чтобы математически выразить различную степень убеждения в существовании или отсутствии тех обстоятельств, о которых он свидетельствует, и колеблющуюся от простой вероятности до полного убеждения, при допросе прямо говорит: «Мое убеждение 10 или 8 степеней со стороны положительной, 10 или 5 степеней со стороны отрицательной», т. е. так же, как о температуре, указываемой термометром, говорят: ртуть стоит на 10 градусов выше или ниже нуля [1].

Точно так же, как свидетель в отношении свидетельствуемого факта может испытывать различную степень уверенности, точно так же и судья, по мнению Ильинского, выносит приговор, решая дела в одних случаях с большей, а в других с меньшей уверенностью.

Необходимо спросить у Ильинского, механически переносящего на суд бентамовскую лестницу, предназначавшуюся для свидетелей, и допускающего вынесение приговора по сниженной достоверности — до каких же пределов он допускает это «снижение»? при каком «градусе» снижения достоверности Ильинский считает возможным выносить обвинительный приговор?

Почти такого же рода позицию по отношению к советскому суду занимал Ильинский еще в 1926 году [2].

---

[1] Вышинский, «За социалистическую законность» № 5 за 1935 г., стр. 14.

[2] Еженедельник советской юстиции 1924 г., № 31.

[1] Иеремия Бентам, Трактат о судебном доказательстве, перевод Гареновича, 1876 г.

[2] Это же отметили тт. Якуб и Голунский, правильно подвергшие критике «теорию» Ильинского, «Сов. юстиция», № 7 и № 16 за 1937 год.

В 1926 году в статье, посвященной обзору текущей литературы, Ильинский, рецензируя сборник определений уголовной кассационной коллегии Верховного суда РСФСР, писал: «По сложному и запутанному делу Пискунова, Компанееца и др. уголовно-кассационная коллегия дала чрезвычайно важное указание в том смысле, что «при сомнительных доказательствах нельзя применять высшей меры наказания». Эта мера нецелесообразна, ибо делает невозможным пересмотр судьбы приговоренных в том случае, если будущее окончательно разрушит доказательства, сомнительные уже во время процесса. Приведенное указание колеблет одну из фикций буржуазного права об абсолютной истинности приговора, вступившего в законную силу. Диалектическое мышление советского суда требует строго реального подхода ко всем возможным последствиям приговора, хотя бы и получившего силу, но основанного отчасти на сомнительных данных» [2].

Здесь И. Ильинский, прикрываясь фразой о «диалектическом мышлении советского суда», клеветнически утверждает, что советский суд выносит приговор, основанный «отчасти на сомнительных данных». При этом Ильинский прямо заявляет, что не то, что в дальнейшем данные оказались сомнительными — нет! они были сомнительными уже во время процесса. И здесь, как мы видим, Ильинский проводит уже свою теорию «сниженной достоверности».

Но все-таки надо признать, что за прошедшие 11 лет некоторая «смена вех» у Ильинского произошла: если в 1926 году он доказывал, что при сомнительных данных («сниженной достоверности») нельзя приговаривать к расстрелу, ибо это делает невозможным пересмотр судьбы приговоренных, то в 1937 году он, наоборот, теорию «сниженной достоверности» распространяет на «актуально-политические дела», т. е. дела, нередко требующие наиболее жесткой репрессии.

Теория И. Ильинского, клеветническая по существу, льет воду на мельницу врагов нашей родины, нашего государства и нашего суда.

Так же необходимо отметить еще одну, до сих пор не получившую отпора попытку оклеветать наш суд, приписав ему недостаточную обоснованность выносимых им приговоров.

Ривлин в книжке «Советская адвокатура» пишет: «В период 1918—1922 г.г. наши карательные органы не особенно тщательно исследовали вопрос о действительной виновности подсудимых. В обстановке того периода это было вполне понятно и объяснялось, с одной стороны, молодостью и несовершенством наших судебных организаций, а с другой стороны условиями ожесточенной гражданской войны, потребностью в действенной репрессии» [1].

Этим самым утверждается, что на протяжении 5 лет советский суд «по молодости» судил и наказывал, «не особенно тщательно» исследуя вопрос о действительной виновности, ограничиваясь, как сказал бы И. Ильинский, «сниженной достоверностью».

Здесь же выдвигается и другое утверждение, что при потребности в действенной репрессии «вполне понятна» невозможность особенно тщательного исследования вопроса о действительной виновности подсудимых.

Советский суд стоял и стоит на страже завоеваний пролетарской диктатуры; он и сейчас в отношении к врагам народа, врагам социалистического строительства, врагам социалистической родины, вредителям, диверсантам и троцкистско-бухаринским отщепенцам осуществляет действенную репрессию, но эта действенная репрессия применяется к изобличенным преступникам, к тем лицам, виновность которых бесспорно установлена.

Трудна и ответственна задача советской юстиции по разоблачению врагов. Враг прячется, маскируется, он притворяется «тихоньким», «сладеньким», почти «святым», он действует тихой сапой. Товарищ Сталин на мартовском пленуме ЦК ВКП(б) указал, что «нынешние вредители и диверсанты, троцкисты,— это большей частью люди партийные, с партийным билетом в кармане,— стало быть, люди формально не чужие. Если старые вредители шли против наших людей, то новые вредители, наоборот, лебезят перед нашими людьми, восхваляют наших людей, подхалимничают перед ними для того, чтобы втереться в доверие. Разница, как видите, существенная» [2].

При выполнении стоящих перед ней задач, наша юстиция никогда не отказывается от требования полного и всестороннего исследования дела, установления материальной истины в наиболее полном и исчерпывающем ее виде, никогда не отступая от этого начала, являющегося основой социалистического правосудия.

Проповедь «теории» «сниженной достоверности» и тому подобной чепухи может принести только вред и ущерб и делу советской юстиции и делу социализма в целом.

---

[1] Ривлин, «Советская адвокатура», изд. 1926 г., стр. 95.

[2] И. Сталин, О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад и заключительное слово на пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 года, стр. 14, Партиздат, 1937.

[2] «Еженедельник сов. юстиции», № 12 за 1926 год.

А. ВИНБЕРГ

Каким должно быть заключение эксперта

Среди разнообразнейших экспертиз, применяемых в процессе предварительного и судебного следствия, большое место отводится криминалистической экспертизе документов. В настоящее время уже никому не придет в голову «трактовать» вопрос о «доброкачественности» этого вида экспертизы. Как показала практика, далеко не жизненными оказались академические рассуждения, по которым судебно-медицинская и химическая экспертиза относились к разряду достоверных «хороших» доказательств, а графическая экспертиза — к наиболее недостоверным.

Градация экспертиз на «хорошие» и «плохие» доказательства является пережитком теории формальных доказательств.

Нет «худших» и «лучших» экспертиз, а есть лучшие и худшие эксперты. Любой вид экспертизы приобретает доказательственное значение в зависимости от характера рассматриваемого в суде дела.

Графическая экспертиза приобретает весьма актуальное значение, ибо направлена, в первую очередь, к борьбе против подделывателей документов. Письменные документы оформляют правовые отношения между людьми. Документ призван к налаживанию социалистического учета, к подтверждению денежных расчетов, удостоверяет различные обстоятельства от имени государственных, общественных организаций и частных лиц. Протоколы, справки, записи в бухгалтерских книгах, чеки, счета, фактуры, паспорта, удостоверения, письма, дневники, контрреволюционные листовки, акты рождения, смерти, брака, метрические записи и т. д. — все эти документы объединяются тем, что они свидетельствуют о каком-то событии, что-то удостоверяют.

Естественно, что любой документ выполняет свое назначение только тогда, когда он является подлинным. Но коль скоро в документе учинено какое-либо изменение, меняющее первоначальное его содержание, документ начинает неправильно отображать происшедшее или имеющее быть событие, его неприкосновенность тем самым оказывается нарушенной. Таким образом, документ в руках преступника превращается в свою противоположность. Документ используется как орудие присвоения государственных средств, как способ совершения преступления, либо покрытия другого преступления, например растраты. В результате нередко документ используется против социалистической собственности. Во всех подобных случаях документ служит одним из основных вещественных доказательств, ибо является непосредственно объектом общественно-опасных действий (ст.ст. 59[8], 72 и 120 УК), либо средством совершения или сокрытия других преступлений (ст.ст. 116, 169 УК и др.).

Как показывает практика производства графических исследований по данным научно-следственной лаборатории Прокуратуры Союза ССР и криминалистической лаборатории Московского юридического института, случаи обращения следователей для производства этого вида исследования весьма часты. Можно безошибочно утверждать, что при расследовании категории так называемых хозяйственных дел, применительно к ст. 109, 120, 169 УК, по каждому сложному делу, связанному с расследованием обстоятельств, в некоторой части сводящихся к документальному подтверждению различных событий, следователем призывается специалист по исследованию документов. Графическая экспертиза назначается для разрешения ряда специальных для дела вопросов.

В настоящей работе мы не ставим себе задачей исследовать вопросы содержания работы и метода графической экспертизы. Эта большая и интересная область может служить темой для самостоятельной статейной или монографической работы. Нам же хотелось бы рассмотреть один из существеннейших вопросов о заключении экспертов в области графической экспертизы. Этот вопрос имеет большое значение для следователей и судей, ибо заключение эксперта есть результат его работы, его наблюдений и произведенного исследования. Этот вопрос является актуальным и потому, что многие практические следственно-прокурорские и судебные работники подвергают нередко жесточайшей критике, и иногда не без основания, заключения графической экспертизы, исходя именно из специфики данного заключения. Среди экспертов-криминалистов в этой области также нет еще единого мнения. Практика дачи заключений по графическим экспертизам в криминалистических научно-исследовательских учреждениях г.г. Москвы, Минска, Киева, Харькова, Одессы далеко не единообразна. Мы уже не говорим о невежественных заключениях кустарей-каллиграфов или о выводах «исследования» плутоватых графологов, которыми еще кое-где пользуются следственные и судебные органы. Сторонники такого рода «экспертиз» забывают, что приглашение в качестве сведущего лица случайного человека, не имеющего специального образования и подготовки, не связанного с исследовательской работой в условиях технически-оснащенной лаборатории — есть грубейшее нарушение указаний Сталинской Конституции, ибо не может случайное для экспертизы лицо быть призвано там, где решается судьба живого человека, достоинство и честь советского гражданина.

Как мы уже отмечали, итог всей исследовательской работы эксперта сводится к даче заключения по тем вопросам, которые были ему поставлены на разрешение следственно-судебными органами. Отсюда становится понятным немалое количество споров в литературе, среди экспертов-практиков и среди работников следствия и суда, каким должно быть заключение экспертизы.

Все взгляды криминалистов в этой области, в теоретической литературе сводятся к отрицанию права эксперта давать по графическому исследованию категорическое заключение, то-есть, к примеру, что такой-то исследуемый документ исполнен гр. Ивановым. Так, известный в дореволюционной России криминалист Буринский утверждал, что «серьезный эксперт почерков не станет высказывать положительные мнения и только в отрицательных позволит себе утверждение. Можно притти к твердому убеждению, что данная рукопись писана не тем лицом,

которое подозревается, но очень редко можно с уверенностью сказать, что исследуемый почерк принадлежит тому, а не иному лицу»[1].

Эта же точка зрения находит авторитетную поддержку в трудах австрийского ученого Ганса Гросса, который указывает, что опытный исследователь под микроскопом с полной уверенностью отличает растительные волокна от волоса животного, он даже может сказать, какому животному принадлежит этот волос; более того, если речь идет о человеческом волосе, он может сказать не только, с какой части человеческого тела взят этот волос, но большею частью даже определить возраст и пол этого человека. Однако с полной уверенностью ученый может установить только неидентичность (подчеркнуто нами. — А. В.) волоса («этот волос не взят с головы А»); если же вопрос возникает о позитивной идентичности («этот волос взят безусловно с головы А»), то эксперт в большинстве случаев откажется дать определенный ответ и должен будет заявить: «так далеко не идут наши познания, этого мы не имеем возможности утверждать». Я должен сознаться, пишет Гросс, что естествоиспытатель, отказывающийся утверждать идентичность двух волос, несравненно более импонирует мне, нежели эксперт-графолог, авторитетно заявляющий, что два почерка написаны одной и той же рукой. По мнению Гросса, суть заключается в том, что отрицание по существу своему разнообразно и бесконечно, утверждение же единообразно и единично, а потому выискивать из моря различий каплю единства и тождества — задача чрезвычайно трудная и проблематичная[2].

Гросс отмечает, что эксперты-графологи высказывают ненаучные и слишком категорические утверждения. На опыте судебной медицины можно констатировать, что эта высоко-развитая наука в настоящее время стала в своих суждениях гораздо нерешительнее, нежели она была десятки лет тому назад. Осторожность и обдуманность суждений увеличивается вместе с ростом этой дисциплины вследствие того, что по мере своего развития ей приходится знакомиться со все большим и большим количеством исключений и делаться все более и более разносторонней в научном смысле. Однако это не препятствует все большему возрастанию ее значения в уголовном процессе.

Проф. Оттоленги считает, что заключение экспертом может даваться лишь с большей или меньшей вероятностью о подлинности, но ни в коем случае нельзя говорить о достоверности[3].

Крупнейший американский эксперт Осборн также поучает, что легче установить, что подделывная рукопись не подлинная, чем доказать, что данная рукопись действительно написана определенным лицом[4].

Подтверждает ли современная практическая работа в области исследования документов изложенные выше теоретические высказывания криминалистов? Следует со всей очевидностью в целом ряде случаев это констатировать.

Как показывает практика лаборатории по научно-следственной работе Прокуратуры Союза ССР, криминалистической лаборатории Московского юридического института и других научно-исследовательских учреждений — на поставленные следователем или судом вопросы установить автора сомнительных, заподозренных документов — следуют заключения: «Почерк такого-то не противоречит почерку, которым исполнен заподозренный документ», или же «почерк, которым исполнен заподозренный документ, соответствует представленным образцам», или же «текст заподозренного документа вероятнее всего исполнен таким-то», либо «возможно, выполнен таким-то», «с известной долей вероятности можно заключить» и т. д. и т. п. Можно безошибочно утверждать, что свыше 50% даваемых экспертами заключений падает на вышеприведенные формулировки. Как реагируют на это практические следственно-судебные работники? Многие тут же предают «анафеме» подобного рода заключения. Вместо категорического, обоснованного заключения, что такой-то документ исполнен такими-то, следуют от эксперта, казалось бы, ничего не дающие маловразумительные ответы предположительного характера о возможности, вероятности и т. п. Отсюда ряд товарищей приходит к неправильному обобщению, что, дескать, графическая экспертиза вообще лишена научных основ, не помогает расследованию, а поэтому не является доказательством, а в лучшем уж случае если и является доказательством, то не полноценным.

Другая категория судебных работников перегибает в другую сторону — любое заключение эксперта воспринимает без достаточного критерия, не подвергает критике и кладет в основание приговора. Мы располагаем по этому поводу любопытным фактом. По одному сложному делу в одном из НТО уголовного розыска УРКМ производилась графическая экспертиза. Исследовав ряд сомнительных документов, эксперт пришел к заключению, а именно «на основании изложенного следует притти к выводу, что текст доверенности от 15 июля 1934 г. за № 239 вероятнее всего (подчеркнуто нами.— А. В.) заполнялся гр. Б и им же вероятнее всего сделана подпись получателя товара на пропуске накладной №...».

Как явствует из обстоятельной кассационной жалобы гр. Б., осужденного к 10 годам лишения свободы, в основание приговора было положено вышеприведенное заключение эксперта. Осужденный писал: «Нарсуд, приняв это странное заключение за основу, осудил за «вероятнее всего» на 10 лет, решив судьбу человека...».

Мы ставим вопрос — можно ли класть в основу приговора подобного рода заключения как единственное по делу доказательство? Вряд ли судейское убеждение приведет опытного судью к такому решению. Постановка этого вопроса приводит нас, в свою очередь, к постановке другого вопроса: какую доказательную силу можно придавать такого рода заключениям?

Степень нашего искусства в области исследования письма, предел возможного в графической экспертизе, накопленный опыт и познания в

---

[1] Буринский, Судебная экспертиза документов, изд. 1903 г., стр. 173.

[2] Гросс, Руководство для судебных следователей.

[3] С. Оттоленги, Экспертиза почерка и графическая идентификация, изд. 1926 г.

[4] Осборн, Техническое доказательство подделок рукописей, перев. с немецкого.

настоящее время еще часто диктуют эксперту заключения недостаточно определенного характера, не категорического порядка. Практика графической экспертизы показывает, что еще по очень многим делам эксперт лишен возможности притти к убеждению, позволяющему ему установить автора сомнительного документа. Часто этому явлению способствуют и сами следственные работники, которые не предоставляют в распоряжение эксперта всех нужных материалов, не сообщают обстоятельств дела, плохо собирают нужные для исследования документы, словом, небрежно относятся к нашим требованиям о подготовке материала для экспертизы. Полнота же и категоричность заключения зависит в основном от качества присланного для исследования материала. Понятно, что неполноценный материал не может служить основанием для категорического заключения. Однако и при наличии достаточных материалов все же имеют место случаи, когда экспертиза не разрешает предложенного ей вопроса, когда наши познания не приводят нас к выяснению поставленных следователем или судом вопросов. Допустимо ли в этих случаях ради «чести мундира» скрывать от следователя возникающие сомнения и «категорически» что-то утверждать? Постановка такого вопроса не вяжется с представлением о советской экспертизе. Эксперт предполагает принести пользу правосудию, не скрывая своих сомнений. А те «эксперты», которые в погоне за успехом в любых случаях жизни дают категорические заключения — «рубят с плеча» со всей категоричностью, свойственной «ученым», боявшимся обнаружить никчемность своего «метода» — такого рода «экспертам» — по пути с полуграмотными каллиграфами или «чревовещателями-графологами». Таким экспертам не место среди криминалистов-экспертов, занимающихся научно-исследовательской работой.

Криминалиста не пугает понятие «соответствия» в сравниваемых документах, понятие «вероятности» при выводах исследования, ибо подобные выводы не умаляют значения исследования письма, а лишь призывают к последующей и упорной исследовательской работе. Нельзя полностью согласиться с воззрениями Гросса, Буринского и др. о невозможности дать категорическое заключение. Эксперт должен всемерно стремиться к тому, чтобы как можно больше его заключений носили категорический характер, изобличали бы авторов сомнительных документов. Та же практика показывает, что по многим делам к этому и сводятся заключения экспертов, что по многим делам эксперт своим заключением дает правильное направление следствию, правильно ориентирует следователя и, таким образом, приносит своими специальными знаниями громадную пользу делу повышения качества расследования, делу борьбы с преступлениями.

Этого рода заключения и не вызывают никакого спора, ибо полезность их очевидна для всякого. Иное дело, как мы видели, когда вопрос сводится к понятию «вероятности», «соответствия» и т. п.

По установившейся практике, эксперт дает осторожную формулировку — «соответствует», «не противоречит» — тогда, когда недостаточно полно представлен графический материал, когда обычно ему неизвестны обстоятельства дела. «Соответствует» — это значит, нет полной уверенности в установлении автора документа; «соответствует» — это значит, что многое осталось для эксперта неясным; «соответствует» — это значит, что утверждение об авторстве данного лица предположительно. К сожалению следственные и судебные работники по-разному воспринимают этот установившийся термин экспертов. Многие рассматривают этот термин как положительный, определенный вывод. А некоторые, как мы видели, столь в этом убеждены, что кладут подобного рода предположения эксперта в основание приговора. Вот эта категория «услужливых друзей» и является особо опасной, при свободном толковании экспертных выражениях о «соответствии». Отсюда наш первый вывод — в тех случаях, когда имеющийся материал не приводит эксперта к полному убеждению, что исследуемый документ исполнен таким-то конкретно лицом,— в этих случаях, употребляя осторожную формулировку, эксперт должен развернуто и понятно, в аналогической части своего акта обосновать, почему его выводы не категоричны и что следует понимать под его формулировкой о «соответствии» сравниваемых документов. Эксперт должен не просто изрекать, подобно какому-то оракулу, «соответствует», а д о к а з а т ь в аналитических рассуждениях, что под этим понимается, а главное, настолько убедительно растолковать эти вопросы, чтобы у судьи не возникло никакого сомнения, что данное заключение эксперта, при отсутствии иных по делу доказательств, также не может служить доказательством.

Мы смеем утверждать, что некатегорическое заключение эксперта может быть доказательством лишь тогда, когда это заключение не стоит в противоречии с другими имеющимися по делу доказательствами. Только на ряду с другими по делу доказательствами оно будет рассматриваться как одно из звеньев в цепи косвенных улик. Поясним это примером. Допустим, что следователь подозревает в исполнении фиктивных счетов и чеков нескольких работников н-кого учреждения. В этом случае на разрешение эксперта им ставится вопрос, кем из этих нескольких человек могли быть исполнены сомнительные документы. Производя сравнительное исследование текста и подписей в заподозренных документах с представленными образцами несомненного письма тех лиц, которые, по мнению следователя, могли быть причастными, эксперт, как это имеет место по любому делу, отбрасывает, методом исключения, образцы тех лиц, почерки которых абсолютно не имеют общих графических признаков с заподозренными документами. Отбрасывая эти образцы письма, эксперт тем самым уже методом отрицания в этой части своих выводов приходит к категорическому заключению, ибо несходство признаков обычно разительнее, чем сходство. Несомненно легче установить разную степень выработанности и привычек письма, чем доказать совпадение одинаковых признаков письма в двух сравниваемых документах. Итак, отбросив явно неподходящие образцы письма, эксперт концентрирует свое внимание лишь на том образце письма, которое наиболее близко к письму сомнительных документов. Если эксперт приходит к определенному выводу, что данные фиктивные документы исполнены таким-то гражданином, задача полностью разрешена. Если графический материал не дает основания для такого вывода и на

сцену опять всплывают осторожные термины («соответствие»), эксперт обязан не ограничиться лишь исследованием графического материала, а должен детально ознакомиться с обстоятельствами дела, с содержанием расследуемого дела.

К сожалению практика неопределенных заключений основывается как раз на отсутствии данных по делу, на незнании экспертом всех обстоятельств дела. Мы же предлагаем изменить эту практику. Наш второй вывод сводится к тому, что при исследовании письма криминалистами-экспертами заключение должно строиться не только на графических признаках, не только на содержании документа, его стиля, смысла, манеры изложения, целевого назначения, то есть не только на всестороннем исследовании письма, но и на изучении всех обстоятельств дела, в какой бы то ни было степени относящихся к вопросам экспертизы. Для эксперта-криминалиста по многим делам исследование письма приобретает значение лишь в причинной связи с фактическими обстоятельствами следственного или судебного дела, а не взятое в отдельности и оторванное от существа дела. Как правильно указывает проф. Владимиров, «юристы отрицали право эксперта читать следственные акты, ограждая тем самым беспристрастие эксперта». Напрасный труд! Уж кто вследствие чтения следственных актов может отклониться от беспристрастной критики и обсуждения; кто, вследствие такого чтения, подпадает влиянию предвзятого мнения, тот вообще не годится в эксперты. Значение обстоятельств дела диктуется лишь требованиями самого производства экспертизы, возможностью применения криминалистического метода при исследовании письма.

Эти общие указания о значении знания обстоятельств дела входят в понятие криминалистического исследования документов. Однако в практике следственные работники весьма часто игнорируют данное значение вопроса. Материал направляется либо без всякого объяснения, либо в краткой препроводительной бумажке скупо излагаются некоторые вопросы дела. В тех случаях, когда графический материал представлен достаточно и вопросы, подлежащие выяснению, эксперту ясны,— дача заключения, даже и при отсутствии самого следственного дела, не затрудняет эксперта. Но совсем никуда не годится, когда заключение о «соответствии» и «вероятности» выводится экспертом без знания обстоятельств дела. Здесь он не имеет оснований давать заключение неопределенного характера, не изучив предварительно, как криминалист, всех обстоятельств дела. Ведь его заключение, не будучи достаточно определенным, лишь тогда будет иметь какой-то смысл, когда будет в причинной связи с другими доказательствами по делу, подобно одной из косвенных улик. «Соответствует» — это значит для следователя, что и к данному лицу, почерк которого «соответствует» исполнению фиктивных документов, следует внимательно присмотреться, что эксперт, хотя и не утверждает, но известным образом «сигнализирует». Ясно, что подобного рода заключение экспертизы не есть доказательство, а служит лишь поводом к собиранию дополнительных доказательств.

Третий вывод. Экспертиза должна производиться с такой отчетливой мотивировкой, чтобы следователю и суду были вполне ясны те основания, которые привели эксперта к его заключению. Этому требованию должно быть подчинено содержание каждого акта эксперта.

Как должно быть построено заключение эксперта? Заключение дается в форме акта, который состоит из вводной части, осмотра документов, аналитической части, мнения по обстоятельствам дела и произведенного графического анализа, резолютивной части.

В вводной части указывается дата производства акта или же поступления в лабораторию материала, от кого поступил материал, когда, по какому делу и по чьему предложению производится экспертиза. После этого в акте кратко излагаются обстоятельства дела. Если обстоятельства дела эксперту неизвестны — это отмечается в акте. После изложения обстоятельств дела следует изложение вопросов, которые поставлены на разрешение эксперта. Предварительно изложенные обстоятельства дела позволяют любому читающему акт (в порядке надзора, в кассационных инстанциях) понять значение поставленных эксперту вопросов, уяснить задачу, поставленную перед экспертом. Затем приводится подробный перечень всех прилагаемых для исследования документов — по категориям: 1) сомнительные документы, 2) образцы свободного письма, 3) образцы письма под диктовку.

Каждый документ в акте должен быть определен по его индивидуальным признакам (лист дела, номер дела, сумма, содержание текста, начало документа, его особенность).

Здесь же должно следовать мнение эксперта о том, достаточно ли присланного материала для дачи полноценного заключения, или для какого вывода пригоден имеющийся материал.

Затем в акте отмечается, производился ли осмотр документов и в чем этот осмотр выразился, применялась ли оптическая аппаратура, лампа Вуда и т. д. Лишь после всего изложенного эксперт переходит к центральной части своего акта — к анализу, то есть к непосредственному исследованию. Аналитическая часть должна быть построена таким образом, чтобы следователю или судье был понятен тот метод, который применялся экспертом при исследовании. Анализ должен быть настолько убедителен, чтобы была понятна связь между наблюдениями эксперта и его последующими выводами. Нужно помнить, что суждения эксперта не являются еще бесспорными и обязательными для суда доказательствами, ибо таких доказательств наш суд не знает. Выводы эксперта еще далеко не предрешают исхода дела, и ценность этих выводов зависит от их убедительности, логики и силы. Поэтому-то следует особо четко составлять исследовательскую часть акта. К сожалению эксперт часто пишет, что-де в сравниваемых почерках одинаковое напряжение, совпадает правоокружное движение таких-то букв и т. п. А что из этого следует? Почему это приводит к установлению автора, а не к отрицанию его? К чему это вообще приводит? Об этом эксперт умалчивает, предоставляя следователю самому теряться в догадках как по поводу подобного анализа, так и по случаю употребления специфических терминов, как-то «напряжение», «разгон» и т. п.

В аналитической части должно быть представлено лишь наблюдение эксперта, без каких бы то ни было гипотез или выводов. Констати-

руется лишь то, что относится к анализу документов, однородные или противоречивые графические признаки, стиль, манера изложения, привычки письма и т. п. Для наглядности, эта часть акта иллюстрируется различными фототаблицами увеличенных документов или части их.

Наконец, заключительная часть акта — выводы состоят из ответов эксперта на поставленные для разрешения вопросы.

Ответы должны быть четкие, ясные и в то же время простые по форме и доступные для понимания лиц без специальных познаний в этой области. Ответы должны быть исчерпывающими и не допускающими различного их толкования.

Эксперт при даче заключения должен строго держаться границ своих специальных знаний. Эксперт не имеет права уклоняться в оценку тех или иных действий обвиняемого под углом зрения их уголовно-юридической квалификации. Поэтому недопустимо употребление в заключении терминов «подлог», «мошенничество» и т. п. как относящихся по своему содержанию к компетенции следственно-судебных органов.

Быть может, некоторым товарищам покажется подобный акт громоздким, однако, если учитывать, что за результатом акта часто скрывается судьба живого человека, что подробность акта исходит из необходимости сделать его понятным для следственно-судебных работников, что мотивированное заключение призвано быть убедительным,— эти возражения должны отпасть. Некоторые же эксперты, консультируя своими актами громадное количество периферийных работников, смотрят на составление акта иногда весьма небрежно. Правильно отмечал в свое время проф. Владимиров, что письменная форма экспертизы часто является хорошим покровом для недостатков аргументации и небрежности в обсуждении ряда вопросов.

Отсутствие перекрестного допроса на судебном процессе иногда равняется отсутствию побуждения хорошо готовиться к даче заключения. Допрос эксперта судом и сторонами в публичном заседании есть весьма сильное орудие, могущее побудить некоторых экспертов серьезно готовиться к делу. Среди экспертов по исследованию документов, многие, особенно при обслуживании периферии, лишены возможности выступать в суде, и это обстоятельство должно побудить наших экспертов, в противовес указаниям проф. Владимирова, к составлению наиболее доброкачественных и мотивированных заключений. Все же условия для этого предоставлены нашему эксперту.

С. БОГУСЛАВСКАЯ

Еще о жалобах и жалобщиках

В прошлом номере «Социалистической законности» приводилось немало фактов безобразно недопустимого попирания прав трудящихся и не менее безобразного «реагирования» на все это некоторых прокуроров. Из произведенной Прокуратурой Союза проверки и из полученных от местных прокуроров ответов видно, что большинство приведенных в предыдущей статье фактов получило свое полное подтверждение.

Например, по вопросу о притуплении политической бдительности кировских работников суда и прокуратуры, систематически смазывавших дела, о расхитителях социалистической собственности в магазинах Кировского пищеторга вскрылась чрезвычайно неприглядная картина. Благодаря преступному по существу бездействию или попустительству этих судебно-прокурорских работников часть растратчиков успела уже скрыться, и заведенные на них дела приостановлены до розыска обвиняемых.

Материал же о растрате Абдулиным 2 000 руб., очевидно, «за малозначительностью» бывший секретарь народного суда Сталинского района Сырчин самолично уничтожил. За то, правда, сам Сырчин понес соответствующее наказание, так как его самого за эти действия осудили к двум годам лишения свободы. Виновные в волоките по этим делам прокуроры и следователи также понесли дисциплинарную и партийную ответственность.

В другом случае — возмутительное издевательство и попирание жилищных прав гр. Бурневич (Калининская область), в отсутствии которой местными представителями поселкового совета, при благосклонном содействии райпрокурора Толмачева, самоуправно были выброшены из комнаты Бурневич ее вещи и комната была занята. Факты эти также нашли свое подтверждение.

К сожалению, Калининская областная прокуратура за это дело взялась слишком поздно, когда уже восстанавливать права Бурневич не пришлось, так как ей, видимо, невмоготу стало вести тяжбу в Максатихе и она решила покинуть ее совсем, переехав на жительство в другое место.

Также небезынтересно сообщение исполняющего обязанности прокурора г. Астрахани т. Тесленко о мытарствах, связанных с безобразнейшей волокитой и издевательством над беременной работницей — секретарем рабочкома грузчиков 12-й пристани — Ивановской.

В своих объяснениях Прокурору Союза тов. Тесленко с хронологической последовательностью описал пути прохождения этого «трудового» дела и приобщил даже газетную заметку..., но он не сказал ничего внятного или оправдывающего действия лиц и учреждений, в дебрях которых проходило это многострадальное дело. Он также не заикнулся о грубо нарушенных правах этой женщины.

Прокуроры окружной прокуратуры тт. Матвеев и Лунин так же, как и тов. Тесленко, судя по его докладной записке, никаких выводов для себя из этого поучительного дела не сделали, так как, например, помощник окрпрокурора Матвеев, переотправив газетную заметку рабочкому с требованием дать объяснение, на этом успокоился, а окрпрокурор Лунин, получив возмутительную отписку рабочкома, отдал распоряжение привлечь виновных (кого персонально, неизвестно) к уголовной ответственности и также, очевидно, счел свою миссию на этом законченной.

«На этом,— пишет и. о. прокурора г. Астрахани,— и заканчивается история по трудовому делу Ивановской в Окрпрокуратуре».

А далее? Далее из гражданского дела видно, что Ивановская судебными решениями восстановлена на прежнюю работу в должности секретаря.

Как будто бы больше и говорить нечего и возвращаться к такому ничего не значащему, повседневному и маленькому делу не стоит! Однако с этим нельзя согласиться и так расценивать это дело никак нельзя. Неужели не понимают астраханские и иные прокуроры, что так обращаться с живыми людьми нельзя и что возложенная на них, прокуроров, чрезвычайно ответственная задача по охране законных прав трудящихся и внедрению во все поры нашей повседневной действительности настоящей революционной законности требует иных подходов и методов работы и совсем другого отношения к людям и их делам?!

Ведь неслучайно бывший Курагинский прокурор Лагздин практиковал бездушно-бюрократическое отношение к обращающимся к нему за помощью жалобщикам, допуская грубейшие извращения и прямые беззакония.

Проверка «деятельности» этого человека показала, что сам Лагздин оказался врагом народа. Это обстоятельство должно еще раз всем нам напомнить о действительной и подлинной большевистской бдительности.

Показательно также, что несмотря на специальную проверку в разных учреждениях и в том числе в местной прокуратуре работы по жалобам, несмотря на принятый партийными и контрольно-советскими органами ряд решений, несмотря на многократные освещения в центральной и местной печати вопроса о чутком отношении к жалобам,— до настоящих дней все же еще настоящего перелома в этом вопросе нет.

Происходит это и потому, что многие прокуроры до сих пор все еще остаются на своих старых позициях недооценки или непонимания своих прокурорских задач и функций, либо они успокаиваются на некоторых улучшениях в этом участке их работы.

Ведь нельзя пройти мимо такого случая, например, имевшего место совсем недавно в Крыму. На одном из строительств Крымэнергокомбината в Ялте более 2 лет работал некто Евстафиади.

— Прекрасный работник,— говорили о нем. В прошлом году администрация строительства и профсоюзная организация даже премировали его за стахановские методы работы.

Но вот в июне 1937 г. с Евстафиади случилось несчастье. Во время работы автомобиль повредил ему ногу.

Около двух месяцев Евстафиади пролежал в больнице, а тем временем ретивые администраторы из Крымэнергокомбината приготовили для него «сюрприз». В тот день, когда Евстафиади появился в конторе, ему вручили приказ № 38 за подписью заместителя начальника строительства Зуева об... увольнении его с работы.

Тов. Евстафиади выехал для сдачи дел в Севастополь. Но туда за ним вдогонку полетел второй приказ № 39 о том, что увольнение с работы Евстафиади отменяется.

Евстафиади снова вернулся в Ялту. Здесь его ожидал уже третий приказ за № 40, по которому он опять увольнялся с работы.

Тем временем болезнь Евстафиади все обострялась. Ему нужно было получить деньги по больничному листку, чтобы приобрести путевку в институт физических методов лечения.

Здесь стоит сказать, что на строительстве существовала, а может быть и существует, своеобразная и очень удобная для бюрократов система оплаты больничных листков. Этим делом занимаются два завкома: № 85 и 176. Один находится в Севастополе, другой — в Ялте.

И вот завкомы начали волокиту. Севастопольский № 176 посылает Евстафиади в Ялту. Ялтинский завком № 85 посылает его в Севастополь.

В этот круговорот и попал тов. Евстафиади. Председатель завкома № 176 Гниленко повертел больничный листок в руках и неожиданно спросил:

— А какое право вы имели болеть четыре месяца? Выплачивать деньги мы вам вовсе не собираемся.

Возмущенный Евстафиади сейчас же пошел к прокурору г. Севастополя, т. Васильеву.

— Не прокурорское дело вмешиваться в дела завкома,— заявил т. Васильев.— Передайте дело на РКК.

В РКК завкома № 176 сказали:

— Да это же в наши функции не входит!

Евстафиади обратился к прокурору г. Ялты. Ялтинская прокуратура более чутко отнеслась к этому делу и предложила начальнику строительства Алексашину прекратить волокиту и выплатить немедленно Евстафиади деньги по больничному листку.

Однако бюрократ Гниленко продолжал издеваться над Евстафиади.

Тем временем на поездки из Ялты в Севастополь и обратно Евстафиади исчерпал все свои средства. Возмущенный до глубины души, он прибыл в Севастополь и решил обратиться еще раз к прокурору.

В маленькой приемной его неприветливо встретила секретарша.— Ваша фамилия Евстафиади? Знаю. На вас завкомом № 176 заведено уголовное дело. (С каких пор, спрашивается, завкомы заводят уголовные дела?)

Ошарашенный Евстафиади решил все же искать защиту у ялтинской прокуратуры.

Но куда девалась там прежняя приветливость? Его и здесь встретили как преступника и объявили: — Вы привлекаетесь к ответственности.— За что? — спросил Евстафиади.

Прокурор, строго посмотрев в лицо посетителя, вынул из стола бумагу и с серьезным видом изрек:

— Вы привлекаетесь к уголовной ответственности за невыполнение указанного в больничном листке постельного режима (?!). По этому вопросу больше ко мне не обращаться.

Но даже и после такого строгого предупреждения о соблюдении постельного режима Евстафиади не пришлось отдыхать. Чинуша Гниленко заставил его снова обивать пороги завкома и прокуратуры.

Лишь после долгих мытарств «провинившийся» больной смог доказать ялтинскому прокурору Рыкусу, что он, Евстафиади, вовсе не уголовный преступник, что он, Евстафиади, имеет полное право на получение пособия по больничному листку, так как он получил травму ноги во время работы.

Но профбюрократы из завкома № 176 все же

не унялись и продолжали издеваться над членом своего профсоюза. Надо надеяться, что теперь, уже после предложения Прокуратуры Союза республиканской прокуратуре активно вмешаться в это дело, расследовать и установить конкретных виновников с привлечением их к уголовной ответственности,— будет положен конец этому издевательству.

Не менее любопытен и случай использования проходимцем и пройдохой ротозейства и беспечности прокуроров и судей, призванных как зеницу ока охранять социалистическую собственность.

Началось это еще в 1936 г.

В Сотсковской артели скорняков в качестве главного бухгалтера работала некто Емельянова Мария Георгиевна. С работой она явно не справлялась. Бухгалтерия была запущена и запутана, отчеты о работе артели опаздывали на 3—4 месяца и больше. Больше того, у Емельяновой обнаружили ряд преступлений по должности, которые она тщательно скрывала, саботируя работу ревизионной комиссии.

Был даже случай 21 февраля 1936 г., когда ревизионная комиссия вынуждена была прекратить ревизию «вследствие отказа бухгалтера Емельяновой предъявить документы».

С рабочими Емельянова обращалась грубо, вела себя вызывающе, нахально. И все-таки артель держала ее. Держала потому, что некем было заменить.

26 сентября 1937 г. балансовая комиссия Мехсоюза, при рассмотрении баланса артели за 1936 г., вынесла решение:

«За большое опоздание в представлении годового отчета и балансов, неудовлетворительное качество таковых, несвоевременное производство инвентаризации и неприсылку в союз необходимых сведений к балансу, без которых баланс не может считаться законченным,— бухгалтера Сотсковской скорняжной артели Емельянову считать не справившейся с работой и от работы освободить».

Вскоре бухгалтер-ревизор вскрыл совершенные Емельяновой злоупотребления, выразившиеся в присвоении государственных денег. После этого правление артели 12 апреля 1937 г. признало необходимым бухгалтера Емельянову с работы снять, а также взыскать с Емельяновой 600 руб., полученных ею за путевку на курорт, но списанные в погашение своих подотчетных сумм, взыскать незаконно полученные 500 руб. на ремонт дома и 420 руб. за баланс 1936 г.

Емельянова ушла с работы, но решила так просто не оставить столь лакомый кусочек, каким для нее была Сотсковская артель.

Спустя 27 дней Емельянова предъявила требование к артели о выплате ей после увольнения 2-недельного выходного пособия. Ей отказали на том основании, что выходное пособие по закону выплачивается в тех случаях, когда происходит сокращение штата или освобождение работника по каким-либо независящим от него самого причинам.

Емельянова подала в народный суд Талдомского района. Народный суд (судья Старов) в июне разобрал ее заявление и вынес решение уплатить Емельяновой за вынужденный прогул, квартирные и 2-недельное выходное пособие, ни словом не упомянув о том, правильно или неправильно она уволена.

Артель подчинилась и выполнила решение суда. По этому безграмотному решению Емельянова получила 660 руб., в том числе и выходное пособие, что по существу означает: «увольнение признано правильным».

После этого Емельянова подала жалобу в Мособлмехсоюз и Москопромсоюз. Москопромсоюз отказал ей в просьбе и предложил Мособлмехсоюзу привлечь Емельянову к ответственности за злоупотребления.

Дело пришло к райпрокурору т. Федосееву, но прокурор решил, что элементов уголовного преступления нет и дело против Емельяновой прекратил.

Емельянова почувствовала себя тверже и подала заявление в народный суд о якобы неправильном снятии ее с работы. Народный суд, не отменив первого своего решения, и с этим согласился, и вынес второе решение — «восстановить Емельянову на работе и уплатить за вынужденный прогул 840 руб.», забыв о том, что она уже получила по первому решению выходное пособие.

Тут уж пришел конец терпению правления артели, и оно решило это судебное решение обжаловать в Мособлсуд. Но последний жалобу артели оставил без последствий, а 24 августа Емельянову восстановил на работе. Снова Емельянова вернулась в артель и снова начала бездельничать. 18 октября 1937 г. ее снова сняли с работы за бездеятельность. Этим история с Емельяновой все же не кончилась. Суд продолжает покровительствовать Емельяновой и дальше, поощряя ее явно авантюристические намерения.

А Емельянова чувствует себя в артели, как рыба в воде.

Не работая в артели, Емельянова уже успела получить 3320 руб. Но и это еще не все. Заместитель председателя Мособлсуда предложил правлению артели восстановить Емельянову на работе, угрожая привлечь председателя артели к уголовной ответственности в случае невыполнения этого требования.

Остается удивляться равнодушию прокурора Федосеева к неразборчивости судей, с каким они подходят к решению вопросов, когда дело касается охраны кооперативной собственности.

Ограничиться этим, понятно, нельзя. Московскому облпрокурору, очевидно, придется вплотную заняться и этим безобразным делом и людьми, приложившими к нему руки.

Увы, этими примерами не исчерпывается никуда негодная работа некоторых прокуроров.

Партия и правительство неоднократно требовали самой усиленной, самой острой борьбы с бездушно-бюрократическим отношением к жалобам трудящихся.

Товарищ Сталин неустанно учит нас проявлять «самое заботливое отношение к нашим работникам, к «малым» и «большим», в какой бы области они ни работали».

В свете тех задач, которые поставлены перед прокурорскими органами Сталинской Конституцией и решениями Январского пленума ЦК ВКП(б), нужно коренным образом перестроить нашу работу по жалобам, чтобы и на этом участке работы, занять, как сказал на первой сессии Верховного Совета тов. Петровский, «в могучем социалистическом государстве подобающее место».

Н. ПОЛЯНСКИЙ

Дела об оскорблении величества в царских военных судах

(По архивным материалам)

Уже во время войны с Японией,— раньше, чем революционное движение в царской армии стало выливаться в форму открытых массовых выступлений,— начался процесс «разложения» ее, как многочисленного объединения лиц, сплоченных суровой дисциплиной, воспитанных в преданности царю, отечеству и начальству, подготовленных к борьбе не только с внешним, но и «внутренним врагом».

Ничто так не способствовало разложению армии, подрыву авторитета военных начальников и умалению престижа самой царской власти, как японская война, бессмысленная по целям, легкомысленная по недостатку сколько-нибудь серьезной подготовки к ней, проявившая своекорыстие ее виновников, бездарность командиров и бессовестность интендантов. Вопросы: «зачем»? и «за что»? естественно и без прокламаций возникали в головах тех, чьи интересы с такой циничной откровенностью приносились в жертву кучке авантюристов и рыцарей наживы. Быть может, не очень искусно, но верно эти недоуменные вопросы были переданы в строках стихотворения, которое было найдено при обыске в юнкерском училище в Москве[1]. Под заголовком «Зачем?» автор стихотворения спрашивал:

Долго сражались бойцы,
Славы стяжали венцы —
А для кого?

Пролили многую кровь,
Пролили мира любовь,—
А для чего?

Долго старались не сдать
Каждую четверть и пядь
Чуждой земли,

Но отступили потом
Перед сильнейшим врагом,—
Изнемогли.

Долго боролись, но нет
Лавров, трофеев, побед, —
Враг одолел.

Хочет ли Рок наказать
Дерзко зашедшую рать
В чуждый предел?

Бились геройски... но кто
Знает уверенно, что
В бой их влекло?

Родины выгоды? Честь?
Недругу правая месть?
Плата за зло?

Или безумный то был
Братоубийственный пыл,
Пагубы страсть?

Бьют роковые часы...
Судит, склоняя весы,
Грозный судья.

Истина им решена,
Правда открыта... вина
Тоже... Но чья?

Под влиянием вопиющих фактов политической действительности и революционной пропаганды, раскрывшей глаза солдатской массы на эту действительность, армия, как надежная опора самодержавия, разлагалась, ослабевал «воинский дух» солдатской массы, и это проявлялось не только в участии в политической пропаганде, но и в неподчинении начальству по разным поводам, в побегах, в нарушениях устава воинской службы.

Для иллюстрации «динамики» разложения царской армии К. Розенблюмом по данным отчетов военного министерства составлена следующая таблица:

Характер подсудности	1903 год	1904 год	1905 год	1906 год	1907 год	1908 год
Неподчинение начальству и участие в беспорядках	2 595	2 747	4 856	12 778	11 907	8 730
Побеги	1 610	1 377	5 461	4 182	4 229	4 270
Нарушение устава воинской службы	1 730	1 719	2 813	3 177	4 998	5 684
Нарушение обязанностей службы в карауле во время дежурства	1 251	1 067	1 571	2 636	3 551	3 864
Утрата и порча казенного имущества	479	521	1 085	1 041	1 431	1 741

[1] Секретное дело штаба Московского военного округа 1907 г. по описи № 2 (В. И. А., связка 12), л. д. 128.

Как видно из этой таблицы, в особенности значительным было увеличение числа случаев привлечения к суду за неподчинение начальству и участие в беспорядках. При этом характерно и то, что форма активного проявления солдатами своего недовольства достигает наибольшего подъема в 1906 г. (12 778 случаев) и спадает в наступившие затем годы реакции (11 907, 8 730), тогда как число побегов, напротив, продолжало расти и после 1906 г. [1].

Проступки, названные в приведенной выше таблице в качестве показателей разложения армии, не имеют характера политических преступлений, но была группа политических преступлений, все учащавшихся, не всегда бывших сознательными революционными актами, но всегда также (подобно проступкам, названным в таблице) имевших значение показателей ослабления воинского духа, под которым разумелся «дух преданности царю и отечеству». Это были «оскорбления величества».

В 1881 г. был установлен административный порядок разрешения дел о заочных оскорблениях императора и членов императорской фамилии. Дела этого рода разрешались министром внутренних дел по соглашению с министром юстиции, а в случае совершения этих преступлений военнослужащими — по соглашению с военным министром или управляющим морским министерством. В 1901 году высочайшим повелением от 18 января этот порядок был упрощен: разрешение тех же дел в административном порядке было предоставлено соглашению прокуроров судебных палат с начальниками губерний и областей, а относительно военнослужащих, кроме того, с главными начальниками военных округов. В отчете главного военно-судного управления за 1901 г. новый порядок мотивирован тем, что ранее существовавший порядок сопровождался слишком длительной и обширной переписки между центральными и местными учреждениями [2]. Надо думать, что сыграло роль не только это обстоятельство, но и увеличение числа дел о заочных оскорблениях императора и членов императорской фамилии.

С установлением новых правил производства дел о государственных преступлениях в военных судах дела об оскорблениях величества стали разбираться в судебном порядке.

Дела об «оскорблениях величества» дают богатый материал для заключений о том, что думали солдаты о своем царе-батюшке.

Вот несколько примеров солдатских суждений о царе, высказанных то в трезвом, то,— что, конечно, чаще бывало,— в пьяном виде.

18 января 1906 г. в г. Твери городовой Венчаков задержал разыскивавшегося как дезертира рядового 36-го пехотного орловского полка Павла Тихонова. Городовой доставил Тихонова в полицейский участок. Когда здесь помощник пристава спросил Тихонова, где тот служит, то, как говорит протокол жандармского дознания, Тихонов, «будучи совершенно трезвым, сказал: «Царю служить не хочу е. е. м.» [3] Подлец! Мерзавец!» Много нас страдает из-за него, выучил нас стрелять на свою шею».

Привлеченный к уголовной ответственности за заочное оскорбление величества «без цели возбудить неуважение к особе царствующего императора», Тихонов, признав себя виновным, объяснил, что «он произнес упомянутые дерзкие слова, главным образом, вследствие недовольства военной службой, на которой оставаться не желает» [1].

18 сентября 1906 г. канонир харбинского 1-го линейного арт. склада Гавриил Макаров, выйдя из трактира на Таганской площади в Москве, запел, как значится в его деле, «революционную песню Марсельезу, со словами: «Царь-вампир пьет народную кровь», затем «Ваш царь Николашка, цена ему — одна бляшка»; кричал: «Николай кровопийца», а когда его арестовали, понося царя площадною бранью, говорил: «Больше служить не буду, попил он из нас кровь» [2].

31 октября 1906 г. новобранец Бельского у. Николай Михайлович Киселев в чайной лавке ругал царя «дуралеем» и говорил: «Служить ему не надо» [3].

Рядовой 73-го пехотного крымского полка Бесов тоже в чайной говорил своим собеседникам: «Царь нам не нужен. Он делает только беспорядки. Он нас губит, душит, берет со двора последнюю лошадь. Без него жизнь лучше, как за границей» [4].

Рядовой 22-го пехотного резервного троице-сергиевского полка «неоднократно говорил нижним чинам, что царя нужно сменить за то, что он в чужие земли в банк деньги кладет» [5].

11 апреля 1907 г. солдат Гаврилов, возвращаясь в нетрезвом виде из города в казармы, начал петь: «Вставай, поднимайся, рабочий народ». Когда фельдфебель заметил Гаврилову, что таких песней петь нельзя, Гаврилов возразил ему: «Почему же мне не петь и не пить водки, когда сам царь — кабатчик?» [6].

Рядовой 9-го тобольского сибирского полка 27 апреля 1907 г., подойдя к группе крестьян, сказал: «Наш Николашка Романов нас стравил и уморил вшами» [7].

Формы оскорбления величества были разнообразны: и просто площадная ругань, и суровый приговор, и острая шутка, а порою и язвительная песня.

25 августа 1908 г. на пароходе «Ледокол» близ Кронштадта вольнонаемный рабочий форта «Обручев» Иван Владимиров запел песню: «Было дело в Порт-Артуре, дело скверное, друзья. Того, Ноги, Камимура не давали нам житья. Наш могучий император, кровопийца всех держав», а затем другую: «Задумал Трепов царю услу-

---

[1] К. Розенблюм, Военные организации большевиков в 1905—1907 гг.

[2] Отчет военного министерства за 1901 г., прилож. № 7, стр. 33.

[3] В подлинниках русские ругательства, которыми солдаты награждали своего «венценосного командира», почти всегда прописывались полностью.

[1] Военно-исторический архив (В. И. А.), связка 12, секр. д. 1907 г. по описи № 2, т. XI, л. д. 57.

[2] Секр. д. 1907 г. по описи № 2, т. I, л. д. 104.

[3] Секр. д. 1907 г. по описи № 2, т. I (св. 12), л. д. 721.

[4] Там же, л. д. 101.

[5] Там же, л. д. 202.

[6] Там же, л. д. 717 (рапорт военного прокурора Московского военного округа начальнику штаба).

[7] Там же, л. д. 711.

жить, начал народ направо, налево рубить». К песне Владимиров, видимо, уже от себя прибавил: «Наш могучий император — изобретатель кабаков. Будет время, опять к царю пойдем, настанет время — всех уничтожим», и затем продолжал: «Издал царь манифест, мертвым свободу, живых под арест» [1].

По ст. 103 Утол. улож. 1903 г. различалось заочное оскорбление величества: а) с целью возбудить неуважение к особе императора, императрицы или наследника престола или б) без такой цели или в) по неразумению, невежеству или в состоянии опьянения. Для первого случая была предусмотрена каторга на срок до восьми лет, для второго — заключение в крепости, для третьего — арест. Однако для нижних воинских чинов заочное оскорбление в состоянии опьянения могло повлечь за собою для солдата телесное наказание в силу приказа по военному ведомству 1904 г., игнорировавшему объявленную в том же году (11 августа) окончательную отмену телесных наказаний.

Так, по делу о молодом солдате Квашникове, осужденном за то, что 6 декабря 1910 г., то есть в день так называемого тезоименитства императора, он, будучи заключен под арест, произнес: «Государь император, е. е. м., сегодня именинник, а я сижу в арестантской», петербургский военно-окружной суд постановил: «Подвергнуть (его) аресту на 6 месяцев с заменою ему, как военно-служащему, этого наказания одиночным заключением в военной тюрьме сроком на один месяц и две недели с переводом в разряд штрафованных, с потерей некоторых прав и преимуществ по службе и с применением к нему телесного наказания, согласно приказу по военному ведомству от 1904 г. за № 461» [2].

Нельзя удивляться, если сама экзекуция служила поводом для «оскорбления величества». 30 ноября 1913 г., как повествует обвинительный акт по делу кононира Яковлева [3], селе Медведь, в казарменном помещении медведского дисциплинарного батальона, когда на дворе казарм под командой поручика Клушина занималась 4-я рота батальона, через двор вели в швальню на экзекуцию заключенного 3-й роты канонира варшавской крепостной артиллерии Петра Яковлева. Проходя мимо поручика Клушина, Яковлев крикнул: «Мучаете нас, кровопийцы!», добавив площадную брань. Поручик Клушин отправился за Яковлевым в швальню и спросил его фамилию, причем назвал его мерзавцем, на что Яковлев ответил: «Вы сами все мерзавцы». Вслед за тем командир 3-й роты капитан Линдров объяснил Яковлеву, что его подвергают телесному наказанию за упорный отказ нести службу. Яковлев крикнул на это: «Кровопийцы! Долой самодержавие... долой кровопийский трон!»

В тех случаях, когда суд признавал, что оскорбительные для личности императора слова были произнесены трезвым, он был беспощаден.

Признав солдата Доронина виновным в том, что, будучи трезвым, он кричал в присутствии нижних чинов всей роты: «Все вы вместе с вашим государем кровопийцы. Кому вы служите? Кровопийце служите!», иркутский военно-окружной суд приговорил его к 4 годам каторги [1].

Когда унтер-офицер Пыженков упрекал солдата Суворова за то, что он только что прибыл на службу, а уже служить не хочет, Суворов ответил ему: «Не хочу я служить царю» и прибавил к этому площадную брань, «относя ее к особе государя-императора». Пыженков велел ему замолчать. Суворов ответил: «Замолчать-то я замолчу, а служить такому дураку, как наш государь, не буду... что служить Николке Романову?» Виленский военно-окружной суд приговорил Суворова к каторге на 6 лет [2].

О всех проявлениях революционного настроения в войсках командиры полков доносили Николаю, а он делал на их рапортах свои глубокомысленные пометки (вроде: «Не хорошо», «Чорт знает, что за срам!») или требовал расправы. Николаю сообщали в установленной форме: нижние чины поносили «имя» и «особу» вашего императорского величества, а он отвечал резолюцией: «Нужно поступить с бунтовщиками по всей строгости законов», или недвусмысленным вопросом: «А энергичные меры?» [3]

В борьбе за свой стремительно падавший престиж Николай не останавливался перед такими мерами, как прямое поощрение убийства на месте оскорбителя — хотя бы и заочно — его чести, как видно из дела рядового гроховского полка Павлова. Павлов был привлечен к ответственности за совершенное им убийство. Павлов объяснил, что он совершил убийство потому, что убитый (Дында) в разговоре с ним оскорбил личность монарха. Начальство возбудило перед Николаем ходатайство об освобождении Павлова от ответственности ввиду такого мотива убийства. Николай уважил ходатайство начальства Павлова. Командир гроховского полка Богдановский сделал из состоявшегося помилования Павлова только последовательный вывод, когда в приказе по полку от 25 февраля 1906 г. объявил: «Братцы, вот с кого надо брать пример». Тем же приказом рядовой Павлов в награду был назначен ефрейтором, ему был дан двухмесячный отпуск и была выдана денежная награда. Весь полк должен был, по приказу, прокричать: «Ура и спасибо молодцу, который отстоял честь полка» [4].

Но ничего не помогало. С «бунтовщиками» обходились, как того требовал царь, по всей строгости законов, а порою, как мы только что видели, и не стесняясь никакими законами: «энергичные меры» принимались, но крепкая брань по адресу «августейшей особы его величества» не унималась.

---

[1] Ленингр. отд. Центр. истор. арх. Дело петерб. военно-окружного суда № 360/1910 г. Иван Владимиров был приговорен к заключению в крепости на 3½ года.

[2] Ленинград. отд. Центр. ист. арх., дело петерб. военно-окр. суда о молодом солдате Алексее Квашникове № 37.

[3] Л. О. Ц. И. А., дело петербургского военно-окружного суда № 7/1915 г., л. д. 2.

[1] Л. О. Ц. И. А., дело иркутского военно-окружного суда, приобщ. к д. военно-судного управления, связка 81, № 240, л. д. 2 об.

[2] Л. О. Ц. И. А., д. гл. военно-судного управления 1911 г., № 217, связка 81.

[3] «Николай Романов о революционном движении в армии в 1905—1906 г.г.», в «Красном архиве» 1930 г., т. 41—42, стр. 215—230.

[4] «О военном положении в Царстве Польском», речь члена государственной думы Новодворского, произнесенная 7 июля 1906 г. (изд. 1907 г.), стр. 16.

В хранящемся в военно-историческом архиве секретном деле штаба московского военного округа 1907 г. по описи № 1, в т. I, озаглавленном «По разным предметам» и заключающем в себе 1162 страницы, положительно на каждом шагу встречаются рапорты и заключения по делам об оскорблениях «священной особы е. и. в.».

Последний перед падением царского режима отчет о деятельности военного министерства, в который включены данные о деятельности военных судов, вышел в 1917 г. Он содержит в себе данные за 1913 г. И в этом отчете констатируется: «Наибольшее число обвинений было возбуждено по 103 ст. Уголовного уложения, т. е. о заочном оскорблении царствующего императора» [1].

[1] Отчет главного военно-судного управления в «Отчете о деятельности военного министерства за 1913 г.», изд. 1917 г.

Л. ШЕЙНИН

Прошлое и настоящее

(Из записок следователя)

Дом был старый, грязный, запущенный. Плохо вымытые окна четырех его этажей имели унылый вид, мусор на дворе убирался редко, по лестницам стаями носились одичавшие кошки, и от этого всегда был застоявшийся, противный запах.

Дом стоял на Обводном канале и был построен для рабочих и ремесленников невеселого этого района. Вечерами на Обводном собиралась шпана, задорно тренькали балалайки, хлопали пробки водочных бутылок, до поздней ночи горланили пьяные песни. Нередко случались драки и поножовщина, и тогда жутко звучал в ночи протяжный крик, кто-то стонал, и тревожно заливались милицейские свистки.

Рядом стояли такие же старые, унылые дома. Их заселяли кустари, рабочие, уличные торговцы, лица без определенных профессий.

Семья Черновых занимала квартиру в четвертом этаже. Квартира была темная, сырая. Чернов работал электромонтером, жена его торговала на рынке корешками, дочь ее от первого брака — Зоя — училась в девятилетке.

Около 12 часов ночи мне позвонили из Ленинградского угрозыска. Говорил дежурный по угрозыску.

— В районе Обводного убийство. Только что в десятое отделение милиции явилась Зинаида Иванова, 18 лет. Вернее, не явилась, а привела ее старшая сестра. Иванова заявляет, что несколько часов тому назад она вместе с подругой убила свою приятельницу Жукову. Труп будто бы спрятали на чердаке. Заявления пока не проверяли, но кофточка Ивановой имеет свежие замытые пятна крови. Приезжайте прямо в отделение, машина за вами пошла.

Через 20 минут в дежурной комнате 10-го отделения я разговаривал с сестрами Ивановыми. Старшая сестра рассказала, что часов в 11 Зина пришла домой. Она была очень взволнована, и на ее кофточке были свежие замытые пятна. Сестра заметила и стала расспрашивать Зину, которая вскоре расплакалась и рассказала, что она вместе с подругой Зоей Черновой убила их знакомую — Нелли Жукову. Сестра сразу же привела ее в милицию.

Зина была небольшого роста, на вид 15—16 лет. Низкий лоб, маленькая голова, обезображенное ожогом лицо, тусклые бесцветные глаза, безвольный, слюнявый рот.

Заикаясь от волнения и изредка всхлипывая, она стала бессвязно рассказывать об убийстве.

— Я била подсвечником и держала Нелли за ноги, а Зоя душила и колола ножницами. А Нелли все просилась, кричала: «за что, девочки». Я не знаю и сама за что. Мне Нелли жалко. Я потом все расскажу, только меня Зое не показывайте...

Допрашивать ее дальше в таком состоянии было бессмысленно. Я оставил ее пока при отделении и поехал вместе с агентами первой бригады на квартиру Черновой.

В дверь стучали долго. Наконец, послышалось шарканье туфель и заспанный женский голос спросил:

— Кого надо?

— Зоя Чернова дома?

Дверь открылась, и мы увидели пожилую женщину — мать Черновой.

— Зоя дома,— сказала она,— да спит уже. Я могу ее разбудить. А вы кто будете?

— Разбудите, пожалуйста. Мы по делу.

Старуха ввела нас в большую, убого обставленную комнату, и просила обождать. Сидя здесь мы слышали, как она будила в соседней комнате дочь.

— Зоинька, вставай. К тебе какие-то люди приехали.

— Кто приехал, мама, зачем?

— Не знаю, Зоинька, вставай, дожидаются.

— Ну пусть ждут, сейчас оденусь.

Через несколько минут вышла высокая, вполне сформировавшаяся, темноволосая девушка со спокойным выражением немного надменного лица.

— Вы Зоя Чернова?

— Да. Я. А в чем дело?

— Дело в том, что пропала Нелли Жукова, ваша подруга. Вы не знаете, где она?

— Как, Нелли пропала? Да ведь я ее сегодня видела. Она была у меня и вечером ушла куда-то, кажется, на свидание...

Все это говорилось все с тем же спокойным выражением лица, тоном легкого недоумения. При этом Зоя прямо смотрела нам в лицо большими, красиво оправленными, темными глазами. Она была хорошо сложена, модно подстрижена и кокетливо куталась в домашний халатик. Слова выговаривала отчетливо, медленно, слегка нараспев.

В этот момент в соседней комнате раздался мужской отрывистый кашель. Потом кто-то долго и протяжно зевал, потягивался, крякал и, наконец, в дверях, появилась грузная фигура пожилого, рыжего мужчины с отекшим лицом и мясистым красным носом.

Увидев нас, мужчина неодобрительно нахмурился и сипловатым басом спросил:

— А вы кто такие будете?

Узнав, что мы из прокуратуры и угрозыска и что мы явились к Зое Черновой, он переменил тон и сразу заговорил:

— Так что я ей не отец, а отчим буду. Я за нее не отвечаю ни в каком разе. Я с женой, ее матерью — мосй супругой сколько раз говорил — не доведет нас Зойка до добра. У ней все хахали, да хиханьки на уме, а к родителям почтения нету.

Зоя недобро взглянула на отчима, презрительно усмехнулась и заявила:

— Вы-то чего обрадовались? Кажется, я ничего такого не сделала, а вы уж от меня отказываться торопитесь. И, кроме того, вас ведь товарищи не спрашивают.

— Вот, вот, видите, товарищи агенты,— поспешил рыжий,— видите, какой норов, так и чешет, так и чешет. То есть, прямо слова сказать не даст.

Нам надоели его излияния и мы попросили Зою выйти с нами в отдельную комнату.

— Мы все уже знаем,— обратился я к ней.— Зина во всем призналась. Давайте пойдем на чердак за трупом.

Зоя побледнела, закусила нижнюю губу, растерянно замолчала. Я с интересом следил за нею.

Она молчала несколько минут, думала о чем-то и, наконец, сказала:

— Вот мне и урок — никогда с дурами не связываться. А еще тоже договор подписывать. Ну что же, пойдемте.

При свете карманных фонарей мы полезли на чердак. Труп Жуковой был спрятан под балкой, он был засыпан опилками и щебнем. На трупе было только белье. Зоя молча указала нам место, где был спрятан труп, помогла нам вытащить его из-под балки. Она и тут сохранила внешнее спокойствие, хотя и куталась нервно в платок.

— Чернова, а где одежда покойной?

— У меня в комоде спрятана.

Мы снова спустились в квартиру, где в зоином комоде нашли платье и пальто Жуковой, аккуратно сложенное стопочкой. Там же среди зоиных дневников и фотографий был найден любопытный договор. Договор этот был написан на листе плотной бумаги, где был нарисован череп и тщательно выписан лозунг: «Все за одного, один за всех».

Ниже было написано:

«Договор шайки мстителей. 6 августа 1928 года. Мы, члены шайки «Мститель», все клянемся своей кровью в том, что будем вечно хранить нашу тайну, никогда не выдавать друг друга, ни при каких обстоятельствах. Кто нарушит данную клятву, пусть знает, что его ждет месть, заключающаяся в смерти. Никаких жертв не щадить, ибо молчат только мертвые. Наш первый опыт должен совершиться до 1 сентября 1928 года. Добычу делим поровну. Нижеподписавшиеся члены шайки.

Клара, Жан, Лора, Жанна».

Все подписи на романическом этом документе были сделаны кровью. Я прочел договор и спросил:

— Сколько вам лет, Чернова?

— Через месяц будет 16 лет.

— Ну ладно. Одевайтесь, вы поедете с нами.

Зоя стала одеваться, напудрилась, поцеловала мать и, не глядя на отчима, вышла вместе с нами.

Мы отвели Зою в домзак, сделали необходимые распоряжения о вскрытии трупа и поехали домой.

Было уже поздно, около трех часов ночи. Машина мягко шла по прямым, широким улицам Ленинграда. Улицы были пустынны, осенняя сырость давала себя чувствовать. Я молчал, укутавшись в пальто с поднятым воротником. Я думал о Зое, о необычном этом деле, в котором детская романтика переплелась с патологической жестокостью и профессиональным спокойствием, о мотивах этого убийства.

— Что задумались, Лев Романович? — сказал вдруг Козин, начальник первой бригады угрозыска, сидевший рядом со мной в машине.— Дельце-то сегодня не совсем обычное. А ведь Зоя держалась молодцом, не всякий «специалист» сумеет. С характером, видно, девушка. А отчима заметили? Тоже, я вам доложу, фрукт. Одна физиономия чего стоит.

— Это верно,— ответил я,— на счет семейного очага дело у Зои, видно, обстояло неважно. Вот я все думаю, чего тут больше: врожденной патологии, или благоприобретенной преступности. Поймите, ведь 16 лет еще полных нет. Откуда эта ранняя зрелость, этот уверенный тон, эти манеры? Ну, ладно, разберемся, выясним. И корни этого дела выясним.

Машина остановилась у моего дома. Я простился с товарищами и пошел к себе.

Утром следующего дня состоялся первый допрос. Зоя встретила меня легкой улыбкой, как старого знакомого. Я решил беседовать с нею по возможности запросто, без излишней официальности. Я объяснил ей, что она будет предана суду, что нам важно узнать всю правду, что всякие попытки ввести меня в заблуждение будут бессмысленны, потому что я все равно буду проверять ее показания, сопоставлять их с показаниями других.

Зоя слушала меня внимательно. Когда я кончил и предложил ей все рассказать по порядку, она сказала:

— Странно думать, что теперь я буду что-нибудь скрывать. Я, конечно, все вам расскажу. Я знаю, что представляю для суда большой интерес, что я не обычная преступница. Но я хочу, чтобы все сообщения в газеты по моему делу мне показывали. Ведь наверно в газетах будут много писать о нашем деле.

— Вы ошибаетесь, Зоя,— ответил я.— Напрасно вы думаете, что вы и ваше преступление представляете такой исключительный интерес. Скажу вам откровенно, не считайте себя героиней, так как вас никто героиней не считает и считать не станет. Что же касается газет, то вряд ли их будет интересовать ваше дело. Оно ни с какой стороны не любопытно и не показательно. У нас не Америка, где из всякого убийства делают сенсацию, а из убийцы героиню или героя.

— Тогда зачем же вы интересуетесь подробностями? Убила и кончено. Судите меня по закону.

— У меня служба такая, что я должен интересоваться подробностями. А лично меня, поверьте, они мало интересуют. Я уже столько «подробностей» перевидел, что они потеряли для

меня интерес. Впрочем, если не хотите, можно закончить допрос. Решайте.

Зоя задумалась. Я понял, что она разочарована в своих ожиданиях. Ей бы больше улыбался «громкий процесс», газетные статьи, интервью, шум. С другой стороны, она не хотела сразу прерывать показания.

— Хорошо. Я буду вам все подробно писать. Только, если можно, лично.

— Пожалуйста. Вот бумага и перо.

Прошло несколько дней. За это время я тщательно устанавливал биографию Зои, условия, в которых она выросла и воспитывалась. Читал ее дневники, несколько раз беседовал с нею, с Ивановой, с третьим членом шайки — Георгием Ченским. Картина постепенно все более разворачивалась, проявлялась.

Зоя родилась в уездном городе Волковыске, Виленской губ. Вскоре после рождения Зои ее мать была брошена отцом — акцизным чиновником. Оставшись в тяжелом положении, мать стремилась избавиться от дочери, определила ее в приют, заявив, что Зоя — подброшенный ребенок. Однако вскоре выяснилось, что это неправда, и Зою пришлось взять обратно. Два года мать с дочерью жили из милости у чужих людей, пока она не вышла вторично замуж за Чернова.

Империалистическая война. Черновы оказываются в области, занятой неприятельскими войсками, переходящей затем из рук в руки. Война, кровь, снаряды, вторжение войск, беженцы, постоянный страх — вот первые жизненные впечатления Зои.

Зоя учится польскому языку, поступает в школу. Школьный ксендз уговаривает девочку принять католичество, водит ее в костел. В костеле полумрак, тишина, рыдание органа. На ребенка действует эта мистическая обстановка. А ксендз становится все настойчивее. Но мать Зои православная — она не хочет.

Дома частые скандалы отчима, который сильно пьет. Напившись он буйствует, иногда бьет мать, кричит на Зою.

В 1923 году семья Черновых переезжает из Польши в СССР и обосновывается в Ленинграде, на Обводном канале. Зоя подросла, поступает в 56 советскую школу. Она хорошо учится, читает запоем. Но дома все та же безрадостная обстановка: отчим пьет попрежнему, иногда пристает в пьяном виде к спящей Зое, пытаясь развратить ее. Мать этого не замечает, ей не до того, у нее вечные заботы, нужда. Она очень постарела за эти годы, вся как-то высохла, у нее слегка дрожит нижняя челюсть; она забита, слаба, несчастна.

Зое 13 лет. Она начинает хуже учиться. У нее появляются новые интересы — вечеринки, косметика, наряды. Она зачитывается детективными и сексуальными романами, пытается казаться «взрослой женщиной».

Вокруг нее организовался кружок школьных товарищей, среди которых она пользуется влиянием. В этом кружке и ее одноклассник — Ченский.

Зоя любила кино. В темном, затихшем зале на экране происходили чудеса: благородные злодеи совершали чудовищные преступления, любили красивейших женщин, жили в роскошных замках, творили великолепную жизнь...

Мечтательная, нервная девочка захлебываясь впитывала в себя пошлятину импортных «боевиков». В школе — были скучные уроки, скучные педагоги, скучные стены. Дома — было буднично, пьяный отчим, забитая, безвольная мать.

1928 год. Настольные книги — «Турецкий султан», «Пещера Лихтвейса», «Антон Кречет». Зоя решила стать героиней. В ее дневниках, написанных в стиле романов Вербицкой, все чаще мелькает мысль об организации шайки.

В своих показаниях, написанных лично, Зоя писала:

«Мысль об организации шайки у меня возникла давно. Я была очень недовольна своей жизнью. Моя жизнь была однообразна, сера и скучна. Мне хотелось сильных ощущений, приключений и т. п. Тут же явилась мысль, что прежде чем организовать шайку, нужно найти подходящих людей...

Она находит «подходящих людей» в лице своих подруг Жуковой и Ивановой и одноклассника Ченского. Зоя делится с ними своими планами и предлагает организовать шайку «Мстителей». Предложение ее принимается, и на квартире Ченского был составлен и подписан договор. Атаманом шайки была выбрана Зоя, которой и отдали для хранения договор.

После этого была намечена и первая жертва — Жорж Смирнов, сын богатого торговца. Смирнов был пижоном, носил перстень с бриллиантом, и ему нравилась Зоя. Было решено, что Ченский приведет его к Зое в отсутствие родителей. Смирнова там напоят пьяным, убьют, а труп выбросят в Обводный канал.

В условленный день Смирнова привел Ченский. Тогда же пришла и Жукова. Смирнова стали усиленно угощать вином и он, выпив, опьянел. Тогда Зоя вызвала на кухню Ченского, дала ему топор и предложила «приступить». В последний момент Жукова от участия в убийстве отказалась. Ее примеру последовал и Ченский. Зоя стала настойчиво его уговаривать, даже обещала отдаться ему, если он совершит убийство, но Ченский так и не согласился.

Вскоре Смирнов проснулся и ушел домой вместе с Ченским. Жукова, взволнованная тем, что могло произойти, заплакала и со слезами на глазах заявила Зое, что она выходит из шайки, так как не может грабить и убивать.

«Как только она сказала мне это,— пишет Зоя в своих показаниях,— у меня появилась мысль избавиться от нее путем умерщвления...»

Мысль об убийстве Жуковой все чаще приходит в голову Зое. Ей хочется отомстить Жуковой, которая нарушила договор, помешала убийству Смирнова и заявила о своем выходе из шайки «мстителей». Зоя понимала, что Ченский не согласится принять участие в убийстве Жуковой, и решила пригласить для участия в этом преступлении Зинаиду Иванову. Она остановилась на Ивановой даже несмотря на то, что Зина была дружна с Жуковой. Наблюдательная Зоя заметила, что уродливая Иванова (лицо ее было обезображено ожогом) втайне завидует Жуковой, которая была очень миловидна и пользовалась успехом среди молодежи.

«Однажды,—пишет Зоя в своих показаниях,— Нелли познакомила меня со своей задушевной подругой Зиной Ивановой. Но когда я ближе познакомилась с Зиной, я увидела, что Нелли глубоко в ней ошибается. В душе этой уродливой девочки-подростка за маской дружбы скрывались нехорошие чувства враждебности к Нел-

ли. Зина ненавидела Нелли за то, что та была лучше и интереснее ее, ненавидела потому, что та пользовалась большим успехом среди молодежи. После немногих размышлений, я решила сделать Зину своей соучастницей в убийстве Нелли...»

Зоя стала чаще встречаться с Ивановой и вскоре подчинила себе недалекую, тупую Зину. Она постепенно стала склонять ее к убийству Жуковой, и Иванова согласилась, тем более, что Зоя обещала отдать ей 80 рублей, которые, как ей было известно, хранились у Нелли и которые она рассчитывала взять после ее убийства.

Получив согласие Ивановой, Зоя стала тщательно разрабатывать план убийства. Этот план был ею продуман с исключительной, почти профессиональной тонкостью, он предусматривал неизбежное следствие в связи с исчезновением Жуковой и заранее давал нужную версию этого исчезновения.

В своих показаниях Зоя подробно изложила этот план:

«План был составлен так: я должна была, чтобы отвлечь от себя подозрение, достать записку, написанную рукой Нелли, которая гласила бы следующее: «мама, ухожу от вас и больше домой не вернусь. Прошу меня не искать, так как все поиски будут напрасны. Причина моего ухода вам известна». Эту записку я достала посредством хитрости: я пришла к Нелли, предварительно забинтовав руку, и сообщила, что с мамой произошла крупная ссора, в разгаре которой она нечаянно ранила мне руку. Сказав это, я попросила Нелли написать моей маме записку вышеуказанного содержания. Нелли, ничего не подозревая, написала записку, которая решила ее участь и привела ее к смерти. Заполучив записку, я начала действовать дальше. Уговорилась с Зиной убить Нелли у себя на квартире, принимая во внимание то, что наша квартира вполне изолирована от других квартир и что если наша жертва будет кричать, то эти крики услышим только мы. Все способствовало выполнению нашего плана. По целым дням в квартире у нас не было никого дома. И вот мы назначили день, в который должна была оборваться жизнь Нелли. Утром того дня ко мне по уговору должна была притти Зина. Но напрасно я ее ждала все утро — она не явилась. Тогда, быстро одевшись, я поспешила к Зине на квартиру, чтобы узнать причину ее неявки ко мне. Застала я ее в постели, спящую спокойным сном; разбудила и напомнила о нашем намерении. Без возражений одевшись и прося извинения за свою халатность, она вместе со мною вышла из дому. Я ее направила к себе на квартиру, а сама поспешила на квартиру к Нелли. Нелли я тоже застала в постели, тут я начала ей городить придуманную мною историю с целью заманить ее к себе. Я говорила, что одна моя знакомая просила меня съездить в Детское село и отвезти туда ее родственникам на хранение шубу и кларнет. Я, якобы, отказалась ехать одна и пожелала взять себе в спутники одну подругу, именно ее. Нелли поверила и стала собираться ко мне. Перед уходом я умышленно оставила на туалетном столе свои перчатки, а когда мы прошли уже некоторое расстояние от дома, заявила Нелли о перчатках и быстро вернулась к ней в комнату одна, взяла перчатки, а взамен их положила записку. Придя ко мне, Нелли присела, раздев свое пальто, к моему письменному столу. Зина должна была спрятаться в шкаф, но когда я вешала туда пальто Нелли, то увидела, что он пуст. Встревожившись, направилась в мамину комнату, где сидела Зина, не успевшая спрятаться в шкаф. Тогда мы решили сделать убийство без хитрости, заключавшейся в том, что когда Нелли из моей комнаты пройдет в папин кабинет, то Зина выйдет из шкафа, а также из квартиры и позвонит у входной двери, я пойду ей открывать, она придумает какую-либо причину своего прихода, и их встреча произойдет якобы случайно.

Делать было нечего. Эта хитрость рушилась, и мы придумали другую. Я вернулась к Нелли и завела с ней непринужденный разговор, дверь из столовой открылась, на пороге появилась Зина, говоря: «Зоя, я пришла к тебе по делу утром, но застала дома только твоего отца, который уходил, и попросила его закрыть меня в квартире, для того, чтобы дожидаться твоего прихода». Затем Зина умышленно начала с Нелли ссору, я увлекла их в кабинет, где они начали бранить друг друга на чем свет стоит. Приближался момент развязки. После слов Нелли: «Зоя, если ты сейчас не выгонишь от себя этого урода, я уйду» — Зина сделала мне знак рукой. Я, быстро собрав все силы, бросилась на ничего не ожидавшую Нелли и стала ее душить за горло, но это было не так легко — она сопротивлялась. Тогда я крикнула Зине — «бери за руки». Зина приняла участие в нашей борьбе, но все же мы не могли одолеть ее жестокого сопротивления, которое удваивала жажда жизни. Я вспомнила, что у папы на письменном столе стоят мраморные с бронзой подсвечники, и велела Зине бить по голове Нелли ими. Зина повиновалась и била до тех пор, пока подсвечники не развалились. Нелли упала, я продолжала душить ее, как-то нечаянно у меня к ней в рот попал указательный палец левой руки, и она крепко закусила его зубами. Схватив правой рукой ножницы со стоящего рядом стола, я вонзила ей их в горло, ножницы глубоко вошли в шею, показалась кровь, выливающаяся целой алой струей, но Нелли еще не была мертва. Все это время Зина держала ей руки, но потом я велела ей принести утюг, стоявший на видном месте плиты, и бить по голове утюгом. После нескольких ударов я выхватила у Зины утюг и стала наносить удары сама. Во мне проснулся зверь, жаждущий только смерти Нелли. И она погибла. Мы ее труп снесли на чердак. Придя с чердака, мы начали удалять следы преступления, что нам вполне удалось, и комната приняла свой прежний вид и ничто, ни одна вещь не говорила о том, что несколько минут назад в этой комнате было совершено преступление. Зина спустя несколько часов ушла от меня, обещав притти в шесть часов с топором, предназначенным для того, чтобы разрубить труп на куски, затем мы хотели сложить эти куски в корзины. Корзины с кусками трупа ночью мы хотели бросить в канал...»

Было около шести часов вечера, когда Зоя Чернова закончила писать свои показания в моем кабинете в доме Ленинградской областной прокуратуры. Все время, пока она писала, я молча наблюдал за нею. Зоя писала быстро, не задумываясь, без помарок, изредка перечитывая написанное. В комнате было очень тихо, только с проспекта Володарского иногда доно-

сились однообразные трамвайные звонки. Зоя не отвлекалась, писала сосредоточенно, но спокойно. Когда она прочитывала написанное, у нее по-детски шевелились губы, и тогда невольно вспоминалось, что ей всего 16 лет. Наоборот, в разговоре с нею это как-то забывалось, потому что она выглядела на несколько лет старше и у нее был уверенный тон, язык и манеры взрослой женщины.

Внимательно вглядевшись в ее лицо, я заметил в нем некоторые дегенеративные признаки: у нее была несколько уменьшенная нижняя челюсть, неправильная расстановка зубов, дающая значительные диастмы (промежутки) на нижней и в особенности на верхней челюсти. Была еще у нее неприятная привычка часто облизывать нижнюю губу.

— Я кончила, т. Шейнин,— сказала Зоя.— Прочтите, пожалуйста. По-моему, все подробно изложено. Только вот с литературной стороны, вероятно, не все в порядке — я ведь торопилась. Обычно я пишу хорошо. В школе я была лучшей ученицей по словесности, и мои сочинения всегда ставились в пример.

— Дело не в литературщине, а в правде. Вы ведь не роман пишете, а показания по делу об убийстве.

Я стал читать ее показания. Зоя закурила и молча смотрела в окно, не обращая на меня внимания.

Показания были написаны разгонисто, почерком еще полудетским, но уже характерным. Часто употреблялись многоточия, восклицательные знаки. В манере изложения была характерна погоня за «красивостью», Зоя любила несколько вычурные, торжественные обороты. Они имеются и в приведенной выдержке из ее показаний.

По существу же показания поразили меня своей «дедовитостью», продуманностью деталей и тем, что Зоя блестяще помнила всю обстановку совершения убийства. Было даже некоторое смакование натуралистических подробностей.

Становилось ясным, что убийство было совершено вовсе не в состоянии аффекта, и что вместе с тем при его совершении Зоя с любопытством фиксировала в памяти все детали, все подробности, одним словом, ей было «интересно», как это делается, как это происходит...

Патологический характер этого «интереса» был несомненен, тем более что интерес к смерти вообще, явно нездоровый для девушки ее возраста, был замечен мною еще при изучении дневников Зои. Так, в этих дневниках, между прочим, несколько раз высказывалось желание убийства и даже самоубийства:

«...в моей душе появилась страшная злоба против отчима; я даже задумывала убить его...

«... если же нет (если Лодя не будет моим), то я решила сделать вот что: убить его...»

«... я сначала постараюсь насладиться, а затем, чтобы он не принадлежал никому другому, я его убью...»

«... в голову лезут страшные, бредовые мысли...»

«... мне хочется, чтобы этот гордый, самоуверенный С. был у моих ног, молил о поцелуе, тогда бы я над ним насмеялась и уничтожила его...»

«... сколько раз мне приходит в голову мысль покончить с собой, опуститься в эту темную бездну, называемую смертью...»

Я прочел показания и решил задать Зое несколько контрольных вопросов:

— Скажите, Зоя, как Нелли Жукова обращалась к матери: на ты или на вы?

— На вы. Поэтому я и в записке писала на вы.

Сообразительность Зои, сразу понявшей мой вопрос, невольно заставила меня улыбнуться. Я продолжал:

— Как вы думаете, почему Зина сразу все рассказала дома? Неужели вы не могли предусмотреть, что Зина — ненадежная сообщница?

— Да, здесь я просчиталась. Ведь если бы эта дура не вздумала все разболтать, то раскрыть убийство Нелли было бы невозможно. Ведь правда? Ну, подумайте сами — трупа нет, записка, написанная самой Нелли,— есть. Самый факт ее смерти, а главное,— убийство не доказано. Решили бы, что либо она сбежала с каким-нибудь мужчиной, либо покончила с собой, утопилась, скажем. Ведь я все это наперед думала-передумала.

Я подумал про себя, что Зоя не лишена логики. Действительно, если бы Иванова не созналась, вряд ли возник бы вопрос, что Жукова убита. Уж очень красноречива была ее записка.

На этом мы решили пока закончить. Я отправил Зою обратно в домзак и занялся организацией авторитетной педолого-психиатрической экспертизы. Были приглашены крупные ученые профессор Грибоедов, проф. Осипов, проф. Вольский, д-р Срезневский. Все они с интересом согласились принять участие в исследовании Черновой, Ивановой и Ченского.

Чернова и Ченский были учениками 56-й советской школы. Эксперты не ограничились исследованием Зои и других участников шайки «мстителей». Они заинтересовались условиями их детства и воспитания. И эксперты пришли к заключению, что эти условия и были одной из причин случившегося.

В своем заключении эксперты указывали:

«.. Зоя училась в 56 школе и при ее способностях приобретала знания довольно успешно и без особых усилий, но вся воспитательная обстановка этой школы сложилась также для Зои неудачно, как в отношениях ее с педагогическим персоналом, не представляющим достаточно сильный коллектив, чтобы побороть подобные неправильности развития, так и в отношениях ее с одноклассниками, среди которых она заняла выделяющуюся позицию и сблизилась с худшими ученицами...»

Экспертиза признала, что Зоя «страдает дегенеративной психопатией истерического типа с резкой моральной тупостью и криминальной направленностью, вызванными чрезвычайно тяжелыми условиями ее воспитания».

Эти условия, первые впечатления детства (война, бездомность, пьянница-отчим) и вызвали образование патологического характера девушки с болезненной фантазией, со стремлением властвовать над всеми, живущей лишь личными интересами, глубоко равнодушной к окружающим и в то же время враждебно настроенной, настойчивой и приходящей в ярость при сопротивлении ее желаниям. Ее идеал — жить в свое удовольствие, не трудясь, привлекать к себе общее внимание своей внешностью, своими писаниями и рассказами, даже своим преступлением.

Ченский и Иванова не слишком затруднили экспертов, так как их роль была второстепенной, а кроме того, они «были лишь орудием в руках Зои, сумевшей подчинить их себе».

Следствие было закончено. В последний раз я встретился с Черновой, Ченским и Ивановой. Я объявил им об окончании следствия, объяснил их права на суде. Мы простились тепло, как это нередко бывает между советским следователем и обвиняемыми по бытовым делам.

Прощаясь с ними, я не мог отделаться от мысли, что попади эти дети в иные условия детства — не быть бы им здесь, в кабинете следователя.

Зоя, прощаясь, сказала:

— Я не знаю, что ждет меня на суде,— что мне дадут. Но я так выросла, так выросла за этот месяц, что идет следствие, что поняла многое, чего не понимала раньше. Знаете, мне сейчас так тяжело, что все это случилось, мне бесконечно жаль Нелли, которую мы ни за что убили, я вижу, как пусты и нелепы были все мои планы, все мои желания. Поверьте, мне безразлично, какой будет приговор. Я буду работать, я буду жить, я буду стремиться к лучшему. Я не хочу больше быть героиней, я хочу быть такой, как все, какой и я могла... могла бы быть...

И Зоя заплакала. Она плакала, не вытирая слез, вздрагивая плечами, сдерживая рыдания. И когда я начал ее успокаивать, говоря, что ей не надо бояться будущего, она ответила: «Я плачу не о будущем. Я плачу о прошлом».

Через шесть лет, работая уже в Москве, я приехал в командировку в Ленинград. Вечером, освободившись от работы, я пошел погулять по улицам любимого города.

На набережной было много гуляющих, пестрели белые костюмы, радостно смеялись девушки. Нева спокойно отражала лунный свет, впереди светились пролеты Троицкого моста.

За Зимним дворцом, у проспекта 25 Октября к тротуару подкатил новый, блестящий таксомотор. Шофер — высокая, статная девушка, подошла к заднему колесу и начала его деловито осматривать. Пассажиров в машине не было.

Черты ее лица показались мне знакомыми. Я еще раз вгляделся и узнал Зою. Обернувшись, она тоже посмотрела на меня и мы сразу, одновременно улыбнулись.

— Здравствуйте, здравствуйте,— весело и просто заговорила Зоя.— Я сразу вас узнала. Куда вам, садитесь, подвезу.

Она произнесла все сразу, без пауз. Темные глаза ее смотрели на меня весело и прямо.

— Здравствуйте, рад вас видеть. Давно ли вы в Ленинграде? Давно ли стали шофером?

— В Ленинграде второй год. Я ведь была на Беломорстрое. Там и квалификацию получила. Теперь вот, видите, на такси работаю. Освободили меня раньше срока, на строительстве я ударницей была. Вот, смотрите...

И Зоя с гордостью показала мне на значок ударника Беломорстроя, приколотый на ее груди.

— Знаете,— продолжала она,— как быстро пролетели годы. Вот раньше... ну, до этого... мне все скучно было, хандрила, каждый день тянулся, сама не знала, чего хотела... А там на канале сразу себя нашла. Не до скуки было — работы много... И время незаметно прошло. Ну, а потом и освободили. Признаться, ехала в Ленинград, побаивалась, а как встретят. Но ничего. Никто старого не вспомнил, прошлым не упрекнул. Работаю, учусь, хочу в вуз пойти...

И она продолжала оживленно рассказывать о своих планах, о жизни, о настроениях...

Потом мы простились. Я опять пошел по набережной. Была ясная, теплая, лунная ночь. Все так же много было гуляющих, пестрели белые костюмы, счастливо смеялись девушки, лихо позванивали шустрые велосипедисты.

И за гранитным парапетом, как бы улыбаясь, отражала лунный свет река — широкая и полная, как наша жизнь.

С. Г

Об одном приказе Наркомюста СССР

Всенародное голосование 12 декабря 1937 г. продемонстрировало перед всем миром замечательную, животворящую силу великих идей великой Сталинской Конституции. Нигде, никогда не было такого монолитного единодушия, такого подъема политической активности, такого органического слияния единых помыслов и побуждений, как в знаменательный день 12 декабря, когда десятки миллионов граждан великой державы, осуществляя основной закон своей страны, опускали свои избирательные бюллетени.

Разнообразно и многогранно содержание Сталинской Конституции. Животворящие ее указания, возбуждающие творческую энергию и политическую активность масс, охватывают все стороны общественной жизни страны. И как все в этом историческом документе, как всякая его строка и каждое слово, призывом к активности, к всенародному творческому созиданию звучат слова Конституции о построении советского народного суда на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

Нужно ли говорить, какую большую ответственность возлагает сейчас Конституция СССР на работников юстиции, призванных провести подготовительную работу к предстоящим выборам на основе новой Конституции СССР народных судов. Эта работа — серьезнейшее испытание, экзамен, который держат судебные работники в области своей связи с народом, с широкими массами будущих избирателей судебных органов.

И не приходится доказывать, как важно сейчас обеспечить местным судебным работникам правильное, четкое, ясное руководство из центра, каким до конца продуманным, взвешенным, четко сформулированным должно быть каждое слово, которое претендует на то, чтобы оказать действительную помощь местному судебному работнику в этой подготовительной работе перед

выборами, чтобы предупредить его от ошибок, указать ему правильный путь.

И вот перед нами документ, который претендует на то, чтобы быть таким руководством со стороны центра местным судебным работникам в этом серьезнейшем вопросе, документ, назначение которого — дать ясные, недвусмысленные, отчетливые указания.

Этот документ именуется приказом НКЮ СССР № 144 «О ходе отчетов народных судей» от 16 декабря 1937 г.

Можно только удивляться той неряшливости, с которой составлен этот документ, тому легкомысленному сумбуру, который витает над всем этим образцом циркулярной скорописи.

Отчеты народных судей перед населением проходят, как утверждают авторы приказа, неважно, а в некоторых местах и совсем плохо. Не умеют как-то товарищи заинтересовать население района отчетом судьи, собрания плохо посещаются (на специфическом языке приказа это выражено, конечно, словами о «слабом охвате населения»), отчеты судей вяло дебатируются, собрания проходят неактивно.

В чем же тут дело?

Оказывается — в том, что некоторые судьи перегружают свои доклады «статистическим материалом», который «мало понятен для широкой массы населения». Вот, значит, как дело-то обстоит. Население виновато, население какое-то непонятливое, и будь оно немножко потолковее, так пожалуй все было бы в порядке.

Но что это за непонятная такая статистика, которая так подводит неискушенных докладчиков? Что именно так непонятно населению? Из последующего мы узнаем: проценты — вот откуда все зло проистекает, вот что обрекает докладчиков на непонимание их «широкими массами населения». «Не процентами, а живым рассказом о своей работе с указанием количества (в абсолютных цифрах) приговоров и решений, отмененных и измененных высшими инстанциями, нужно показать на собрании ошибки суда»... Да сгинут проценты, да здравствуют «абсолютные цифры» (кстати: может, абсолютные числа?). Воистину, сам Адольф Кетле мог бы позавидовать этой вполне оригинальной классификации статистических категорий по степени их «понятливости».

Но отчетные доклады народных судов проходят слабо и неактивно не только по таким второстепенным причинам, как вредное пристрастие докладчиков к манипуляциям с процентами. Есть более серьезные причины. И, анализируя их, Наркомюст становится в позу сурового обличителя, облеченного неизвестно откуда взятыми полномочиями читать нравоучения и адресовать свои энергичные императивы решительно всем и вся.

«Можно констатировать,— сурово и нравоучительно заключают авторы приказа,— что там, где органы юстиции... правильно поставили перед местными руководящими организациями этот важнейший вопрос, и последние стали во главе руководства отчетами, там отчеты прошли и проходят на высоком политическом уровне... Однако не везде этому политически важному делу было уделено надлежащее внимание»... А посему предлагается «со всей решительностью ставить перед партийными, советскими и профессиональными организациями вопрос, чтобы они уделяли значительно больше внимания отчетам народных судов», «требуя в случае необходимости дачи специальных директивных указаний по линии этих организаций».

Не правда ли, как много в этом указании этакого административного упоения и как мало зато понимания своих задач, своей ответственности, своей роли? Хорошо или плохо выполняют местные руководящие организации свою задачу в деле подготовки выборов народных судов — об этом, надо думать, есть кому судить и помимо Наркомюста. Можно не сомневаться также и в том, что есть кому «потребовать» от тех или иных местных организаций — партийных, советских, профессиональных — и «дачи в случае необходимости специальных директивных указаний», и того, чтобы «они уделяли больше внимания» и т. д.

Но могут ли руководящие работники Наркомюста, если они не лишены чувства ответственности за порученную им работу в этой области, ориентировать свою судебную периферию на то, что скверная организация этой работы судебными и наркомюстовскими работниками происходит не по их вине?

Ведь в самом наркомюстовском приказе приводятся разительные примеры исключительной безрукости, неповоротливости, безынициативности со стороны самих судебных работников, примеры, исключающие необходимость искать виновников где-то на стороне. Если в Молдавии горе-организаторы из судебных работников умудряются созывать колхозников на отчетные собрания в 11 часов вечера; если в Донецкой области из 400 народных заседателей народные судьи успели привлечь себе на помощь в этой работе только 12 человек; если члены Киевского областного суда ни разу не потрудились выехать на периферию, чтобы помочь народным судьям в этой работе; если в Киргизии лежат нерассмотренными 1200 протоколов отчетных собраний и многочисленные предложения граждан относительно судебной работы остаются не только не реализованными, но и не прочитанными; если сам Наркомюст не может похвалиться избытком оперативности и подвижности в руководстве этой работой, — то нужно ли очень далеко ходить за «констатацией» неважных причин, повлекших за собой столь же неважные причины?

Есть и другие занимательные мысли в этом документе. Чего стоят, например, нижеследующие несколько строк: «Необходимо добиться только того, чтобы планы отчетов народных судов... были количественно и в срок выполнены, но и того, чтобы качественно эти отчеты были полноценными и политически содержательными»... Подкупающая конкретность этого «необходимо добиться» вполне гармонирует с высокой грамотностью всего этого тезиса.

Пункт третий этого приказа начинается очень сердито и даже страшновато: «Решительно и резко ставить вопрос о судьях, негодность которых выявлена на отчетных собраниях»... Но где собственно ставить? Перед кем ставить? И почему это обязательно связано с отчетным собранием, почему о негодных судьях вопрос «решительно и резко» надо ставить не раньше, чем их негодность будет выявлена на отчетных собраниях? Все это загадки, секрет которых известен только авторам приказа.

Но будем справедливы. Есть в этом документе некоторые положения, с которыми можно це-

ликом и полностью согласиться. Таково, например, изречение, очень уместно украшающее этот документ на странице третьей, где говорится, что «до сих пор у некоторых работников наркомюстов не изжит взгляд на отчеты как на скоропреходящую кампанию, которую нужно «провернуть» как можно скорее»...

Жаль только, что и эти правильные, удивительно кстати в этом приказе приведенные слова, испорчены дополнением, буквально гласящим: «отсюда п о г о н я не за качеством, а за количеством»... Но тут уж ничего не поделаешь. Раз люди настроились добиваться качества (в том числе и качества своих циркуляров) в порядке этаких скоростных скачек и «погонь», не приходится удивляться, ежели самое «качество» теряет по дороге даже свои естественные грамматические формы и падежи...

С большим чувством и энергией в одном месте своего приказа Наркомюст предписывает своей периферии:

«Прекратить бумажное руководство отчетами».

Экспрессия этого гневного императива, административный пафос его нам представляются несколько чрезмерными. И мы думаем: а что, если бы посоветовать авторам этого предписания несколько отредактировать его, чуть-чуть ослабить, немножко уточнить, придать ему такую, например, форму:

«Прекратить скверное руководство».

И отпечатать бы в такой редакции плакатик, и повесить бы такой плакатик в кабинетах авторов приказа...

Не возымело бы это свое благотворное действие?

В. ПОКРОВСКИЙ

Об одной жалобе

Большой интерес представляет прохождение жалобы гражданина села Альшанки Екатериновского района, Саратовской области Григория Герасимовича Прохорова.

Саратовская Племзаготконтора летом 1936 г. проводила кампанию по заключению с сельскими жителями договоров на контрактацию племенного молодняка.

Наркомземом СССР утверждены были типовые договоры, по которым контрактант обязывался сдать племенной молодняк в здоровом состоянии, не ниже средней упитанности, на племенную базу в срок, указанный Племзаготконторой, и в возрасте не моложе 6 месяцев.

В свою очередь Племзаготконтора обязывалась выдать контрактанту аванс в установленном размере и, после сдачи племенного молодняка, оплатить его стоимость по действующим конвенционным ценам. В типовом договоре содержалась справка о существующих на 1 июня 1936 г. конвенционных ценах на племенной молодняк крупного рогатого скота.

Вместе с другими жителями села Альшанки такой договор контрактации заключил 2 июля 193[illegible] г. и служащий связи Прохоров. Он законтрактовал своего чистокровного бычка симментальской породы. По договору, бычок подлежал сдаче в первых числах ноября 1936 г.

Согласно помещенной в контрактационном договоре справке за килограмм живого веса бычка Прохорову Племзаготконтора должна была уплатить по 2 руб. 50 коп.

Когда, однако, контрактанты сдали законтрактованный молодняк, Племзаготконтора рассчиталась с ними не по этой, указанной в договоре, цене, а по 1 руб. 80 коп. за килограмм живого веса, ссылаясь на снижение базарных цен, на разрешение Наркомзема СССР временно понизить установленные цены на племенной молодняк и на постановление по этому вопросу Саратовского облисполкома от 22 декабря 1936 г.

Контрактанты, в том числе и Прохоров, подали на действия Саратовской Племзаготконторы жалобу в Наркомзем СССР.

Бывшее руководство Наркомзема СССР отнеслось к этой жалобе по-чиновничьи, прислав жалобщикам за подписью бывшего заместителя наркома земледелия бюрократический ответ о том, что «обвинение Саратовской Племзаготконторы в самовольном снижении цен на бычков — неосновательно».

По утверждению бывшего заместителя наркомзема в его ответе контрактантам «всякое изменение цены на племскот должно быть санкционировано вышестоящими организациями, как это и произошло в данном случае», поэтому «установленное Наркомземом временное снижение цен не противоречит контрактационному договору... поскольку в договоре предусмотрено, что расчет за принимаемый от контрактанта скот производится по ценам, установленным на день сдачи контрактантами скота». И далее, видимо в виде «утешения» контрактантам, бывший заместитель наркома земледелия в своем ответе добавил: «установленное Наркомземом снижение цен было принято как временная и исключительная мера, поэтому на 1937 г. цена на контрактуемый скот остается старая, то есть действовавшая до установления временного их снижения».

Получив такой издевательский ответ, Прохоров обратился с жалобой в Прокуратуру СССР. «Я ищу правды, считаю себя незаконно обиженным»,— писал в своей жалобе гр. Прохоров,— «мне по моим хозяйственным расчетам не было выгодно контрактовать бычка, но я, идя навстречу государству, которое все силы кладет на размножение хорошего породистого скота, учел только это и законтрактовал своего породистого бычка».

Далее в своей жалобе гр. Прохоров указал, что по договору он обязан был сдать своего бычка на племенную базу в начале ноября, но Племзаготконтора приняла от него законтрактованного бычка только 28 декабря. Несмотря на то, что он лишних два месяца кормил бычка, с ним рассчитались, вместо 2 руб. 50 коп., по 1 руб. 80 коп. за килограмм живого веса. Такой же расчет получили и остальные контрактанты — всего 107 человек, от которых молодняк был принят в декабре, тогда как те 125 контрактантов, которые сдали племенных бычков ранней осенью, получили расчет, исходя из цены в 2 руб. 50 коп. за килограмм живого веса.

Изливая свою обиду на Наркомзем, гр. Прохоров указал, что контрактация имеет политиче-

ское значение, а действия Наркомзема заставляют контрактантов терять доверие к заключаемым его органами договорам, «а раз потеряли веру, то породистый молодняк будет сбываться помимо госплемрассадника другими путями на убой — это же будет преступно, неверно».

Ознакомившись с представленными гр. Прохоровым документами, Прокуратура СССР пришла к выводу о правоте его жалобы.

Придавая большое политическое значение твердости заключаемых государством контрактационных договоров, Прокурор Союза опротестовал в Совет народных комиссаров Союза ССР постановление Саратовского областного исполкома от 22 декабря 1936 г. и распоряжение Народного комиссариата земледелия Союза ССР о снижении цен за племенной молодняк, закупленный по Саратовской области в порядке контрактации у колхозов, колхозников и единоличников.

Рассмотрев протест Прокурора СССР, Совет народных комиссаров СССР 11 сентября 1937 г. отменил постановление Саратовского областного исполкома от 22 декабря 1936 г. и распоряжение Наркомзема СССР о снижении цен на племенной молодняк, закупаемый по Саратовской области в порядке контрактации, как противозаконные и нарушающие твердость контрактационных договоров, и предложил Наркомзему СССР произвести расчет за племенной молодняк по ценам, действовавшим на день заключения договоров.

В связи с этим решением СНК СССР Прокуратура Союза получила письмо от жалобщика.

«Для меня не так ценны полученные деньги,— пишет гр. Прохоров,— как дорога правда. Обидно смотреть, когда на молодую советскую страну, которая стремится только улучшить быт трудящихся, и в стране не выкорчевано еще много вредителей, которые хотят на каждом шагу сорвать благополучие в стране.

На моих глазах после доплаты недополученных по договору денег какой дух поднялся у контрактантов и у работников по контрактации молодняка, так как с постановлением СНК СССР от 11 сентября с. г. № 1513 много еще улучшило в пользу контрактующих. Я с уверенностью пишу, что в будущем 1938 г. план по контрактации молодняка рогатого скота будет перевыполнен»...

Этот пример еще раз наглядно показывает, какой большой политический эффект дают правильно разрешенные жалобы.

И. ГАВРИЛОВИЧ

„Дурак в цвету"

Так в свое время был озаглавлен опубликованный в «Известиях» фельетон, в котором братья Тур показали некоторые черты одного не в меру ретивого прокурора.

Прокурор Новодугинского района Смоленской области Жуков очевидно из зависти к такой «славе» сам пожелал стать «известностью».

Будучи назначен на столь ответственную должность, Жуков первым долгом занялся вопросами связи. Проявление прокурорского интереса в этом направлении выразилось на первых порах лишь в грубых окриках по адресу телефонисток, которым Жуков приказывал соединять его с абонентами и отвечать на его вызовы мгновенно.

При малейшем промедлении Жуков свирепо спрашивал телефонистку, не оглохла ли она? Знает ли она, с кем имеет дело? и т. д.

Невинная по существу фраза «номер занят» повергала Жукова в ярость, и в таких случаях он заставлял телефонисток немедленно являться к себе для объяснений.

Ссылки на занятость и отсутствие замены не помогали, Жуков приказывал сдать коммутатор кому угодно и явиться в прокуратуру, явиться сейчас же.

Представ пред грозные прокурорские очи, телефонистки всякий раз выслушивали нотации на тему об особенном обслуживании прокурора, заканчивавшиеся обычно угрозами ареста при повторении.

С наступлением кампании по подготовке к выборам в Верховный Совет старенький коммутатор Новодугинского телефонного узла с трудом справлялся с многочисленными вызовами абонентов. Особенно много было междугородных переговоров. Утром 3 декабря 1937 г., в тот момент, когда председатель окружной избирательной комиссии из Сычевки разговаривал через Вязьму со Смоленском, Вязьма вдруг понадобилась прокурору Жукову. Дежурившая на коммутаторе телефонистка Кирюшенкова Мария с дрожью в голосе ответила Жукову, что линия на Вязьму занята Сычевкой. Жуков потребовал прервать разговор и немедленно дать ему Вязьму.

Тогда Кирюшенкова робко заявила, что переговоры связаны с избирательной кампанией и разъединить абонентов она не имела права.

— Ах так,— давясь от гнева, прохрипел в телефонную трубку Жуков,— немедленно явитесь ко мне в кабинет.

Перепуганная Кирюшенкова сообщила начальнику конторы о том, что ее опять вызывают к прокурору, и направилась в прокуратуру.

В приемной прокуратуры Кирюшенкову сурово встретил секретарь Ефимов и с возгласом «Ага, попалась», проводил в кабинет к «самому».

Увидев Кирюшенкову, Жуков, не говоря ей ни слова, стал вызывать из отделения милиции по телефону дежурного милиционера.

За отсутствием в отделении милиционера Жуков вызвал к себе сотрудника фельдсвязи Плескачевского и предложил ему отправить Кирюшенкову в отделение милиции, и задержать впредь до особого распоряжения. Одетый в форму Плескачевский доставил Кирюшенкову под конвоем в отделение милиции. Вслед за «задержанием» дерзкой телефонистки к прокурору был вызван зам. начальника конторы связи Соловьев, которому Жуков объявил об аресте Кирюшенковой «за саботаж», а на замечание Соловьева об отсутствии замены последовал ответ: «За коммутатор хоть сам садись, меня это не касается».

Будучи ограничены размерами заметки, мы вынуждены сократиться, сообщив лишь, что Кирюшенкова просидела в отделении милиции с ее слов, более шести часов, а со слов прокурора Жукова, не более пяти часов.

В отделении никто с Кирюшенковой не разговаривал, ее не допрашивали, да не о чем было допрашивать, просто держали, как говорится, «для страху». В своих объяснениях по этому поводу Жуков пишет: — «Кирюшенкова долгое время, примерно часа два, саботировала и не давала разговор с Вязьмой. Никаких арестов Кирюшенковой никто не производил, хотя за безобразное поведение она заслуживала наказания, но было принято во внимание то, что она недавно — три месяца только работает на этой работе». Вопрос о грамотности объяснения мы оставляем в стороне.

Надеемся, что прокурор Смоленской области сумеет определить, какого наказания заслуживает автор приведенных здесь «объяснений», тем более что «художества» Жукова не ограничиваются только проявлением самодурства.

Известно, например, что Жуков провел по штатам райпрокуратуры в должности курьера свою жену и получал за нее зарплату, хотя фактически жена его в прокуратуре никогда не работала. Или, например, чего стоит скандал, учиненный Жуковым в клубе, когда его попросили приобрести платный билет на киносеанс, на что Жуков заорал на весь зал, что для прокурора все зрелища должны быть бесплатными.

Известно также, что прокурор Жуков форменным образом перехватил для себя велосипед из магазина Новодугинского сельпо, хотя другие покупатели стояли в очереди за велосипедами по несколько дней.

Не имея никакого опыта работы (работает с января 1937 г.), Жуков наотрез отказался от прохождения месячных курсов для районных прокуроров, организованных в Смоленске. На письменных предложениях о необходимости производства доследования по делам, возвращаемым областной прокуратурой, Жуков накладывает такие резолюции: «Чепуха. Жуков», или «Это ясно из дела. Жуков», и наконец: «Связь есть, чего надо. Жуков».

Комментарии, как говорится, излишни.

А. И.

Не сказка, а быль

Жил-был гражданин, именуемый по паспорту Абрам Яковлевич Слободской. Имя «Абрам», напоминающее имя библейского патриарха «Авраам», не пришлось, видимо, по душе гр-ну Слободскому, и он предпочел величать себя в общежитии Александром Яковлевичем Слободским, считая, очевидно, более интересным имя «Александр», напоминающее имя великого героя древности — Александра Македонского. Когда знакомые окликали гр-на Слободского: «Александр Яковлевич», он очень охотно откликался.

Случилось однажды так, что гр-н Слободской поселился на даче гр-на Альтшуллера и поселился — по мнению Альтшуллера — самовольно и незаконно. И вот, Альтшуллер предъявил к Слободскому иск о выселении его с дачи, причем ответчика назвал в своем исковом заявлении Александром Яковлевичем Слободским. Нарсуд послал гр-ну Слободскому повестку под именем Александра Яковлевича, и эту повестку Слободской принял без протеста, даже, быть может, порадовавшись в душе, что и в официальной бумаге его именуют славным именем Александра Македонского.

Однако, явившись по судебной повестке в заседание, гр-н Слободской решил вернуться к имени «Абрам» и на этой почве затеять волокиту.

Перед народным судьей Слободской произнес приблизительно такую речь: «Хотя я есмь действительно тот самый гр-н Слободской, которого гр-н Альтшуллер желает выселить с дачи, и хотя я лично явился на заседание по повестке суда, но раз истец позволил себе назвать меня Александром в то время, как я по паспорту — Абрам, то прошу дело производством прекратить, причем заранее заявляю, что в следующий раз, в случае получения мною повестки на имя Абрама, я вторично явлюсь в суд и тогда уже дам объяснения по существу дела».

Услышав такую хитроумную речь гр-на Слободского, защитник истца Альтшуллера возопил: «Спешу исправить невольную ошибку истца, назвавшего ответчика тем именем, которым сам ответчик себя называет в общежитии, и прошу суд признать иск предъявленным к этому самому явившемуся ответчику — гр-ну Слободскому, и в протоколе судебного заседания, а равно и в самом решении именовать его Абрамом; для прекращения же дела нет никаких оснований». На это народный судья прочел защитнику нравоучение: «Защита должна быть помощником суду и не затемнять дела. Отвечайте на вопрос: признаете ли вы паспорт гр-на Слободского подложным? Если вы не спорите о подлоге паспорта и тем самым признаете гр-на Слободского Абрамом, а не Александром, то я дело прекращаю».

Защитник скромно возразил: «Паспорт — не подложный, но раз настоящий ответчик находится здесь налицо, явился по повестке и может дать объяснения по существу дела, то зачем же прекращать дело и вторично вызывать четырех явившихся в суд трудящихся: истца, его защитника, ответчика и третье лицо»?

Но судья оказался неумолимым и тут же, не удаляясь в совещательную комнату, объявил, что дело производством прекращается и предоставляется истцу Альтшуллеру подать новое исковое заявление против явившегося ответчика, наименовав его Абрамом, а не Александром, и вторично внести 3 рубля госпошлины.

Таким образом, суд признал необходимым вновь завести новое исковое дело, вновь заседать в полном составе суда по этому же делу, вновь потребовать явки всех 4 человек и выслушать от гр-на Слободского то, что он мог и должен был сказать сразу, в первом заседании.

Читатель! Вы, может быть, подумаете, что все это — сказка? Вы, может быть, вспомнили ст. 166 ГПК? Вы, может быть, скажете, что в наших советских условиях совершенно недопустимы такая волокита и лишняя трата времени и труда для самого суда и сторон? Ошибаетесь. Это — не сказка, а быль.

Мы изложили сущность протокола судебного заседания и резолюции нарсуда 2 участка Раменского района, Московской области от 19 декабря 1937 года по делу гр. Альтшуллера с гр-ном Слободским.

ОБМЕН ОПЫТОМ

О направлении внутренностей для судебно-химического исследования на яды

Главную массу дел, проходящих через химическую секцию Одесского института научно-судебной экспертизы, составляют дела об отравлениях людей и животных, которые относятся к числу наиболее актуальных дел, поскольку отравления, в частности массовые, легко могут применяться с вредительской или диверсионной целью.

Результаты химического анализа внутренностей и других вещественных доказательств по этим делам имеют решающее значение в деле их расследования. Однако для того чтобы химический анализ мог привести к определенным результатам, необходимо, чтобы судебный химик имел в своих руках для исследования в достаточном количестве и вполне пригодные объекты и все необходимые для дачи заключения материалы.

Порядок направления вещественных доказательств для судебно-химического исследования на яды в УССР определяется специальной инструкцией, утвержденной СНК (Собр. зак. и распор. р.-к. правительства Украины за 1924 г., отдел 2, № 19—20). Инструкция эта, к сожалению, мало знакома как работникам следствия, так и медицинским работникам, иногда же имеют место нарушения ее даже судебными врачами.

По этой инструкции для судебно-химических исследований на яды из трупа взрослого человека следует прислать следующие объекты: 1) желудок с содержимым; 2) около метра тонких кишок с их содержимым; 3) около одной трети печени с желчным пузырем и 4) одну почку со всей мочой из мочевого пузыря. Указанные объекты помещаются в отдельные, совершенно чистые, стеклянные банки, желательно с пришлифованными стеклянными пробками, и консервируются спиртом-ректификатом, проба которого, в количестве около 100 см³, прилагается к вещественному доказательству.

Одновременно с присылкой внутренностей необходимо прислать самые подробные сведения об обстоятельствах дела, сведения о картине заболевания (если умершее лицо находилось в больнице, то историю болезни) и, наконец, протокол вскрытия трупа умершего.

К сожалению, в большинстве случаев эта инструкция не выполняется, и приблизительно в 20% присылаемых дел мы встречаемся с грубыми ее нарушениями. Нарушение инструкции всегда отражается на категоричности заключений институтов, а иногда приводит к ошибочным заключениям.

Рассмотрим подробнее, чем обусловливаются изложенные в этой инструкции требования и почему несоблюдение инструкции часто лишает институт возможности дать заключение о причине смерти.

Особенно часто инструкция нарушается в отношении количества присылаемых внутренностей. Сплошь и рядом присылают на исследование только один желудок с содержимым и не присылают других объектов. Иногда же бывали случаи, когда направляли в институт 1—2 см³ жидкости — содержимого желудка, с просьбой произвести исследование на все яды. Между тем, следует отметить, что смертельная доза большинства ядов является весьма незначительной. Так, например, для мышьяка она составляет около 0,1—0,2 грамма, для стрихнина около 0,3 грамма, для цианистого калия около 0,1 грамма и т. д. При этом нужно указать, что яды не остаются в желудке у человека, а распределяются по организму, и в ряде случаев, особенно если смерть наступила не сразу, а спустя продолжительное время, главная масса яда обнаруживается не в желудке, и даже не кишках, а в печени и почках. Кроме того, обычно часть яда удаляется из организма с рвотами и испражнениями. Поэтому то количество яда, которое судебному химику удается выделить даже из большого количества внутренностей, обычно бывает совершенно ничтожным, и ясно, что исследование 1 см³ содержимого желудка, за очень редкими исключениями, не дает никакого результата.

Кроме того, большое число современных ядов (например, препараты мышьяка, ртуть, стрихнин) применяются и в качестве лекарств. Поэтому при обнаружении ядов во внутренностях всегда может возникнуть вопрос, попал ли этот яд во внутренности в силу того, что человек был отравлен, или потому, что он пользовался лекарствами, в состав которых входил данный яд.

Для решения этого вопроса институт обычно, наряду с производством качественного химического исследования, производит количественное определение яда в различных органах и дает свое заключение уже на основании картины распределения яда в организме. Для пояснения приведем такой пример.

Внезапно умерший человек перед смертью, предположим, лечился сальварсаном. Сальварсан представляет собой мышьяковистый препарат, который применяется обычно путем внутривенного вливания. Производится исследование внутренностей, и в них находят мышьяк. Возникает вопрос, каково происхождение этого мышьяка, является ли он тем мышьяком, который умерший получил в виде лекарства — сальварсана, либо мышьяк был подсыпан в пищу умершего.

Для решения этого вопроса производится количественное определение мышьяка. Предположим, что оно дает следующие результаты: мышьяк присутствует как в печени и почках, так в неменьшем количестве и в содержимом желудка и кишок. В этом случае результаты химического исследования неопровержимо указывают, что умерший был отравлен мышьяком, так как, если бы этот мышьяк был введен в организм в виде сальварсана, то поскольку сальварсан непосредственно вводился в кровь, в содержимом желудка могли бы оказаться лишь ничтожно малые следы мышьяка, главная же

масса его была бы обнаружена в таких органах, как печень и почки.

В 1936 году в институте имел место случай, когда были присланы внутренности лошади для судебно-химического исследования. В содержимом желудка лошади было обнаружено заметное количество мышьяка. Однако институт не ограничился проведением одного лишь качественного исследования на яды и произвел количественное определение мышьяка в различных органах. При этом оказалось, что в печени и в почках мышьяк совершенно отсутствует. Детально проанализировав все обстоятельства дела, в частности, приняв во внимание то, что лошадь пала не сразу после начала заболевания, а спустя сравнительно продолжительный промежуток времени, институт, несмотря на обнаружение мышьяка в содержимом желудка, пришел к заключению, что смерть лошади последовала не от отравления мышьяком, а от какой-то другой причины, так как иначе мышьяк обязательно должен был бы присутствовать в печени и почках.

Приведенные примеры достаточно ясно говорят, насколько необходима присылка всех перечисленных в инструкции внутренностей и правильная упаковка каждого объекта в отдельности.

Остановимся на вопросе об упаковке. Внутренности должны быть вмещены в абсолютно чистую посуду. Несмотря на то, что это требование кажется само собой понятным, нарушение инструкции в этом отношении также нередко имеет место. Так, например, внутренности зачастую помещаются в банки, в которых ранее находились различные лекарства, иногда относящиеся к группе сильно действующих веществ.

В Одесском институте был случай, когда были присланы внутренности животного в небольшой банке. При производстве предварительной пробы на яды во внутренностях были обнаружены соединения ртути. Однако производивший экспертизу сотрудник обратил внимание на то обстоятельство, что под наклейкой с надписью о содержимом банки («содержимое желудка от такой-то лошади») имелась какая-то вторая наклейка. Когда верхняя наклейка была сорвана, то оказалось, что вторая наклейка представляет собой аптечную этикетку с надписью. «Hydrarg. praecip. album». Данное лекарственное вещество как раз и является соединением ртути. Таким образом наличие ртути во внутренностях объяснялось очень просто — банка из-под ртутного соединения была недостаточно хорошо вымыта, и ртуть, обнаруженная в содержимом желудка, в действительности явилась остатком вещества, находившегося ранее в банке, что впоследствии нашло себе подтверждение и по другим данным.

Другой аналогичный случай проходил через институт лет 8 тому назад. Были присланы внутренности ребенка. Во внутренностях был обнаружен иод. Однако и в этом случае на банке имелась старая наклейка, гласившая о том, что в банке раньше был иод. Представим себе, что этих случайно сохранившихся наклеек на банках не оказалось бы. Тогда эксперт очень легко мог бы дать заключение об отравлении лошади препаратами ртути, а ребенка — иодом.

Отметим далее, что посуда, в которой направляются внутренности для исследования, должна быть обязательно стеклянной — помещение внутренностей в глиняную или металлическую посуду недопустимо как в силу того, что при посуде этого рода невозможно гарантировать абсолютную ее чистоту, так и потому, что из глиняного сосуда с пористым черепком жидкость может просачиваться и испаряться через стенки, при металлической же посуде металл посуды будет подвергаться коррозии и переходить в виде солей в направляемые для исследования внутренности.

Желательно, чтобы банки закрывались стеклянными пришлифованными пробками; при отсутствии таких банок можно применять обыкновенные стеклянные банки, обтягивая их отверстие сверху размоченным животным пузырем, который перевязывается затем шпагатом по горлышку банки.

При опечатывании банок следует следить за тем, чтобы в банки не попал случайно кусочек сургуча, поскольку в сургуче могут быть примеси таких ядовитых веществ, как соединения мышьяка, сурьмы, свинца и т. п. Между прочим по этой причине, особенно если принять во внимание, что сургуч растворяется в спирте, является совершенно недопустимой заливка сургучом неплотно прилегающей к горлышку банки пробки.

В инструкции говорится о том, что внутренности должны быть консервированы спиртом-ректификатом. Однако это требование также систематически нарушается, в частности, сплошь и рядом внутренности консервируются не спиртом, а формалином. Между тем, из-за формалина оказывается невозможным обнаружить некоторые яды, как, например, цианистый калий, карболовую кислоту и некоторые другие, с которыми формалин вступает в химическое соединение. Кроме того присутствие формалина делает невозможным производство некоторых чувствительных реакций на другие яды и заставляет обнаруживать эти яды иными реакциями. Поэтому-то требуется консервирование внутренностей производить только спиртом-ректификатом, направляя при этом пробу спирта, в количестве около 100 см³, одновременно с внутренностями. Направление пробы спирта необходимо в силу того, что при обнаружении того или другого яда может возникнуть вопрос, не содержался ли этот яд в самом спирте, попав туда хотя бы вследствие нахождения спирта в посуде из-под какого-либо ядовитого вещества. Нельзя забывать, что количество яда, которое судебный химик выделяет из внутренностей, чрезвычайно ничтожно, а объем спирта, примененного для консервирования, составляет нередко около 500—1000 см³. При таком большом объеме спирта уже ничтожнейшая примесь в нем какого-либо ядовитого вещества легко может привести химика к ошибочному заключению об отравлении данным ядом. Напротив, если после производства анализа внутренностей будет произведен анализ спирта, примененного для консервирования, и в этом спирте ядовитых веществ обнаружено не будет, то предположение о внесении яда с консервирующей жидкостью будет опровергнуто.

Не так давно в Одесский институт научно-судебной экспертизы были направлены для химического исследования внутренности гр. К., отравившегося, как предполагали, амиловым спиртом, причем внутренности эти были законсервированы спиртом-сырцом. Такое консервирование является в данном случае совершенно недопу-

стимым, так как спирт-сырец сам содержит небольшое количество амилового спирта. При химическом исследовании внутренностей в них был обнаружен амиловый спирт, однако возник вопрос, не был ли он внесен с консервирующей жидкостью; к счастью, была приложена проба спирта, примененного для консервирования, и исследование ее показало, что хотя в ней и содержался амиловый спирт, однако, в меньшем количестве, нежели во внутренностях, и таким образом результаты химического исследования могли подтвердить предположение об отравлении амиловым спиртом.

Присылаемые для исследования внутренности в одном лишь случае не следует консервировать спиртом, а именно при подозрении на отравление самими спиртными напитками. Тогда внутренности лучше всего совершенно не консервировать, но надо при этом принять все меры к скорейшей доставке их для исследования. Вообще же в подобных случаях наилучшим методом консервирования, к сожалению часто трудно выполнимым, считается замораживание внутренностей.

Переходим теперь к вопросу о том, почему необходима присылка копии протокола вскрытия, истории болезни и обстоятельств дела. Нужно не забывать, что количество всех возможных ядов колоссально велико; далее, что с каждым годом количество известных ядов возрастает, и появляются новые яды, для которых даже еще отсутствует методика исследования. Вообще же, если химику приходится производить полный анализ внутренностей на все яды, то это, с одной стороны, отнимает чрезвычайно много времени, с другой стороны — присланного материала для исследования на все яды может оказаться недостаточно. Нужно при этом помнить, что весьма многие яды для своего обнаружения требуют специального исследования и не открываются попутно при исследовании на другие яды. Поэтому всякое указание на то, каким ядом в данном случае предполагается отравление, является для судебного химика чрезвычайно важным.

Приводим пример из недавней практики Одесского института. На исследование были присланы остатки коровьего масла, которым была приправлена каша, вызвавшая при приеме в пищу явления массового отравления колхозников. Обстоятельства дела институту вначале присланы не были, и только после их затребования институт получил сообщение, что в данном случае предполагается отравление «алибазан-сульфатом», который раньше находился в той бутылке, в которой помещалось масло, вызвавшее отравление. Из этого сообщения институту стало ясно, что ядом, который здесь необходимо искать, является, очевидно, так называемый анабазин-сульфат — вещество, лишь в недавнее время (приблизительно с 1929—1932 г.) начавшее применяться в сельском хозяйстве для уничтожения насекомых.

Ни в одном из известных курсов судебной химии, как русских, так и иностранных (Степанова, Гадамера, Ожье, Баумерта, токсикологии Левина и др.) данное соединение не описано, как не описаны и методы определения его. Методику исследования на анабазин пришлось разыскивать в различных журналах — трудах научно-исследовательских институтов за 1931—1932 г.г. Ясно, что если бы институт не затребовал обстоятельств дела, то причина отравления так и осталась бы невыясненной, так как без специального указания на анабазин исследование на таковой произведено бы не было.

В этом примере уже сами обстоятельства дела давали указания, какой яд следует искать. В большинстве же случаев такие указания отсутствуют. Однако они могут быть получены токсикологом при изучении картины заболевания и данных протокола вскрытия. Этим-то в первую очередь и объясняется требование об обязательной присылке копии истории болезни и протокола вскрытия. С другой стороны, само по себе нахождение яда еще не всегда может указывать на то, что смерть последовала от отравления данным ядом. Мы уже упомянули о возможности внесения яда в организм с лекарствами. Отметим теперь некоторые другие моменты.

При гниении внутренностей зачастую образуются вещества, называемые птомаинами, которые сплошь и рядом являются весьма схожими с ядами из группы алкалоидов. Так, наряду с ядом-алкалоидом стрихнином, известно вещество, образующееся иногда при трупном разложении внутренностей людей, вообще не отравленных никакими ядами, называемое трупным стрихнином, причем этот трупный стрихнин дает почти такие же реакции с химическими реактивами, как и настоящий стрихнин.

Для того чтобы не впасть в ошибку, судебный химик, при производстве химического исследования, всегда производит еще так называемую физиологическую пробу, которая заключается в том, что выделенное вещество, в данном случае настоящий стрихнин либо трупный стрихнин, вводится под кожу лягушке либо белой мыши. При этой физиологической пробе проявляется резкая разница между действием настоящего и трупного стрихнина. От настоящего стрихнина с лягушкой очень скоро начинаются судороги, лягушка приходит в состояние столбняка и обычно в конце концов погибает. Трупный же стрихнин никакого заметного действия на лягушку не оказывает. В данном случае различие между алкалоидом — стрихнином и птомаином — трупным стрихнином легко разрешается на основании результатов физиологической пробы. Однако в других случаях положение бывает более запутанным.

Так, например, В. П. Малицким был описан птомаин, сходный с алкалоидом вератрином, который, наряду со сходством в отношении химических свойств, показывал такое же физиологическое действие, как и настоящий вератрин, и отличался от последнего лишь тем, что не обладал горьким вкусом.

В силу таких обстоятельств, заключение об отравлении всегда дается не только на основании одних лишь результатов химического исследования, а на основании сопоставления этих результатов с данными картины заболевания и отмеченными в протоколе вскрытия патолого-анатомическими изменениями в органах трупа.

Кроме того, при даче заключений институты научно-судебной экспертизы, в частности Одесский, обычно не ограничиваются ответом только на поставленные вопросы, а оценивают полученные результаты исследования с криминалистической точки зрения. Подобная оценка возможна лишь в том случае, если институту сообщены все обстоятельства дела.

В качестве примера приведем случай, проходивший через Одесский институт приблизительно год тому назад. Одним из районных отделений милиции была прислана в институт бутылка с молоком, с просьбой произвести расследование на яды. Каких-либо обстоятельств дела при этом не сообщалось. Затребовав таковые, институт в ответ получил меморандум, из которого было видно, что молоко прислано по следующему делу.

Гр. Х. развелся со своей женой. Спустя год после развода жена через товарища бывшего мужа передает последнему бутылку с молоком. Ему показалось это обстоятельство подозрительным; он сам не стал пить молоко, а дал попробовать его котенку. Выпив немного молока, котенок начал царапать себе лапами мордочку, мяукать и спустя короткое время подох. Это побудило гр. Х. препроводить молоко в милицию. Из милиции молоко было направлено в институт.

При химическом исследовании молока оказалось, что оно содержит серную кислоту в количестве около 7%. Однако институт в своем акте не ограничился лишь указанием на нахождение серной кислоты в молоке и сообщением данных о степени вредности таковой для здоровья, но обратил внимание на ряд других обстоятельств.

В частности, институт отметил, что при прибавлении серной кислоты к молоку должно происходить отвораживание молока. Поэтому, передача такого, содержащего серную кислоту, молока уже с самого начала является мало вероятной. С другой стороны, нигде не указывается, чтобы этот гражданин поил котенка молоком насильно, а судя по сообщению милиции, котенок пил молоко сам. Между тем возникает сомнение, стал ли бы вообще котенок пить молоко, содержащее серную кислоту.

Далее, институт отметил странность передачи женой молока мужу спустя год после развода, притом передачи «отравленного» молока не непосредственно мужу, а через третье лицо. Ведь третье лицо, в случае, если бы молоко вызвало отравление бывшего мужа, явилось бы весьма опасным свидетелем обвинения против нее.

По совокупности всех этих данных, институт в акте счел необходимым отметить, что в дальнейшем ходе следствия необходимо выяснить вопрос, не является ли вся история с молоком вымышленной самим бывшим мужем. Одновременно институт указал на необходимость выяснения, не был ли гр. Х. почему-либо заинтересован в том, чтобы обвинить свою жену в совершении уголовного преступления.

Другое дело. В одном из окружных городов жили гр. Т. и его жена. Вначале они жили хорошо, но потом у жены появился молодой друг, и у них начались семейные неурядицы.

Однажды муж возвращается с работы домой, жена ему предлагает ужин, состоящий из жареного мяса и жареного картофеля. Однако у самой жены был несколько смущенный вид. На предложение мужа — сесть ужинать вместе с ним, жена ответила отказом, сославшись, что она занята хозяйством. Когда ее муж предложил, чтобы с ним ужинал ребенок, который, видимо, очень хотел есть,— жена вырвала ребенка из рук, а сама убежала из хаты. Тогда муж, по его словам, смекнул, что дело неладно, и бросил кусочек мяса кошке. Кошка съела, через несколько минут с ней начались судороги, и она околела. После этого гр. Т. направил ужин в милицию, а оттуда последний поступил в институт на исследование.

В институт была прислана всего лишь одна картофелина и несколько кусочков мяса. При осмотре картофеля и мяса снаружи ничего подозрительного обнаружено не было. Однако, когда картофелину разрезали, то внутри ее оказалась начинка, состоявшая ни более ни менее, как из стрихнина, причем количество стрихнина в одной только картофелине было такое, что хватило бы на отравление двух-трех человек.

Институт дал заключение, что в данной картофелине содержится стрихнин в количестве, превышающем смертельную дозу примерно в 2 раза.

Однако институт обратил внимание на другое обстоятельство. На исследование была прислана всего лишь одна картофелина и маленький кусочек мяса. Ужин же гр. Т. не состоял из этого незначительного количества пищи. Надо предполагать, что картофеля было несколько десятков кусочков. Куда же девалась остальная картошка? Затем,— кто производил отбор пробы для посылки картошки на анализ? Каким образом удалось отобрать именно ту картофелину, которая имела начинку из стрихнина? Предположить, что все картофелины были начинены стрихнином, невозможно, так как для этого понадобилось бы такое количество стрихнина, достать которое простой женщине было бы затруднительно. Поэтому институт в акте и отметил, что в дальнейшем ходе следствия необходимо выяснить вопрос, кем эта картошка была доставлена в милицию, не самим ли гр. Т., и указал, что возможно, что в данном случае не было покушения со стороны жены на отравление мужа, а симуляция со стороны гр. Т.

Этим делом заинтересовалась прокуратура республики, которая послала местному прокурору запрос, что сделано для выяснения обстоятельств, отмеченных институтом в акте. На это был получен ответ, что предположение института о симуляции ни на чем не основано; муж решил, что картофель отравлен, на основании того, что жена страшно волновалась, когда давала ему этот картофель, да, кроме того, виновность жены не подлежала никакому сомнению, потому что она, чувствуя свою вину, убежала из хаты и до сего времени не возвращается, так что и само дело за нерозыском обвиняемой приостановлено.

Однако прошло еще около года, и институт получил новую экспертизу, на этот раз уже по биологической секции. В том окружном городке, где происходило это дело, в ретираде на базарной площади были найдены части туловища женщины. По состоянию грудных желез можно было установить, что женщина была беременна. Приблизительно устанавливался ее возраст— около 30 лет. И тогда лишь вспомнили, что пропавшая без вести жена гр. Т. тоже была беременной и возраст ее также был около 30 лет. Вспомнив затем высказанные институтом подозрения в отношении гр. Т., произвели у него обыск; при обыске оказалось, что на досках кровати его имеются большие пятна крови. Далее, под сундуком оказался обрывок рукава, в точности соответствующий обрывку, который был на трупе.

Как же в данном случае обстояло дело?

Очевидно Т. убил свою жену, затем для сокрытия преступления симулировал покушение со стороны жены на его отравление и, в связи с этим, бегство жены.

Как в этом, так и в предыдущем случае, если бы институту не были сообщены обстоятельства дела, конечно, никакие указания со стороны института не могли бы быть сделаны.

Наконец, сообщение обстоятельств дела необходимо еще и в силу того, что иногда следователь может не учесть возможности применения химического анализа для разрешения некоторых важных для дела вопросов.

Для примера приведем один случай, правда, не из области дел об отравлениях. Железнодорожный проводник обвинялся в провозе в аккумуляторном ящике под вагоном керосина. В качестве вещественного доказательства в институт была прислана доска, на которой, предполагалось, стояла банка с керосином. Требовалось установить, не имеется ли на этой доске следов керосина. Установление этого факта, по мнению лица, производившего расследование, являлось лишь простой формальностью, так как доска издавала совершенно ясный запах керосина. Однако институт предпочел командировать своего сотрудника для осмотра вагона на месте. При этом оказалось, что контакты аккумуляторов подвергаются чистке при помощи керосина, и таким образом, главная улика против обвиняемого оказалась спорной, поскольку керосин мог попасть на доску во время чистки контактов. Здесь же на месте было обращено внимание на другое обстоятельство — выяснилось, что банка стояла не непосредственно на доске, а на кирпиче, положенном на доску, и этот кирпич был изъят для исследования. При микрохимическом исследовании поверхности кирпича на нем были обнаружены следы металлического железа. Происхождение этих следов могло быть легко объяснено лишь в том случае, если признать, что на кирпич была поставлена не маленькая коробочка с керосином, как при чистке контактов, а тяжелая жестянка, которая при этом находилась в дороге и терлась о кирпич в течение нескольких десятков часов.

Заканчивая статью, я выражаю уверенность, что проводимая в настоящее время систематическая работа по повышению квалификации следственных работников приведет к тому, что отмеченные ошибки при направлении внутренностей для судебно-химического анализа не будут в дальнейшем иметь места.

М. Козловский

О праве сторон в надзорном производстве

Вопрос, поднятый тов. Кирзнер в статье «Права сторон в надзорном производстве», весьма актуален и своевременно поставлен.

Тов. Кирзнер прав, указывая, что «нельзя оставлять заинтересованные стороны в том б е с п р а в н о м положении, в котором они находятся сейчас, лишенные возможности как бы то ни было реагировать на недобросовестность со стороны подавшего жалобу в порядке надзора или на невнимательность прокурорского надзора, приносящего протест на основании недосмотра, ошибки и явно неправильного представления о существе дела»[1].

В самом деле, каково основное назначение и цель надзорного производства?

На первый взгляд этот вопрос может показаться, по меньшей мере, наивным. Но на практике это далеко не так.

Исчерпывающий ответ на поставленный вопрос дает, казалось бы, ст. 2546 ГПК РСФСР.

В этой статье указано, что «при обнаружении в решении по истребованному делу особенно существенного нарушения действующих законов или явного нарушения интересов рабоче-крестьянского государства или трудящихся масс, дело это вносится на рассмотрение в порядке надзора» и т. д.

Как следует понимать приведенную статью ГПК?

Нам думается, что ясное и весьма точное изложение редакции этой статьи ГПК не дает оснований к различному толкованию ее.

Мысль законодателя сводится к тому, что если кассационная инстанция пропустила допущенное судом первой инстанции особенно существенное нарушение действующих законов или явное нарушение интересов государства или трудящихся масс, то надзорная инстанция, в строгом соответствии со ст.ст. 3 и 4 ГПК, обязана устранить обнаруженные ею неправильности или нарушения.

Но тут-то и возникает вопрос о методах и способах устранения надзорной инстанцией обнаруженных неправильностей и нарушений. Надзорная практика, к сожалению, показывает, что в этом вопросе существует разнобой. Нет единой судебной практики.

Можно прямо сказать, что от напористости и энергичности того или иного жалобщика зависит успех жалобы, принесение протеста органами прокуратуры и срок рассмотрения дела в органах надзора.

Например. Если жалобщик упорно обивает пороги органов прокуратуры и суда, то можно заранее сказать, что не в зависимости от основательности доводов его жалобы и наличия моментов, предусмотренных ст. 2546 ГПК, жалоба получит дальнейшее направление.

Если жалобщик проявит недобросовестность, то проявленная недобросовестность, помноженная на недосмотр органа, приносящего протест по такой жалобе, неминуемо приведет к искажению существа дела. Надзорная же инстанция, пользуясь обширностью прав, предоставленных ей п.п. «а», «б» и «в» части второй ст. 2546 ГПК, решает дело на основании таких неполноценных, а порой и недоброкачественных материалов.

Таким образом, при подобном положении вещей нарушаются имущественные и процессуальные права заинтересованной стороны, которая могла бы путем представления возражений или объяснений по жалобе своевременно предотвратить эти ненормальности.

Чтобы не быть голословным, иллюстрируем высказанную мысль конкретным примером.

Г-н Чернышев проживал на площади маневренного фонда специального назначения, предоставленной ему научно-исследовательским институтом № 3 по договору от 1 ноября 1934 г.

[1] См. статью тов. Кирзнера в № 10 «С. З.», 1937 г.

Ввиду увольнения Чернышева по собственному желанию, институт предъявил в народный суд 3 уч. Краснопресненского района иск к Чернышеву о выселении.

Основываясь на том, что:

1) жилплощадь маневренного фонда специального назначения предоставлена ответчику по договору в связи с трудовым наймом,

2) ответчик был уволен из института по собственному желанию и, руководствуясь ст. 171а ГК и постановлением пленума Верховного суда РСФСР от 11 августа 1936 г., народный суд постановил решение о выселении Чернышева со всеми совместно с ним проживающими лицами (дело № 625 от 14 ноября 1936 г., народный судья Шершаков).

Кассационная коллегия Мосгорсуда 2 декабря 1936 г. жалобу ответчика как неосновательную отклонила, оставив в силе решение народного суда.

19 июня 1937 г. истец, получив исполнительный лист по делу, предъявил его судебному исполнителю для приведения решения народного суда в исполнение.

Но 1 июля 1937 г. Мосгорпрокуратура (прокурор Белинская), приостановив исполнение решения, затребовала дело в порядке ст. 254а ГПК. При этом Мосгорпрокуратура нисколько не посчиталась с нормами ст. 254а ГПК, которыми право истребования дела в порядке надзора и приостановление исполнения решения ограничено шестимесячным сроком со дня вступления решения в законную силу.

В дальнейшем дело этой вольностью обращения с нормами ГПК не ограничивается.

Ровно через три месяца, т. е. 3 октября 1937 г. дело по протесту Мосгорпрокуратуры за № 8г-05-129 рассматривается президиумом Мосгорсуда (дело № 2115), который выносит следующее постановление (приводим его, для наглядности, полностью):

«Рассмотрев гражданское дело № 2215 по протесту Мосгорпрокурора № 8г-05-129 на решение народного суда 3-го участка Краснопресненского р-на от 14 ноября 1936 г., нарсудья Шершаков, которым иск научно-исследовательского института к гр-ну Чернышеву о выселении удовлетворен и решено выселить гр. Чернышева Николая Гавриловича со всеми с ним проживающими из кв. 16, д. № 28, Конюшковская ул., и на определение кассколлегии горсуда от 2 декабря 1936 г. в составе: Кушель, Иванов и Ронская по докладу т. Кушель, которым решение нарсуда оставлено в силе.

Заслушав докладчика тов. Венедиктова, президиум Мосгорсуда нашел:

В суд обратился научно-исследовательский институт с иском о выселении гр. Чернышева, получившего жилплощадь в связи с договором трудового найма и этот договор прервавшего.

Суд на основании п. «а» ст. 171 ГК иск института удовлетворил и кассколлегия это решение нарсуда утвердила.

Из дополнительно представленных прокуратурой и ответчиком материалов видно, что предприятие, в котором в данное время работает ответчик, из ведения НКО передается в ведение НКОП, в связи с этим истец от своего иска отказывается.

Принимая во внимание вышеизложенное, Президиум Мосгорсуда п о с т а н о в л я е т решение нарсуда и определение кассколлегии Мосгорсуда, его утвердившее, отменить и дело дальнейшим производством прекратить».

Обращаем внимание на мотивировку постановления президиума: «из дополнительно представленных прокуратурой и ответчиком материалов видно, что предприятие, в котором в данное время работает ответчик, из ведения НКО передается в ведение НКОП, в связи с этим истец от своего иска отказывается».

Между тем о переходе предприятия, в котором работает ответчик, из ведения НКО в ведение НКОП истцу абсолютно ничего не известно. Да очевидно, и сам президиум сомневается в этом, так как в своем постановлении он говорит о переходе не как о совершившемся факте (передается), основанном на определенных документальных доказательствах, а как о наступающем обстоятельстве, причем неизвестно еще, когда оно наступит и наступит ли оно вообще. А самое замечательное заключается в том, что истец — НИИ № 3 лишь из постановления президиума узнает, что он, истец, сам отказался от собственного иска. До этого момента истец был в полном неведении относительно «отказа от иска», так как нигде и никогда он отказа от иска не заявлял.

Наоборот, крайне нуждаясь в жилплощади для своих работников, принятых на место Чернышева и других, вернее, в праве распоряжения соответственным жилфондом, институт неоднократно обращался в Мосгорпрокуратуру с просьбой ускорить рассмотрение жалобы.

Итак, напористость, очевидная недобросовестность жалобщика Чернышева и недопустимое нарушение судом законности привели к нарушению Мосгорпрокуратурой процессуальных норм ст. 254а ГПК в части сроков истребования дела в порядке надзора и приостановления исполнения решения нарсуда.

Невнимательность Мосгорпрокуратуры породила протест по вполне правильным решению народного суда и определению КК МГС, причем отсутствие со стороны Мосгорпрокуратуры критического отношения к представленным жалобщиком дополнительным доказательствам «облагородило» эти материалы, что в свою очередь послужило для президиума МГС основанием считать эти материалы представленными Мосгорпрокуратурой («из дополнительно представленных прокуратурой материалов» и т. д.).

Как видим, положение, высказанное тов. Кирзнер,— жизненно и даже соответствует практике последних дней.

Мы полагаем, что подобных примеров немало, тем более в арбитражной практике. К сожалению, ограниченность места не позволяет нам коснуться курьезов из арбитражной практики, мы постараемся написать об этом в отдельной статье. О чем они свидетельствуют?

О том, что вопрос о надзорном производстве вообще и о правах сторон в этом производстве заслуживает самого широкого и глубокого обсуждения.

О том, что надзорное производство нуждается в коренном пересмотре и в устранении наблюдаемых противоречий.

О том, что вся наша общественность должна проявить больше активности, именно в настоящий момент, когда пересматриваются и систематизируются действующие законы.

И, наконец, о том, что процессуальные нормы, установленные ст.ст. 5, 6, 11, 94 и 146 ГПК, в

надзорном производстве совершенно не соблюдаются.

Пункт «в» части второй ст. 254б ГПК предоставляет право надзорной инстанции изменить решение, либо вынести новое решение, лишь при условии, «если все обстоятельства дела вполне установлены и в собирании и дополнительной проверке доказательств нет никакой нужды». На практике же наблюдается иное. Надзорная инстанция зачастую изменяет или выносит новое решение не на основании проверки имеющихся в деле документов, а на основании документов, дополнительно представленных жалобщиком, как это имело место в приведенном выше деле.

Другими словами, заинтересованная сторона фактически лишается прав, предоставленных ей ст.ст. 11 и 146 ГПК. Кроме того, в этих случаях нарушается гласность и устность процесса.

Между тем даже при слушании дела при закрытых дверях участие сторон в процессе, в силу ст. 96 ГПК,— обязательно, а надзорная инстанция на практике фактически устанавливает свои собственные «процессуальные нормы», нисколько не считаясь с общими нормами ГПК.

Совершенно прав тов. Кирзнер, утверждая, что такое положение вещей вряд ли можно признать нормальным с точки зрения охраны имущественных прав граждан и, добавим от себя, имущественных прав госпредприятий, учреждений и общественных и кооперативных организаций, и с точки зрения последовательного соблюдения процессуальных прав стороны в процессе.

Отсюда вывод:

1. Соответствующие разделы ГПК и УПК о пересмотре судебных решений в порядке надзора должны быть приведены в строгое соответствие с нормами ГПК и УПК в целом.

2. Необходимо сократить полномочия надзорной инстанции, лишить ее права изменять решения, выносить новое или перерешать дело по существу, сохраняя за ней только полномочия, изложенные в первой части ст. 254б ГПК.

3. Необходимо распространить действия ст.ст. 78, 235, 240, 241, 242 ГПК и постановления пленума Верхсуда РСФСР от 16 ноября 1931 г. (протокол № 14) на надзорное производство.

Все перечисленные мероприятия безусловно оздоровят практику надзорного производства и устранят наблюдаемые казусы в этом вопросе.

Г. Трахтенберг.

К проекту Уголовного кодекса СССР[1]

(По поводу статьи т. Меньшагина)

В течение нескольких последних лет на страницах нашей правовой печати обсуждалось последовательно несколько проектов нового Уголовного кодекса (сначала РСФСР, а потом и СССР). Последний проект общесоюзного кодекса, проект 1937 года, нигде не был опубликован целиком. Поэтому масса юридических работников не имеет возможности обсуждать его. Иногда в печати появляются статьи, посвященные изложению и анализу отдельных глав этого проекта. К числу таких статей относится и работа т. Меньшагина «Преступления против личности по проекту Уголовного кодекса СССР», помещенная в журнале «Социалистическая законность» № 9 за 1937 г.

В указанной статье т. Меньшагин подвергает детальному анализу и всесторонней критике эту главу проекта УК СССР. Многие из его замечаний следует признать правильными. Некоторые же его высказывания представляются мне весьма спорными.

Это относится прежде всего к вопросу о высшей мере наказания. В этой части т. Меньшагин настроен весьма сурово. Однако здесь нельзя забывать, что у нас высшая мера наказания является временной и служит, главным образом, для уничтожения заклятых врагов социализма. В области же преступлений бытовых, порой являющихся чисто случайными для данного преступника и порождаемых иногда трагическим стечением обстоятельств, требуется проявление сугубой осторожности. Сколько человеческих жизней спасла наша советская исправительная система, сколько «пропащих» людей превратила она в полноценных граждан социалистического общества, сколько семей уберегла она от распада,— все это вряд ли поддается какому-либо учету. Самое жестокое человеческое сердце не может не быть тронуто, например, гуманнейшим методом работы Прокуратуры СССР, принявшей с повинной много лиц из преступных, деклассированных элементов и направившей их на работу в самые различные отрасли хозяйства, то есть, на ту же переплавку человеческого «шлака» в полезный человеческий материал. Следовательно, надо чрезвычайно осторожно подходить к определению наказания за бытовые преступления и, в особенности, к назначению высшей меры наказания.

Перейдем к конкретным замечаниям т. Меньшагина. Если проектом, в отличие от ныне действующего УК РСФСР, за умышленное убийство, совершенное с особой жестокостью или неоднократно, предусматривается возможность применения высшей меры наказания, то т. Меньшагин этим не удовлетворяется. Он пишет с негодованием: «Все остальные случаи умышленных убийств тем самым отнесены проектом к простым видам убийств. Такое ограниченное понятие квалифицированных видов убийств, а тем самым и сужение возможности применения расстрела по убийствам вызывает сомнения. Так, например, за убийство, совершенное из хулиганских побуждений, хотя бы и впервые и с особой жестокости, целесообразно в отдельных случаях назначение расстрела». Но разберемся в этом подробнее. Что такое убийство из хулиганских побуждений? Из текста ст. 74 УК РСФСР мы знаем, что хулиганство означает озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу действия. Это значит, что хулиганские действия являются действиями бесцельными, немотивированными. Следовательно, и убийство, совершенное из хулиганских побуждений, является убийством бесцельным и бемотивным. Оно, разумеется, должно строго караться. Но вряд ли можно говорить о нем как о квалифицированном умышленном убийстве, заслуживающем расстрела. Ведь по природе своей, поскольку оно является следствием озор

[1] В порядке обсуждения.— **Ред.**

ства, оно, вообще говоря, с большой лишь натяжкой может быть отнесено к категории умышленных убийств. Стало быть, карать за него расстрелом нет оснований, а предложение т. Меньшагина надо отклонить.

Будучи настроенным крайне сурово, т. Меньшагин очень чутко реагирует на малейшее послабление проекта против действующего УК РСФСР. Так, например, убийство в результате превышения необходимой обороны по ст. 139 УК РСФСР карается лишением свободы на срок до трех лет или исправительно-трудовыми работами на срок до одного года, а по проекту УК СССР — заключением в исправительно-трудовую колонию до двух лет или исправительными работами. И т. Меньшагин сразу задает вопрос, «чем руководствовались авторы проекта, снижая за этот вид убийства наказание по сравнению с действующим УК». Правда, против снижения с 3 до 2 лет наказания за убийство по неосторожности т. Меньшагин не возражает. Но это объясняется, очевидно, тем, что по проекту вводятся два вида неосторожного убийства и за второй вид проект предусматривает заключение в исправительно-трудовую колонию или исправительно-трудовой лагерь до 5 лет... Между тем, и при общем усилении наказания за преступления против личности допустимо снижение высшего предела санкции за убийство, явившееся следствием превышения необходимой обороны, ибо трудно человеку, находящемуся в состоянии обороны, точно соразмерить все свои действия, направленные к защите от нападающего злоумышленника.

Редакция статьи проекта, предусматривающей умышленное тяжкое телесное повреждение, страдает двумя дефектами. В первой ее части говорится о значительной потере трудоспособности. Такое выражение имеется и в ст. 142 действующего УК РСФСР. Но оно явно растяжимо — кто считает значительной и потерю 25% трудоспособности, а кто считает значительной лишь потерю 60% трудоспособности. Необходимо точно указать степень потери трудоспособности, чтобы не оставлять места для различных толкований. Во второй части этой статьи проекта говорится о «способе, особенно мучительном или носившем характер истязания». Мне представляется, что не способ является мучительным, а ощущения потерпевшего от этого способа. Поэтому правильнее было бы редактировать вторую часть статьи так: «Если от телесного повреждения последовала смерть потерпевшего или если телесное повреждение причинено способом, носящим характер истязания или мучения...»

Редакция статьи проекта, трактующей о нанесении побоев и легких телесных повреждений, вызвала резкую критику т. Меньшагина. Он настаивает на перенесении в союзный кодекс статей 143 и 146 УК РСФСР. Между тем, с одной стороны, редакция этих двух статей УК РСФСР такова, что в жизни часто бывает очень трудно установить, где кончается часть 1 ст. 146 и где начинается часть 2 ст. 143 (кстати, обе они предусматривают одни и те же санкции), а, с другой стороны, практика этой категории дел показывает, до чего шаблонизированы фигурирующие в них акты судебно-медицинского освидетельствования потерпевших. Поэтому явно нецелесообразно сохранение дифференциации легких повреждений, принятой УК РСФСР. Точно так же нечего указывать в статье о побоях признак причинения физической боли. Критикуя эту часть статьи проекта, т. Меньшагин говорит: «...проект исключил указание на причинение при насильственных действиях физической боли и, как нам кажется, сделал это совершенно напрасно. Понятие «совершение иных насильственных действий» настолько широко, что сюда может быть отнесен и целый ряд таких действий, которые предусмотрены проектом в других статьях; например, и незаконное лишение свободы кого-либо и изнасилование — все это будет насильственными действиями, но совершенно ясно, что они не подпадут под анализируемую статью проекта. Оговорка же в отношении причинения физической боли, имеющаяся в ст. 146 УК, резко сужает круг тех действий, которые должны квалифицироваться по статье об ударах и побоях...»

Не требуется большого труда, чтобы доказать порочность этого высказывания т. Меньшагина.

Тов. Меньшагин сам признает, что незаконное лишение свободы или изнасилование не подпадут под статью о побоях и иных насильственных действиях, следовательно, нет оснований опасаться смешения их на практике при применении будущего Уголовного кодекса. Если же он считает, что указание в этой статье о побоях и иных насильственных действиях на причинение этими насильственными действиями физической боли предотвратит опасность такого смешения, то, выражаясь его словами, он делает это напрасно. Ибо и незаконное лишение свободы и изнасилование нельзя себе представить без причинения потерпевшим физической боли... Да к тому же любые насильственные действия, направленные против человеческого организма, неизбежно сопряжены с причинением физической боли. Правильнее всего, мне кажется, исключить совсем из данной части статьи проекта слова «или совершение иных насильственных действий», ибо она, в отличие от последующих частей статьи, имеет в виду исключительно, если можно так выразиться, простые побои, не влекущие за собой никаких телесных повреждений.

Тов. Меньшагин приветствует исключение из статьи проекта о неплатеже алиментов на содержание детей имеющегося в ст. 158 УК РСФСР указания на злостность уклонения от платежа, несмотря на имеющуюся к тому возможность. Он считает, что «...этот признак совершенно излишен, так как ясно, что при отсутствии возможности платить алименты не может вообще быть поставлен вопрос об уголовной ответственности».

Может быть, это и так. Но для некоторых судей, применяющих УК, это, к сожалению, не всегда ясно. Поэтому не мешает сохранить в проекте указание ст. 158 УК РСФСР. Тем более, что сам т. Меньшагин, забыв на сей раз о рекомендуемой им последовательности, не возражает против редакции статьи проекта об оставлении без помощи родителей, которая карает лишь «при наличии возможности оказать эту помощь».

Действительно излишним представляется мне включение в статью проекта о неисполнении обязанностей по воспитанию детей части 2-й, гласящей: «За действия детей, причинившие кому-либо материальный ущерб, родители и опекуны несут материальную ответственность», так

как это должно быть предусмотрено гражданским законодательством; в частности, ст. 9 ГК РСФСР установлено, что несовершеннолетние, достигшие четырнадцати лет, отвечают за вред, причиненный их действиями другим лицам. Следовательно, за вред, причиненный действиями детей, не достигших этого возраста, отвечают родители или опекуны. Может быть, этот вопрос надо в гражданских кодексах Союза уточнить, но в Уголовном кодексе места для него нет.

Кстати, о возрасте. В статьях данного раздела проект умалчивает о возрасте, говоря глухо о «детях». Этот дефект надо устранить, особенно, если учесть закон от 7 апреля 1935 года об уголовной ответственности несовершеннолетних.

Непонятно указание т. Меньшагина о том, что «по сравнению с действующим УК РСФСР раздел преступлений в области половых отношений проектом пополняется составом о заражении венерической болезнью». А о чем говорит ст. 150 УК РСФСР, как не о заражении венерической болезнью? Сам же т. Меньшагин цитирует ее через несколько столбцов в своей статье. Или он не то сказал, что хотел?..

Точно так же, вопреки мнению т. Меньшагина, редакция статьи проекта кажется мне более удачной, чем статья 158, ч. 2 УК РСФСР, где говорится о «поставлении другого лица через...» Язык проекта в этом месте более прост и понятен.

В отличие от ст. 152 УК РСФСР соответствующая ей статья проекта говорит о развращении не достигших половой зрелости. Это одобряется т. Меньшагиным. Между тем, вопрос остается довольно спорным. Хотя и не лишено основания указание т. Меньшагина, что «состав развращения имеет в виду посягательство на нормальное половое развитие человека», нельзя забывать и о возрасте потерпевшего. Вопрос о достижении или недостижении данным лицом половой зрелости обычно решается компетентной экспертизой. Но нельзя требовать от каждого гражданина, чтобы он обладал знаниями врача-специалиста данной области. Поэтому надо карать только тогда, когда недостижение половой зрелости заведомо известно всем и каждому. А это может относиться лишь к лицам, не достигшим известного возраста. Поэтому представляется, что в статье о развращении недостигших половой зрелости не может не быть упомянуто и о несовершеннолетии или малолетии этих лиц.

По многим преступлениям данной главы проект предусматривает неизвестное нынешним УК наказание — арест. Вероятно, оно имеется и в других главах проекта. Тов. Меньшагин возражает против введения ареста лишь в двух случаях. Я же возражаю против введения такого наказания вообще. Подробно против этой меры я возражал в своей статье «К пересмотру УК» («За социалистическую законность» № 1, 1935 г.), направленной против ныне разоблаченного Я. Бермана. Не нужна она нам и теперь. Не станем мы по каждому поводу таскать в арестный дом и домов этих строить на станем. Не к лицу это социалистической стране.

Наконец, несколько слов о стиле. Тов. Меньшагин предлагает в статьях о телесных повреждениях сохранить всюду термин «тяжкое». Мне, наоборот, кажется, что надо было бы всюду употреблять «тяжелое», как более употребительное в обиходе слово. Надо и в кодексах наших по возможности говорить проще, народнее.

Точно так же, мне кажется, надо и в научных статьях перейти на более простой язык.

А. Либерман

О письменных доказательствах в гражданском процессе[1]

В практике одного из нарсудов г. Москвы недавно возник вопрос о том, можно ли свидетелями доказывать платеж денег по письменному договору о продаже строения. Прямого ответа на этот вопрос мы в законе не находим. Ст. 128 ГПК дает лишь общее указание, что свидетели у нас должны допускаться во всех случаях, кроме тех, когда закон для определенных действий и отношений устанавливает обязательную письменную форму. Однако ни в ГПК, ни в других законодательных актах мы не находим исчерпывающего перечня этих определенных действий и отношений. Можно только указать ряд отдельных действий или сделок, совершение которых требует по закону письменного удостоверения. Приведем некоторые из таких действий и отношений. Ст. 136 ГК требует облечения в письменную форму всякого договора на сумму свыше 500 руб. Но по ст. 211 ГК договор займа должен быть совершен в письменной форме, если он превышает только 50 руб., а по примеч. 2 к ст. 141 ГК условие о неустойке требует письменной формы даже независимо от суммы неустойки. Все эти нормы относятся к договорам, т. е. к двусторонним сделкам. Ст. 422 ГК устанавливает обязательную письменную форму для односторонней сделки — акта завещания. Ст. 20 Кодекса законов о браке, семье и опеке предписывает письменную форму для расторжения зарегистрированного брака: расторжение брака может быть удостоверено только записью в актах гражданского состояния или судебным решением и т. д.

Но какими доказательствами — письменными или словесными — можно установить исполнение договоров, т. е. прекращение обязательства путем его исполнения по п. 1 ст. 129 ГК? Можно ли, ссылаясь на ст. 128 ГПК, утверждать, что свидетели должны у нас допускаться в подтверждение факта исполнения всякого договора, или же, напротив, следует проводить какое-либо различие между природой отдельных договоров и предметом отдельного исполнения? Думается нам, что для разрешения этого вопроса правильно будет исходить из некоторых общих соображений.

Нелишне будет при этом сделать небольшой экскурс в историю и литературу этого вопроса по русскому праву дореволюционного времени.

На протяжении десятков лет с 1864 г. до 1917 г. господствовали две формулы, применявшиеся в судебной практике и вызывавшие немало споров в юридической литературе. Первая по времени формула гласила так: если договор подлежит по закону заключению или добровольно был заключен в письменной форме, то всякое

[1] В порядке обсуждения. — Ред.

исполнение такого договора может быть удостоверено только письменными актами. На смену этой формуле пришла под напором жизни и критики вторая формула, которая гласила так: исполнение всякого договора может быть доказываемо свидетелями, кроме исполнения, заключающегося в платеже денег. Спрашивается: возможно ли одну из этих формул признать безоговорочно приемлемой в нашем советском праве? На этот вопрос ответ должен быть дан отрицательный.

Первая формула неприемлема потому, что у нас нет и не может быть такого закона, который обязывал бы всякое исполнение письменного договора доказывать непременно письменными документами. Такого закона нет и быть не может потому, что в жизни контрагенты многих договоров бывают не в состоянии добывать и представлять письменные доказательства в подтверждение факта исполнения ими своих договорных обязанностей.

Предположим, что мастерской по письменному договору заказано изготовление вывесок за 1 000 руб. Мастерская вывески изготовила и повесила на указанное заказчиком место. Если в момент сдачи вывесок отсутствует заказчик или он отказывается выдать расписку в получении от мастерской заказанных ей вывесок, то мастерская в случае спора может только свидетелями доказывать, что действительно рабочими мастерской изготовлены по заказу и сданы вывески.

Но и вторая вышеприведенная формула также неприемлема по нормам нашего советского права. Нельзя утверждать, что всякое исполнение письменного договора, кроме платежа денег, может быть у нас удостоверено свидетельскими показаниями. Возьмем, например, локальный или прямой договор поставки между двумя госпредприятиями. В силу правил кредитной реформы и установленного ими документооборота не только покупщик должен письменными материалами доказывать платеж денег, но и поставщик только письменными же документами (счетами-фактурами, платежными поручениями и пр.) может доказывать сдачу по договору изделий или товаров, т. е. факт исполнения им договора поставки. Равным образом член коллегии защитников, исполнивший письменный договор выступлением в суде по гражданскому делу отсутствующего доверителя, обязан доказывать факт выступления в судебном заседании, т. е. факт исполнения договора, только письменным документом — ссылкой на протокол судебного заседания, а не ссылкой на свидетелей.

Чем же следует у нас руководствоваться при решении вопроса о допустимости или недопустимости свидетельских показаний в подтверждение какого-либо исполнения по письменному договору?

Для правильного ответа на этот вопрос необходимо прежде всего уяснить себе разум тех наших законов (ratio legis), которые требуют обязательной формы для удостоверения отдельных юридических действий и отношений. Такого же рода требования мы находим и в иностранных законодательствах. Так, например, по французскому праву требуется письменная форма для совершения сделок на сумму свыше 150 франков, по английскому праву — на сумму свыше 10 фунтов стерлингов. Некоторые теоретики права все подобные требования письменной формы объясняют такими соображениями: 1) чем важнее сделка или юридический акт в имущественном (ценностном) или неимущественном (личном) отношении, тем более необходимым представляется оформлять и доказывать такие сделки и акты более достоверными и более прочными, чем показания свидетелей, письменными документами; и 2) если какая-либо сделка, например, чисто денежная, представляет в быту опасность соблазна пользоваться лжесвидетелями, то разумнее для удостоверения таких сделок требовать обязательной письменной формы [1]. Предпочитание письменных доказательств для более важных или более опасных сделок объясняется преимуществом письменных актов перед свидетельскими показаниями. Русская поговорка «что написано пером, не вырубить топором» имеет глубокий смысл. Если исключить сравнительно редкие случаи изложения на письме мнимых или притворных сделок, то по общему правилу письменные акты точно и в течение долгого времени удостоверяют факты — волеизъявления и действия — так, как они происходили. Свидетели же — не только лжесвидетели, но и вполне добросовестные — часто излагают события и факты не так, как они происходили в действительности, что объясняется недостатком внимания и запамятованием отдельных свидетелей.

Из этих общих соображений о преимущественном значении письменных доказательств логически следует, что по общему правилу недопустимо свидетельскими показаниями, т. е. менее достоверными доказательствами, опровергать содержание такой сделки, которая по своей важности требует по закону обязательного облечения в письменную форму, т. е. требует более достоверных доказательств.

Нам кажется, что все эти принципиальные соображения не чужды нашему советскому праву. Ст. 136 ГК явно построена на принципе большей имущественной важности сделок. Ст. 211 ГК, быть может, исходит из бытовой опасности доказывания свидетелями денежных займов даже на сумму, превышающую только 50 руб. Ст. 20 Кодекса законов о браке, семье и опеке несомненно вызвана важностью факта расторжения брака в имущественном и неимущественном (личном) отношении.

По вопросу о коллизии между двумя категориями доказательств заслуживает особого внимания постановление пленума Верхсуда РСФСР от 16 ноября 1925 г. (пост. № 19), из которого можно и должно почерпнуть общий ответ на всю обсуждаемую нами проблему.

Цитируемое нами постановление Верхсуда касается толкования и применения ст. 217 ГК.

Ст. 217 ГК устанавливает обязательную письменную форму для оспаривания договора займа по его безденежности в тех случаях, когда договор займа по закону должен быть совершен в письменной форме. На свидетелей в таких случаях можно ссылаться лишь тогда, когда оспаривание займа основано на уголовно-наказуемом деянии заимодавца. В этой правовой норме нашего ГК нельзя не видеть прове-

[1] См. Шершеневич, Учебник гражданского права, стр. 170—171.

дения в данном случае принципа, в силу которого недопустимо менее достоверными доказательствами оспаривать более достоверные доказательства. В самом деле, если договор займа должен быть совершен и был совершен в письменной форме, то существование юридического отношения, возникшего из договора займа, и в том числе существование долга заемщика устанавливается более достоверным письменным доказательством. По этой именно причине оспаривание заемщиком существования долга путем ссылки на безденежность займа не может быть основано на менее достоверных доказательствах — на свидетельских показаниях. Однако оспаривание заемщиком существования долга по письменному договору займа может заключаться не только в ссылке на его безденежность, т. е. на то, что долг по займу вовсе не возникал, но и в ссылке на прекращение существования долга платежом занятой суммы, т. е. на прекращение возникшего обязательства его исполнением (п. 1 ст. 129 ГК). И вот, по вопросу о значении и применении ст. 217 ГК пленум Верхсуда дал между прочим такое важное разъяснение: «Из смысла этой статьи ГК вытекает бесспорное положение, что и исполнение займа, требующего письменной формы, не может доказываться свидетельскими показаниями; вводимая местами судебная практика — допущение свидетелей в подтверждение «сопровождающих сделку обстоятельств», когда их показания фактически сводятся к опровержению договора займа или к подтверждению уплаты по нему или к оспариванию суммы договора,— является обходом закона и не должно допускаться». Не может, кажется, подлежать сомнению, что при обсуждении частного случая, касающегося правоотношений по договору займа, пленум Верхсуда установил общий и вполне правильный принцип: нельзя доказывать исполнение обязательства в виде платежа денег свидетельскими показаниями по договору, совершение которого по закону должно быть оформлено письменным документом.

В этом решении общего вопроса необходимо подчеркнуть, что категорическое требование письменных доказательств устанавливается только для удостоверения исполнения, заключающегося в платеже денег по договорам, для которых законом установлена обязательная письменная форма. Такое специальное правило, относящееся к исполнению в виде платежа денег, находит свое разумное оправдание в ст. 114 ГК. Эта последняя статья дает всякому должнику по денежному обязательству полную возможность обеспечить себе письменное доказательство в подтверждение произведенного платежа путем получения соответствующей квитанции от государственной нотариальной конторы. Но эта ст. 144 ГК применима не только к одному договору займа. Стоять на иной точке зрения и утверждать, например, что по всякому иному письменному договору кроме договора займа, платеж денег можно всегда доказывать свидетелями, было бы непоследовательно и внутренне противоречиво; если допускать опровержение или оспаривание свидетельскими показаниями юридических отношений, возникающих из важных сделок, для которых закон устанавливает обязательную письменную форму, то нет никакого практического смысла в самом установлении для отдельных сделок более сложной письменной формы. Следует поэтому в соответствии с внутренним смыслом постановления пленума Верхсуда притти к такому общему выводу: если для совершения какого-либо договора закон устанавливает обязательную письменную форму, то нет никакого практического смысла в самом установлении для отдельных сделок более сложной письменной формы. Следует поэтому в соответствии с внутренним смыслом постановления пленума Верхсуда притти к такому общему выводу: если для совершения какого-либо договора закон устанавливает обязательную письменную форму, то исполнение такого договора платежом денег может быть удостоверено только письменными доказательствами. Всякое же иное, кроме платежа денег, исполнение, для которого не установлена специальным законом письменная форма и которое не может быть удостоверено письменным актом в порядке ст. 114 ГК, может быть доказано свидетельскими показаниями. Очевидно, что и ст. 128 ГПК должна быть истолкована и понята в том именно смысле, что под юридическими отношениями, для которых закон устанавливает обязательную письменную форму, ст. 128 ГПК в связи с 114 ст. ГК разумеет также исполнение денежного обязательства по договору, совершение которого обязательно в письменной форме.

Из всех этих общих суждений следует, что нельзя доказывать свидетельскими показаниями платеж денег по договору о продаже строения, поскольку такой договор, согласно ст. 185 ГК, подлежит обязательному совершению в письменной форме.

В заключение необходимо еще остановиться на чрезвычайно важном дополнительном указании пленума Верхсуда, вполне соответствующем требованию ст. 4 ГПК и основному принципу нашего советского гражданского процесса не загораживать пути к материальной правде узким формализмом. Мы имеем в виду указание Верхсуда о том, что и по формальному письменному договору займа в виде исключения могут быть допущены свидетели для подтверждения уплаты денег с тем лишь условием, чтобы суд подробно мотивировал, в силу каких именно обстоятельств дела он признал необходимым допустить свидетельские показания.

А. Штейнберг.

Об одном нарушении закона

Постановление Совета народных комиссаров РСФСР «О нормах персональных пенсий и единовременных пособий, порядке их выплаты и источниках средств на выдачу этих пенсий и пособий» (СУ 1930 г. № 34, ст. 437) (гл. II п. 4) говорит следующее: «Персональные пенсии выплачиваются ежемесячно через государственную трудовую сберегательную кассу, указываемую пенсионером. Выплата должна производиться не позже первого числа следующего месяца, за который выплачивается пенсия»...

Если не мудрствовать лукаво, если добросовестно выполнять закон, то следовало бы назначить срок выплаты пенсий с таким расчетом, чтобы персональный пенсионер мог получить даваемую ему государством пенсию в течение месяца, за который выплачивается пенсия, но не позже 1-го числа месяца, следующего за ним.

На практике же выплата пенсии производится

не раньше первого числа следующего месяца, за который выплачивается пенсия.

Столкнувшись с этой практикой, введенной в явное нарушение закона, я решил установить авторов инструкции. Пришлось мне побеседовать с секретарем комиссии по персональным пенсиям. Она сослалась на Наркомфин. В Наркомфине РСФСР мне разъяснили, что эта практика введена инструкцией Главного управления государственными трудовыми сберегательными кассами Наркомфина СССР за № 51/5 от 15 апреля 1933 г.

В Наркомфине СССР мне старались внушить, что сроки выплаты пенсий устанавливают наркоматы социального обеспечения. Когда эта попытка не удалась, меня смущенно переадресовали к начальнику Главного управления госгрудсберкассами по РСФСР. Последний заявил, что я неправильно толкую закон.

Нехватает у чиновников Наркомфина мужества признать свою ошибку и тут же ее исправить.

Гражданин.

Усилить борьбу с неправильными увольнениями трудящихся

3 пленум Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) в своих решениях, утвержденных Центральным комитетом партии, сделал суровое предупреждение всем горе-администраторам, которые снимали с работы и увольняли людей, исключенных из партии.

В этих решениях говорится: «Запретить неправильную и вредную практику, когда член или кандидат партии, механически выбывший или исключенный из ВКП(б) за проступки, которые не порочат его как беспартийного работника советского государства, немедленно снимается с выполняемой им работы».

О необходимости борьбы с административным произволом подчеркивается в постановлении Комиссии советского контроля при СНК СССР. В этом постановлении сказано: «Прекратить увольнение и отказ в приеме на работу советскими, хозяйственными и другими организациями по таким мотивам, как социальное происхождение, судимость в прошлом, осуждение родителей или родственников и т. п., поскольку это не предусмотрено специальными законами. Привлекать к строгой ответственности, вплоть до судебной, руководителей советских, хозяйственных и других организаций за выдачу неправильных фактических справок о трудящихся».

Две эти важнейшие директивы приобретают еще большее значение с опубликованием великой Сталинской Конституции, в которой ст. 118 гарантирует гражданам СССР «право на труд, т. е. право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством».

Существовавшая до настоящего времени практика работы народных судов, которые, устанавливая незаконность увольнения и удовлетворяя исковые требования трудящихся о восстановлении на работу, ограничивались утверждением, что увольнение произведено неправильно, что за вынужденный прогул неправильно уволенному следует заплатить, должна быть решительно изменена.

Нельзя сохранить прежнюю практику народных судов, которая приводила к безнаказанности зарвавшихся администраторов, к издевательству над трудящимися.

Эту практику нельзя сохранить еще и потому, что «вынужденные прогулы», как правило, оплачиваются из средств предприятий и приносят социалистическому государству большой материальный ущерб.

Вот несколько фактов из практики народных судов и президиума Ленинградского областного суда, свидетельствующих о том, что лица, по вине которых произведены незаконные увольнения, по вине которых предприятиям и учреждениям нанесен значительный денежный ущерб, все же лично ничем не пострадали, вопреки прямому указанию закона о возложении на таких администраторов персональной материальной ответственности за незаконное увольнение трудящихся.

Пайкин, работая в Ленжиларендсоюзе, уволен 19 июня 1936 г. без указания причин увольнения, якобы как классово-чуждый элемент. 4 августа 1936 г. администрация отметила, что Пайкин уволен по непригодности, по пункту «в» ст. 47 КЗОТ. 2 сентября 1936 г. облпрофсовет признал обвинение Пайкина, что он является классово-чуждым элементом, необоснованным.

Пайкин обратился в нарсуд с иском об оплате ему за вынужденный прогул с 19 апреля 1936 г. Вопрос о сумме, подлежащей взысканию в пользу Пайкина, был предметом рассмотрения и кассационной коллегии и президиума Леноблсуда и, в конечном итоге, президиум Леноблсуда постановил взыскать в пользу Пайкина за вынужденный прогул с 19 апреля 1936 г. по 2 сентября 1936 г. из расчета 500 руб. в месяц. Деньги взысканы с предприятия.

Старший экономист управления производством и трудоустройством Ленгоссобеса инженер Резников был уволен 13 апреля 1936 г. с формулировкой в документах: «За неудовлетворительное составление показателей по труду и опорочивание развития стахановского движения». В связи со статьей, помещенной в «Ленинградской правде» от 18 июля 1936 г. под заглавием «Ярлык», это дело было истребовано областной прокуратурой и закончилось тем, что по протесту облпрокурора в пользу Резникова постановлением президиума Леноблсуда от 10 сентября 1936 г. было взыскано с учреждения за время вынужденного прогула с 15 апреля 1936 г. по 2 июня 1936 г., а между тем начальник управления Смирнов, уволивший инженера-экономиста Резникова за то, что Резников усумнился в правильности представленного Смирновым в союз списка стахановцев, почему-то никакой материальной ответственности не понес.

Подобного рода примеров можно было бы привести много, но и этого вполне достаточно для того, чтобы поставить вопрос: почему за безобразия отдельных зарвавшихся администраторов вопреки закону должны материально отвечать учреждения?

Лучшим средством борьбы за соблюдение социалистической законности, за охрану государственных средств, за устранение волокиты, проявляемой отдельными хозяйственниками в вопросах восстановления на работу трудящихся, является неуклонное соблюдение ст. 72 постановления ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г.— Правил о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов (СЗ 1928 г., № 56).

Ст. 72 этого закона гласит: «По рассматриваемым в трудсессии делам о восстановлении в должности или на работе неправильно уволенных работников трудовая сессия может по своей инициативе возложить на должностных лиц государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений, производивших неправильное увольнение, обязанность возместить предприятию или учреждению убытки, причиненные последнему выплатой вознаграждения неправильно уволенному работнику».

Давно назрела необходимость циркулярного указания Верхсуда о соблюдении нарсудами ст. 72 закона от 29 августа 1928 г. в решениях о восстановлении на работу неправильно уволенных лиц.

Берлин.

Судья — нарушитель законов

Каждому как будто ясно, что работники суда и прокуратуры, на которых возложена охрана Сталинской Конституции и революционной законности, должны сами служить примером точного их соблюдения.

Кто же поверит такому судье, который, распинаясь за революционную законность в зале заседаний, первый же нарушает ее, как только он из этого зала выходит!

К сожалению, среди судебных работников все еще имеются такие люди. Об одном из них — нарсудье Куйбышевского района Москвы Покровском — мы считаем нужным рассказать на страницах журнала.

Среди дел, прошедших через Покровского, были десятки связанных с нарушением Кодекса законов о труде, и не раз судья Покровский внушал хозяйственникам-администраторам, что нарушать этот Кодекс недопустимо, что советский суд этого не потерпит. Внушал и доказывал это на деле в своих определениях.

Но вот Покровский сам в роли администратора.

На работу является сотрудница Куйбышевского народного суда Селезнева. Она больна, что подтверждается бюллетенем. Однако администратор Покровский не желает с этим считаться и оставляет больную Селезневу на работе. Когда же в дело вмешивается профсоюз, Покровский резко обрывает его представителей: «Не вмешивайтесь в мои дела». Селезнева хворает работая, а Покровский незаконно оплачивает ей больничный лист.

Посудите сами, что это за страж, у которого слово расходится с делом!

Президиум ЦК Союза работников суда и прокуратуры, обсуждавший факт, приведенный выше (Покровский, кстати, отказался явиться на заседание президиума ЦК), поставил перед Моссоветом и Мосгорсудом вопрос о снятии Покровского с должности нарсудьи.

Законность Дубовская в отличие от Калачевской

В области государственного управления местные органы советской власти обладают широкими правами; им предоставлена возможность издавать постановления, обязательные для всех граждан и учреждений, расположенных на их территории. Еще 30 марта 1931 г. ВЦИК и СНК разрешили местным исполкомам и советам «издавать обязательные постановления, устанавливая в них для всего населения или отдельных его групп или учреждений, предприятий и организаций те или иные обязанности, несоблюдение которых влечет ответственность в административном или, в подлежащих случаях, в судебном порядке».

Казалось бы, совершенно ясно, что этой ответственнейшей части в работе районных исполкомов должно быть уделено особое внимание. Однако враги, орудовавшие в Сталинградском облисполкоме, умышленно запускали местное законодательство, оставляя в силе такие незаконные постановления райисполкомов, которые вызывали недовольство населения.

11 января 1937 г. Калачевский рик Сталинградской области, под страхом штрафа до 100 рублей или принудительных работ до одного месяца запрещает «курить, разводить костры в безопасном месте, без разрешения местной пожарной охраны». Замечательно! Если вы вздумали закурить в безопасном месте, идите за визой к органам пожарной охраны, а в опасном месте курите, сколько вам угодно.

С благословения президиума рика в Калаче штрафуют за что вздумается. Например, штрафуют за неснятие свиных шкур, когда закон требует привлечения виновных к уголовной ответственности. Штрафуют за появление в нетрезвом виде в ресторане, за то, что гражданин сделал «ерша» при выпивке, смешал белую водку с ситро, за то, что уснул около магазина, и т. д.

При этом райпрокурор не только знал о незаконных постановлениях, но даже редактировал их.

От Калачевских недалеко ушли Дубовские законники. Желая держать своих граждан в границах порядка и все делать по часам, они запретили населению топить печи позже 7 часов утра и до 6 часов вечера, а Горно-Водяновский и Стрельно-Широкинский сельсоветы Сталинградской области совсем не разрешают гражданам курить на улицах и в ветреную погоду топить печи. Чтобы организовать успешную борьбу с пожарами, рик обязал под страхом штрафа укомплектовать добровольную пожарную дружину только из административно-технического персонала. В целях локализации и окончательной ликвидации болезни ящура Дубовский рик в постановлении № 3 от ноября 1936 г. запрещает «всякое общение рабочих и служащих 1-й фермы и главной усадьбы совхоза с другими фермами, колхозами и селами».

Князев

Внимание работникам учета и информации

Работая секретарем в Кулигинской районной прокуратуре Удмуртской АССР мне приходится сталкиваться с трудностями при составлении статистических отчетов. При этом прокуратура республики, недооценивая значение работы групп учета и информации, не провела инструктивного совещания, чтобы помочь нам лучше освоить технику работы по учету и информации.

Необходимо воздействовать на прокуратуру УАССР, чтобы она занялась инструктажем работников учета и информации.

Трефилов

СУДЕБНО-НАДЗОРНАЯ ПРАКТИКА ПРОКУРАТУРЫ СОЮЗА

НЕСВОЕВРЕМЕННОЕ ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ НАУЧНЫМ РАБОТНИКОМ ТРЕБОВАНИЯ НА ОСВОБОДИВШУЮСЯ ПЛОЩАДЬ ЛИШАЕТ ЕГО ПРАВА НА ЭТУ ПЛОЩАДЬ

В квартире № 6 дома № 15 по ул. Фрунзе в Москве занимал комнату площадью в 11,75 кв. метров гр. Захаров. Дом этот принадлежит Мосжилтресту. 9 июля 1936 г. Захаров умер. Его жена, гр. Куданова, незадолго до смерти Захарова поселившаяся временно на этой площади, обратилась в суд с иском о закреплении за нею этой комнаты. 4 августа 1936 г. народный суд, признав, что Куданова не имеет права на эту площадь, отказал ей в иске. Куданова из комнаты выехала, и комната осталась в распоряжении Мосжилотдела.

Пользуясь своим правом заселения освобождающейся в домах жилтреста площади, Мосжилотдел, по ходатайству Мосжилтреста, 7 августа 1936 г. выдал на эту комнату ордер гр-ке Михайловской-Пащенко, инвалидке, персональной пенсионерке, проживавшей раньше в том же доме в подвале, в помещении прачечной.

8 августа 1936 г. Михайловская-Пащенко переехала в эту комнату. Помещение, которое она занимала раньше, было впоследствии капитально переоборудовано по прямому его назначению в прачечную.

7 сентября 1936 г., т. е. почти через два месяца после смерти гр. Захарова и через месяц после выдачи ордера на эту комнату гр-ке Михайловской-Пащенко и ее переезда, обратился в суд с требованием о предоставлении ему комнаты гр. Розенталь.

Гр. Розенталь, научный работник (доцент правового института) проживает в той же квартире, занимая в ней две комнаты площадью в 34,5 кв. метра, при наличии 3 членов семьи, имеющих право на площадь (он, жена и дочь). Ссылаясь на предусмотренное постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июня 1933 г. право научных работников на внеочередное занятие освобождающейся площади и на то, что 9 июля 1936 г. он подал в домоуправление заявление, в котором просил никого в эту комнату без его разрешения не вселять, Розенталь требовал аннулировать ордер Мосжилотдела и выселить Михайловскую-Пащенко.

Народный суд 2 уч. Киевского района 13 сентября 1936 г. иск Розенталя удовлетворил. Это решение было отменено кассационной коллегией Мосгорсуда, которая 29 сентября 1936 г. Розенталю в иске отказала. По протесту Верховного суда Союза ССР это дело рассматривалось затем в ГКК и в Президиуме Верховного суда РСФСР, которые отклонили протест Верхсуда СССР и признали правильным отказ Розенталю в иске.

По протесту председателя гражданской судебной коллегии Верховного суда СССР это дело 3 марта 1937 г. было рассмотрено судебно-надзорной коллегией Верховного суда СССР, которая отменила определение КК Мосгорсуда от 29 сентября 1936 г. и постановления всех последующих судебных инстанций по настоящему делу, признала за Розенталем право на вселение в спорную комнату и определила Михайловскую-Пащенко выселить с предоставлением ей жилотделом другой площади.

Прокуратура Союза опротестовала постановление судебно-надзорной коллегии Верховного суда СССР по следующим основаниям.

В основу своего постановления судебно-надзорная коллегия положила то соображение, что Розенталь, своим заявлением в домоуправление, своевременно заявил претензию на эту комнату, и, следовательно, Мосжилотдел не вправе был выдавать на нее ордер другому лицу.

Между тем из материалов дела усматривается, что в жилотдел, то есть в тот орган, который только и вправе был решить вопрос о предоставлении ему этой комнаты, Розенталь ни разу не обращался и своих претензий к нему на эту комнату не заявлял. Нельзя, следовательно, ставить в вину жилотделу, что он нарушил права научного работника, если сам научный работник о своих правах жилотделу не заявлял. Розенталь подал заявление управляющему домом, хотя он должен был знать, что управдом ни в какой мере правом заселения площади не обладает. Но если даже допустить, что Розенталь на этот счет заблуждался, то, не получая удовлетворения своей претензии от управдома, Розенталь имел достаточно времени еще до того, как площадь была занята по ордеру, чтобы заявить свои претензии и в жилотдел и в суд. Между тем, даже тогда, когда по поводу этой комнаты уже возник судебный спор по иску Кудановой, Розенталь, который, казалось бы, должен был вступить в спор как соистец, тоже этого не сделал и предъявил свое требование в суд уже через месяц после того, как ордер был выдан и Михайловская-Пащенко въехала в комнату.

Таким образом, ссылка судебно-надзорной коллегии на постановление от 20 августа 1933 г. в данном случае неосновательна, так как этот закон не предоставляет права научному работнику требовать освободившуюся площадь в течение неопределенного времени после освобождения. По мысли этого закона, изложенной в ст. 5 по аналогичному поводу (в связи с правом научного работника на заселение освобождающейся площади жильцами по его указанию) такое требование научного работника может быть заявлено во всяком случае не позже 20 дней после освобождения площади. Иное толкование этого закона, которого придерживается судебно-надзорная коллегия, привело бы к совершенно нелепому положению, когда свободные помещения продолжали бы оставаться свободными в течение неопределенно долгого времени только

потому, что кто-то из научных работников имеет право на занятие площади, хотя этого права и не осуществляет.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда СССР указывает в мотивах своего постановления, что домоуправление должно было препроводить заявление Розенталя в жилотдел. Это верно, но еще более бесспорным является то, что сам Розенталь должен был обратиться относительно этой комнаты в жилотдел. Но если даже учесть, что управдом, неправильно поступил, оставив у себя заявление Розенталя вместо того, чтобы разъяснить Розенталю, доценту правового института, порядок, каким он должен отстаивать свои права,— все же непонятно, почему действия управдома должны в данном конкретном случае влечь за собой выселение Михайловской-Пащенко, которая добросовестно получила ордер в жилотделе при отсутствии каких-либо неправильных действий и со стороны жилотдела. Этот вывод судебно-надзорной коллегии тем более непонятен, если учесть, что Михайловская-Пащенко действительно крайне нуждалась в площади, будучи переведена в эту комнату из подвала, в то время, как Розенталь обеспечен площадью с избытком — у него 2 комнаты в 34,5 кв. метров с излишком против нормы в 10,5 метров.

Это дело неправильно было разрешено судебно-надзорной коллегией с точки зрения законов, действовавших до издания постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. В данный же момент, в условиях действия закона 17 октября 1937 г., тем более нет оснований для удовлетворения исковых требований Розенталя. В силу ст. 23 названного закона и ст. 7 Инструкции НКЮ СССР № 133 от 20 ноября 1937 г. «свободные жилые помещения в домах местных советов предоставляются в пользование граждан исключительно по распоряжению (ордерам) жилищных органов», и обжалование действий жилищных органов по распределению освобождающейся площади в судебном порядке не может иметь места.

59 пленум Верховного суда Союза ССР рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил определение судебно-надзорной коллегии Верховного суда Союза ССР от 3 марта 1937 г. отменить и дело производством прекратить за отсутствием у истца права на иск.

ОБЯЗАННОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЯ УПЛАТИТЬ ЗА ВЫНУЖДЕННЫЙ ПРОГУЛ НЕПРАВИЛЬНО УВОЛЕННОМУ, А ЗАТЕМ ВОССТАНОВЛЕННОМУ РАБОТНИКУ

Приказом по 1-му вагонному участку Дзержинской ж. д. (б. Моск.-Курской ж. д.) от 20 апреля 1936 г. гр-ка Сергеева П. Д. была уволена с 10 апреля по сокращению штатов.

Постановлением президиума ДК Дзержинской ж. д. от 3 июня 1936 г. увольнение Сергеевой было признано неправильным и администрации участка предложено было восстановить ее на работе.

После своего восстановления гр. Сергеева потребовала уплаты ей за вынужденный прогул за время с 10 апреля по 15 июня. Администрация, учитывая, что по предложению президиума ДК Дзержинской ж. д. Сергеевой была дана другая работа (до сокращения гр. Сергеева работала делопроизводителем, а вновь она была принята на работу в качестве проводника вагонов), в просьбе о выдаче вознаграждения за вынужденный прогул отказала. При разрешении вопроса в РКК стороны к соглашению не пришли.

Нарсуд в иске Сергеевой отказал. Кассационная коллегия Мосгорсуда решение это утвердила.

Прокуратура Союза опротестовала решение народного суда и утвердившее его определение Мосгорсуда по следующим основаниям:

По делу установлено, что увольнение гр. Сергеевой было признано постановлением президиума ДК Дзержинской ж. д. неправильным.

Президиум ДК Дзержинской ж. д. указал, что увольнение сотрудницы, проработавшей свыше 30 лет, является совершенно недопустимым и политически неправильным. Это постановление президиума не только не было опротестовано администрацией, но на основании его гр. Сергеева снова была принята на работу. При таком положении считать, что гр. Сергеева не была восстановлена на работе, является явно неправильным. То обстоятельство, что гр. Сергеевой была предоставлена другая работа, не может служить основанием для признания, что гр. Сергеева не была восстановлена, тем более, если учесть, что фактически она выполняет ту же работу, как и до своего сокращения.

В связи со своим восстановлением гр. Сергеева по закону (ст. 66 пост. ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г.) имеет право на получение вознаграждения за вынужденный прогул.

При увольнении гр. Сергеева расчет не получила.

Президиум Московского городского суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил решение народного суда и определение кассационной коллегии отменить и иск гр. Сергеевой удовлетворить.

ЗАВЕЩАТЕЛЬНОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ, СОСТАВЛЕННОЕ В ПОЛЬЗУ ОДНОГО ИЗ НАСЛЕДНИКОВ ПО ЗАКОНУ, ОЗНАЧАЕТ ЛИШЕНИЕ ПРАВА НАСЛЕДОВАНИЯ ОСТАЛЬНЫХ НАСЛЕДНИКОВ

Решением народного суда 5 уч. г. Казани от 29 июня 1935 г. было постановлено: признать внучку умершего Беркутова Н. И.— Ольгу Корчагину законной наследницей его имущества и взыскать с ответчицы Беркутовой (жены умершего) 1/3 всего имущества или деньгами 11 867 руб.

Кассколлегия Главсуда Татарской АССР 5 августа 1935 г. изменила решение нарсуда, определив: законными наследниками умершего Беркутова, имеющими право предъявлять иск о разделе имущества на 1/2 часть домовладения, признать: 1) Беркутову Марию (жену умершего), 2) Корчагину Анну (его дочь), 3) Корчагину Ольгу (внучку) и 4) Саминкину Анастасию (иждивенку).

Решение нарсуда и определение КК Главсуда были вновь изменены постановлением Президиума Главсуда от 22 декабря 1935 г., который постановил: наследственную массу, заключающуюся в домовладении с надворными постройками

стоимостью в 35 691 руб., признать принадлежащими на правах собственности Корчагиной Ольге (внучке умершего) и Беркутовой Марии (его жене) в равных долях.

Прокуратура Союза ССР, считая что ни одно из указанных выше судебных решений не является правильным, опротестовала все эти решения по следующим основаниям.

В 1932 г. в г. Казани умер врач Беркутов Н. И., оставив нотариально засвидетельствованное завещание, по которому он все свое имущество завещал своей жене Марии Беркутовой.

После Беркутова остался дом. Материалами дела устанавливается, что этот дом числился формально за одним умершим Беркутовым, хотя в деле есть ряд документов, свидетельствующих о том, что и жена умершего, Беркутова Мария, выступала перед коммунальными и финансовыми органами как совладелица дома. Независимо от того, на чье имя была оформлена принадлежность дома, суд должен был признать Беркутову Марию, жену Беркутова, проживущую с ним в браке 45 лет, собственницей половины этого дома по основаниям, изложенным в ст. 10 Кодекса законов о браке. При наличии столь длительного брака и ведения общего хозяйства право Беркутовой на половину дома является совершенно бесспорным, безотносительно к тому, кем из супругов был приобретен дом и за кем он формально числился.

Таким образом, суд должен был исключить из наследственной массы половину дома и действие завещательного распоряжения распространить только на половину, принадлежащую Беркутову.

Эта вторая половина наследства должна была быть распределена судом в соответствии с законами о наследовании, следующим образом:

Из числа наследников должна быть исключена гр. Семинкина, так как ее право на наследство в качестве иждивенки материалами дела не подкрепляется. Лицами, которые могли быть призваны к наследованию в данном деле, являются: Беркутова Мария, Корчагина Анна (дочь Беркутова) и Корчагина Ольга (внучка).

Беркутов завещал свое имущество одной Беркутовой Марии и тем самым лишил права наследования свою дочь Корчагину Анну и внучку Корчагину Ольгу. В отношении Ольги Корчагиной завещание Беркутова недействительно, так как в момент смерти Беркутова Ольге Корчагиной было 3 года. Согласно примечанию 2 к ст. 422. Гражданского кодекса, за нею должна быть признана та часть наследства, которая ей принадлежала бы при наследовании по закону, т. е. 1/3 принадлежащего Беркутову имущества. Иными словами, по отношению к спорному делу она должна быть признана собственницей в объеме 1/6 доли.

В иске Корчагиной Анне должно быть отказано. Беркутова Мария должна быть признана собственницей дома в объеме 5/6 доли.

Имея в виду, что состоявшееся по делу решение нарсуда, определение ГКК Главсуда и постановление президиума Главсуда устанавливают распределение наследственной массы в противоречии с законом, Прокуратура СССР просила вынести определение с приведенными выше положениями.

Гражданская коллегия Верховного Суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры СССР, определила, руководствуясь ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке, ст. 421 и 422 Гражданского кодекса и ст. 246 ГПК, решение нарсуда 5 уч. г. Казани от 29 июня 1935 г., определение КК Главсуда Татарской АССР от 5 августа 1935 г. и постановление президиума Главсуда от 22 декабря 1935 г. отменить, не передавая дела на новое рассмотрение. Выделить Ольге Корчагиной 1/6 часть от всего имущества, оцененного в 35 501 руб., т. е. на сумму 5 900 руб., а остальное имущество оставить в распоряжении Беркутовой Марии. Все споры и недоразумения в порядке исполнения подлежат разрешению в нарсуде по месту нахождения имущества.

ПРАВО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ НА ПОЛУЧЕНИЕ ОТ УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ ПОЛНОЙ СТАВКИ ДО КОНЦА СЕМЕСТРА, ЕСЛИ ОН ПОСЛЕ НАЧАЛА УЧЕБНОГО ГОДА ЛИШИЛСЯ ЗАНЯТИЙ ПО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ, ОТ НЕГО НЕ ЗАВИСЯЩИМ

Гр. Бодунген состоял доцентом Ленинградского института инженеров промышленного транспорта. 14 сентября 1935 г. он был освобожден от работы вследствие «отсутствия педагогической нагрузки», причем ему стало об этом известно лишь 17 сентября, когда после летнего отпуска он явился в институт.

Считая увольнение неправильным, Бодунген предъявил к институту иск о взыскании за прогул за 1 семестр учебного года в сумме 1 785 руб.

Нарсуд Московского района г. Ленинграда решением от 5 ноября 1935 г. иск удовлетворил по тем мотивам, что Бодунген был уволен без предупреждения и вместо него институт пригласил на ту же работу другого сотрудника.

ГКК Леноблсуда по жалобе института вынесла определение от 26 ноября 1936 г., которым изменила решение народного суда от 5 сентября 1935 г., уменьшив присужденную в пользу Бодунгена сумму с 1 785 руб. до 249 руб. 90 к. (за выходное пособие).

На это определение Ленинградская областная прокуратура принесла в президиум Ленинградского областного суда протест с требованием оставить в силе решение нарсуда от 5 ноября.

Президиум Ленинградского областного суда постановлением от 4 июня 1937 г. отклонил протест по тем мотивам, что истец Бодунген работал в институте по совместительству и его кафедра была замещена проф. Добрускиным.

Прокуратура Союза ССР опротестовала определение ГКК Ленинградского областного суда от 26 ноября и постановление президиума того же суда от 4 июня 1937 г. по следующим основаниям:

Бодунген был уволен 14 сентября 1935 г., т. е. после начала учебного года, по мотивам «отсутствия педагогической нагрузки» в то время, как нагрузка эта должна быть установлена согласно требованиям ст. 23, раздела III, части первой § 15 «Положения об оплате труда преподавательского персонала» за № 36 (Изв. НКТ от

10 марта 1931 г. № 7, стр. 124) — заранее на весь учебный год или на семестр.

Никто из администрации института не предупредил Бодунгена заранее об увольнении, и он о нем не знал вплоть до 17 сентября т. г., уже после начала учебного года и после своего возвращения из летнего отпуска. Поэтому требование его об оплате за 1-й семестр вполне правильно и соответствует 2-й части § 15 названного постановления НКТ.

Согласно требованию этой статьи, если в силу изменения учебного плана или по другим каким-либо причинам нагрузка преподавателя будет уменьшена не по вине преподавателя,— администрация института обязана догрузить его родственными дисциплинами или уплатить зарплату полностью до конца семестра.

Бодунген ничем не опорочен, уволен без предупреждения, находясь на штатной работе, чего не отрицает администрация института; поэтому вышеназванный закон на него полностью распространяется.

То обстоятельство, что Бодунген работал по совместительству, ни в какой мере не может влиять на законность его требования уплатить ему за 1-й семестр как неправильно уволенному.

Вследствие изложенного, Прокуратура Союза ССР просила оставить в силе первоначальное решение нарсуда от 5 ноября 1935 г.

Гражданская коллегия Верховного Суда РСФСР, рассмотрев 17 ноября 1937 г. протест Прокуратуры Союза ССР, нашла, что у КК и президиума Ленинградского облсуда не было оснований для изменения решения нарсуда о взыскании в пользу истца зарплаты за один семестр, так как оно вынесено было в полном соответствии с обстоятельствами дела и законом. В силу изложенного ГПК, руководствуясь ст. 246 ГПК, определила: постановление президиума облсуда и определение КК облсуда по делу отменить и оставить в силе решение нарсуда от 5 ноября 1935 г. о присуждении в пользу Бодунген А. А. 1 785 руб. 24 коп., с зачетом присужденной по определению КК облсуда зарплаты в сумме 249 руб. 90 коп.

ЧЛЕНЫ ПРОМЫСЛОВЫХ АРТЕЛЕЙ НЕ ВПРАВЕ ТРЕБОВАТЬ ОПЛАТЫ КОМАНДИРОВОЧНЫХ ПО ПОСТ. ЦИК И СНК СССР ОТ 14 ЯНВАРЯ 1927 г.

Правлением артели «Фанера» в Тбилиси был командирован в РСФСР член артели и ее технический директор Б. Колманов для выполнения ряда коммерческих поручений.

Колманов договорился перед отъездом в командировку о сохранении ему за время командировки получаемого оклада (450 руб. в месяц), оплате фактических почтово-телеграфных расходов; на все прочие расходы (суточные, проездные, гостиница и др.) ему выплачивалось 3% от суммы продажи и урегулированных взаимоотношений.

Когда Колманов был уже в Москве и выполнял поручения по командировке, правление артели одностороннее изменило условия оплаты, сообщив ему, что за время командировки он получит по 3¹/₄%, вместо 3%, без выплаты твердого оклада и почтово-телеграфных расходов.

Колманов закончил свою работу и, возвратившись в Тбилиси, потребовал учинения с ним расчета по закону о командировках (пост. ЦИК и СНК СССР от 14 января 1927 г.).

После отказа артели Колманов предъявил иск в суде. Нарсуд удовлетворил иск полностью, обязав дирекцию уплатить Колманову 6 111 руб., а за вычетом 2 000 руб., выплаченных артелью, суд присудил Колманову 4 111 руб.

В 1936 г. ГКК Верхсуда Груз. ССР отменила решение нарсуда, отказав истцу в иске сверх полагающегося ему по соглашению процента вознаграждения, тем самым признав законность соглашения о процентном вознаграждении.

Президиум Верхсуда Груз. ССР отменил решение нарсуда и определение ГКК Верхсуда и дело производством прекратил за необоснованностью иска.

Прокуратура СССР, считая, что все судебные решения по настоящему делу являются неправильными, опротестовала их по следующим основаниям:

Нарсуд неправильно разрешил настоящее дело, применив к трудовым отношениям Колманова с артелью «Фанера» пост. ЦИК и СНК СССР от 14 января 1927 г., не учтя того, что Колманов — член артели.

Согласно ст. 14 Положения о промысловой кооперации (пост. ЦИК и СНК СССР от 11 мая 1927 г.) пределы применения законов о труде к членам промысловых артелей устанавливаются особыми узаконениями СССР и союзных республик. Поскольку же нет правительственного постановления о распространении на членов промысловых артелей законов о служебных командировках, суд не вправе был присуждать Колманову суточные и пр. по закону о командировках.

Неправильно и определение ГКК Верхсуда Грузинской ССР, так как, отменяя решение суда, ГКК не передала дела на новое рассмотрение и вынесла туманное и неопределенное решение, не обеспечивающее разрешения спора между сторонами.

Как видно из жалобы Колманова, стороны оказались в затруднительном положении при попытке выполнить определение ГКК.

В результате возникла совершенно недопустимая и незаконная переписка между сторонами и членом-докладчиком Верхсуда о расшифровке и уточнении в цифровом выражении размера присужденной истцу суммы.

По сообщению прокурора Грузинской ССР член-докладчик Кассколлегии в неофициальном письменном разъяснении решения установил этот размер в 3 500 руб.

Президиум Верхсуда Грузинской ССР не только не исправил ошибок ГКК Верхсуда, но еще усугубил их тем, что, отменив решение суда и определение ГКК, вовсе прекратил дело.

Таким образом оказалось, что после 22-месячного пребывания дела Колманова в судебных инстанциях (исковое заявление подано 14 августа 1934 г., а 15 июня 1936 г. вынесено постановление Президиума Верхсуда) спор его с правлением артели остался неразрешенным.

Необходимо также отменить несостоятельные мотивы, указанные в постановлении президиума

Верхсуда о прекращении дела: неосновательность иска и причинение истцом убытков ответчику.

При отсутствии встречного иска президиум Верхсуда Грузинской ССР обязан был исходить из существовавших между сторонами договорных отношений, не ограничиваясь общими соображениями по поводу необоснованности иска и неизвестно откуда взятых указаний об убытках.

Так как в конечном счете суд не разрешил спора Колманова с артелью по поводу размера причитающихся ему сумм по командировке, то необходимо отменить все решения по настоящему делу и передать дело на новое рассмотрение.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила все решения по настоящему делу отменить и передать дело на новое рассмотрение в ГК Верхсуда Грузинской ССР в качестве суда первой инстанции. При этом судебно-надзорная коллегия указала, что так как Колманов был членом артели, то он не вправе претендовать на применение постановления ЦИК и СНК СССР от 14 января 1927 г. о командировках, и что первоначально заключенное сторонами перед поездкой Колманова в командировку соглашение не противоречит закону и им надлежит руководствоваться при разрешении настоящего дела. Что же касается одностороннего изменения условий соглашения во время нахождения Колманова в командировке, то оно недействительно, так как он не дал согласия на такое изменение.

НАРУШЕНИЕ ЗАКОНА ОТ 17 ОКТЯБРЯ 1937 г. «О СОХРАНЕНИИ ЖИЛИЩНОГО ФОНДА В ГОРОДАХ»

Наследники застройщика Понсова, в лице его вдовы Понсовой Л. М., заключили с Мешковым П. С. договор от 15 декабря 1934 г. на сдачу в аренду Мешкову одной комнаты в 18 кв. метров на срок в 2 года в доме № 10 по Н. Сущевской ул., принадлежащем наследникам.

20 сентября 1936 г. в соответствии с условиями § 9 договора Понсова предупредила съемщика Мешкова о нежелании продлить договор и просила его занимаемую площадь освободить 15 декабря 1936 г.

Мешков отказался это выполнить, вследствие чего Понсова предъявила к нему иск о выселении.

Народный суд 1 участка Коминтерновского района решением от 2 февраля 1937 г. постановил выселить Мешкова с его семьей ввиду окончания срока договора.

Определением ГК Мосгорсуда от 5 марта 1937 г. решение это было отменено по тем мотивам, что ответчик свои обязательства выполнил добросовестно, что он кроме квартплаты затратил еще средства на ремонт занимаемой комнаты, что нуждаемость истца в площади недостаточно обоснована и, наконец, что сама истица не возражает против возобновления договора.

По протесту Прокуратуры г. Москвы президиум Мосгорсуда постановлением от 29 июня 1937 г. определение ГК Мосгорсуда от 5 марта отменил, оставив в силе решение народного суда 1 участка от 2 февраля 1937 г. о выселении Мешкова.

Прокуратура Союза ССР опротестовала решение народного суда от 2 февраля 1937 г. и постановление президиума мосгорсуда по следующим основаниям.

По новому закону — постановление ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшения жилищного хозяйства в городах» (ст. 35) отменены льготы и преимущества застройщикам, в том числе ограничено право последних выселять жильцов по истечении срока договора на сданную в наем площадь.

Помимо этого согласно ст. 26 того же закона — гражданам, добросовестно выполняющим свои обязательства по договору, «предоставляется преимущественное право возобновления договора по истечении срока его действия».

Таким образом Мешков как добросовестный съемщик площади, выполнявший все обязательства по договору, не может быть выселен из занимаемой площади лишь по тем основаниям, что срок договора окончился. Других же причин к выселению нет.

Поэтому надлежит обязать Понсову перезаключить с Мешковым договор на аренду занимаемой им площади, согласно требованию ст. 24 вышеупомянутого закона.

В соответствии с изложенным и на основании требований ст. ст. 35, 26 и 24 пост. ЦИК и СНК Союза ССР от 17 декабря 1937 г. «О сохранении жилфонда и улучшении жилхозяйства в городах», а также ст. 254 ГПК, Прокуратура Союза ССР просила отменить решение народного суда 1 уч. Коминтерновского района от 2 февраля 1937 г. и постановление президиума Московского городского суда от 16 июля 1937 г., оставив в силе определение КК Московского городского суда от 5 марта 1937 г.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР 17 декабря 1937 г., рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила решение нарсуда и постановление президиума Мосгорсуда отменить, а определение кассационной коллегии Мосгорсуда оставить в силе.

ГРУБОЕ НАРУШЕНИЕ ОСНОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Народный суд г. Кутаиси, рассмотрев дело по обвинению Ломтадзе Доментия Окропировича, Квиркелия Ивана, Габуния Яши Васильевича, обвинявшихся по ст. 122 УК Груз. ССР, признал виновным: Ломтадзе в том, что он, будучи зав. столовой Рионкурсов, выполняя незаконные распоряжения директора совхоза Рионкурсов, отпускал обеды и другие продукты в кредит сотрудникам совхоза, не обеспечив погашение задолженности этими сотрудниками при выдаче им заработной платы, в результате чего образовалась недостача в сумме 3 101 руб. 41 коп., которую оказалось невозможным возместить, ввиду ухода многих рабочих и служащих с работы в совхозе.

Квиркелия — зав. столовой, до прихода Ломтадзе также допускал выдачу в кредит обедов и продуктов из столовой рабочим и служащим совхоза и также не обеспечил взыскания задол

женности, в результате чего по его вине образовалась недостача в 1 761 руб., в счет которой Квиркелия внес 1 107 руб.

Габуния, завхоз столовой, был признан виновным в халатном отношении к своим обязанностям.

Квалифицируя деяния Ломтадзе и Квиркелия по ст. 117 УК Груз. ССР, суд приговорил Ломтадзе к лишению свободы сроком на 1 год и 6 месяцев, Квиркелия был приговорен к исправительно-трудовым работам сроком на 8 месяцев. Габуния по ст. 117 УК приговорен к 1 году лишения свободы.

Определением уголовно-судебной коллегии Верхсуда Грузии от 26 апреля 1936 г. приговор этот был отменен ввиду неправильной квалификации деяния осужденных и мягкости приговора.

При вторичном рассмотрении дела 19 мая 1935 г. Ломтадзе был признан виновным в растрате 3 662 руб. 12 коп., за что по ст. 122 2 ч. УК Груз. ССР приговорен к 4 годам лишения свободы, Квиркелия был признан виновным в растрате 1 761 руб. и приговорен по ст. 122 ч. 1 к лишению свободы сроком на 1 год. Габуния, признанный виновным в растрате 2 946 руб., был приговорен по ст. 122 ч. 2 к 3 годам лишения свободы.

Кассколлегия Верхсуда 22 июня 1935 г. кассационные жалобы осужденных оставила без удовлетворения.

По протесту прокурора 5 февраля 1936 г. президиум Верхсуда Грузии в отношении Габуния приговор отменил и дело в этой части прекратил, за отсутствием в действиях его состава уголовно-наказуемого преступления. В остальной части приговор был утвержден.

Прокуратура Союза опротестовала определение кассколлегии Верхсуда Грузии от 26 апреля 1935 г., приговор народного суда от 19 мая 1935 г., определение кассколлегии от 22 июля 1935 г. и постановление президиума Верхсуда от 5 февраля 1936 г. в отношении осужденных Ломтадзе и Квиркелия по следующим основаниям:

Кассколлегия Верхсуда, отменив в ревизионном порядке приговор за мягкостью, допустила грубое нарушение ст. 36 Основ уголовного судопроизводства. Это же нарушение было допущено судом в приговоре от 19 мая 1935 г., по которому Ломтадзе и Квиркелия приговорены к более суровому наказанию, чем было установлено приговором от 21 марта 1935 г. Согласно ст. 26 Основ уголовного судопроизводства, установление по второму приговору более сурового наказания может быть только в том случае, если приговор был отменен на основании протеста прокурора. Из дела же видно, что протеста прокурора на приговор от 21 марта не было, и приговор был отменен кассколлегией, рассматривавшей дело, по кассационным жалобам осужденных.

Переходя к существу дела, надо признать необоснованным признание Ломтадзе и Квиркелия виновными в растрате недостающих сумм, так как никаких данных, за исключением одного факта недостачи, свидетельствующих о том, что эти суммы действительно растрачены Ломтадзе и Квиркелия, в материалах дела не имеется.

Из показаний свидетелей, допрошенных судом в заседании от 21 марта 1935 г., видно, что недостача образовалась вследствие выдачи продуктов в кредит рабочим и служащим, а также вследствие плохо поставленного учета и отчетности в столовой. Поэтому приговор суда от 21 марта 1936 г., признавший в действиях Ломтадзе и Квиркелия халатное отношение к своим служебным обязанностям, является совершенно правильным.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза постановила определение уголовно-судебной коллегии Верхсуда Груз. ССР и все последующие судебные решения в части, касающейся Ломтадзе и Квиркелия, отменить, оставив в силе приговор нарсуда г. Кутаиси от 21 марта 1935 г.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ЗА МЯГКОСТЬЮ

Приговором водно-транспортного суда Балтийского бассейна от 24 августа 1937 г. Афоничев был приговорен к 3 годам лишения свободы.

Приговор этот определением ВТК Верховного суда СССР от 25 сентября 1937 г. был оставлен в силе.

Сущность обвинения Афоничева заключается в том, что он, будучи капитаном парохода «Экспортлес» № 3, принадлежащего Конжинскому лесозаводу, по поручению дирекции 9 мая 1937 г. перевозил 60 детей-пионеров из поселка Андреевского на лесозавод.

В пути следования, будучи в состоянии опьянения, Афоничев передоверил управление судном неопытному матросу Герасимову, а сам ушел в пассажирскую каюту.

Через некоторое время Афоничев, услышав позывные свистки со встречного парохода «Кадуй», выбежал из каюты на капитанский мостик и, не разобравшись вследствие опьянения в значении позывных сигналов, дал неправильное направление своему судну, в результате чего произошло столкновение судов.

Кроме того из материала дела видно, что Афоничев, систематически пьянствуя, ранее допустил три аварии, при которых был сломан винт и сшиблен за борт матрос Фомичев, однако актов на эти аварии Афоничев не составил, чем пытался скрыть свои преступные действия.

Грубое и систематическое нарушение Афоничевым трудовой дисциплины, выражающееся в пьянстве, приводившем к авариям, полностью установлено материалами дела.

Авария при следовании с детьми только случайно не привела к тяжким последствиям.

При таких обстоятельствах мера наказания, избранная судом, слишком мягкая и не соответствует содеянному.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор водно-транспортного суда и определение водно-транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор водно-транспортного суда и определение водно-транспортной коллегии отменить и дело вернуть на новое рассмотрение со стадии судебного следствия.

НЕПРАВИЛЬНАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ

Приговором водно-транспортного суда Волжского бассейна от 22 сентября 1937 г. Елизавета Георгиевна была признана

ной по ст. 111 УК и приговорена к 1 году исправительно-трудовых работ по месту работы с удержанием из зарплаты 15%.

Считая, что квалификация преступления Евсеевой по ст. 111 УК является неправильной, а избранная мера наказания не соответствует по своей мягкости содеянному, Прокуратура Союза опротестовала приговор водно-транспортного суда по следующим основаниям:

Евсеева, работая в должности счетовода-кассира редакции газеты «Большевистская вахта», за время своей работы с мая по сентябрь 1937 г. присвоила и растратила на свои личные нужды 1 637 руб. 57 коп. Кроме того, уже после передачи дела на рассмотрение суда у Евсеевой дополнительно была установлена недостача 740 р., как дважды списанные по одним и тем же документам в расход. Таким образом, общая недостача Евсеевой составляет сумму в 2 377 руб. 57 коп.

Версия Евсеевой о том, что якобы у нее похитили из ящика письменного стола 600 или 700 руб. (точно она не знает) является неправдоподобной и надуманной. Об этом хищении Евсеева никому не заявляла.

Если допустить, что 700 руб. были действительно похищены, то остальная сумма 1 774 руб. 57 коп. все же Евсеевой была присвоена. Об этом свидетельствует и то, что Евсеева вносила единовременно на сберкнижку такие суммы, которые превышали ее месячную зарплату, и в тот момент, когда она, с ее слов, погашала похищенные у нее деньги, 2 августа 1937 г. Евсеева внесла на сберкнижку 300 руб. при месячной зарплате в 250 руб.

Выводы суда о том, что Евсеева халатно относилась к своим обязанностям, явно неправильны, и это опровергается тем, что Евсеева для сокрытия растраты производила списание в расход одних и тех же расходных документов, что уже халатностью рассматриваться не может.

После увольнения, с 4 сентября 1937 г. Евсеева долгое время была без работы и в средствах не нуждалась. Отсюда можно сделать вывод, что источником ее существования являлись присвоенные ею государственные деньги.

Суд определил ей меру наказания в 1 год исправительно-трудовых работ по месту службы, зная, что Евсеева нигде не работает и такая мера наказания является беспредметной.

Приговор суда за неправильностью квалификации преступления и мягкостью избранной меры наказания подлежит отмене с передачей дела на новое рассмотрение со стадии судебного следствия, с квалификацией преступления по ст. 116 ч. 1 УК.

Водно-транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор водно-транспортного суда отменить и дело обратить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

НЕПРАВИЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ СУДА К РАСТРАТАМ

Водно-транспортный суд Нижневолжского бассейна 10 ноября 1937 г. приговорил Сперанскую Анну Ивановну по ст. 111 УК к лишению свободы сроком на полтора года, но, приняв во внимание ее первую судимость и отсутствие достаточного опыта в работе, безусловное наказание заменил условным.

Прокуратура Союза опротестовала приговор водно-транспортного суда по следующим основаниям:

Факта суммовой недостачи в 1 414 руб., образовавшейся в течение нескольких дней, Сперанская не отрицает. Свидетель Монгаков утверждал, что Сперанская для сокрытия образовавшейся недостачи «приписывала лишние товары». Другой свидетель Пачков подтвердил, что осужденная из вырученных от продажи 1 800 руб. сдала в кассу 900 руб. При таких обстоятельствах у суда не было оснований переквалифицировать преступление Сперанской со ст. 116 на ст. 111 УК.

Необоснованным является и применение к Сперанской условного наказания, так как из дела видно, что она по торговой части работает с 1934 г. и малоопытной ее в торговом деле считать нельзя, тем более, что она сама такой себя не считает. И, наконец, при наличии прямой растраты применять условное наказание недопустимо, так как это создает у растратчиков представление о безнаказанности их деяний.

Водно-транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор водно-транспортного суда отменить и дело передать в тот же суд на новое рассмотрение со стадии судебного следствия в ином составе.

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЛА

Определением водно-транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР от 7 июня 1937 г. прекращено было за недостаточностью улик дело по обвинению Чаплевского К. К., осужденного в числе других водно-транспортным судом Каспийского бассейна по ст. 18—206 Аз. ССР (пособничество краже) к 2 годам и 6 месяцам лишения свободы.

По этому делу был осужден ряд лиц за хищение с пристани № 20 Бакинского порта трех тонн риса. Чаплевский был осужден за то, что совместно с осужденными по данному делу Вартазаровым свел организатора хищения экспедитора Соловьева с заместителем директора куста Бакпищеторга Нариньяном, который должен был реализовать похищенный рис через торговые точки.

Основным доказательством соучастия Вартазарова и Чаплевского в похищении риса являются показания преданного суду, но оправданного Нариньяна. Нариньян показал, что за три дня до хищения риса он, встретившись на улице с Вартазаровым и Чаплевским, отправился с ними в ресторан обедать. В ресторане к ним присоединился и Соловьев. В своих показаниях Нариньян утверждает, что указанные лица обратились к нему с предложением организовать продажу через магазин Бакпищеторга похищенных товаров, на что он, Нариньян, чтобы разоблачить хищение, дал согласие. На другой день Нариньян о готовящемся хищении заявил в милицию.

Вартазаров, Соловьев и Чаплевский в своих показаниях на предварительном и судебном следствии факт совместного обеда в ресторане подтвердили, а разговор о сбыте похищенных товаров категорически отрицали.

Водно-транспортный суд, признав достоверным показания Нариньяна, осудил Вартазарова и Чаплевского за соучастие в краже к 2 годам и 6 месяцам лишения свободы.

Определение водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР, отменившей приговор и прекратившей дело в отношении Чаплевского, является неправильным и нелогичным.

Нельзя признать показания Нариньяна в отношении Вартазарова правильными, а в отношении Чаплевского оговором. Показаниями всех трех установлено, что в день обеда в ресторане они разговаривали все вместе и отдельных разговоров Нариньян с Вартазаровым не вел.

В заявлении, поданном в милицию о готовящемся хищении, Нариньян указал на обоих, Вартазарова и Чаплевского, как на посредников между ним и организатором хищения Соловьевым.

Признать, вопреки приговору суда, показания Нариньяна в отношении одного Чаплевского оговором, водно-транспортная коллегия Верховного суда СССР не имела никаких оснований.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала определение водно-транспортной коллегии Верховного суда.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение водно-транспортной коллегии в отношении Чаплевского отменить и дело вернуть ей на новое рассмотрение.

БЕЗМОТИВНОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЛА — НЕПРАВИЛЬНО

Постановлением подготовительного заседания Водно-транспортного суда Верхневолжского бассейна от 4 ноября 1937 г. дело по обвинению гр. Бобылева Ивана Васильевича по ст. 116 ч. 1 УК в уголовном порядке было производством прекращено.

Прокуратура Союза опротестовала постановление по следующим основаниям:

Бесспорно установлено, что Бобылев получил под отчет из транзитной кассы 1 240 руб., в расходе их не отчитался и присвоил себе.

Первоначально он утверждал, что 800 руб. присвоил его первый помощник Папалини и 300 руб. получил его второй помощник Владимиров по подложной, якобы, доверенности от его имени и только 140 руб. он признавал за собой. На вторичном допросе версию о присвоении 800 руб. Папалиным Бобылев отверг, указав, что деньги эти он получил и из них 700 руб. роздал команде. После изобличения каллиграфической экспертизой, что доверенность, по которой получил Владимиров деньги в сумме 300 руб., не подложная, а подписанная им, Бобылевым, Бобылев вынужден был признать, что деньги в сумме 1 240 руб. получены им все полностью. Бобылев выдвинул в третий раз новую версию, что команде он роздал 800 руб., а не 700 руб., как он первоначально утверждал. Однако никаких оправдательных документов и доказательств на это он не имеет и считает поэтому, что он должен отчитаться перед пароходством в 1 240 руб.

Если бы Бобылев имел оправдательные документы в израсходовании этих сумм, он имел полную возможность в течение 2½ лет их представить и отчитаться в подотчетных суммах; тому же отчет с него неоднократно требовал. Не сделал он этого по той простой причине, что деньги им были не израсходованы по назначению, а присвоены.

При наложении ареста на имущество в обеспечение гражданского иска у Бобылева, помимо прочего имущества было обнаружено наличными деньгами 1 000 руб., которые он сэкономить из зарплаты, при нахождении на его иждивении членов семьи, не мог, следовательно, эти деньги Бобылевым были присвоены из выданных ему под отчет транзитной кассой, в которых он и отчитался.

Постановление суда о прекращении дела не обосновано. Мотивы, послужившие к прекращению дела, не изложены и ссылки на статьи закона отсутствуют. Поэтому совершенно непонятно по каким мотивам прекращено дело, по мотивам ли отсутствия состава уголовного преступления, или по каким другим соображениям.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала постановление подготовительного заседания водно-транспортного суда Верхневолжского бассейна.

Водно-транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила определение водно-транспортного суда о прекращении дела отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии подготовительного заседания в тот же суд.

ПЛОХО РАССЛЕДОВАННОЕ ДЕЛО

Постановлением подготовительного заседания водно-транспортного суда Азовского и Доно-Кубанского бассейна от 17 октября 1937 г. прекращено было производством по примечанию к ст. 6 УК дело по обвинению Евгеньева Е. К. и Гудкова А. К. по ст. 59-3 п. «в» ч. 1 УК.

Прокуратура Союза опротестовала постановление подготовительного заседания по следующим основаниям.

Обвиняемые по делу — Евгеньев в качестве инженера-инспектора МСС и Гудков в качестве ст. механика парохода «Ахилеон», руководившие ремонтом машины в судоремонт 1936—1937 г., допустили установку на шхуне дефектного вала в циркуляционном насосе.

Обвиняемым было известно заключение теплотехнической части МСС о необходимости замены этой детали к навигации 1937 г.

Обвиняемый Гудков помимо этого не проверил состояния дефектного вала и не обеспечил мер к необходимому его ремонту.

Следствием этого 16 августа 1937 г. произошла поломка вала циркуляционного насоса, на месте старого разъедания и трещины вала. Шхуна была выведена из эксплоатации на 4 суток.

Помимо этого из материалов дела видно, что на второй день после поломки вала по вине обвиняемого Гудкова было затоплено машинное отделение шхуны, и авария была предупреждена вмешательством капитана.

Указание в деле на повторный факт грубого нарушения трудовой дисциплины со стороны обвиняемого Гудкова, не проверенное в процес-

се предварительного следствия, усугубляло вину последнего. Это обязывало подготовительное заседание водно-транспортного суда вернуть дело на доследование, тем более, что в приказе капитана указано о возможности серьезной аварии в результате вторичного грубого нарушения трудовой дисциплины со стороны обвиняемого Гудкова.

Из заключения экспертизы и показаний обвиняемого Евгеньева ответственным за оставление на шхуне дефектного вала циркуляционного насоса является теплотехническая часть МСС, которая должна была заменить его. Это обстоятельство при расследовании не проверено, тогда как при подтверждении их совершенно исключается ответственность Евгеньева и, наоборот, возникает вопрос о необходимости привлечения к ответственности работников теплотехнической части МСС.

Водно-транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила постановление подготовительного заседания водно-транспортного суда отменить и дело вернуть в Прокуратуру Азовского и Доно-Кубанского бассейна для дополнительного расследования.

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЛА НА ДОСЛЕДОВАНИЕ

Приговором водно-транспортного суда Днепровского и Днепро-Двинского бассейнов от 8 октября 1937 г. Жуков И. Я., Улановский И. Б. и Бандуренко Я. И. признаны виновными в том, что они работали — первый директором, второй — главным инженером, и третий — мастером Чернобыльских судоремонтных мастерских и принимая заказы от посторонних водному транспорту учреждений на производство электросварочных работ — заварки бочек из-под горючего — не приняли необходимых мер предосторожности по удалению из бочек остатков горючего и взрывчатых газов, в результате чего 29 июля 1937 г. во время электросварки произошел взрыв, и вырванным днищем бочки слесарю мастерских Станкевичу были нанесены тяжелые телесные повреждения.

Квалифицировав указанные преступления по ст. 121 ч. III УК УССР, суд приговорил Улановского и Бандуренко к 2 годам лишения свободы и Жукова к 1½ годам лишения свободы.

Определением водно-транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР от 25 октября 1937 г. приговор суда был отменен и дело передано на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Прокуратура Союза опротестовала определение водно-транспортной коллегии по следующим основаниям.

В определении водно-транспортной коллегии указано, что в Чернобыльских судоремонтных мастерских не было специального лица, наблюдающего за техникой безопасности.

Однако по делу установлено, что в Чернобыльских судоремонтных мастерских работает всего 58 человек, а в предприятиях с количеством свыше 1 000 человек освобожденного работника по технике безопасности не полагается, за проведение же необходимых мероприятий по технике безопасности отвечает руководитель и инженерно-технический персонал предприятия.

Допрошенный по данному поводу на предварительном следствии обвиняемый — главный инженер мастерских — Улановский подтвердил, что ответственным по технике безопасности со стороны администрации является он.

Таким образом следствие совершенно правильно привлекло к ответственности руководство мастерских.

Указание водно-транспортной коллегии о том, что следствие не выявило роли инспектора труда Гриценко, является неправильным.

Предварительным и судебным следствием установлено, что Гриценко, являясь инспектором труда всего Днепро-Двинского бассейна, отвечает за общую постановку техники безопасности на предприятиях всего бассейна.

Поскольку работа по электросварке бочек из-под горючего взята была директором мастерских Жуковым и главным инженером Улановским без ведома инспекции труда бассейна, естественно, последняя и не могла предусмотреть специальные мероприятия по технике безопасности по данному виду работ.

Водно-транспортная коллегия, не сделав каких-либо прямых указаний в отношении Гриценко, предложила «обратить внимание и выявить роль инспектора труда Гриценко», между тем как следствием по делу роль Гриценко совершенно ясно установлена.

Указание водно-транспортной коллегии о том, что самый факт несчастного случая недостаточно проверен, не соответствует материалам дела.

По обстоятельствам взрыва были подробно допрошены электросварщик Магданов, сваривавший бочку, пострадавший слесарь Станкевич, заведующий нефтескладом МТС, доставлявший бочки,— Ситенко и несколько рабочих, первыми прибежавших на место взрыва.

Кроме того, причины взрыва с точностью установлены авторитетной научно-технической экспертизой и никаких сомнений не вызывают.

Указания водно-транспортной коллегии на то, что обвиняемые были перегружены работой и имеют положительные характеристики о своей прошлой работе, являются правильными. Но эти обстоятельства могут только служить смягчающим вину обстоятельством при определении меры наказания, но не являются поводом для возвращения дела к доследованию.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест прокуратуры Союза, постановила определение водно-транспортной коллегии отменить и дело вернуть на новое рассмотрение.

* * *

Определением водно-транспортного суда Западносибирского бассейна от 4 ноября 1937 г. дело по обвинению Дробова возвращено было к доследованию для назначения технической экспертизы.

Сущность этого дела заключается в том, что 1 сентября в 5 часов 35 минут пароход «К. Маркс» под управлением ст. штурмана Дробова, отправляясь с пристани Березово в очередной рейс, был настигнут сильным туманом, ввиду чего при развороте на фарватере обвиняемый Дробов потерял ориентировку и врезался носом в баржу, которую разрезал пополам.

При наступлении тумана Дробов обязан был

немедленно застопорить машину и встать на якорь, чего он не сделал, что и привело к аварии.

Факт этот следственным материалом достаточно подтвержден и ни в какой технической экспертизе не нуждается, и дело должно было быть рассмотрено судом по существу с точки зрения оценки фактов, а не предположений, о которых суд говорит в своем определении.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала определение водно-транспортного суда Западносибирского бассейна.

Водно-транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила постановление водно-транспортного суда о направлении дела на доследование отменить и дело передать в суд для рассмотрения со стадии подготовительного заседания.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НАРУШЕНИЙ, ДОПУЩЕННЫХ СУДОМ

Приговором народного суда Иришского района Марийской автономной области гр. Ильин Семен Григорьевич был осужден на 3 года лишения свободы со взысканием с него 1 671 руб. 07 коп.

КК Мароблсуда и пленум Мароблсуда приговор оставили в силе, несмотря на допущение в этом деле органами расследования и суда грубейших процессуальных нарушений.

Гр. Ильин обвинялся в том, что, будучи судебным исполнителем при Горно-Марийском народном суде, злоупотреблял своим служебным положением и совершил растрату 1 671 руб. 07 к.

В период работы Ильина в должности судебного исполнителя с 1932 г. по декабрь 1935 г. он часто отсутствовал на работе ввиду командировок его райкомом ВКП(б) и риком на проведение хозяйственно-политических кампаний.

Так, за 1935 г. Ильин находился в командировках в течение 110 дней. Кроме того, он отбывал лагерный сбор 45 дней.

Во время пребывания Ильина в командировках его по работе судебного исполнителя никто не замещал, отчего дела запускались и были случаи задержки в выплате по исполнительным листам и посылки денег не по назначению.

Ни одного случая умышленной задержки или посылки денег по неправильному адресу в корыстных целях судебным следствием не было установлено, почему квалификация действий Ильина по ст. 109 УК неправильна.

Сумма растраты точно не установлена, так как в сумму 1 671 руб. 07 коп., предъявленную Ильину как недостача, входит 1 020 руб., которые он сдал народным судьям Похвалову и Лебедеву.

Это обстоятельство на предварительном судебном следствии Лебедев признал, заявив, что эти деньги расходовались им, Лебедевым, и Похваловым на ремонт здания народного суда.

Заявление Лебедева о том, что израсходованная сумма с получением средств из райфо внесена обратно на счет судебного исполнителя, Госбанком не подтверждено. Кроме того, 200 руб. должны быть списаны согласно представленной квитанции.

Неясно, почему не был принят авансовый отчет Ильина на сумму 565 руб. 15 коп., израсходованную им за время командировок.

Следствием не установлено, кто должен был нести расходы, связанные с командировками Ильина, и почему во время его отсутствия его никто не замещал, что создавало волокиту и ущемляло интересы трудящихся, имевших исполнительные листы.

Дело разбирал народный суд Иришского района, который во время работы Ильина судебным исполнителем входил в Горно-Марийский район, где старшим судьей работал Лебедев, а Зеленов (председатель суда, разбиравшего дело) был его заместителем.

Поэтому судья Зеленов на основании ст. 45 УПК должен был сам устранить себя от рассмотрения дела по своей бывшей работе.

Судебное заседание проведено было без участия секретаря. Протокол велся самим председательствующим, что является грубым процессуальным нарушением, которое не могло не отразиться как на содержании протокола, так и на разборе дела в целом.

При таких условиях не может быть проверено заявление Ильина о том, что он ходатайствовал о вызове свидетелей и ему в этом было отказано.

Совокупность этих нарушений не позволяет оставить приговор об Ильине в силе, как постановленный в условиях, не гарантирующих правильность его по существу.

По этим основаниям Прокуратура СССР опротестовала приговор народного суда, определение кассационной коллегии и постановление пленума Мароблсуда.

Коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор народного суда и все последующие судебные решения по этому делу отменить и дело направить для рассмотрения в Верховный суд Марийской АССР со стадии предварительного следствия.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ЗА НЕДОСЛЕДОВАННОСТЬЮ ДЕЛА

Приговором народного суда Ковжинского района гр. Тазихин В. А. по ст.ст. 111 и 133 ч. 1 УК был приговорен к 3 годам лишения свободы и Романов А. В. по ст. 133 ч. 3 УК — к 2 годам лишения свободы.

Определением УКК Леноблсуда приговор народного суда был отменен в отношении Тазихина в части его обвинения по ст. 111 УК с прекращением дела в этой части. В части же обвинения его по ст. 133 ч. 3 УК приговор в отношении Тазихина был оставлен в силе с применением к нему наказания в 2 года лишения свободы. В отношении Романова приговор был оставлен в силе.

Прокуратура СССР, считая, что приговор по данному делу не может быть оставлен в силе и подлежит отмене с направлением дела на новое расследование в отношении обоих осужденных, Тазихина и Романова, опротестовала его по следующим основаниям:

Как видно из обвинительного заключения и приговора суда, основное внимание при расследовании дела и его рассмотрении на суде было обращено на обвинение Тазихина по ст. 111 УК. Обстоятельства же, относящиеся к обвинению Тазихина и Романова по ст. 133 ч. 3 УК, не были выяснены с надлежащей полнотой.

По приговору Тазихину вменено то, что он

дал распоряжение рабочему ехать за лесом на раме машины. Во время толчка рабочий Ильин упал с рамы и попал под колесо.

Как видно из материалов дела, Тазихин не разрешал рабочим ездить на раме. Свидетели Нискевич и Гаврилов показали, что Тазихин запрещал рабочим ездить на раме, предупреждал их об этом и даже самолично сгонял их с машин. Тем не менее, рабочие в данном случае на раме поехали.

Совершенно не расследован вопрос о том, какая же роль в этом была начальника транспортного цеха, какие меры должен был он принять к недопущению езды рабочих в опасных для жизни условиях.

В несчастном случае с работницей Пронюшиной — по обстоятельствам дела представляется совершенно невыясненным, в какой мере за этот случай ответственны Тазихин и Романов (заведующий складом), если распределение рабочих при развозке лесоматериалов и непосредственное наблюдение за их работой осуществлял гр-н Фомичев.

Тазихин работал в должности начальника лесоучастка до этого несчастного случая всего два месяца. Поэтому, при невыясненности указанных выше обстоятельств, установление судом степени его виновности не находит достаточного подтверждения в материалах дела.

В судебном заседании участвовал прокурор в качестве государственного обвинителя, у Тазихина же защитника не было.

В протоколе судебного заседания отмечено, что Тазихин от защиты отказался, однако, в кассационной жалобе Тазихин указывает на то, что ему не была обеспечена возможность иметь защитника. Это указание в кассационной жалобе находит свое подтверждение в том обстоятельстве, что прокурор заявил о своем участии в судебном заседании лишь накануне самого судебного заседания. Поэтому вполне естественно, что за один день подсудимый не мог обеспечить себя защитником с тем, чтобы защитник мог ознакомиться с делом. Протокол судебного заседания составлен крайне неряшливо и в нем не указано, почему именно Тазихин отказался от защитника (желал ли он сам защищать себя или фактически не имел возможности получить защитника).

Президиум Ленинградского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор народного суда Ковжинского района и определение УКК областного суда отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

ПРИ ОТСУТСТВИИ НОВЫХ ДАННЫХ ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ДЕЛА, ПО КОТОРОМУ ПРИГОВОР ВОШЕЛ В ЗАКОННУЮ СИЛУ,— НЕПРАВИЛЬНО

Приговором нарсуда г. Одессы от 7—13 июня 1936 г. были осуждены: Малый Владимир Львович, бригадир мясного корпуса, по ст.ст. 97, 105—135 УК УССР к 5 годам лишения свободы и Креймер Лазарь Давидович, рубщик мяса, по ст.ст. 105—135 УК УССР — к 3½ годам лишения свободы за обвешивание колхозников и взятки.

Кассационная коллегия Одесского облсуда 19 августа 1936 г. указанный приговор отменила ввиду необоснованности обвинения доказательствами и дело передала для нового рассмотрения в нарсуд.

Нарсуд 4 участка г. Одессы, рассмотрев 25—28 сентября 1936 г. дело, осудил Малого Владимира и Креймера к 5 годам лишения свободы каждого.

Уголовно-кассационная коллегия Одесского облсуда определением от 31 октября 1936 г. по кассационным жалобам осужденных приговор нарсуда от 25—28 сентября 1936 г. смягчила, признав Малого Владимира и Креймера Лазаря осужденными на 2 года лишения свободы каждого.

Осужденные Малый и Креймер содержались под стражей с 22 марта 1936 г. и по постановлению нарсуда 1 уч. г. Одессы от 27 ноября 1936 г. в порядке ст. 387 УПК УССР были условно-досрочно освобождены, как отбывшие календарные 9 месяцев и имеющие кроме того по зачету около 5 месяцев рабочих дней.

И. о. прокурора Одесской области был принесен в пленум Одесского облсуда протест на мягкость определения УКК с просьбой оставить в силе приговор нарсуда от 25—28 сентября 1936 г.

Пленум облсуда 25 декабря 1936 г. протест прокурора удовлетворил, определение УКК от 31 октября 1936 г. отменил и дело передал для нового рассмотрения в УКК.

Последним определением УКК от 19 марта 1937 г. Малый Владимир был осужден к 5 годам, а Креймер Лазарь к 3½ годам лишения свободы.

Прокуратура СССР опротестовала постановление пленума и последнее определение УКК облсуда по следующим основаниям.

В этих постановлениях не учтено, что оба осужденные в период пребывания в местах заключения доказали своим честным отношением к труду и образцовым поведением свое исправление и были условно-досрочно освобождены решением нарсуда, которое опротестовано не было.

При отсутствии новых обстоятельств, требующих возобновлять дело, по которому приговор вошел в законную силу и отбыт, увеличивать меру наказания нецелесообразно.

Исходя из этих соображений, постановление пленума от 25 декабря 1936 г. и определение УКК Одесского облсуда от 19 марта 1937 г. подлежит отмене.

УСК Верхсуда УССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила постановление пленума облсуда от 25 декабря 1936 г. и определение УКК облсуда от 19 марта 1937 г. отменить, оставив в силе определение кассколлегии облсуда от 31 октября 1936 г.

59 ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

Практика судов по гражданским делам

(26—29 декабря 1937 г.)

Охрана гарантируемых Конституцией права на труд, права на отдых и всех иных трудовых прав граждан требует четкой и правильной работы судов.

Чтобы подытожить действующую судебную практику по трудовым гражданским делам и выправить основные недостатки судебной работы, Верховный суд СССР включил в повестку 59 пленума специальный доклад Верховного суда РСФСР и гражданской коллегии Верховного суда СССР о работе судов по трудовым делам.

Докладчик от Верховного суда РСФСР **тов. Кареев** начал свой доклад с анализа цифрового материала, характеризующего работу судов по гражданским трудовым делам. За 1-е полугодие 1937 г. в суды РСФСР поступило 194 729 гражданских трудовых дел. По сравнению с 1936 г. абсолютное количество трудовых дел выросло. В 1-м полугодии 1936 г. рассмотрено было 145 193 дела, а во 2-м полугодии 1936 г.— 146 028 дел.

Среди трудовых дел наибольшее количество составляют дела о взыскании зарплаты, затем иски о сверхурочных и всякого рода компенсации и наконец иски, вытекающие из неправильного увольнения.

Темпы работы судов характеризуются следующими показателями: 44,6% всех трудовых дел разрешено было судами в сроки до 10 дней, 37,9% — от 10 дней до 1 месяца, а 17,5% дел разрешались свыше месяца. По сравнению с 1936 г. темпы работы судов по рассмотрению трудовых дел снизились. В 1936 г. 54,1% всех дел рассмотрены были до 10 дней, 31,4% — до 1 месяца, и 14,5% — свыше месяца.

Итоги рассмотрения дел свидетельствуют о том, что подавляющее большинство исков было предъявлено трудящимися вполне обоснованно. От 63 до 72,5% исков было удовлетворено судом.

По сравнению же с другими категориями дел (алиментными, колхозными, жилищными и прочими) трудовые дела по проценту удовлетворенных исков занимают предпоследнее место. На последнем месте стоят жилищные дела. Это в значительной мере относится за счет слишком строгого формального соблюдения судами сокращенных исковых сроков по трудовым делам.

Обжаловано было в 1937 г. 16,8% решений всех рассмотренных трудовых дел, в то время как в 1936 г. было обжаловано 14,3% решений.

О неудовлетворительном состоянии работы судов по рассмотрению трудовых дел говорит и процент отмененных решений. 43—45% всех обжалованных решений отменяются или изменяются в кассационной инстанции.

Причины такого состояния судебной работы: несоблюдение решений 52 пленума Верховного суда СССР «о строжайшем соблюдении процессуальных норм в гражданском процессе»; нарушение законов о труде; недостаточно внимательное отношение судов к живым людям при разборе дел в суде.

Тов. Кареев иллюстрирует слабую работу судов рядом примеров.

Суды ведут недостаточную борьбу с незаконными мотивировками причин увольнения в трудовых списках и справках о работе. Например, инспектор «Главхлеба» Баранов был уволен с формулировкой «уволен за хищение хлеба», хотя факт хищения ничем не был подтвержден. Кассир Госбанка был уволен со следующей записью в трудовом списке: «за систематическое присвоение денег». В то же время в уголовном порядке против него преследование не возбуждалось.

Не всегда суды дела об изменении незаконных записей в трудовых списках принимают к своему рассмотрению.

Суды не используют частных определений для сигнализации хозяйственным организациям и прокуратуре о неблагополучии в отдельных звеньях хозяйственного аппарата.

Суды не соблюдают требование ст. 172-а ГПК и приказ НКЮ СССР за № 15 от 15 декабря 1936 г. о взыскании с должностных лиц сумм, выплаченных неправильно уволенным работникам.

В народном суде 1 участка г. Челябинска по 338 делам об увольнении, рассмотренным в 1936 г., было взыскано за вынужденный прогул 52 тыс. руб., а с администраторов, виновных в незаконных увольнениях, взыскали всего 1 229 р. По Сталинграду и Астрахани за первое полугодие 1937 г. присуждено было неправильно уволенным с работы 64 тыс. руб., а с лиц, виновных в незаконных увольнениях работников, взыскали всего 9 тыс. руб.

Но и в тех случаях, когда суд уже решил взыскать ту или иную сумму с виновных в неправильном увольнении, эти решения выносились в отсутствии этих лиц, без привлечения их в качестве соответчиков.

Суды нарушают правила подсудности трудовых дел. Нередко суды отказывают в приеме таких дел, по которым трудящийся вправе обратиться в РКК или суд по своему усмотрению, а суды требуют обязательного предварительного обращения в РКК. Имеют место еще случаи, когда, при наличии неотмененного решения РКК, в котором стороны пришли к соглашению, суды принимают к рассмотрению дела.

Суды зачастую формально подходят к исчислению давностных сроков и отказывают в исках, а иногда и в приеме исковых заявлений, независимо от причин пропуска срока.

Немало возникает споров при разрешении дел об увольнении так называемых ответственных работников, перечисленных в списке № 1 НКТ СССР от 18 октября 1929 г. Имеют место случаи расширительного толкования судами этого списка. Сам по себе список этот достаточно широк

и нуждается в пересмотре в сторону сужения. Расширять же его во всяком случае недопустимо.

Нет еще твердой судебной практики при разрешении дел об оплате вынужденного прогула. Нередко суды отказывают в оплате прогула, не выясняя действительных причин прогула.

Тов. Кареев остановился также на работе РКК и инспекции труда, которые, судя по делам, прошедшим через суды, работают неудовлетворительно, формально.

В заключение т. Кареев указал на необходимость усиления борьбы с незаконным отказом в приеме на работу, что нарушает ст. 118 Сталинской Конституции.

Помимо устного доклада Верховный суд РСФСР представил пленуму письменный доклад, в котором были приведены примеры судебной практики, иллюстрирующие приведенные в докладе положения.

В докладе Верховного суда РСФСР приведены конкретные предложения, намечающие улучшение качества и повышение политического уровня судебной работы в области гражданских трудовых дел.

С докладом от Верховного суда СССР выступил **тов. Рейхель.**

Тов. Рейхель начал свой доклад с политической оценки работы судов по рассмотрению гражданских трудовых дел.

К сожалению, некоторые суды до последнего времени не занимались изучением практики по трудовым делам. Так, например, Верховный суд БССР отмечает с удовлетворением, что лишь в настоящее время суды занялись изучением трудовых дел.

О недостаточном внимании к трудовым делам свидетельствует, в частности, рост процента отмены решений по трудовым делам (Дагестанская АССР). Суды не используют всех возможностей для воздействия на администрацию, чтобы бороться за соблюдение трудового законодательства, и не прибегают к возбуждению дисциплинарных и уголовных дел в отношении нарушителей трудовых законов.

Отмечая общий рост гражданских трудовых дел в 1937 г., т. Рейхель обращает внимание на значительное количество дел о восстановлении на работе.

Пленум должен мобилизовать внимание суда и прокуратуры и разъяснить огромную важность судебно-прокурорской работы по гражданским трудовым делам. Одновременно необходимо поставить вопрос перед профсоюзными органами о резком улучшении работы РКК и инспекции труда, от которых в значительной мере зависит и качество судебной работы. В настоящее время контроль и надзор за работой РКК плохо осуществляются.

Говоря о политическом значении трудовых дел, тов. Рейхель обращает внимание на то, что судебная практика выявила возмутительные случаи нарушения трудовых прав граждан, проводимые в ряде случаев с явно вредительской и контрреволюционной целью. Вредители и контрреволюционеры пытались этим подорвать производство, вызвать недовольство и раздражение трудящихся, убрать с производства тех, кто грозил им разоблачением.

Характерный случай был в Горловском районе. Администрация шахты вела борьбу, доходившую до травли, против нарсудьи Масловой за то, что последняя правильно разрешала трудовые дела. По проверке оказалось, что Маслова честно и добросовестно вела свою работу по защите прав трудящихся, а администрация шахты с вредительскими контрреволюционными целями увольняла лучших кадровых рабочих-стахановцев.

Такой же случай имел место в Сталинском районе Донецкой области, где троцкистско-диверсионная банда, засевшая в одном из угольных трестов, систематически нарушала трудовые законы, обсчитывала рабочих и т. п. К сожалению, суды часто не замечали политической стороны рассматриваемых ими дел, проявляли политическую слепоту.

Далее тов. Рейхель останавливается на ряде причин, влияющих в той или иной мере на качество судебной работы по трудовым делам.

Сюда относятся: громоздкость и разбросанность многочисленных трудовых законов, нуждающихся в срочной кодификации и систематизации; отсутствие в ряде республик элементарнейших пособий для судебной работы; кое-где, как, например, в Таджикистане, до сих пор даже КЗоТ не переведен на национальный язык.

Тов. Рейхель ставит вопрос о необходимости скорейшего пересмотра отдельных норм материального и процессуального права. Особое внимание тов. Рейхель уделяет правилам примирительно-третейского и судебного разбирательства трудовых конфликтов (пост. ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г.). Ст. 68 этих правил, регулирующая порядок оплаты вынужденного прогула в связи с неправильным увольнением, не дает ответа на вопрос о том, когда следует оплачивать длительный вынужденный прогул.

Для разрешения всех вопросов, связанных с увольнением лиц, совершивших служебное преступление, не дают надлежащего ответа и постановление НКТ РСФСР от 21 мая 1925 г. и соответствующие постановления НКТ союзных республик.

Анализируя практику судов по отдельным группам споров, тов. Рейхель подробно останавливается на делах, возникающих в связи с неправильным увольнением.

При рассмотрении этих дел суды нередко еще сталкиваются с такими истцами, которые длительное время сутяжничают, посвящая этому все время, рассчитывая получить значительные суммы за «вынужденный прогул», не заботясь вовсе найти себе какую-либо другую работу.

Немало споров возникает из применения уставов о дисциплине, действующих на железной дороге, водном транспорте, в органах связи и т. п.

Судебная практика показала, что то широкое применение этих уставов, которое имеет место сегодня, когда все подсобные и обслуживающие предприятия подпадают под действие уставов, вряд ли целесообразно. Необходимо в соответствующем порядке поставить вопрос об уточнении пределов применения уставов.

Останавливаясь на исках об изменении незаконных формулировок записей мотивов увольнения ответственных работников, тов. Рейхель подвергает сомнению правильность судебной практики Верховного суда РСФСР по этому вопросу. По его мнению, эти иски не подсудны су-

дам. Поскольку споры об увольнении этих лиц разрешаются не в судах, а по административной линии, то и споры о формулировках мотивов увольнения также должны разрешаться в том же порядке.

В отношении же остальных работников, то есть основной массы рабочих и служащих, суды не должны отказывать в рассмотрении исков об изменении явно незаконных формулировок мотивов увольнения. Суды должны бороться с такими формулировками.

Тов. Рейхель выдвигает вопрос о недопустимости таких формулировок мотивов увольнения, как «уволен в связи с потерей доверия», которые часто применяются в отношении торговых работников и лиц, обслуживающих материальные ценности (пост. НКТ СССР от 6 августа 1930 г.). В этих случаях следует писать: «уволен за прекращением трудового договора».

В конце своего доклада тов. Рейхель подчеркивает необходимость борьбы с неправильными увольнениями, путем более широкого использования ст. 72 «Правил» от 29 августа 1928 г. и возложения материальной ответственности за неправильное увольнение на лиц, виновных в этом увольнении.

По докладам тт. Кареева и Рейхеля развернулись оживленные прения. Ниже мы даем в сокращенном виде наиболее интересные выступления.

Тов. Шумяцкий (Верховный суд СССР) останавливается на вопросе о формулировках мотивов увольнения. Для борьбы с незаконными и порочащими формулировками, нередко являющимися причиной вынужденного прогула трудящихся, т. Шумяцкий поддерживает предложение тов. Рейхеля о том, чтобы практиковать запись «уволен за прекращением трудового договора».

Тов. Шумяцкий останавливается на формулировке увольнения «за непригодностью». Необходимо уточнять понятие непригодности, указывая, что непригоден к данной работе. Затем тов. Шумяцкий останавливается на применении уставов о дисциплине, а также о списке ответственных работников.

Тов. Крамер-Агеев (Верховный суд РСФСР) говорит о работе кассационных коллегий и областных судов по руководству народными судами. Этот вопрос не освещен в докладе тов. Рейхеля. Вместе с тем слабая работа нарсудов по трудовым делам в значительной мере объясняется именно плохим руководством со стороны областных (краевых) и верховных судов, а также недостаточной ревизионной работой Наркомюста. Этим, в частности, объясняется и недостаточность материала, характеризующего судебную практику.

Переходя к отдельным недостаткам работы судов, тов. Крамер-Агеев останавливается на делах об увольнении ответственных работников, перечисленных в списке НКТ СССР № 1. Тов. Крамер-Агеев указывает на неудобства в применении этого списка в связи с тем, что он не совпадает с перечнем лиц, подпадающих под действие закона о дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности (пост. ЦИК и СНК СССР от 13 октября 1929 г. и перечень НКТ РСФСР от 4 августа 1932 г.).

Отмечая неудобства административного порядка обжалования неправильного увольнения, тов. Крамер-Агеев защищает необходимость регламентации порядка прохождения этих дел в административных органах и установления коротких сроков, в течение которых такие дела должны разрешаться. Необходимо также пересмотреть круг лиц, лишенных права обращения в суд по поводу неправильного увольнения.

Тов. Крамер-Агеев возражает тов. Рейхелю и защищает практику судов РСФСР по рассмотрению исков об изменении незаконных формулировок мотивов увольнения ответственных работников.

Тов. Крамер-Агеев считает недопустимым применение формулировки увольнения «вследствие утери доверия». Необходимо также урегулировать и сократить сроки прохождения дел по надзорным инстанциям. Нередко хождение по инстанциям отнимает годы. Ст. 248-а ГПК часто нарушается и слишком широко использовывается, что приводит к затягиванию дел. Слабо используется ст. 72 «Правил» и ст. 172-а ГПК РСФСР; на администраторов, виновных в неправильном увольнении, суды редко возлагают материальную ответственность за убытки вследствие уплаты за прогул восстановленному на работе. Но и тогда, когда суды возлагают эту ответственность, редко эти решения приводятся в исполнение. Поэтому суд должен не только вынести это решение, но и проследить за его исполнением.

Тов. Крамер-Агеев останавливается также на делах, связанных с применением закона о льготах на Крайнем Севере и в отдаленных местностях. В частности, немало споров вызывает применение ст. 9 закона от 10 мая 1932 г., по поводу выплаты по окончании срока договора нормального выходного пособия, помимо единовременного пособия. Кроме того возникают споры в связи с указанным в этих законах правом на научные командировки и командировки для повышения квалификации. Надо уточнить и вопрос о подсудности дел с организациями, расположенными на Крайнем Севере. В тех случаях, когда работники, будучи уволены, предъявляют подобные иски в Москве или других крупных центрах, где находятся представительства этих организаций, нет смысла направлять эти дела для рассмотрения по территориальной подсудности. Их можно разобрать и в Москве и других центрах, где имеются указанные представительства.

Тов. Швейцер (Прокуратура Союза ССР)[1] отмечает огромное политическое и практическое значение постановки настоящего доклада на 59 пленуме Верховного суда СССР. Особое значение приобретает обсуждение поднятых в докладе вопросов и решение пленума по этому докладу в связи с теми недостатками в области трудового законодательства, которые отмечены в выступлениях участников пленума (сложность, частичная устарелость и т. п.).

Тов. Швейцер останавливается на характеристике отдельных групп гражданских трудовых дел.

[1] Подробную стенограмму выступления тов. Швейцер см. в № 1 журнала «Социалистическая законность» за 1938 г.

Недостатки в судебной работе по делам об оплате вынужденного прогула в известной мере происходят от того, что само понятие «вынужденный прогул» в условиях Сталинской Конституции не всеми уяснено. Необходимо подходить к этому вопросу с точки зрения ст.ст. 12 и 118 Конституции, то есть учитывать и обязанность каждого трудящегося честно трудиться и гарантированное Конституцией право на труд. Ошибки судов заключаются как в случаях незаконного отказа в оплате действительно вынужденного прогула, так и в неосновательном присуждении за длительное время, когда трудящийся не принимал никаких мер к поискам работы за время, пока разрешался конфликт по поводу увольнения.

Тов. Швейцер полемизирует с теми членами пленума, которые договаривались до признания незаконной формулировки об увольнении «по непригодности» (п. «в» ст. 47 КЗоТ) и только на этом основании считали законной оплату вынужденного прогула независимо от его длительности. Вместе с тем такая формулировка увольнения вполне законна в тех случаях, когда она соответствует действительности, то есть если работник по соображениям технического, делового или идеологического порядка оказывается непригодным к данной работе.

Закон предусматривает в этом случае необходимость предварительной проверки непригодности. Трудящийся вправе оспаривать непригодность в РКК, а если стороны там не приходят к соглашению, либо если решение РКК отменено, то и в суде.

Тов. Швейцер приводит ряд примеров из практики московских судов, когда суды присуждали оплату за длительное время «вынужденного» прогула злостным нарушителям трудовой дисциплины, либо лицам, уволенным с такой формулировкой, как «сокращение» и т. п.

Суды не ведут еще достаточной борьбы с рваческими тенденциями отдельных отсталых рабочих и служащих.

Наряду с этим суды нередко механически подходят к присуждению за прогул, ограничиваясь присуждением лишь за 1 месяц, либо вовсе отказывают в оплате за вынужденный прогул. Тов. Швейцер иллюстрирует это положение рядом примеров из практики судов УССР, БССР и Москвы.

Причиной такого неправильного применения ст. 68 «Правил» от 29 августа 1928 г. является формальное применение этой статьи, без учета реальной действительности и тех изменений в экономике нашей страны, которые отмечены были товарищем Сталиным в докладе на Чрезвычайном VIII съезде советов.

Тов. Швейцер считает, что суды должны присуждать оплату за вынужденный прогул и свыше одного месяца в тех случаях, когда они убедятся в том, что по вине администрации работник не мог устроиться на работе и действительно вынужден был оставаться без работы.

Далее т. Швейцер остановился на практике применения п. «д» ст. 47 КЗоТ и в частности на тех случаях, когда уголовное дело, возбужденное против отстраненного работника, прекращено было «по малозначительности» или «за нецелесообразностью». Практика РСФСР по этому вопросу является правильной и ее надо перенести и в другие союзные республики (в частности в Узбекскую ССР и в Азербайджанскую ССР), которые решают дела иначе. Верховный суд РСФСР еще в 1928 г. разъяснил, что в указанных случаях увольнение по п. «д» ст. 47 КЗоТ недопустимо. В этих случаях может стать вопрос об увольнении по п. «в» ст. 47 КЗоТ, а по мнению т. Швейцера, и п. «г» ст. 47 КЗоТ, если для этого имеются достаточно веские основания, но не по п. «д» ст. 47 КЗоТ. А в практике Верховного суда Азербайджанской ССР имеют место случаи применения при указанных обстоятельствах п. «д» ст. 47 КЗоТ. Необходимо судам и прокуратуре вести борьбу с неправильными увольнениями по п. «д» ст. 47 КЗоТ, когда одновременно с возбуждением уголовного преследования, а нередко только при передаче материалов следственным органам, работника увольняют по п. «д» ст. 47 КЗоТ.

Затем т. Швейцер переходит к искам об изменении формулировок незаконных записей мотивов увольнения в трудовых списках и справках, выдаваемых при увольнении.

Независимо от того, вправе ли тот или иной работник оспаривать правильность своего увольнения в судебном порядке или в РКК, иски об изменении формулировок указанных записей несомненно подсудны и суду и РКК.

Следовательно и работники, подпадающие под действие уставов о дисциплине и включенные в перечень НКТ СССР № 1, могут предъявлять подобные иски в суд.

На ряде примеров т. Швейцер демонстрирует неправильную практику отдельных судов, отказывающих в рассмотрении подобных исков. Суды должны знать, что в документах, выдаваемых при увольнении, записи мотивов увольнения должны заноситься в соответствии с фактическими обстоятельствами и в выражениях, соответствующих тем, которые приведены в КЗоТ (ст. ст. 46, 47, 48 и др.). Суды и отдельные профсоюзные органы допускают еще практику расширительного толкования перечня № 1 НКТ СССР от 18 октября 1929 г., что в настоящих условиях совершенно недопустимо.

В заключение тов. Швейцер останавливается на слабой квалификации судей в области трудового законодательства.

Тов. Орлов (НКЮ СССР), указывая на рост трудовых дел в кассационных инстанциях, видит в этом показатель слабой работы судов по трудовым делам. Тов. Орлов останавливается на причинах возникновения трудовых споров. Он напоминает слова товарища Ленина, который причину возникновения у нас трудовых споров видел в наличии бюрократических извращений в отдельных звеньях нашего аппарата. Наряду с этим тов. Орлов видит причину возникновения трудовых споров как в устарелости нашего законодательства по отдельным вопросам, так и в незнании наших законов не только отдельными народными судьями, но и членами судов второй инстанции.

Тов. Орлов говорит о недооценке со стороны профсоюзных органов работы РКК. Кроме того он указывает на почти полное отсутствие представителей профсоюзных организаций в судах при разборе трудовых дел.

Недостаточно участвует в этих делах и прокуратура. Ст. ст. 2 и 12 ГПК не использовываются в должной мере.

Тов. Орлов говорит о том, что враги народа использовывают трудовые споры в своих гнусных целях. Он приводит пример, когда директор одного завода, впоследствии разоблаченный как враг народа, преследовал одного рабочего, увольняя его по различным причинам и дискредитируя этого рабочего.

Необходимо обратить внимание на иски о зарплате, которые вскрывают обсчеты рабочих и несвоевременную выплату зарплаты.

Тов. Орлов обращает внимание на путаницу и сложность надзорной системы по трудовым делам, благодаря двойной системе обжалования (судебной и профсоюзной). Следует поставить в законодательном порядке вопрос о праве обжалования неправильного решения РКК непосредственно в народный суд.

Тов. Орлов останавливается также на ведомственном законодательстве, принявшем значительные размеры за последние годы. Ведомства издают нередко приказы, явно противоречащие трудовым законам. Это особенно недопустимо сейчас, когда Сталинская Конституция строго регламентировала порядок издания законов и постановлений.

В заключение тов. Орлов отмечает слабую работу в области науки по трудовому праву и оторванность науки от судебно-прокурорской практики по трудовым делам.

Тов. Исакадзе (Верховный суд Грузии) останавливается на неудовлетворительном состоянии работы судов Грузии по разбору трудовых дел. Трудовые дела составляют около 20% всех гражданских дел, разобранных в судах Грузии. Около 75% всех исков удовлетворено было судами. Суды недостаточно ведут борьбу с нарушением трудового законодательства.

Значительный процент удовлетворения исков говорит о том, что конфликты затеваются администрацией зря. Особенно спорными делами являются споры по поводу увольнений. Нередко администрация не выполняет решения судов о восстановлении на работе неправильно уволенного, а суды и прокуратура не привлекают за это к уголовной ответственности. Имели место случаи, что увольнение производилось, чтобы избавиться от того или иного неугодного администрации, но полезного для дела работника.

Тов. Исакадзе считает неправильным судебные решения об уплате зарплаты за 3—4 месяца в случае расчета в 50—100 руб. Суды не должны формально подходить к оплате за задержку расчета, когда такая задержка не могла повлиять на получение новой работы.

Верховный суд Грузии не оказывает помощи народным судам. Не отстает от него и Наркомюст Грузии. На места не выезжают и не инструктируют судей. Судьи же слабо подготовлены по вопросам трудового права.

Тов. Исакадзе обращает внимание на то, что дела затягиваются в судах, а затем долго лежат без движения в органах прокуратуры.

Тов. Борисов (Прокуратура СССР)[1] начинает с указания на значение работы судов по разбору гражданских трудовых дел. Огромная политическая важность и удельный вес этой работы определяется не только тем процентом, который они составляют в общей сумме гражданских дел, но и самим характером этих дел и тем резонансом, который они получают в среде трудящихся.

Это особенно важно подчеркнуть сейчас, в условиях гарантированных Сталинской Конституцией трудовых прав.

Тов. Борисов отмечает влияние вредительской «теории» Пашуканиса на качество судебной работы по трудовым делам.

Недооценка трудовых дел в судебно-прокурорской практике приводила к тому, что враги народа длительное время безнаказанно нарушали трудовые права рабочих и служащих, используя вызываемое этим недовольство трудящихся в своих вредительских целях.

Тов. Борисов приводит ряд статистических данных, характеризующих участие прокуратуры в судебной работе по гражданским трудовым делам. Прокуратура недостаточно принимала участие в судах первой и второй инстанции, главным образом уделяя внимание надзорной практике.

Эти данные говорят о том, что трудовым делам прокуратура уделяла значительное внимание. Из всех возбужденных прокуратурой в порядке ст. 2 ГПК РСФСР дел трудовые дела составляли в РСФСР 31—32% в первом и втором кварталах 1937 г. Примерно такой же и даже больший процент было возбуждено прокуратурой трудовых дел по другим союзным республикам.

Из общего числа надзорных гражданских дел трудовые составляют 22—23% в органах прокуратуры РСФСР и УССР. По другим союзным республикам этот процент еще больше.

Переходя к характеристике процессуальных вопросов, тов. Борисов говорит о том, что двойной путь прохождения трудовых дел — профсоюзный и судебный,— не сократил, а удлинил прохождение трудовых споров в конфликтных инстанциях. В связи с этим он выдвигает вопрос о расширении судебной компетенции и сужении круга вопросов, подлежащих обязательному рассмотрению в РКК как первичной конфликтной инстанции.

Тов. Борисов предлагает обсудить вопрос о целесообразности сохранения всех тех судебных процессуальных правил, которые сужают права сторон и прокуратуры в обжаловании и опротестовании решений по трудовым делам (ст. ст. 146-а, 154-г (примечание) ГПК РСФСР). По его мнению нет никаких оснований для сохранения в настоящее время всех этих ограничений для трудовых дел.

Тов. Борисов сообщает пленуму, что Прокуратура СССР вошла с представлением в правительство СССР об отмене всех судебных процессуальных ограничений в части обжалования и

[1] Полностью выступление тов. Борисова опубликовано в № 1 журнала «Социалистическая законность» за 1938 г.

опротестования трудовых дел, а также об удлинении до одного года срока исковой давности по искам о зарплате.

Тов. Борисов останавливается также на делах о неправильном увольнении. Среди же этих дел большое место занимают иски, связанные с порочащими формулировками мотивов увольнения. Тов. Борисов приводит ряд таких формулировок: «уволен за нежелание работать и симуляцию», «уволен за подрыв авторитета отделения Винсбыта путем ложных и склочных поступков».

Такие справки и записи причин увольнения с работы создают невольные затруднения в устройстве на работе. За это должны отвечать виновные в опорочивании честных трудящихся. В таких случаях нельзя ограничивать оплату вынужденного прогула только месячным сроком. Но выплачивая государственные средства тем, кто по вине врагов народа. вредителей или бюрократов оставался во время конфликта без работы, надо более сурово привлекать к ответственности (материальной, дисциплинарной и уголовной) виновных в этих безобразиях. Нужно шире практиковать показательные трудовые процессы на фабриках и заводах.

Тов. Бранденбургский (Верховный суд СССР) останавливается на политическом значении трудовых гражданских дел.

Далее тов. Бранденбургский переходит к работе кассационных коллегий, которые не помогают, а иногда и портят работу народных судов по трудовым делам. Говоря о недооценке этого участка судебной работы, надо говорить о недооценке не только со стороны народных судов, но и со стороны обл(край) судов и верховных судов союзных республик.

Необходимо было, чтобы гражданская коллегия Верховного суда СССР обобщила также работу судов и других союзных республик.

Тов. Бранденбургский возражает тем из выступавших на пленуме, кто пытался плохую работу отдельных судов отнести главным образом за счет недостатков нашего трудового законодательства.

Он останавливается на ст. 47 КЗОТ и говорит, что эта статья актуальна и по сей день и те недостатки, которые в ней некоторые видят, происходят от неправильного применения этой статьи. В частности и п. «в» ст. 47 КЗОТ никаких сомнений не вызывает. Можно проработать не месяцы, а ряд лет и все же оказаться непригодным к работе. Требования к отдельным работникам растут, и нет оснований искусственно создавать препятствия к проверке пригодности отдельных работников к той или иной работе.

Надо бороться с теми мотивами увольнения, которых не знает наш закон, которые изобретают отдельные хозяйственники. Тов. Бранденбургский поддерживает предложения тов. Борисова по вопросу о процессуальных изменениях.

Тов. Кускельдиев (Верховный суд Казахской ССР). В работе казахских судов встречаются те же ошибки, что и в работе судов РСФСР. Трудовые дела составляют 20% всех гражданских дел, рассмотренных в судах Казахской ССР. Движение трудовых дел в судах отстает от сроков, указанных в законе. Свыше 55% всех трудовых дел разобрано было в сроки свыше 10 дней. Особенно отставали те суды, где орудовали враги народа.

Систематического изучения практики судов по трудовым делам не ведет ни НКЮ, ни Верховный суд Казахской ССР. Выборочное обследование по 90 делам показало, что большинство исков трудящихся удовлетворяется (62,2%). Но имеют место еще рваческие и неосновательные иски. Слабо используется ст. 72 «Правил» от 29 августа 1928 г. Борьба за выполнение трудовых законов недостаточна. Суды еще плохо знают трудовые законы; профсоюзные организации не помогают судам при разрешении трудовых дел.

Прокуратура в разборе трудовых дел редко участвует, особенно в первой инстанции. Практика судов по оплате за вынужденный прогул свидетельствует о том, что суды не всегда проверяют, мог ли трудящийся устроиться на работе или же он не в состоянии был найти себе работу по причинам, от него независящим.

Один вопрос остается до сих пор не исследованным. Это сроки прохождения конфликта от момента возникновения до окончания его. По отдельным делам видно, что сроки эти очень велики и их надо сократить путем улучшения качества судебной работы и работы РКК. В этих же целях следует пересмотреть ст. 12 «Правил» от 29 августа 1928 г. и предоставить трудящимся право обращения в суд по любому спору, если в течение 10 дней дело не будет решено в РКК.

Тов. Кускельдиев призывает к систематическому изучению судебной практики и работы РКК.

Тов. Абдурахманов (Верховный суд Узбекской ССР). Огромный рост индустриализации Узбекистана вызвал рост рабочего класса. Это обязывает особенно внимательно подходить к изучению трудовых дел. Рабочий класс Узбекистана научился защищать свои права, он предъявляет повышенные требования к работе судов. Доклады страдают рядом существенных недостатков. В них мало обобщающих моментов, мало анализа судебной работы. Наличие этих материалов могло бы научить суды Узбекистана, Туркменистана, Киргизии тому, как надо работать. Надо было показать на пленуме, как суды помогали ликвидировать последствия вражеской работы в области труда и производства и какими методами этого удалось добиться.

На основе анализа работы 10 народных судов мы увидели, что среди всех трудовых дел около 60% составляют дела о неправильном увольнении.

Администрация нарушает трудовые права, а суды с этим плохо борются. Работа кассационной коллегии не на должной высоте. Развернутые указания даются не всегда; нередко еще эти указания бывают ошибочными. Около 60% обжалованных решений приходится отменять в кассационной инстанции.

Работа РКК, которая тесно соприкасается с работой судов, неудовлетворительна. Профсоюзы не уделяют должного внимания деятельности РКК и инспекции труда. Необходимо усилить наблюдение за юрисконсультами хозорганов, ко-

торые нередко дают неправильные советы администрации, затягивают явно неправосудные споры.

Прокуратура почти не участвует в судебном разборе трудовых дел. Имеют место случаи отказа районных прокуроров принимать участие в делах вопреки требованию судов.

В заключение тов. Абдурахманов говорит о плохой подготовке судей и об их слабой квалификации. Суды лишены минимальных пособий по трудовому законодательству, так как НКЮ до сих пор не занялся как следует систематизацией и кодификацией трудового законодательства.

Тов. Шумятский (Верховный суд УССР) приводит статистические данные о движении трудовых дел за 1936 и 1937 гг. 80% всех трудовых дел решено в пользу истцов-трудящихся. Многие дела поступают в суд после отмены инспекцией труда неправильных решений РКК. Это говорит о том, что низовая профорганизация слабо борется за проведение трудового законодательства.

Тов. Шумятский говорит о том, как вредители и враги народа умышленно нарушали трудовые законы, искусственно создавали трудовые конфликты. Он приводит пример, как в Донбассе вредители пытались дезорганизовать работу судов, проводивших правильную линию по защите трудовых прав рабочих и служащих. Враги народа, используя свое положение, пытались оклеветать суд, обвиняя его в защите рвачей и дезорганизаторов производства. Проверка трудовых дел этого суда показала, что дела были правильно разрешены. Отдельных судей, крепко боровшихся с нарушителями трудовых законов, пытались даже исключать из партии. К сожалению, вредители не всегда встречают отпор со стороны судей, которые не смогли распознать вредительскую работу и не сигнализировали об этом куда следует.

Тов. Шумятский говорит о случаях рвачества со стороны отдельных трудящихся, которые искусственно создают себе длительные прогулы, требуя затем с учреждений и предприятий оплаты за 5—10 месяцев «вынужденного» прогула.

Необходимо привлекать к уголовной ответственности лиц, виновных в выдаче позорящих, незаконных справок о мотивах увольнения.

Необходимо усилить применение ст. 72 Правил от 29 августа 1928 г., возлагая материальную ответственность за оплату прогула на лиц, виновных в неправильном увольнении.

В заключение тов. Шумятский выдвигает вопрос о создании комиссии НКЮ СССР, Верховного суда и ВЦСПС по пересмотру старых циркуляров НКТ, чтобы отменить те, которые не соответствуют требованиям нашей действительности.

Тов. Антонов-Саратовский (Верховный суд СССР) говорит о том, что доклад Верховного суда РСФСР был слишком эмпирическим и мало выдвинул крупных и принципиальных вопросов.

Ст. 118 Конституции и борьба судов за осуществление этой статьи недостаточно отражена в докладе.

На эту статью, гарантирующую трудящимся право на труд, ведут наступление враги народа. Об этом говорят материалы докладов.

Раздражение и недовольство по поводу незаконного увольнения или позорящей незаконной справки усугубляется волокитой при рассмотрении трудовых дел, бесконечным хождением по РКК, инспекции труда и затем по судам и прокуратуре.

Тов. Антонов-Саратовский выступает против упрощенчества в судебной работе при разборе трудовых дел. Он поддерживает предложение Прокуратуры СССР об отмене ограничений по обжалованию и опротестованию решений по трудовым делам.

Тов. Антонов-Саратовский обращает внимание на незначительное количество трудовых дел в окраинных национальных республиках. Это свидетельствует о том, что там еще слабо поставлена политическая и разъяснительная работа, объясняющая трудящимся их права и способы защиты этих прав.

Необходимо также вести борьбу с неправильными представлениями отдельных судей об истцах-трудящихся как о рвачах и летунах, от которых надо защитить производство.

Надо решать по закону. Надо уметь делать выводы из гражданских дел, и в отношении злостных нарушителей законов принимать меры воздействия материального порядка, а в необходимых случаях и уголовного. Надо заставить хозяйственников уважать Конституцию и гарантированные ею права.

Тов. Красиков (Верховный суд СССР) начинает с указания на необходимость усиления борьбы за соблюдение трудовых законов и принципов Сталинской Конституции. Он останавливается на вредительской деятельности врагов народа по нарушению трудовых прав граждан.

Необходимо обратить внимание судов на делячество отдельных хозяйственников, которые, нарушая закон, прикрываются соображениями, якобы, делового порядка. Такое поведение хозяйственников надо разоблачать, надо заставить их уважать и выполнять законные требования рабочих.

Тов. Красиков приводит ряд ярких примеров из практики судебно-надзорной коллегии Верховного суда СССР, говорящих о грубых нарушениях трудовых прав граждан.

Нередко, чтобы выжить неугодного для администрации работника, создают заведомо дутое уголовное дело, которое умышленно запутывают, и пока следователь, прокурор и суд распутают его и оправдают невинного человека, проходит ряд мучительных месяцев.

Тов. Красиков поддерживает предложение тов. Рейхеля о записи мотивов увольнения «за прекращением труддоговора» в отношении лиц, уволенных вследствие потери доверия (лица, обслуживающие материальные ценности).

Тов. Красиков поддерживает предложение прокуратуры об отмене процессуальных ограничений по трудовых делам (ст. ст. 246-а, 254 п. «г» ГПК РСФСР).

Тов. Красиков говорит о том, что прокуратура

уделяет значительное внимание трудовым делам. Суды должны шире использовать ст. 12 ГПК и проявить больше инициативы в привлечении прокуратуры для участия в наиболее сложных делах или в делах, затрагивающих интересы значительных групп трудящихся.

В заключительном слове **тов. Рейхель** останавливается на ряде вопросов, поднятых в прениях. Надзор за деятельностью РКК следует изменить. Существующий порядок только удлиняет путь прохождения конфликта. Надо согласиться с предложением участников пленума о предоставлении сторонам права обжалования решения РКК непосредственно в суд. Однако это не должно означать ликвидации РКК, которая ближе к производству и имеет больше возможностей быстро и правильно разобрать спор. Необходимо обратить внимание профсоюзов на слабое участие их представителей при разборе трудовых дел в суде. Профсоюзы должны усилить свою деятельность по оказанию юридической помощи членам союза.

Явно недостаточно участие представителей прокуратуры в разборе трудовых дел.

Тов. Рейхель полемизирует с теми из участников пленума, которые предлагают упразднить ст. 246-а ГПК. Эта статья должна быть сохранена. Что же касается сокращенных сроков для опротестования прокуратурой судебных решений по трудовым делам, то для республиканской прокуратуры нет смысла сохранять эти сроки.

Тов. Рейхель возражает против предложения о применении ст. 172-а ГПК и 72 «Правил» от 29 августа 1928 г. во всех случаях признания увольнения неправильным. Этот вопрос следует решать в каждом конкретном случае в зависимости от обстоятельств дела, устанавливающих степень вины администратора в увольнении.

Тов. Рейхель защищает высказанное им в докладе положение о недопустимости слишком широкого применения п. «в» ст. 47 КЗОТ.

Вопрос о формулировках записей мотивов увольнения следует уточнить и бороться за соблюдение законных формулировок записей.

Тов. Рейхель подробно останавливается на порядке увольнения лиц, обслуживающих материальные ценности. Этот вопрос не был достаточно обсужден на пленуме. Надо внести изменения в действующие правила Наркомтруда от 6 августа 1930 г.

Предложение об удлинении давностных сроков для исков о зарплате вполне приемлемо.

Тов. Кареев в заключительном слове признает правильность замечаний отдельных ораторов по поводу неполноты докладов и недостаточного обобщения в них практики мест. Это свидетельствует о том, что ни НКЮ, ни Верховный суд систематически не занимались обобщением и изучением практики мест по трудовым делам.

Однако, по мнению тов. Кареева, доклад Верховного суда РСФСР затронул ряд важных и принципиальных вопросов, которые получили дальнейшее развитие в выступлениях участников пленума.

Тов. Кареев считает, что решение пленума по его докладу должно будет помочь судам в практической повседневной работе по трудовым делам. Со всеми предложениями как по вопросам процессуального, так и материального права, он согласен.

В заключение выступил председатель Верхсуда Союза ССР **тов. Винокуров,** который подвел итоги прениям, подчеркнул огромное политическое значение этого вопроса. Борьба за соблюдение Сталинской Конституции, борьба с бюрократическими извращениями в отдельных звеньях нашего аппарата, борьба с отсталыми настроениями, с рваческими тенденциями у отдельных рабочих — эти задачи стоят перед судом, разрешающим трудовые дела.

Важнейшей частью работы судов является разбор трудовых конфликтов в связи с неправильными увольнениями. Только на основе точного соблюдения трудового законодательства может производиться увольнение.

Тов. Винокуров особенно останавливается на случаях увольнения «по непригодности», считая недопустимым общую характеристику — «непригоден к работе». Надо говорить конкретно, к какой работе непригоден работник. Для иной работы, или в иных условиях такой работник может быть вполне пригодным и даже хорошим работником. Давая справку работнику об увольнении, нельзя допустить в ней извращения фактов в ту или другую сторону. Надо писать то, что есть.

Тов. Винокуров дает характеристику отдельных предложений, выдвинутых на пленуме по вопросам процессуального и материального права.

Все это тов. Винокуров предлагает обсудить в комиссии и разработать такую резолюцию, которая даст конкретные и правильные указания судам по основным вопросам, намеченным в докладе.

Речь прокурора Союза ССР тов. А. Я. Вышинского

на 59 пленуме Верховного суда Союза ССР[1]

(По докладу тов. Шумятского «О работе судебных органов УССР по делам о нарушениях правил техники безопасности и об авариях»).

Вопрос, поставленный на повестку дня пленума о работе судебных органов по делам о нарушении правил техники безопасности, чрезвычайно важен. Мне кажется, что этот вопрос, к сожалению, поставлен на пленуме в совершенно сыром и неподготовленном виде. При обсуждении этого вопроса необходимо было, во-первых, дать анализ судебной практики по делам о нарушении правил техники безопасности и, во-вторых, постараться наметить те меры, которые могли бы исправить весьма неудовлетворительное положение вещей в этой области.

Если в известной степени дана картина того, что есть, то во всяком случае абсолютно ничего положительного нельзя сказать о тех мерах, которые предлагается принять для улучшения положения дела в будущем.

Докладчик тов. Шумятский предлагает в целях устранения недочетов в работе судебных и следственных органов по делам о нарушениях правил техники безопасности и об авариях принять ряд мер.

Какие это меры?

«Резко улучшить качество расследования».

Если считать мерой пожелание — резко улучшить качество расследования, то можно сказать, что задача блестяще разрешена: пожелание выражено очень ясно, очень... резко. Однако едва ли это поможет в какой бы то ни было мере реальному улучшению расследования. Наоборот, можно предположить, что такие предложения способны скорее резко ухудшить положение дел, ибо обычно вместо того, чтобы действительно наметить меры для улучшения дела, выдвигают такого рода «остроумные» и беспредметные предложения и пожелания, и при том палец о палец не ударяют для того, чтобы реально показать, как такое улучшение можно достигнуть.

Непосредственный анализ судебной практики вскрывает ряд недостатков предварительного следствия. Исходя из анализа этих недостатков, нам важно было получить конкретные предложения по улучшению этого дела. Однако принятие выдвинутых предложений ничего не изменит и будет только означать, что пленум расписался в полном бессилии.

Далее говорится: «В угольных районах Донбасса необходимо ввести должности помощника прокурора по трудовым делам, которые должны будут осуществлять надзор и за деятельностью горно-технической инспекции.

То же следует отнести и к Харьковской и Днепропетровской областям».

А в других областях резко улучшить качество следственной работы вы не хотите? По-моему, весьма неудовлетворительно следствие производится не только в указанных областях. Это надо по-честному сказать. Я думаю, что это предложение тоже является неудовлетворительным и не может быть принято.

Для того чтобы такое предложение серьезно выдвигать, нужно было вникнуть в его содержание. В самом деле: горно-техническая инспекция это есть учреждение, которое действует на основании положения и правил, утвержденных СНК Союза. Пленум Верховного суда не может обязать прокуратуру учинять надзор за инспекцией, которая сама осуществляет надзор. Если же речь идет о существе дела, то есть о том, что надо над инспекцией поставить прокурорский надзор, то это означает превращение прокуратуры в горно-технический надзор или в надзор за технической инспекцией.

Предложение превратить прокурора в технического инспектора, да еще в такого технического инспектора, который был бы способен контролировать самих технических инспекторов, то есть в какого-то сверх-инспектора, абсолютно неправильно.

Нельзя требовать, чтобы прокуроры обладали знаниями, которые бы позволили им действительно контролировать техническую инспекцию.

Это предложение абсолютно не продумано, и проведение его в жизнь не только не способно помочь делу улучшения нашей следственной работы, а наоборот, смешает все в одну кучу, совершенно устранит понятие о соотношении разного рода советских органов, о круге их обязанностей.

Если бы Верховный суд на основе фактов судебной практики представил правительству докладную записку о неправильных действиях органов технической инспекции, подверг действия различных органов технической инспекции критике, показал недостатки в работе этих инспекторов, если бы пленум Верховного суда, опираясь на свой судебный материал, мог бы осветить правительству все больные стороны инспекторской работы по технике безопасности и одновременно предложил меры к улучшению инспекторского технического надзора, это была бы серьезная постановка вопроса, это было бы ценным участием Верховного суда в государственном строительстве.

Вместо этого вносится несерьезное предложение о возложении на прокурора надзора за инспекторами. Я предлагал это предложение отвергнуть. Если прокуратура УССР согласилась с такого рода предложением, то моя обязанность отменить это постановление и не допускать возложения на прокуроров несвойственных им обязанностей сверхтехнических инспекторов.

Третье предложение — «резко осудить практику необоснованного привлечения к ответственности и осуждения по делам этой категории».

Опять «резко осудить». В какой мере вы предлагаете выразить это резкое осуждение? Назвать это головотяпством, преступлением против рабочего класса? Я готов на любую резкость. Но если бы задача пленума Верховного суда заключалась только в том, чтобы «резко осуждать» свои недостатки или недостатки своих органов

[1] Выступление дается в сокращенном виде.

и ничего практически не делать для улучшения работы, то это означало бы свести на-нет всю работу пленума Верховного суда.

Если Верховный суд примет такого рода предложение — «резко осудить практику необоснованного привлечения к ответственности и осуждения по делам этой категории, а с другой стороны, либеральную карательную линию, особенно по делам с человеческими жертвами», то что из этого может проистечь? По всем делам с человеческими жертвами будут стараться непременно дать строгое наказание, и всякие происшествия, даже действительно несчастные случаи будут рассматривать как диверсию, как сознательное преступление, заслуживающее самых жестоких мер наказания. А затем в надзорном порядке мы должны будем опротестовывать, отменять такие приговоры.

Основная трудность здесь, на мой взгляд, заключается в том, что в делах о нарушениях правил техники безопасности нередко очень трудно отличить простое нарушение правил техники безопасности от преступного, вредительского, сознательного нарушения.

Вся трудность дел этой категории заключается именно в сложности распознавания, является ли причиной несчастного случая, аварии, происшествия, просто нарушение правил техники безопасности, или это результат вредительского умысла. Вот в чем трудность. С другой стороны, почему вредитель, враг так часто пользуется аварийностью на производстве, для того чтобы совершать свою контрреволюционную работу и наносить ущерб и людям и нашему имуществу? Именно потому, что врагу очень легко укрыться за ширму простого нарушения правил техники безопасности.

На одном заводе в связи со взрывом цеха виновные были осуждены по 111 статье. Только через два года, в связи с новым делом, вскрылось, что это была диверсия. Трудность заключается именно в том, что объективно материальный состав этого преступления таков, что он одинаково будет и тогда, когда здесь имеет место диверсия, и тогда, когда здесь простое нарушение правил техники безопасности. Трудность заключается в том, что по материальным признакам часто бывает невозможно установить здесь наличие злого умысла.

И если пленум Верховного суда Союза на анализе материалов по целому ряду событий и фактов сумел бы показать, какие смежные области должны быть проверены при расследовании дел, связанных с нарушением правил техники безопасности, чтобы добиться истины, это могло бы быть полезным, это могло бы служить богатым материалом методического характера для того, чтобы наши следователи в будущем научились избегать неправильных выводов по тому или другому конкретному делу.

К сожалению, доклад и в этом направлении ничего не дал.

Когда читаешь тезисы тов. Шумятского, что нужно резко осудить, усилить, обратить внимание и т. д., невольно вспоминаешь блестящее выступление товарища Сталина на XVII съезде партии, когда он справедливо и беспощадно высмеял определенную категорию работников, которые мобилизуются, ставят вопрос ребром, у которых и сдвиги и перелом, а дело не двигается с места.

Возьмем следующее предложение: «Считать целесообразным созыв один раз в три месяца прокуратурой совещаний с привлечением инспекторов труда и инспекторов горно-технической инспекции, следователей и народных судей, на которых обсуждать итоги работы органов суда, следствия и прокуратуры по делам об авариях и нарушениях правил техники безопасности».

Я должен самым решительным образом возражать и против этого предложения.

Если мы установим, что каждые три месяца будут собираться такие митинги, совещания прокуроров, следователей, судей, инспекторов горно-технической инспекции, если они будут заниматься совещаниями вместо того, чтобы практически улучшать работу, то из этого ничего не получится. Я категорически высказываюсь против таких частых совещаний, потому что они, по существу, ничего не смогут дать, потому что они свяжут прокурора, следователя и судью в их практической работе и наконец потому, что на этих совещаниях прокурор может оказаться в плену у вредителя, засевшего в техническом надзоре.

Одним словом, предложения тов. Шумятского толкают нас на путь митингования, на путь пустопорожних совещаний и разговоров. И наконец последнее предложение — «в целях выпрямления карательной линии по делам этой категории дел обязать областные суды подытоживать работу судебных органов» и т. д.

Это хорошо. Но прежде чем выпрямлять линию, нужно наметить линию, нужно сказать, что в карательной политике наших судов плохо и какой должна быть карательная политика. Вы этого нигде не сказали, да и не могли ничего сказать, потому что оценка судебной политики определяется существом каждого дела, а докладчик не сумел показать нам на конкретных делах недостатки карательной политики и не сумел членораздельно сказать, какой должна быть в дальнейшем судебная практика по интересующим нас делам.

В силу этого должен сказать, что ни одно предложение докладчика принятым быть не может и даже не может быть сдано в какую-либо комиссию в качестве основы для решения.

При решении вопроса очень важно иметь в виду, как бы велико ни было значение следствия, что в конечном счёте нам важнее всего иметь чуткого, умного, вдумчивого, политически-разбирающегося, грамотного и политически-острого судью.

В этом отношении судьи стоят на более высоком и почетном месте, чем следователь и прокурор, потому что судья имеет возможность видеть дело шире, разностороннее. Прокурор видит дело, как бы стоя у подножья горы, а судья рассматривает дело, как бы находясь на вершине горы.

Прокурор дело рассматривает непосредственно, в пылу борьбы, как сторона, а суд рассматривает это дело, когда он хронологически уже несколько отошел от событий и когда, следовательно, он имеет возможность рассматривать эти события в более спокойном и уравновешенном состоянии. Отличие судьи от прокурора в этом отношении является колоссальным, и при том в пользу судьи, а не прокурора. Рассмотрение дела на гласном суде дает в руки

судьи дополнительно такой материал, который очень серьезно вооружает судью политически и материально, то есть по существу дела.

У прокурора или следователя, сидящего в тиши канцелярии и не работающего в свете гласности, таких преимуществ для установления истины, как вы знаете, не существует.

Все это свидетельствует, о том, что работа судей должна и может быть поставлена на очень большую высоту, в частности должна быть достигнута большая четкость и острота именно в таких делах, какими являются дела о так называемых нарушениях техники безопасности — так называемых,— потому, что под нарушениями правил техники безопасности часто скрываются в действительности самые острые самые жестокие формы и методы классовой борьбы.

Из всего этого нужно сделать очень серьезный вывод. Нам нужно разработать ряд мероприятий, которые поставили бы суды в более боевое положение, чем то, которое занимают сейчас.

В заключение тов. Вышинский на основе анализа целого ряда конкретных судебных дел (Одесской электростанции, Кемеровское, дело о пожаре в селе Белозерое Херсонского района и т. д.) подвергает резкой критике работу суда и выдвигает ряд конкретных предложений об улучшении работы судебных органов.

АКТИВ ПРОКУРАТУРЫ СОЮЗА

7 января 1938 г. состоялся актив работников Прокуратуры Союза ССР с участием работников прокуратур РСФСР, Московской области и г. Москвы.

В порядке дня собрания актива стоял вопрос о работе по приему жалобщиков и о жалобах в Прокуратуре Союза. Доклад по этому вопросу был сделан начальником отдела жалоб Прокуратуры Союза **тов. Тадевосяном.**

Жалоб и заявлений, доставляемых почтой, в Прокуратуру Союза поступило в 1937 г. вдвое больше, чем в 1936 г.

Если к этому добавить, что ежедневно в Прокуратуре Союза ССР бывает в среднем 500—600 человек, из которых 25—30% составляют жалобщики, приходящие со своими жалобами впервые, то станет ясным, насколько важно правильное регулирование этого потока жалоб и людей.

С принятием Сталинской Конституции безмерно выросло социалистическое правосознание широких масс трудящихся; в то же время весьма повысился авторитет прокуратуры, призванной вести неуклонную и беспощадную борьбу с нарушениями закона. Этим в основном объясняется указанный выше рост жалоб во все органы прокуратуры. Цифры поступления жалоб в периферийные органы прокуратуры говорят о том, что такой же большой приток жалоб имеет место и на местах.

Работа над жалобами должна быть построена таким образом, чтобы полностью оправдать доверие трудящихся к прокуратуре, а в то же время жалобы и заявления трудящихся должны быть использованы как материал, помогающий борьбе с нарушениями социалистической законности.

Самотек в этом деле, как и во всяком другом деле, нетерпим. Он приводит к бесплановой и бесперспективной «текучке», из которой нет и не будет выхода для тех работников прокуратуры, которые не сумеют правильно организовать свою работу по жалобам. Нельзя допускать того, чтобы аппарат прокуратуры был завален и заявлениями о всякого рода незначительных нарушениях закона, могущих быть устраняемыми другими органами, чтобы прокуроры были превращены в работников юридических консультаций, дающих советы гражданам и т. д. и т. п. А между тем, во многих местах так именно и бывает. Рассуждают обычно так: прокуратура является органом надзора за законностью, она должна вести борьбу со всеми нарушениями закона. Поэтому направляются из разных мест жалобы всех тех, кто жалуется на любое нарушение закона. Все же другие государственные органы, обязанные наблюдать за выполнением закона в своей области работы, плохо принимают посетителей и явно неудовлетворительно наблюдают за выполнением закона подчиненными им органами; многие профсоюзы до сих пор уделяют недостаточно внимания вопросам защиты и охраны трудовых и бытовых прав и интересов членов профсоюзов. Юридическая помощь населению организована из рук вон плохо, и органам прокуратуры сплошь и рядом приходится выполнять несвойственные им функции.

Но в результате такой работы прокуратуры страдают важнейшие области прокурорской деятельности, которая (деятельность) отнюдь не ограничивается разбором жалоб и заявлений трудящихся.

Не надо забывать при этом, что количество посещений гражданами прокуратуры и количество поступающих жалоб и заявлений растет прямо пропорционально росту качества работы прокуратуры: чем лучше и внимательнее прокуратура рассматривает заявления граждан, тем больше становится количество обращающихся в прокуратуру людей. И это вполне естественно.

Поэтому надо строить нашу работу таким образом, чтобы улучшение качества работы прокуратуры не тормозилось ростом количества обращений в прокуратуру людей, просьбы и жалобы которых могут и должны быть рассматриваемы и разрешаемы не в прокуратуре, а в других органах.

Надо добиться улучшения работы профсоюзных и других консультаций; порядок приема и рассмотрения различных категорий жалоб надо систематически разъяснять в печати, да и самим органам печати, нередко неправильно адресующимся к органам прокуратуры или направляющим в прокуратуру жалоб и жалобщиков, которые должны были быть направляемы в другие органы; надо разъяснять населению элементар-

ные процессуальные правила прохождения дел жалоб, так как незнание этих правил является в большинстве случаев причиной того, что граждане, минуя все местные инстанции, приезжают прямо в Москву со своими заявлениями и жалобами. Приезд в Москву в этих случаях, как правило, затягивает лишь разрешение дела нормальным порядком и излишне загружает центральные органы прокуратуры жалобами и заявлениями, которые с успехом могли бы и должны были быть разрешаемы на местах. Большинство жалобщиков обращается в Прокуратуру СССР (письменно или устно) вследствие того, что не знает установленного инстанционного порядка подачи жалоб, либо же рассчитывает быстрее добиться разрешения своей просьбы.

Но так как большинство жалоб, поступающих в Прокуратуру СССР, не требует вмешательства Прокуратуры Союза ССР, то они возвращаются на места для проверки или рассмотрения в различных местных органах власти или периферийных органах прокуратуры и, таким образом, замедляются темпы разрешения жалоб по существу, и жалобщики получают ответ позже, чем при нормальном прохождении жалоб по инстанциям.

В 1936 году при создании отдела жалоб Прокуратуры СССР был установлен следующий порядок: жалобы и заявления, поступающие в Прокуратуру СССР, и по своему характеру и содержанию не требующие вмешательства последней, тут же в отделе жалоб получают соответствующее правильное направление и преследуют двоякую цель: прежде всего, жалоба получает быстрое и правильное направление, о чем тут же жалобщик открытым письмом ставится в известность. Последнее обстоятельство также весьма важно: жалобщик, будучи немедленно извещен о том, что его жалоба (неправильно посланная им через голову всех местных органов власти в Прокуратуру СССР) переслана в тот орган, куда жалобщик должен был обратиться, спокойно ждет ответа от этого органа, либо же обращается к нему, требует от него ответа и уже не пишет во все инстанции в неведении, что стало с его жалобой.

До организации отдела жалоб все жалобы после их регистрации направлялись в разные отделы Прокуратуры и уже там решался вопрос, правильно ли жалоба вообще попала в Прокуратуру Союза ССР и требуется ли вмешательство Прокуратуры СССР. Понятно, что это совершенно зря удлиняло путь прохождения и без того по ошибке попавшей в Прокуратуру СССР жалобы и в конце концов приводило к тому, что отделы Прокуратуры Союза ССР, в свою очередь, зря тратили время на переотправку огромного количества жалоб на распоряжение периферийных органов прокуратуры. Таким образом, с созданием отдела жалоб преследовалась вторая цель — разгрузки оперативных отделов Прокуратуры СССР от жалоб, которые не требуют непосредственного оперативного вмешательства Прокуратуры СССР. Тем самым ставилась задача создания наиболее благоприятных в этом отношении условий для улучшения качества работы оперативных отделов и управлений Прокуратуры СССР.

Прошедший период работы отдела жалоб Прокуратуры СССР показал безусловную целесообразность такой организации работы по жалобам и это несмотря на то, что в работе отдела до сих пор еще имеется много недостатков, слаба квалификация прокуроров отдела и при том количество жалоб, подлежащих рассмотрению, в настоящее время вдвое больше, чем было при организации отдела жалоб.

Прокуратура РСФСР, которая по этому вопросу (о функциях отдела жалоб) придерживается иного взгляда и порядка, ударилась из одной крайности в другую: при старом руководстве Прокуратуры РСФСР существовал отдел жалоб, который принял на себя ряд функций всех остальных отделов прокуратуры и с ними не справился, бюрократически запутавшись в море бумаг, всяких собственных выдумок и отписок и, наконец, вместо организации контроля исполнения, вместо борьбы с волокитой по рассмотрению жалоб, сам стал источником нетерпимого бюрократизма и волокиты.

Взявшись за наведение порядка в этом деле, новое руководство Прокуратуры РСФСР фактически ликвидировало отдел жалоб, решив, что в отдел жалоб жалобы не попадают, а из центральной регистратуры управления делами они направляются непосредственно в оперативные отделы. Чем же занимается отдел жалоб? Он занимается лишь теми жалобами, в которых говорится о волоките в прокуратуре. Таким образом, урезав функции отдела жалоб, был восстановлен старый порядок прохождения жалоб, который существовал до создания отделов жалоб. Если стать на эту точку зрения, то отделы жалоб надо ликвидировать. Но это было бы неправильно, это означало бы завалить все отделы огромным количеством жалоб, которые не требуют вовсе оперативного их вмешательства и могут быть с успехом и большей быстротой разрешены другими лицами. В такой груде беспорядочно, почти прямо из почтового отделения, пришедших жалоб и заявлений весьма легко не заметить среди массы разнохарактерных сообщений о нарушениях закона такие, которые имеют существенное значение и требуют быстрого и серьезного реагирования со стороны прокуратуры.

В настоящее время после учета опыта прошлого в Прокуратуре СССР отдел жалоб организовал свою работу таким образом, что все поступающие по почте жалобы и заявления прежде всего просматриваются и размечаются квалифицированными секретарями-индексаторами. Они распределяют все жалобы и заявления следующим образом: жалобы и заявления на приговоры специальных судебных органов непосредственно направляются в соответствующие управления и отделы Прокуратуры СССР; точно также направляются в отделы и управления непосредственно все дополнительные и повторные заявления и жалобы. Эти жалобы и заявления не рассматриваются прокурорами отдела жалоб, так как в отделах и управлениях уже имеются (или будут иметься) производства по этим делам, поэтому совершенно излишне дублирование этой работы в отделе жалоб.

Но из числа повторных жалоб в отделе жалоб остаются те, которые указывают на волокиту в Прокуратуре СССР. Эти жалобы обязательно передаются прокурорам отдела жалоб с приложением справки о том, в каком отделе или управлении ведется дело. Прокурор отдела жалоб, получив такую жалобу, проверяет прохождение жалобы в Прокуратуре СССР.

В этой работе прокурору систематически оказывают помощь соцсовместители, которые работают в отделе жалоб.

Прокуратура СССР ежедневно получает 30—40 таких заявлений, указывающих на то, что несмотря на неоднократные письма и жалобы, отделы и управления Прокуратуры СССР не разрешают их и волокитят. Систематически проверяя эти жалобы, прокуроры отдела жалоб и их соцсовместители заставляют работников остальных отделов и управлений выполнять сроки рассмотрения жалоб, установленные правительством, а в случаях необходимости доводят до сведения Прокурора СССР и его заместителей о наиболее серьезных случаях волокиты.

Все остальные жалобы и заявления распределяются по предметному и территориальному признаку между прокурорами отдела жалоб, которые и решают вопрос о том, поручить ли прокурорам на местах (или другим государственным органам по принадлежности) заняться проверкой жалобы или заявления, присланного в Прокуратуру СССР, или же заявление требует оперативного вмешательства Прокуратуры СССР.

В последнем случае, если отдел жалоб сам не может принять необходимых мер, то прокуроры отдела направляют жалобу в соответствующий отдел или управление. В случаях, когда в жалобе говорится о серьезных нарушениях закона, она докладывается начальником отдела жалоб Прокурору СССР или его заместителям.

Прокуроры отдела жалоб берут на контроль и проверяют исполнение по жалобам также и в тех случаях, когда они видят срочность или существенность поставленных жалобщиком вопросов.

Построенная таким образом работа отдела жалоб привела уже к тому, что в декабре 1937 г. оказалось возможным освободить отделы от рассмотрения 40% поступающих в Прокуратуру СССР жалоб. Выяснилось, что не менее 40% жалоб являются такими, которые либо подлежали рассмотрению других органов и по юридической неграмотности жалобщиков попали в Прокуратуру СССР, либо же направлялись самим отделом жалоб на проверку или расследование прокурорским органам на периферии, ибо не требовали оперативного вмешательства других отделов и управлений Прокуратуры СССР.

Такой результат работы отдела жалоб Прокуратуры СССР был достигнут в последние месяцы, при более серьезном отношении прокуроров отдела жалоб к выполняемой ими работе. Это, конечно, должно дать возможность и остальным отделам Прокуратуры СССР поднять качество своей работы по поступающим к ним жалобам.

Работа по контролю исполнения во всем нашем аппарате находится не на должной высоте. Надо прямо сказать, что на сегодня, несмотря на принятые в этом направлении меры, нам не удалось еще добиться сколько-нибудь существенных результатов в этом деле. Объясняется это тем, что прежде всего давит на нас большое количество жалоб, и мы не умеем как следует организовать контроль исполнения в самих отделах по этому большому количеству жалоб. Обычно жалоба направляется на периферию — прокурору области или республики — для проверки, на всякий случай пишется: «о результатах сообщите к такому-то сроку», и все. Жалоба идет на периферию. Через месяц-два-три, а иногда и шесть, у нас, бывает, проснутся — проверят, и окажется, что даже не знают, зачем же требовали ответа от периферийного прокурора по этим жалобам. Отсутствует контроль исполнения распоряжений по жалобам, потому что эта работа выполняется формально, иногда просто для самостраховки. Дающему поручение, конечно, легко и спокойнее заставить другого работать, писать ответ по всякой жалобе. Но контролировать его уже не контролирует, ибо часто он не в состоянии это сделать, взяв совершенно напрасно на контроль тысячи жалоб и не справившись с контролем исполнения. В результате, когда начинается проверка, когда жалобщик пишет новые и новые жалобы, или когда из комиссии советского контроля, из Совнаркома, из ЦК партии приходят новые жалобы с требованием сообщить, что сделано, тогда у нас берутся за эти переписки, открывают папки и смотрят — там ничего нет, а в лучшем случае там лежит копия трафаретки: «ответ сообщите к 1 марта с. г.», папку же эту откроют в декабре и сконфуженно смотрят по сторонам. При таких условиях теряет всякий смысл эта работа. Что надо контролировать, когда надо требовать ответа от периферии? — этот вопрос для многих наших работников не ясен до сих пор. В результате получается нередко полное отсутствие контроля исполнения, и таким образом наша периферия не чувствует того, что раз мы, Прокуратура Союза, требуем ответа, то будем добиваться, чтобы этот ответ был нам прислан, чтобы наше распоряжение было выполнено. Периферия этого не чувствует и поэтому тоже сплошь и рядом не берет у себя на контроль наших поручений, а мы своей расхлябанностью не дисциплинируем периферию, а наоборот, дезорганизуем ее.

Для того чтобы ликвидировать такое положение, отделу жалоб и начальникам соответствующих отделов необходимо немедленно взяться за налаживание контроля исполнения. Контроль исполнения осуществлялся отделом жалоб в 1937 г. слабо.

Говорить вообще, что отдел жалоб должен контролировать исполнение распоряжений по жалобам, это не значит еще организовать как следует работу. Это далеко не значит подсказать должные методы контроля исполнения по жалобам, потому что если прокуроры отдела жалоб каждый день будут ходить по всем отделам и спрашивать — «что вы сделали по вчерашним жалобам, по позавчерашним жалобам, по жалобам, поступившим за последние 10 дней и т. д.», то тогда отделам не придется ничего делать и только отчитываться перед отделом жалоб в том, что они сделали по жалобам, поступившим несколько дней тому назад. Поэтому за последнее время нами намечены и проводятся в жизнь конкретные и реально выполнимые методы контроля за тем, как отделы рассматривают и разрешают жалобы.

Отдел жалоб поставил себе задачу помочь жалобщикам, которые пишут по несколько раз и не получают ответа, ликвидировать волокиту в отделах, не разрешающих своевременно их жалоб. Мы выделили сейчас все повторные жалобы и из повторных выделили уже те жалобы, которые указывают на волокиту в отделах. С такими жалобами прокурор отдела жалоб идет в соответствующий отдел и выясняет конкретно, кто является виновником волокиты и вообще имела ли место волокита и принимает тут же меры. Если оказывается, что жалоба не рассматривалась по вине кого-либо, то в этом случае докладывается начальнику отдела жалоб, который в

свою очередь докладывает Прокурору Союза и соответствующим заместителям, руководящим тем или другим отделом.

Цифры показывают, что мы за время существования отдела жалоб имеем заметное сокращение так называемых повторных жалоб. Если мы в самом начале организации отдела жалоб имели в Прокуратуре Союза 41—42% повторных жалоб, то в настоящее время мы имеем 24—26% повторных жалоб. Это говорит о том, что работа отдела жалоб и борьба с волокитой, которую отдел жалоб осуществляет, за это время себя оправдала. Так мне кажется потому, что при получении жалобщиком своевременно ответа он 2—3 раза уже редко пишет. Сокращение количества повторных жалоб показывает, что мы в этом отношении помогли жалобщикам в борьбе с волокитой у нас, в Прокуратуре Союза. В этом направлении, я думаю, и в дальнейшем надо расширять работу. Если обратиться к тому, как мы боремся с волокитой в периферийных органах прокуратуры, то мы должны сказать, что в этой части мы осуществляли работу значительно слабее.

Я думаю, что на ближайший год надо перестроить работу в направлении того, чтобы путем выездов на места проверить работу по жалобам в местных органах Прокуратуры, помочь им лучше это дело организовать, наладить контроль исполнения и добиться укрепления служебной дисциплины.

Прием жалобщиков в Прокуратуре СССР с июня 1937 г. организован в специально созданной приемной.

До организации приемной Прокуратуры СССР жалобщики, как правило, ходили по всем этажам здания в разные отделы и управления, нередко подолгу не могли найти соответственного прокурора, кому бы рассказать свое дело, тщетно добивались ускорения рассмотрения уже посланной по почте жалобы и т. д.

Создание приемной Прокуратуры СССР внесло порядок в дело приема жалобщиков в Прокуратуре СССР.

Вместо того чтобы жалобщики, пришедшие в Прокуратуру СССР впервые, ходили во все отделы и управления для изложения там своей жалобы, в приемной Прокуратуры СССР ежедневно дежурят два прокурора, которые принимают всех таких жалобщиков.

Выслушав жалобщиков, дежурные прокуроры либо тут же дают им необходимые разъяснения или указания, либо же в случаях, требующих длительной проверки поданных заявлений, направляют их в соответствующий отдел или управление Прокуратуры СССР (с приложением к заявлению своих предложений, если таковые сложились у дежурного прокурора при беседе с жалобщиком).

Жалобы, не требующие вмешательства Прокуратуры СССР, направляются дежурным прокурором на проверку периферийным органам прокуратуры (или другим государственным органам), о чем жалобщик здесь же извещается.

Если жалобщик недоволен действиями дежурного прокурора, он имеет возможность тут же обратиться к заведующему приемной, который либо ставит вопрос на окончательное решение перед начальником соответствующего отдела или управления, либо же докладывает Прокурору СССР.

Что касается жалобщиков, делами или жалобами которых уже занимались или занимаются отделы и управления Прокуратуры СССР, то прием их также в основном производится в приемной Прокуратуры СССР в определенные дни, отведенные для разных отделов и управлений.

В эти дни прокуроры и секретари отделов и управлений приходят в приемную и принимают жалобщиков, дают им справки, ответы на поданные жалобы и т. п. Таким образом, жалобщики без сутолоки и лишнего хождения по этажам получают в определенном месте необходимую справку или ответ по жалобе. Само собой понятно, что жалобщики, приехавшие из других мест в Москву, принимаются в тот же день.

Если жалобщику отказал в жалобе начальник того или иного отдела или управления Прокуратуры СССР, и он не удовлетворен этим отказом, то он не лишен возможности обратиться с жалобой к прокурору СССР и его заместителям, которые принимают этих жалобщиков и выносят свое окончательное решение по жалобе.

Вообще в Прокуратуре СССР установлен такой порядок, что жалобы (письменные или устные) на неправильный отказ или оставление отделом или управлением просьбы жалобщика без удовлетворения доводятся обязательно до сведения Прокурора СССР или его заместителей, которые и дают окончательный ответ на жалобу.

Этот порядок далеко не во всех органах прокуратуры соблюдается. Нередко бывает даже так, что Прокуратура СССР направляет прокурору республики на проверку жалобу, которая, как потом выясняется, уже была рассмотрена ранее и оставлена без удовлетворения кем-либо из помощников прокурора этой республики. И вот этот помощник, вместо того, чтобы доложить свое решение по жалобе прокурору республики, которому и принадлежит право окончательного разрешения жалобы, возвращает последнюю Прокуратуре СССР с сообщением о том, что им уже жалобщику отказано.

Это, конечно, неправильно и, помимо волокиты, приводит к устранению руководителя прокуратуры данной республики (или области, края) от окончательного разрешения поданного на его имя или пересланного ему из других органов заявления.

Таким образом, ряд мероприятий, проведенных в 1937 г., был направлен на то, чтобы лучше организовать прием и рассмотрение жалоб в Прокуратуре СССР. И надо сказать, что эти мероприятия оказались целесообразными и достаточно эффективными, хотя недостатков в работе все еще очень много.

Особенно надо сказать о том, что некоторые наши отделы до сих пор еще допускают серьезную волокиту в своей работе по жалобам. В настоящее время больше всего жалоб на волокиту в уголовно-судебном отделе, который систематически нарушает установленные правительством сроки рассмотрения жалоб. Я уже довел до сведения руководства Прокуратуры Союза о волоките и о нарушении сроков рассмотрения жалоб в уголовно-судебном отделе. Но только несколько дней тому назад я узнал, что там, оказывается, решили «упростить» свою работу, а именно: несколько тысяч жалоб, числящихся в «ожидающих», решили не контролировать, на них смотрят так — авось как-нибудь уляжется,—

либо жалобщики сами перестанут обращаться в Прокуратуру Союза, либо местные прокуроры что-нибудь напишут... Это, конечно, совершенно недопустимое положение. Это влечет за собой те же серьезные последствия, которые имели место в уголовно-судебном отделе Прокуратуры РСФСР несколько месяцев тому назад, и то, что мы имели в гражданском отделе Прокуратуры Союза 6 месяцев тому назад. Гражданский отдел Прокуратуры Союза после организации приемной сильно подтянулся. Раньше в нашем гражданском отделе было невозможное положение — ответы, которые давались жалобщиками, нередко представляли из себя полную дискредитацию органов прокуратуры; жалобщики приходили по несколько раз и не могли ничего добиться, потому что очень часто сами работники отдела и канцелярии отдела ничего не могли у себя найти; бывало так, что жалобу отдел давно уже разрешил, но переписку засунули куда-нибудь и вследствие этого не могут дать правильного ответа жалобщику. За последнее время гражданский отдел улучшил свою работу — приведена в порядок канцелярия; прием по гражданским делам сейчас хотя и производится один раз в пятидневку, но, тем не менее, мы уже не имеем того положения, которое было раньше, когда жалобщика принимают и дают такой ответ: «приходите завтра»; приходит человек завтра — ему говорят: «приходите через три дня» и т. д.

Положение в уголовно-судебном отделе сейчас напоминает то же самое, что было раньше в гражданском отделе. В этом отношении необходимо принять решительные меры.

Для того чтобы в 1938 году удовлетворить возросшие требования трудящихся к органам прокуратуры в области рассмотрения жалоб и заявлений, нам нужно устранить все эти недостатки в нашей работе, нужно особенное внимание уделить контролю исполнения по жалобам, необходимо заняться вплотную проверкой того, как районные и областные органы прокуратуры проводят в жизнь директивы правительства и приказы Прокурора СССР о рассмотрении жалоб трудящихся.

По докладу тов. Тадевосяна развернулись оживленные прения. Ниже мы даем в сокращенном виде выступления по докладу.

Тов. Бельдюгин (прокурор гражданского отдела Прокуратуры Союза).— Гражданский отдел находился в очень тяжелом положении с жалобами. Еще недавно в отдел поступало по 100 жалоб в день. В последнее время благодаря работе отдела жалоб количество жалоб значительно снизилось. Жалобы, которые шли из какого-нибудь районного города о том, что снимают перегородку, раньше направлялись в наш отдел, а сейчас они сразу направляются районному прокурору, в крайнем случае — областному прокурору.

Мне кажется, что надо отделу жалоб заняться еще одной отраслью работы, это — так называемой ведомственной перепиской. Под ведомственной перепиской у нас разумеют жалобу какой-нибудь организации, какого-нибудь учреждения (например, Заготзерно) на то, что из его дома не выселяют какого-нибудь Иванова. По существу это — не ведомственная переписка, а это самая настоящая жалоба учреждения по судебному делу. Но благодаря существующей до сих пор системе, при которой ведомственная переписка не подлежит ведению отдела жалоб, эта переписка не проходит через отдел жалоб. Я думаю, что и эти жалобы тов. Тадевосян должен взять под свой контроль.

Правильно, что обслуживание первичных жалобщиков стало гораздо лучше. Но когда мы переходим к обслуживанию вторичных жалобщиков, то мы должны говорить не о том, как обслуживает их на приеме аппарат отдела жалоб, а когда обслуживает, потому что здесь мы сталкиваемся с работой экспедиции и регистратуры. Мы часто наблюдаем неправильную регистрацию жалоб в центральной регистратуре. Недавно был такой случай: доцент Крылов подал жалобу, центральная регистратура завела карточку на Доцента. По карточке мы никогда бы не нашли жалобщика. И такие случаи у нас нередки.

Тов. Тадевосян сказал, что гражданский отдел стал лучше работать. Это объясняют тем, что мы спустились в канцелярию. Несколько месяцев тому назад мы спустились в канцелярию, сели среди работников канцелярии, и работа пошла иначе. Почему? Потому что к канцелярии нельзя относиться как к второстепенному участку. Надо поправлять на месте. Прокуроров посадили работать среди технических работников, и это дает большие положительные результаты. Гражданский отдел Прокуратуры РСФСР также значительно улучшил свою работу. Там нет нескольких тысяч нерассмотренных жалоб, как было раньше. Но мы от начальника гражданского отдела Прокуратуры республики часто не можем получить ответ на самый простой вопрос. Прокуратуре республики необходимо улучшить работу канцелярии, посадить одного из своих прокуроров в канцелярию, который следил бы за контролем исполнения.

Тов. Кузнецов (Прокуратура РСФСР).— О работе по жалобам при старом руководстве Прокуратуры РСФСР я говорить не буду, ибо состояние этой работы тов. Тадевосян правильно охарактеризовал как работу, порождающую бюрократизм, волокиту, хаос и т. д. Но чтобы правильно осветить положение, которое имеет место сейчас, мне все же хотелось бы сказать несколько слов, чтобы стало яснее — от чего мы начали и к чему мы пришли.

В Прокуратуре республики к началу сентября 1937 г. было нерассмотренных жалоб и незаконченных переписок в уголовно-судебном отделе 10 241, в гражданско-судебном отделе — 6000, в отделе общего надзора — 1000, а всего насчитывалось нерассмотренных жалоб до 20 000; многие из них не только в течение нескольких месяцев не были рассмотрены, но и не были зарегистрированы. Учет жалоб отсутствовал. В разных местах среди архивных переписок были обнаружены пачки жалоб, по которым даже были написаны и подписаны препроводительные письма на места, проставлены исходящие номера, но бумаги эти не вышли из Прокуратуры РСФСР. Как здесь уже говорил тов. Тадевосян, жалобщики, не получая в течение ряда месяцев ответа на свои жалобы, забрасывали Прокуратуру республики повторными жалобами, которые также оставлялись без ответа. С приходом в Прокуратуру республики нового руководства были приняты срочные меры, обеспечившие ликвидацию явно преступного отношения к работе с жалобами. Для устранения ненормального положения в работе с жалобами был мобилизован как

технический, так и прокурорский аппарат работников Прокуратуры Республики. Особое внимание было уделено подбору и закреплению по отделам технических работников, потому что текучесть технического аппарата доходила в Прокуратуре до 40%, а в отделе жалоб до 40—50%.

В результате реорганизации работы мы добились значительных успехов. За 4 месяца (сентябрь — декабрь 1937 г.) в Прокуратуру республики поступило 86 516 дел и рассмотрено 76 716 жалоб, причем на первое января 1938 года остались нерассмотренными в уголовно-судебном отделе 606 дел, а там в сентябре было 10 тыс. жалоб, в отделе общего надзора осталась 61 жалоба, а было 1000 жалоб, в гражданско-судебном отделе осталось 28 жалоб, было 6 тысяч жалоб. В общем по всей Прокуратуре осталось около 700 жалоб, то есть дневное поступление.

Сейчас в Прокуратуре республики гражданско-судебный, следственный отдел и отдел жалоб, отдел по надзору за местами заключения работают каждый день с жалобами, поступающими в этот день. И только уголовно-судебный отдел отстает на 5—6 дней.

У нас, кроме мероприятий по ликвидации недостатков работы по жалобам, произведена была еще реорганизация, о которой здесь тов. Тадевосян говорил, что она будет предметом особого обсуждения. До реорганизации у нас существовал такой порядок, при котором все первичные жалобы и заявления поступали в отдел жалоб. Сейчас дело обстоит таким образом: если раньше отдел жалоб сортировал жалобы и от него часто зависело направить жалобу в тот или иной отдел, что составляло и волокиту, и бюрократизм, и обезличку, все что угодно, то отдел жалоб сейчас у нас превращен в самостоятельный оперативный отдел, на который в части рассмотрения жалоб возложено следующее: рассмотрение жалоб на волокиту в центральном аппарате Прокуратуры республики, в периферийных органах Прокуратуры, с исполнением судебного решения, с взысканием алиментов, и рассмотрение жалоб, не входящих в компетенцию оперативных отделов Прокуратуры республики, а все остальные жалобы из центральной регистратуры направляются непосредственно в оперативные отделы по принадлежности. Там они рассматриваются по существу.

Тов. Тадевосян говорил, что ряд мероприятий, которые были проведены здесь, дали хорошие результаты, а вот наши мероприятия, то есть мероприятия Прокуратуры республики тоже говорят об очень положительном явлении. Можно ли однако заявить, что все недостатки у нас устранены, что все у нас в порядке? У нас до сих пор еще как в отделе жалоб, так и в других отделах не подобран соответствующий квалифицированный состав работников. Это ведет к тому, что наши работники во многих случаях путают, рассматривают жалобы и решают их не по существу, а иногда напишут так, что и сами не разберутся. У нас еще плохо обстоит дело с архивом, архив запутан за несколько лет. Сейчас положение с архивом такое, что когда надо дать ответы по жалобам за 1936 г. и первую половину 1937 г., то мы не знаем, как эти первичные переписки разыскивать.

Сейчас мы это дело постепенно приводим в порядок.

Одним из основных тормозов в нашей работе является путаница и разнобой в постановке работы по жалобам в областных и краевых прокуратурах. В Прокуратуре РСФСР были заслушаны доклады нескольких краевых и областных прокуратур о работе по жалобам. Выяснилось, что каждый край и каждая область по-своему ставит работу с жалобами. В одних прокуратурах отдел жалоб превращен в маленькую прокуратуру области — там рассматривают и жалобы и дела по существу, сами требуют дела, сами отказывают, сами приносят протесты. В других прокуратурах отделы жалоб ничего не делают, а только направляют жалобы в оперативные отделы, то есть выполняют функции центральной регистратуры.

Тов. Григорьева (Прокуратура РСФСР).—Я хочу внести два предложения, которые на мой взгляд могут помочь улучшить работу.

Согласно ст. 254 ГПК областные и районные прокуратуры ограничены сроком затребования дел (3-месячный срок). Я считаю, что этой статьей работники на местах неправильно пользуются. Они рассматривают эту статью так, что она дает им право не принимать совершенно к рассмотрению жалоб вообще на решения судов и писать жалобщику, что за истечением срока, указанного в 254 ст. ГПК, им следует обратиться в Прокуратуре РСФСР. Я считаю, что указанная статья ограничивает право истребования дел, но не ограничивает право рассмотрения жалобы по существу, и в тех случаях, когда прокурор считает, что необходимо по этой жалобе затребовать дело, он может обратиться в прокуратуру республики за получением санкции на затребование дела. Таких жалоб поступает довольно большое количество к нам непосредственно.

Практически получается, что мы, не желая подменять работу на местах, посылаем эти жалобы обратно прокурору области, а прокурор области направляет в районную прокуратуру. Таким образом, жалоба получает обратное направление.

Другой вопрос — относительно того, что мы часто получаем жалобы без тех документов, на которые жалобщики ссылаются. В частности, мы получаем жалобы без решения судов, без постановлений, принятых областным прокурором. Это затягивает рассмотрение жалоб и не дает возможности своевременно рассмотреть жалобы. В таких случаях мы или требуем дело, или надзорное производство, или посылаем жалобу на место. Я не предлагаю не рассматривать жалобы без решения суда, но в этом направлении, я считаю, нужно вести разъяснительную работу, которая даст существенные результаты. Надо было бы дать указания на места, чтобы, рассматривая жалобу и отказывая по жалобе, районный и областной прокуроры в своих постановлениях указывали бы, что в тех случаях, когда жалобщик считает необходимым обжаловать отказ в вышестоящий орган прокуратуры, он прилагал бы документы. Это ускорит рассмотрение жалоб и улучшит работу.

Тов. Кузин (Прокуратура РСФСР).—Задача Прокуратуры СССР и Прокуратуры республики — это не ограничиваться тем, чтобы хорошо работать с жалобами внутри аппарата. Само собой разумеется, что мы несем ответственность и за периферию. В частности, в Прокуратуре рес-

публики, по-моему, настал такой момент, когда этим делом особенно нужно заняться потому, что положение по работе с жалобами в областях и районах очень плохое. По поручению Прокурора республики я недавно выезжал в Курскую область и под свежим впечатлением остановлюсь на том положении по работе с жалобами, которое я там нашел. Когда меня посылали в Курск, я был предупрежден, что отдел жалоб там по существу работы почти никакой не ведет. При выезде я в первую очередь обратил внимание на контрольные жалобы. Оказалось, что контроль там обратился в свою противоположность. Из 224 контрольных жалоб я насчитал только 15 не просроченных, а остальные все были просроченными, со сроками исполнения примерно с мая — июня 1937 года. Я взял на выборку жалобы так называемого общего поступления. Они гораздо выгоднее выглядят в смысле сроков прохождения, чем так называемые контрольные жалобы. Этих жалоб 32% разрешаются в течение 10 дней, а контрольные жалобы, как я уже сказал, все просрочены. Само собой разумеется, что на контроль берется та жалоба, которая наиболее актуальна. Между тем положение с этими актуальными жалобами такое, что некоторые жалобы волокитятся месяцами. Почему? Общая трафаретная ссылка, что не отвечают районные прокуроры. В некоторых случаях эти ссылки подтвердились, а в большинстве случаев такие ссылки на районных прокуроров неосновательны. Там тоже бывает, как у нас: получают ответ по одной жалобе, а подошьют его к другому наряду. Когда проводилось областное совещание, многие прокуроры приглашались в канцелярию, чтобы объяснить, почему за тем или иным районом такая задолженность; и прокуроры сплошь и рядом удивлялись: «Чего же вы ждете, когда мы вам давно уже ответили». То, что я встретил в Курске, это в буквальном смысле слова издевка над посетителями. Там выделяется дежурный прокурор по приему жалобщиков, но жалобы этим прокурором не рассматриваются и не разрешаются — дежурный прокурор только распределяет жалобщиков: кого направит к справочному окошку, кого — в оперативный отдел. И вот некоторым жалобщикам приходится быть в 3 очередях в один день: к дежурному прокурору, к справочному окну и в оперативный отдел, где его жалоба разрешается по существу.

Я объездил 4 района и нигде никакого учета жалобщиков по личному приему не видел. Это дело проходит безотчетно. Из этой поездки и из некоторых других наблюдений понятна, товарищи, история так называемых повторных жалоб. Дело в том, что у нас, в Прокуратуре республики, если взять в частности судебно-гражданский отдел, таких повторных жалоб гораздо больше, чем первичных. А как раз повторные жалобы являются показателями нашей плохой работы и плохой работы нижестоящих прокуратур. Такие грехи, конечно, имеются и в областной прокуратуре и в Прокуратуре республики, и в Прокуратуре Союза.

Конечно, очень соблазнительно было бы построить так работу, чтобы было единообразие с внешней стороны. Но внешняя сторона в данном случае не решает дела. Единообразия здесь придумать, конечно, нельзя, уже потому хотя бы, что нет еще надлежащего опыта в этой области работы. Главное внимание надо обратить на работу по существу.

Тов. Гродко (Прокуратура СССР).— Вопрос о жалобах с точки зрения приема жалобщиков, я думаю, сейчас у нас в Главной военной прокуратуре, с помощью отдела жалоб, в частности тов. Тадевосяна, можно считать более или менее благополучным. У нас ликвидировано сейчас положение, когда, как говорил тов. Тадевосян, десятки и сотни жалобщиков толпились в отделах Военной прокуратуры. Прием основной массы жалобщиков перенесен вниз, установлены точные дни приема. Если рассмотрение какой-нибудь жалобы затянулось, тов. Тадевосян мне часто звонит, подталкивает. Если мы не во время начинаем прием — нам об этом также напоминают. Так что этот вопрос можно считать более или менее решенным.

Но вот вопрос с письменными жалобами у нас обстоит не так благополучно. У нас значительно ослаблено внимание к этим жалобам. Если раньше каждого оперативного работника буквально жгло, что у него жалоба не разрешена или не рассмотрена на следующий день после получения, то сейчас к этому вопросу наши оперативные работники относятся в достаточной мере спокойно. Когда пытаешься установить у товарищей, сколько у вас на сегодняшний день жалоб, то ни один товарищ на этот вопрос не может ответить даже более или менее приблизительно. Даже секретариат точно не может сразу сказать. Значит, товарищи не желают этого дела знать, значит, они относятся к нему хладнокровно. И сейчас никто не проверяет, сколько у кого жалоб, какие жалобы и сколько из них старых. На это дело нам придется сейчас крепко нажать.

Очень неблагополучно обстоит вопрос с жалобами, которые мы посылаем на периферию. Там совсем плохо. В ряде отделов ГВП каждому прокурору был предъявлен целый список жалоб, которые волокитят с прошлого года. Придется на это дело приналечь и кончить уговаривать не 3—4 раза прокуроров, что они должны отвечать жалобщику. Придется выбрать особенно волокитные жалобы и с завтрашнего дня засесть на телефон, использовать телеграф, чтобы покончить с таким безобразным отношением к делу, которое у нас существует в настоящее время.

Еще один момент, на котором необходимо остановиться в связи с затронутым вопросом. Мы в транспортном отделе стремимся много вопросов разрешать не при помощи переписки, а там, где это можно, посредством телефонной связи. Но все же мы недостаточно боремся за то, чтобы законное право жалобщика разрешалось даже тогда, когда установлено, что нарушено его законное право. Некоторые товарищи беспомощно разводят руками и говорят: «Не выполняют наших требований». По тем жалобам, по которым мы устанавливаем, что нарушено законное требование граждан, военнослужащих, работников милиции, вообще всех тех, кого мы обслуживаем, мы обязаны добиваться в самый кратчайший срок выполнения закона и привлечения к ответственности тех, кто волокитит дело.

Тов. Молокошер (Прокуратура РСФСР).— Товарищи, вопрос о порядке работы с жалобами, вопрос о структуре аппарата имеет чрезвычайно большое значение.

Прокуратура РСФСР имеет опыт работы с жалобами по структуре, которая существовала до начала третьего квартала прошлого года, и в те-

чение менее одного квартала — по структуре, действующей сейчас. Результаты по Прокуратуре РСФСР здесь огласил тов. Кузнецов. Если в Прокуратуре РСФСР мы имели положение, в частности в уголовном и гражданском отделах, когда лежали десятки тысяч нерассмотренных жалоб, то сейчас, по состоянию на 1 января 1938 г. мы имеем картину, резко отличную от прежнего положения: остаток нерассмотренных жалоб равен дневному поступлению. Эти результаты были достигнуты, с одной стороны, за счет некоторого усиления аппарата в смысле укомплектования штатов отделов, а с другой стороны и главным образом — эти результаты были достигнуты благодаря той системе, которая была применена. Ведь основное в работе с жалобами — это, чтобы жалоба проходила как можно меньше звеньев, пока она доберется до того, кто должен разрешить эту жалобу по существу. Чем меньше звеньев, тем меньше волокиты с этой жалобой, тем быстрее она будет рассмотрена. И вот система, которая сейчас существует в Прокуратуре РСФСР, с моей точки зрения, обеспечивает наибыстрейшее попадание жалобы в руки того работника, который этой жалобой будет заниматься по существу. Раньше жалобы поступали к ответственному исполнителю отдела жалоб непосредственно из экспедиции, без регистрации, затем этот ответственный исполнитель читал все без исключения жалобы, часть из них отсеивал, направлял на периферию, часть направлял в оперативные отделы, часть принимал к своему рассмотрению. Те жалобы, которые шли в оперативный отдел, заносились на карточку, затем они в оперативном отделе вновь заносились на карточку и только потом попадали к ответственному исполнителю. Только с этого момента начиналось рассмотрение жалобы по существу. Здесь, с моей точки зрения, две неправильности: во-первых, жалоба попадала к ответственному исполнителю отдела жалоб без предварительной регистрации, а отдел жалоб Прокуратуры РСФСР работал очень неважно. Там никто не отвечал по существу за жалобы, поступавшие в аппарат. И если получалась повторная жалоба, то не знали, где искать первичную жалобу. Это было первым недостатком.

Второй недостаток заключался в том, что прежде чем жалоба попадала к ответственному исполнителю соответствующего отдела, она проходила чрезвычайно много звеньев: первую регистрацию, вторую регистрацию и, наконец, попадала к ответственному исполнителю отдела жалоб, то есть она проходила три руки, не считая экспедиции, прежде чем попасть к ответственному исполнителю отдела.

Здесь тов. Тадевосян говорил, что в аппарате Прокуратуры Союза некоторые жалобы направляются отделом жалоб Прокуратуры Союза непосредственно на периферию, минуя оперативные отделы, а некоторые жалобы, которые по мнению работников отдела жалоб являются очень серьезными, передаются для рассмотрения по существу в оперативный отдел. И тов. Тадевосян рассказывал, что одним из недостатков работы отдела является то, что жалоба, направленная из отдела жалоб в оперативный отдел, не рассматривается по существу, а направляется на периферию чуть ли не по той трафаретке, по которой направлялась раньше. При той системе, которая имеет место сейчас в Прокуратуре РСФСР, не может быть такого положения, так как жалоба попадает в руки того работника, кто является специалистом этого дела.

Есть одно коренное различие между характером работы Прокуратуры РСФСР и Прокуратуры Союза. Я не ошибусь, если скажу, что больше половины всех поступающих жалоб — это жалобы по гражданским делам; по крайней мере в Прокуратуре РСФСР картина именно такова. Разница в положении между Прокуратурой РСФСР и Прокуратурой Союза заключается в том, что если Прокуратура Союза может эту жалобу направить республиканской прокуратуре, то Прокуратура республики такую жалобу, в том случае, когда упущен надзорный срок низовых органов прокуратуры, направить на периферию не может.

Тов. Вышинский.— Дайте поручение.

Тов. Молокошер.— Говорят, что мы обязаны дать развернутые указания, мотивированные указания, почему мы требуем дело...

Тов. Вышинский.— 254 статья Гражданского процессуального кодекса говорит о том, что краевой прокурор не может самостоятельно возбуждать надзорное производство. А если вы ему даете поручение, то он действует от вашего имени.

Тов. Молокошер.— Нам это категорически запрещают работники союзной прокуратуры.

Тов. Вышинский.— Вам запретили?

Тов. Молокошер.— Да.

Тов. Вышинский.— Разрешите мне отменить это запрещение. Я думаю, что как-нибудь мы здесь договоримся. А кто из наших работников вам об этом говорил?

Тов. Молокошер.— Я фамилии вам не сумею назвать. Руководители нашего отдела, будучи здесь на совещании, сказали нам потом, что такова директива гражданско-судебного отдела.

Таким образом, вся масса жалоб по гражданским делам, по которым истекли надзорные сроки для краевых прокуратур, попадает в Прокуратуру республики.

Тов. Кузнецов докладывал, что наш отдел жалоб рассматривает жалобы на волокиту в центральном аппарате и на волокиту в периферийных органах. Прокуратура рассматривает жалобы не на исполнение судебных решений и жалобы, не имеющие отношения к Прокуратуре РСФСР. Но это не значит, что нашему отделу жалоб нечего делать. Насколько я понимаю, эта структура построена таким образом для того, чтобы отделу жалоб Прокуратуры РСФСР дать возможность заняться работой в периферийных органах Прокуратуры так, как он никогда этим делом не занимался. Отдел жалоб Прокуратуры РСФСР был занят текущей работой, его буквально захлестывали эти жалобы. А теперь отдел жалоб имеет возможность заняться вплотную организацией работы с жалобами в периферийных органах прокуратуры.

Эта структура дает возможность отделу жалоб заняться организацией работы отделов жалоб на периферии. Мы из отдела жалоб изъяли центральную регистратуру, экспедицию.

Я считаю, что это в основном правильные функции, потому, что если жалоба быстро попадает непосредственно в руки того ответственного исполнителя отдела, к компетенции которого относится эта жалоба, то она будет разрешена и быстрее и правильнее по существу.

Практика показывает, что эта структура не так плоха. Мы разгрузились не только за счет того количества людей, которые имеются в отделах, но и за счет того, что мы правильно организовали это дело.

Тов. Бомас (Прокуратура СССР).— Я хотел бы остановиться на некоторых фактических вопросах работы отдела жалоб в связи с докладом тов. Тадевосяна.

Тов. Тадевосян указывал на то, что контроль у нас отстает. Это верно. В качестве меры на ближайшее время он наметил выезды на места работников отдела жалоб для усиления работы по контролю.

Мне хотелось бы напомнить, что кроме выездов, которые мы, к сожалению, часто практиковать не можем, потому что у нас нехватает для этого работников, необходимо использовать еще одно средство, которое с успехом было использовано в прошлом году и дало положительные результаты в смысле улучшения постановки работы на периферии. Мы стали значительно скорее получать ответ по отделу жалоб. Мы вызывали с мест ряд прокуроров, работников отделов жалоб. Это дало значительные успехи в работе, особенно по линии контроля. К такому методу тоже нужно было бы обратиться, не только к выездам. Это — первое.

Следует отметить еще один недостаток в работе отдела жалоб, о котором тов. Тадевосян в своем докладе не упомянул. Это то, что отдел жалоб до сих пор не исполняет одну из своих функций, которая должна на нем лежать. Это вопрос об обобщении работы по жалобам, о сигнализации. Это, конечно, трудная работа, и прежде всего для этого нужно обеспечить, чтобы прокурор отдела жалоб получил бы возможность осмыслить свою работу, делать соответствующие выводы и своевременно сигнализировать Прокурору Союза и соответствующим отделам о наблюдающемся неблагополучии. До сих пор эта работа не поставлена.

У нас нет статистического учета жалоб. У нас только одна цифра — сколько в отдел поступило жалоб, сколько отправлено на периферию, сколько распределено по отделам. Но самого содержания работы по жалобам в цифрах не имеется. Может быть, сейчас можно поставить этот вопрос?

Прокуратура РСФСР строит свою работу по жалобам вне той общей схемы, которая преподана приказом Прокурора Союза. И хотя такая реорганизация произведена очень недавно, но, как видите, уже целый ряд товарищей из Прокуратуры республики выступали здесь и превозносили эту свою реформу как очень крупное достижение. Конечно, приглядеться к этой их работе и к их опыту необходимо. Но, мне кажется, еще слишком мало прошло времени для того, чтобы делать выводы, что это — такое большое достижение, нет пока еще оснований хвастаться. За что больше всего хвалят эту реформу? За то, оказывается, что отдел жалоб по новой структуре остался без жалоб. Говорят: раньше были у нас десятки тысяч заволокиченных жалоб, а теперь у нас вообще нет никаких жалоб, потому что мы все жалобы отдаем по отделам, а сами будем только наблюдать. Так как Прокуратура РСФСР, вероятно, будучи довольна этой своей реконструкцией, задумает провести такую систему по своей периферии, и в областях все отделы жалоб разгрузятся от жалоб, передадут их в оперативные отделы, то я не знаю, что же получится с самими жалобами в отделах. Что в отделе жалоб стало сейчас благополучно — этому я верю. Раз вы освободились от жалоб, значит, в отделе благополучно. Но что произошло в оперативных отделах и здесь и на периферии? Говорят, что отделы жалоб будут сейчас заниматься руководством работой периферии с жалобами. В каком направлении? Очевидно в таком же направлении — в смысле передачи всех жалоб в оперативные отделы. Это не выход из положения. Когда-то и у нас был такой порядок, и не было отдела жалоб, который занимался бы жалобами. Когда создавали отдел жалоб, то исходили не из аппаратных соображений,— приказ ясно указывал, что работа должна быть организована в направлении усиления и улучшения работы по жалобам, а здесь некоторые товарищи склонны подходить к вопросу так, что задачи отдела жалоб — освободить отдел от лишних жалоб. С такой точкой зрения подходить нельзя, потому что основное, из чего мы должны исходить, это — интересы жалобщиков. Если опыт показал, что такой постановкой работы мы улучшаем дело, то мы должны распространить ее и на другие республики и на аппарат Прокуратуры Союза, если же нет, то мы не должны руководствоваться такими аппаратными соображениями, как здесь высказал товарищ из гражданского отдела Прокуратуры республики. Он говорит: мы не пускали жалобы в оперативные отделы. С этой точки зрения, чтобы не пускать, мы подходить не можем.

Тов. Рычков (Прокурор РСФСР).— Нет нужды говорить о том, что работа с жалобами имеет чрезвычайно большое значение. Работа аппарата по рассмотрению жалоб отражается на работе всех отделов. Плохая работа с жалобами влияет на весь аппарат прокуратуры. Здесь нас упрекали, что работники Прокуратуры РСФСР выступают со слишком оптимистическими разговорами и говорят, что победу праздновать рано.

Я начну с недостатков.

Какое у нас положение с жалобами в прокуратуре республики? Чрезвычайно плохое. Нечего глаза закрывать на действительное положение. Товарищи здесь говорят, что мы достигли успехов. Правы они или неправы? Частично они правы. Они исходят из того положения, которое было несколько месяцев тому назад. Тогда положение нельзя было назвать плохим, неудовлетворительным. Тогда положение было катастрофическое. Товарищи исходят из того положения, когда было 20 000 жалоб, неизвестно каких. Часть жалоб лежала в мешках, часть в архивах 1936 года. Товарищи исходят из этого положения и говорят, что у нас сейчас все в порядке. Я считаю, что порядка нет до сих пор. Товарищам, здесь присутствующим, я каждодневно говорю: у вас самоуспокоенность наступила, не годится такое положение. Правда, нельзя же не признать того, что у нас на сегодняшний день всего на всего имеется жалоб в производстве первичных и повторных 650 вместо 20 тыс. Этого у нас никто не отнимает. Ведь нельзя же, товарищи, пройти мимо того, что в гражданском отделе сегодня рассматриваются жалобы вчерашнего поступления.

Почему я вынужден был освободить отдел жалоб от жалоб? У него было 10 000 жалоб и не было видов на снижение этого количества. Отдел

жалоб у нас был превращен не в то, что предусмотрено по приказу Прокурора Союза. В наш отдел жалоб шла вся поступающая в Прокуратуру РСФСР переписка, вплоть до личных, интимного порядка, писем помощников прокурора; это же факт, что помощники прокурора получали от отдела жалоб от своих жен и дочерей личные письма через полтора месяца. Надо было с этим положением покончить. Нужно было отдел жалоб расчистить. В отношении оперативных отделов было обратное положение: оперативные отделы жалобами не занимались. Уголовно-судебному отделу, например, как будто по штату положено знать, что делается на периферии, какого характера жалобы идут на действия районных и областных прокуроров, какие недостатки в приговорах, на что люди жалуются. Но в действительности оперативные отделы не занимались этими вопросами, потому что был отдел жалоб, который мариновал жалобы, а потом рассылал их по периферии.

Мы, как видите, разрешаем поступающие к нам жалобы быстро; но какое мы даем направление жалобам, как мы их разрешаем? К рассмотрению жалоб наши работники еще до сих пор подходят чрезвычайно поверхностно. Можно привести один пример: поступила жалоба от одного осужденного по 109 и 127 ст. ст. к 7 годам лишения свободы. Он пишет: «Я не виноват. Я — слесарь, меня выдвинули на руководство трестом, просидел я там три месяца, жулики были в этом тресте, подвели меня. В результате трест потерпел большие убытки». Ему дали 7 лет и был удовлетворен гражданский иск в размере 8 900 руб. Наш один «умный» человек посмотрел это дело, нашел, что человека осудили на 7 лет неправильно, что нет в этом деле 109 статьи, а есть 111 статья — халатность. Снизили ему срок наказания до фактически отбытого срока, а вопрос о гражданском иске обошли, гражданский иск остался. Человек этот приходит на-днях ко мне и говорит, что не довели его дело до конца. Я вызываю того товарища, который рассматривал его дело, а он говорит жалобщику: «Чего же ты сразу не говорил об этом?».

Качество приема. Плохо дело обстоит. Как будто дело простое,— поговорить с жалобщиком, дать возможность ему все сказать и понять, что хотят проверить, правильно или неправильно было решено дело. Ко мне приходят жалобщики, которого выслушаешь, видишь, что человек прав. Наши прокуроры не умеют по-человечески разговаривать с посетителями, с жалобщиками. Поэтому на качество приема надо обратить серьезное внимание.

Насчет архива. Мы выбираем из архива жалобы, которые разослали по местам и по которым давали указания. Мы назначили сроки, дали списки прокурорам и указали, что то-то и то-то числится за вами. Мы послали в Саратовскую область, Ярославскую, Курскую, наконец, вызываем людей и говорим: как вы там работаете. Мне кажется, что у работников периферии нет достаточной служебной дисциплины. Можно писать 2—3—4 раза — не отвечают, причем нельзя сказать, что во всех случаях ничего прокуроры не делают. Я несколько раз проверял их работу. По моему предложению прокурор приступил к проверке и проверку затянул. Ты видишь, что к сроку не выполнишь, напиши, что по вашему предложению или поручению окончательные результаты задерживаются тем-то. Мы бы жалобщику сообщили по-человечески, что ваша жалоба находится там-то, предпринято по ней то-то. Это доказывает, что служебной дисциплины нет. Для того чтобы наладить нормальную работу по жалобам, прежде всего надо усилить дисциплину периферийных работников, усилить борьбу с бюрократическим методом работы периферийных работников, с перепиской. Не ответили — опять пишем, опять срок назначаем, и так до бесконечности.

Такое положение мы выявили в Саратове. Мы просили выслать одно дело, мы не знали, каким судом был осужден жалобщик. Пишем саратовскому облпрокурору, пишем 8 месяцев, вызвали саратовского прокурора и что же выяснилось? Саратовский прокурор реагировал очень внимательно на наше отношение. Он прежде всего начал выяснять, где находится народный суд, которым был вынесен приговор. Оказалось, что этот народный суд находился в том же самом квартале, где помещается прокуратура.

Такой же случай имел место и в Курской прокуратуре. По одной жалобе дело тянулось около года.

Не отвечает районный прокурор. Спрашиваю: где же ваш районный прокурор? Всего в 13 километрах. Так вызовите его, пошлите к нему. До сих пор никак не используются телефонные разговоры, все надеются только на бумагу.

Весь недостаток в аппарате нашей прокуратуры РСФСР заключается только в том, что мы изменили систему. Изменить систему — это конечно очень легко. Но я считаю, что запутать положение можно и при нашем приказе и при другом приказе. Дело не в этом, а дело в том, чтобы повысить чувство ответственности за работу. Этого у нас до сих пор нет.

В отношении периферии мы, по существу, ничего не сделали. Мы пока только смотрим, что делается на периферии. Я должен сказать, что на периферии имеет место самый отчаянный разнобой.

В Курской прокуратуре сидит начальником отдела жалоб старший помощник прокурора. Вся переписка, какая поступает в областную прокуратуру, идет к этому товарищу, и он целый день занимается распределением переписки по отделам. Я указал ему, что «вы используетесь совершенно неправильно, не ваше дело почту распределять по отделам».

Мы были в Саратовской областной прокуратуре. Там вообще никакого порядка нет.

В Воронежской областной прокуратуре управляющий делами занимается этим делом, он получает переписку, посылает ее в отдел жалоб и из отдела жалоб она расходится по отделам.

Сегодняшний актив имеет, конечно, большое значение. Надо будет в конце концов к работе по жалобам нам крепко повернуться и установить твердый единый порядок.

Я знаю, что меня за работу с жалобами будут критиковать и правильно будут критиковать. Тут один товарищ уже квалифицировал это дело как самостийность, как недисциплинированность. Пока мы это рассматриваем как временную меру, введенную для того, чтобы дать возможность отделу жалоб заняться периферией и заставить оперативные отделы приблизиться к жалобам, посмотреть, что делается на периферии.

Тут товарищ Бомас говорил, что у нас, в Прокуратуре РСФСР, в отделе жалоб все чисто, а вот что в оперативных отделах делается? Я говорил,

что в оперативных отделах у нас тоже пока все в порядке — с точки зрения количественной, по существу же безобразий очень много.

Тов. Швейцер (Прокуратура СССР).— Самое плохое в работе с жалобами — это то, что исполнение по жалобам не контролируется; исполнение по сути дела кончается написанием первичного поручения, в дальнейшем контроля нет. В результате мы получаем массу повторных жалоб. Особенно в уголовно-судебном отделе, о чем здесь сегодня говорили. Я думаю, сегодня наша задача заключается не только в том, чтобы вскрыть все то, что у нас имеется нечеткого в работе, но и показать, как мы налаживаем эту работу и что у нас еще не доделано. Мы очень многое берем на контроль, а так как периферия совершенно не дисциплинирована, то на десятки запросов Прокурора Союза и его заместителей ответы поступают в совершенно непростительные сроки. По жалобе Пинского, например, переписка тянется целый год. Интересовался этой жалобой и тов. Вышинский, по его распоряжению мы неоднократно запрашивали, он сам подписывал эти телеграммы, но прокуратура Азербайджана (эта прокуратура отличается особенной недисциплинированностью) не реагирует на эти запросы и на телефонные звонки. Когда т. Шумовский временно исполнял обязанности прокурора Азербайджанской ССР, мы персонально обращались к нему. Он отвечал, но отвечал через три месяца после наших запросов.

То, что мы не следим за контролем, приводит к большому количеству повторной переписки, к разбуханию подчас очень маленькой, несложной жалобы, которую можно было бы решить, если бы мы сами во-время проследили за ответом. Прокурор Союза дал совершенно четкие и ясные указания, что надо брать на контроль. Беря что-нибудь на контроль, надо следить за этим контролем систематически, а не тогда, когда придут к нам из секретариата тов. Вышинского или когда нам напишет записку тов. Тадевосян, что мы заволокитили то или иное дело.

Волокита с жалобами происходит еще и потому, что сплошь и рядом на местах ответы по жалобам заключаются в трафаретной отписке: «Ваша жалоба оставлена без последствий за отсутствием оснований к принесению протеста». И когда к нам жалобщик присылает жалобу с приложением подобного невразумительного ответа, естественно, что мы по этому ответу не вправе ни ответить отказом, ни решить положительно.

Последнее — относительно нашего приема. Я должен сказать, что в этом отношении несомненно мы имеем достижения.

Но есть один перегиб и недостаток, о котором не говорил т. Тадевосян и о котором я хочу сказать сегодня. Мне кажется, что нужен некоторый отсев жалобщиков от справочного окна до кабинета прокурора. Некоторые жалобщики не разбираются в элементарных понятиях, что значит уголовное, а что значит гражданское дело.

Мы не вправе требовать от них даже минимальных юридических знаний, но мы вправе требовать, чтобы сидел квалифицированный секретарь, который бы мог спросить жалобщика, по какому он делу пришел, и дать ему точное указание, куда обратиться. При такой постановке работы 20—25 людей не сидели бы в приемной, а могли бы пойти в ту прокуратуру, где должны рассматривать их жалобы.

Тов. Дрыншев (ЦК ВКП(б).— Поставленный на сегодняшнем активе вопрос о жалобах имеет большое значение, в особенности теперь, когда к жалобщику, на основе нашей Сталинской Конституции, отношение должно быть лучше, чтобы жалобщик своевременно получал вразумительные ответы. Поэтому в первую очередь на этот вопрос должен дать ответ тот, кто рассматривает жалобы.

И вот с этой точки зрения когда подходишь к оценке сегодняшнего обсуждения вопроса, то мы ответа не находим. Мы только знаем, что жалоб у нас поступает очень много, что в 1937 г. количество жалоб в сравнении с 1936 г. увеличилось, что движение этих жалоб с точки зрения направления их стало сравнительно быстрее, что в конечном счете этим делом стали заниматься оперативные работники, прокуроры отделов и т. д. Это все правильно. Об этом говорят и цифры: около 70—75% жалоб направляется и разрешается в оперативных отделах. К сожалению, в Прокуратуре РСФСР ранее эти жалобы не только не поступали в оперативные отделы, а оперативные отделы просто не считали себя обязанными рассматривать жалобы. Прокурор себя не считал обязанным рассматривать жалобы — на действия ли судебных органов, на действия ли административных органов, а перепоручал это второстепенным и третьестепенным людям, то есть, по существу, прокурор не выполнял своих прокурорских функций.

Конечный результат рассмотрения жалоб — получил ли жалобщик удовлетворение — об этом вопросе товарищи здесь мало говорили. Тов. Ширвиндт сказал, что из реплики т. Вышинского явствует, что основное заключается в окончательном результате рассмотрения жалобы. А вы сами как начальник отдела разве не уяснили себе, что ваша первая обязанность — проверять конечный результат рассмотрения жалоб и дел. С жалобами мы по-настоящему, серьезно не занимаемся. Годами идет переписка между районным прокурором и областной прокуратурой, между прокурором республики и прокурором края или области. Тов. Рычков здесь говорил о недисциплинированности периферийных прокуроров в смысле несвоевременности ответов на запросы Прокуратуры республики. Вот именно по этому обстоятельству и нужно бить. Но для нас важно и другое: не обезличивать жалобы, знать где, в каком месте больше всего неблагополучно, где, в каких отраслях и по какой линии имеет место наибольшее ущемление законных прав граждан, где у нас особенно плохо — надо это знать для того, чтобы продемонстрировать на конкретных примерах эти недостатки и бить по ним.

Сегодня делались попытки уяснить, в каком хозяйстве особенно плохо, по какой линии идет нарушение революционной законности. Трудно понять это. Все обезличено. Наконец, не осветили совершенно вопроса с людьми. Люди формально относятся к разрешению порученного им дела. Нужно было показать людей, которые призваны выполнять отпределенные обязанности и не выполняют их добросовестно.

Когда мы запрашиваем прокуроров периферии, мы часто не можем получить не только вразумительного, но сплошь и рядом какого бы то ни было ответа. Вопрос, поставленный т. Рычковым, о недисциплинированности — очень острый, очень серьезный и очень важный вопрос.

В первую очередь надо драться за сроки разрешения жалобы по существу, ибо чем скорее удовлетворяется законное право жалобщика, тем легче на основании десятков, сотен и тысяч жалоб, в которых имеются сигналы о нарушении революционной законности, прокуратуре будет вести борьбу с этими нарушениями.

Если в этом разрезе поставить вопрос, то с этой точки зрения результаты были бы значительно большие. Нужно прекратить всякие рассуждения насчет организационной структуры. Эта структура установлена т. Вышинским, значит, ее нужно до конца провести. Организационная чехарда, которая производилась ежемесячно в Прокуратуре республики и в ряде краевых прокуратур, принесла нам вред. И тогда я квалифицировал действия бывшего прокурора республики Нюриной как вредительские, потому что никак иначе нельзя расценивать такое положение, когда в самой прокуратуре нельзя найти жалобы и нельзя найти лицо, отвечающее за эту жалобу.

Наконец пара слов насчет повторных жалоб. Конечно повторных жалоб в 1937 году меньше. Сейчас жалобы рассматриваются быстрее. Повторные жалобы есть результат волокиты. Но все же процент повторных жалоб еще достаточно высок. Это ведь — Прокуратура Союза, ведь в первую очередь жалобы поступают к районному прокурору, к прокурору области, республики. Я думаю, тов. Вышинский прямо должен вопрос поставить, что нам нужно прежде всего знать результаты рассмотрения жалоб.

И, наконец, насчет наших прокурорских работников. Я думаю, тов. Горбулеву неплохо было бы выступить и сказать — а как мы рассматриваем жалобы прокурорских работников. У нас десятки и сотни жалоб, жалоб очень серьезных. В этих жалобах вы можете увидеть не только то, что того или иного работника неправильно сняли или приписали неосновательно обвинение, но в этих жалобах характеризуется преступная постановка работы в отдельных прокуратурах того или иного края, области. Поэтому я также сигнализирую о том, чтобы работники Прокуратуры Союза при ревизиях, при обследованиях, при выполнении отдельных поручений Прокуратуры Союза не упускали из виду жалобщиков — самих прокурорских работников. В Зап.-Сибирской области ряд прокуроров снят с работы. А я не знаю, по каким основаниям — правильно или нет,— есть сомнения. Тов. Рычков сейчас проверяет это дело. Некоторые просто не считают нужным жаловаться дальше, а когда серьезно присмотришься к делу, оказывается, что не совсем основательно предъявляется обвинение.

Ведя решительную борьбу за выкорчевывание из аппарата прокуратуры всего чуждого, враждебного или вообще не способного работать, надо в то же время серьезно, и внимательно, и быстро проверять каждый факт снятия с работы того или иного прокурора, в особенности в тех случаях, когда ему предъявляется обвинение, что он извратил карательную политику, неправильно подошел к тому или иному конкретному делу.

Тов. Борисов (Прокуратура СССР).— Работники гражданского отдела Прокуратуры РСФСР ставили здесь вопрос о директиве относительно правильного применения и толкования 254 статьи Гражданского процессуального кодекса. Эта статья относится к вопросу об истребовании дел в порядке надзора.

Я хочу, товарищи, напомнить, что гражданских дел — миллионы. В 1936 году было рассмотрено 5 миллионов гражданских дел, и в этом году, надо думать, будет не меньше. И вот, если я буду без определенных установок и без всякого критерия требовать дела, то при моих 3 000 жалоб в месяц у меня будет 3 000 истребованных дел.

Вопрос о том, каких установок и какой политики держаться тогда, когда ставишь вопрос об истребовании дела, был предметом очень широкого обсуждения. Еще в прошлом году на Всесоюзном совещании работников по гражданским делам тов. Вышинским была дана установка, опубликованная во 2-м номере журнала «Социалистическая законность».

Я могу вам, товарищи, привести в виде иллюстрации хотя бы имевшееся решение по вопросу об истребовании дел между нами и гражданским отделом Прокуратуры РСФСР, что в тех случаях, когда мы остаемся недовольны решением гражданского отдела по тому или иному делу и предлагаем истребовать дело, то мы должны давать определенные мотивированные указания, почему мы считаем необходимым, чтобы было истребовано дело для проверки, почему мы не считаем возможным ограничиться теми документами, которые представил жалобщик. Прокурор, требующий дело, должен дать справку, что подозрительного есть в документах с точки зрения нарушения революционной законности. Только таким образом можно требовать дела. При истребовании дел в таком порядке мы будем обеспечены от огульного истребования дел.

Я приведу такой пример: мы предлагаем истребовать дело, указывая развернутые мотивы, в силу которых мы считаем необходимым дело истребовать. В ст. 254 УПК говорится, что только в течение 3 месяцев с момента вступления в законную силу приговора краевой прокурор и районный прокурор могут истребовать дело. Когда в Прокуратуре республики дело не читали, а мы видим ряд недостатков в их отказе, то мы должны указать им, что они неправильно сделали. Мы даем им определенные указания. Надо максимально использовать гражданский отдел Прокуратуры республики, поручая ему читать дела, когда он этих дел не читал. Работники гражданского отдела Прокуратуры РСФСР могут подтвердить, что это приносит им большую пользу, когда мы им указываем, почему надо истребовать дело...

Тов. Борисов.— В отношении 254 ст. ГПК как стоял вопрос? На имя тов. Вышинского поступили от Московской городской и Московской областной прокуратуры жалобы на действия Прокуратуры республики, которая в трафаретном порядке, не читая документов и не давая никаких указаний, посылала местным прокурорам предложение: «истребовать дело и проверить». И таким образом закон, который предоставляет по истечении 3-месячного срока требовать дела только республиканской прокуратуре, нарушался этим циркуляром. О чем тогда стоял вопрос? Если ты предлагаешь областному или краевому прокурору истребовать дело — дай ему указание, почему надо истребовать дело. Вопрос этот обсуждался на совещании у Прокурора

Союза, и было признано абсолютно недопустимым без определенных указаний, в порядке трафарета пересылать эти поручения областным и городским прокурорам. Этот вопрос обсуждался на совещании замов.

У нас было совещание, на котором я доказывал иное. Я указывал, что областные и городские прокуроры вовсе не свободны от того, чтобы читать дела по истечении трех месяцев. Дело ты истребовать не можешь, но ты можешь поставить в известность Прокуратуру республики, что, ознакомившись с такой-то жалобой, считаешь необходимым проверить дело и просить разрешить тебе это. Вместо того, чтобы тут же поговорить с жалобщиком, проверить и поставить вопрос перед республиканской прокуратурой об этом, местный прокурор освобождает себя от этих дел.

Между тем нигде не сказано, что жалобщику можно отказать в приеме, если прошло 3 месяца со дня истечения срока обжалования. Жалобщика приняли; убедились, что решение неправильно, и, ссылаясь на 254 ст., поставьте вопрос перед республиканской прокуратурой, которая и даст установку. Необходимо добиться единства в этом вопросе, хотя бы между союзными республиками. У нас по РСФСР райпрокуратуры имеют право в течение 3 месяцев со дня вынесения приговора истребовать дело, не приостанавливая приговора. Приостанавливать приговор имеет право только краевая прокуратура.

На Украине более жесткий порядок. Там райпрокурору запрещено вообще по 288 ст. требовать дело и, таким образом, первичная жалоба попадает в областную прокуратуру. От этого областная прокуратура чрезвычайно загружается и никаких поручений прокурорам давать не может.

Нельзя, чтобы райпрокуроры, принимая жалобщиков, были лишены такого права, как право истребования дела, чтобы иметь возможность сигнализировать республиканскому прокурору о всех обнаруженных нарушениях.

Речь тов. Вышинского

Если послушать выступления товарищей по вопросу о работе с жалобщиками в Прокуратуре Союза и в Прокуратуре РСФСР, то можно подумать, что у нас действительно дело обстоит благополучно. Даже тогда, когда отдельные товарищи делали некоторые оговорки — «конечно, еще нельзя сделать из этого вывода, что у нас все обстоит благополучно»,— то чувствовалось, что они кокетничают, думая, будто добились уже благополучия. А в доказательство приводятся некоторые цифры: было 10 тысяч дел, а теперь 2 тысячи, раньше был затор на десятидневный запас, теперь на однодневный. Выходит, будто все благополучно. Однако, так может казаться только тому, кто не знает дела. В самом деле, даже жалобы, направленные на периферию или в другие какие-либо органы и значащиеся во всякого рода статистических рубриках как разрешенные или рассмотренные, вовсе не разрешены еще. Нет ничего легче, как поступить с жалобами так, как рекомендовали здесь товарищи из Прокуратуры РСФСР: скомандовать «марш по местам», и все жалобы разойдутся по местам, а оттуда будут посылать приветственные телеграммы. В действительности я глубоко сомневаюсь в целесообразности такого решения вопроса.

Нужно прямо сказать, что с жалобами дело обстоит гораздо сложнее, чем это может казаться по одним только цифровым материалам. Конечно, когда в Прокуратуре лежат тюки неразобранных жалоб, когда неблагополучие столь очевидно, что не о чем и говорить,— тогда уж, разумеется, нечего говорить о каком-то качестве работы, потому что все качества налицо: жалобы запакованы в пачки, связаны в тюки и не движутся.

Но из того, что в отделах или в аппарате мало жалоб, сделать вывод о том, что с жалобами благополучно,— нельзя, потому что жалоба требует своего разрешения по существу, и только тогда, когда она действительно разрешена по существу — можно сказать, что с нею дело обстоит благополучно. К сожалению, именно этого мы не знаем; у нас нет даже учета, какое количество жалоб доведено до конца. А если глубоко покопаться, то окажется, что до конца доводится очень незначительный процент жалоб.

Даже отсутствие повторных жалоб тоже еще ни о чем не говорит. Если человек второй раз не пожаловался, это вовсе не значит, что у него дело обстоит благополучно. Повторно не жалуются по разным причинам. Может быть, человеку нечего жаловаться, потому что он в свое время жаловался, что привлечен к суду и следствию неправильно, а за то время, пока рассматривали эту его жалобу, он уже осужден или оправдан. Может быть, человек потерял надежду жаловаться в центр. Может быть, жалобщик умер. Разные причины могут заставить людей не подавать повторные жалобы. Конечно, некоторым показателем большего или меньшего благополучия отсутствие повторных жалоб может служить, но считать, что раз нет повторных жалоб, значит, дело в целом обстоит благополучно — у нас нет оснований.

Наконец, третье обстоятельство, очень важное. Ведь в самом деле, можно так или иначе разрешить сотню жалоб, но среди них можно плохо разрешить один десяток, а этот один десяток стоит тысячи других. В этом отношении как обстоит дело? Опять-таки мы ничего об этом не знаем.

Первый вывод, который мы должны сделать сегодня, заключается в том, что с жалобами у нас дело обстоит плохо. Плохо потому, что, прежде всего, это дело еще недостаточно организовано. Неорганизованность этого дела раньше всего сказывается в отсутствии правильного и систематического учета и самих жалоб, тех решений и тех последствий, которые должны следовать за каждым делом.

В этой связи встает во весь рост вопрос о качестве нашей работы с жалобами. Я смею утверждать, даже не считая себя обязанным иллюстрировать это какими-либо цифрами, что с качеством у нас дело обстоит очень плохо. Я не могу тут согласиться с тем, что распределение жалоб нельзя возложить на старшего помощника. Мне кажется, что распределение жалоб по отделам — дело далеко не техническое, а очень серьезное и важное. Что значит распределять жалобы по отделам? Это раньше всего значит знакомиться с этими жалобами и не посадить на это дело регистратора. Я утверждаю, что для того, чтобы работа с жалобами была поставлена на должную высоту, необходи-

мо, чтобы жалобы попадали в руки достаточно квалифицированного человека, больше того, достаточно чуткого, большевистски воспитанного, грамотного, знающего свое дело работника, ибо от того, что собою представляет жалоба, как она воспринимается, зависит направление жалобы. Мы возложили на отдел жалоб очень серьезные функции и обеспечили очень квалифицированными людьми. Я не хочу сказать, что до этого в бюро жалоб были неквалифицированные люди, но мы обратили большое внимание на подбор людей. Раньше посылались в отдел жалоб худшие работники: кто проваливался в отделах или на периферии. Мы установили другой подход к этому делу: в отдел жалоб нужно посадить не худших, а лучших прокуроров, по крайней мере, часть лучших, чтобы отдел жалоб мог рассматривать те вопросы, которые на него возлагаются, ибо отдел жалоб аккумулирует все жалобы, поступающие в прокуратуру. Это значит, что именно этот отдел, во-первых, разбирается в том, что с этой жалобой нужно делать вообще, и какие рычаги нужно привести в движение для того, чтобы эту жалобу рассмотреть.

Я думаю, что это — единственно правильный способ организации работы с жалобами, прежде всего потому, что это освобождает оперативные отделы от тех жалоб, с которыми им нечего делать. Мы считаем, что в оперативных отделах должны быть только те жалобы, которые этими оперативными отделами должны быть действительно разобраны по существу.

Почему у нас получалась страшнейшая волокита раньше? Потому, что в отделе жалоб жалобы поступали к регистратору, потом они направлялись в отделы; отделы второй раз читали то же самое, что читал регистратор, и жалобы возвращались отделами обратно, потому что отделам нечего было с ними делать. Получалось топтание на месте. Отдел жалоб существует для того, чтобы он мог работать с жалобами. В каком направлении? Во-первых, в направлении так называемого отсева тех жалоб, которые не должны рассматриваться в оперативном порядке аппаратом данной прокуратуры. Во-вторых, в направлении контроля, то есть как работают с жалобами оперативные отделы. И в этом отношении приказ Прокуратуры РСФСР неправилен, потому что он возлагает на отдел жалоб рассмотрение жалоб на волокиту в центральном аппарате Прокуратуры РСФСР и в периферийных органах прокуратуры, а мы хотим возложить на отдел жалоб контроль не только с точки зрения волокиты, но и с точки зрения решения вопроса по существу. Отдел жалоб имеет полное право сказать не только о волоките, но и о неправильном направлении жалобы из того или другого оперативного отдела.

На отдел жалоб возлагается первичное рассмотрение всех поступающих в Прокуратуру Союза жалоб, наблюдение за прохождением жалоб в отделах и управлениях Прокуратуры СССР, автономных республик, краевых, областных и районных прокуратурах, контроль за исполнением, выявление недочетов периферийных органов, составление отчетов в связи с жалобами. У нас тогда получится полнокровный отдел жалоб. Не просто регистратура и не отдел, который ведает только одной функцией — борьбой с волокитой, а отдел, который раньше всего имеет дело с жалобщиками, который этих жалобщиков выслушивает, направляет жалобы в соответствующие отделы, если сам не может решить вопроса, наконец, борется за дело жалобщика в других отделах. Отдел жалоб — это представитель жалобщика, его заступник в других отделах и перед другими отделами, он ревизор, он, если хотите, и адвокат его. Жалобщик приходит в отдел жалоб и говорит: не могу найти концов и выходов. Тогда прокурор из отдела жалоб должен итти с жалобщиком по пятам движения его жалобы, если нужно — итти в другие органы, чтобы ударить по волокитчикам. Вот функции отдела жалоб. Для того мы и создали отдел жалоб, чтобы жалобщик имел в аппарате Прокуратуры свою специфическую защиту, отстаивание его специфических интересов. Правильно это или неправильно? Мне кажется, что это правильно: это соответствует интересам государства, это соответствует требованию внимательного подхода к жалобщикам.

Может ли такую защиту выполнить отдел жалоб, построенный по приказу Прокуратуры РСФСР от 16 октября 1936 года? Нет, не может, потому что при такой структуре жалобы идут мимо отдела жалоб.

Меру, которую провел прокурор РСФСР, можно принять только в одном смысле: масса жалоб поступает, отдел жалоб «зашился», не может с этой стихией справиться, и поэтому надо распылить эту массу жалоб по отделам. Это можно понять только как временную меру, как меру, продиктованную нуждой, но нельзя эту нужду возводить в добродетель. Пора переходить к нормальным условиям работы. На каких основах? На основах нашего приказа о работе с жалобами, иначе вы из этого положения не вылезете, иначе вы ничего не добьетесь, чтобы оперативные работники в отделах могли обеспечить высокое качество разрешения жалоб.

Недостатки в работе Прокуратуры Союза конечно имеются. Вот, например, мне попалась на днях жалоба одного гражданина на один из отделов Прокуратуры Союза, в которой указывалось, что этот отдел отнесся невнимательно к жалобе, не разобрался в ней. Жена этого гражданина осуждена за растрату 17 000 руб. Муж пишет в своей жалобе, что сейчас всю сумму недостачи — 16 964 руб. — надо отнести не на счет ее ответственности, а на счет ответственности какой-то бухгалтерии, а посему просит это дело рассмотреть и опротестовать несправедливый, неправильный приговор. Когда я истребовал наблюдательное производство, то я увидел, что от этого же гражданина была ранее получена телеграмма, в которой он примерно излагал эти основные положения. И один из прокуроров, который эту телеграмму «прорабатывал», написал резолюцию, по которой был составлен ответ жалобщику, следующего содержания: «Отказать, ввиду отсутствия какого-либо представления о вашем деле», то есть представление создать по этой телеграмме о сути дела невозможно, а поэтому «отказать». Это большой недостаток. Накладывать такие резолюции — это очень большая ошибка, потому что если у тебя не создается представление, то ты позаботься, чтобы это представление откуда-нибудь получить, или истребуй дело, или запроси жалобщиков. Таких резолюций, к сожалению, и в Прокуратуре Союза имеется не малое количество. И если говорить о наших недостатках в работе с жалобами, то можно было бы приве-

сти много примеров подобного рода. Это свидетельствует о неправильных действиях наших товарищей, об их грубых ошибках, неправильностях по существу, которые перерастают в ошибки чисто политического характера. Очень часто, читая жалобу, видишь в этой жалобе, как в зеркале, работу всей нашей системы. И очень часто три лица, читающие одну и ту же жалобу, видят изложенные в этой жалобе факты по-разному; и чем менее квалифицирован тот, кто читает, чем менее он политически опытен, чем менее грамотен юридически, чем меньшим обладает прокурорским опытом, тем менее он способен в этой жалобе, кроме того конкретного случая, о котором написано в жалобе и который, естественно, больше всего интересует жалобщика,— увидеть еще то общее, что стоит за спинами этих буквально тысяч и десятков тысяч жалобщиков, обивающих пороги наших учреждений.

Жалоба нам важна не только, чтобы разрешить данный конкретный казус, данный конкретный случай по существу, в интересах нашего социалистического строительства, в соответствии с нашим социалистическим правосознанием, на точном основании нашего социалистического закона, хотя и в этом отношении жалоба играет громадную роль, а еще с той точки зрения, что жалоба подчас как прожектор освещает работу и путь движения дел в наших органах. И с этой точки зрения к жалобе нельзя относиться как к назойливой мухе, от которой лучше всего как-нибудь отмахнуться. Мы решительно объявляем борьбу такому отношению к жалобе и требуем, во-первых, чтобы отдел жалоб был укомплектован достаточно квалифицированными в политическом отношении прокурорскими работниками, чтобы там сидели лучшие работники, которые умеют работать по-большевистски, будут ли они партийными или беспартийными — безразлично, но, чтобы они были настоящими стахановцами, большевиками, которые чувствуют нужду человека, умеют не по трафарету подходить к живому человеку, а с той политической ответственностью, которая лежит на каждом из нас, поставленном на охрану советского социалистического закона.

Отдел жалоб — это один из основных рычагов в нашем аппарате. Я не преувеличу, если скажу, что правильная организация отдела жалоб — основное в системе прокуратуры, как хранительницы социалистической законности. Отдел жалоб должен стоять на гораздо более почетном месте, чем другие оперативные отделы Прокуратуры, ибо здесь завязываются и развязываются все отношения, какие встречаются в жизни. Здесь человек перед нами становится во весь рост, и наши отношения к человеку характеризуются тем, как мы относимся к его нуждам, как мы умеем решать тот вопрос, который называется затасканным словом «жалоба».

Правильно говорил здесь т. Дрыншев об умении обслуживать людей, любить людей.

Мы говорили о работе с жалобами у нас, в Прокуратуре Союза, в центральной прокуратуре. Не будем скрывать от себя, кое-каких успехов за это время мы достигли. Но особенно я обращаюсь к работникам наших оперативных отделов. Если в отделе жалоб немного налаживается порядок, проявляется система в работе, имеется кое-какой контроль, ведется некоторая борьба с бюрократизмом, с волокитой, с канцелярщиной, то в наших оперативных отделах этой борьбы еще раз для того, чтобы заострить внимание тоже в отделах. И то, что мы сегодня этот вопрос здесь поставили, вовсе не есть какая-то дань времени или моде. Мы поставили этот вопрос еще раз для того, чтобы заострить внимание товарищей на столь важном деле, как работа с жалобами.

Тов. Тадевосян гораздо острее работает, нежели сегодня изложил сущность своей работы, но мы, руководство Прокуратуры Союза, предпочитаем лучше, чтобы он и впредь острее работал, чем говорил. Все же нужно впредь на наших активах стараться более резко подчеркивать недостатки в нашей работе, чтобы аллилуйщиной даже и не пахло. А у кое-кого из нас это замечается, кое-кто склонен самоуспокаиваться. В этом отношении особенно отличаются наши цивилисты и отдел наблюдения за местами лишения свободы. Правда, т. Ширвиндт здесь признал, что он сам себя ловит на бюрократизме. Это, конечно, похвальное качество для наших прокуроров: он нагрешил, набюрократил, а потом говорит: «экий ты шалунишка, бюрократ, вот я тебя поймаю»! И поймал, хотя большею частью он себя не ловит. Но от этого бюрократического подхода у него не меньше, а нужно иметь в виду, что в том деле, которым руководит т. Ширвиндт, больше всего опасен бюрократический подход.

Громаднейшим минусом нашего сегодняшнего актива, по моему мнению, является то, что выступавшие товарищи здесь не доказали, что они поняли, в чем заключаются основные недостатки в работе с жалобами, в работе с посетителями. А это главное. Главный недостаток всех нас и наших отделов заключается именно в том, что мы пока решаем только количественные задачи, а до постановки проблемы качества нашей работы мы еще не подошли. Очевидно, наша задача наконец подойти к этому вопросу вплотную и его коренным образом разрешить.

Я полагаю, что нами будет разработано в ближайшие несколько дней на основе сегодняшнего обмена мнений письмо с практическим предложением прокурорам союзных республик в ближайшее же время провести такой же актив по вопросу о работе с жалобами в краях и областях, особо заострив внимание на руководстве работой наших местных периферийных органов прокуратуры, борьбой с бюрократизмом в работе с жалобами, на правильную организацию этой работы, достойной положения прокуратуры великой Сталинской Конституции.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Нередко приходится встречать лиц, практически хорошо знакомых с различными способами фотографирования, но не имеющих правильного представления о судебной фотографии. Некоторые, например, полагают, что достаточно знать портретную или видовую съемку, чтобы считать себя достаточно подготовленными к работе судебного фотографа.

Мнение это не только ошибочно, но и вредно, так как возбуждает легкомысленное отношение к одному из самых существенных разделов криминалистики. Судебно-фотографические методы имеют многочисленные особенности, обусловленные их специальными задачами, и благодаря этим особенностям служат часто единственным средством раскрытия преступления.

Поэтому одной из важнейших обязанностей каждого работника в области судебной фотографии является всемерное укрепление, развитие и усовершенствование тех научных данных, которые лежат в основе этой области.

Сущность судебной фотографии состоит в установлении истины исследуемых фактов посредством изображений, строго и точно соответствующих реальной действительности,— без всяких прикрас, искажений или неясностей, и с полной резкостью и глубиной проработки деталей, как видимых, так и недоступных наблюдению без помощи фотографии.

Необходимость достижения такого рода истины фотографического снимка встречается при самых разнообразных условиях места, времени и обстановки работы. При этом почти каждая из возникающих перед судебной фотографией задач отличается присущим ей своеобразием, требующим некоторых видоизменений в использовании предназначенного для ее решения метода. В то же время эта работа настолько тесно связана с уголовным расследованием, что малейшая методическая неточность может тяжело отразиться на судьбе, чести и достоинстве живого человека.

В виде пояснения можно указать, что нередко возникает потребность в точном и наглядном выявлении на фотографическом снимке рельефа пересекающихся чернильных штрихов для установления их последовательности во времени. От решения этого вопроса обычно зависит исход дела. Существующий для этой цели метод уже давно разработан и представляет собой особый вид фотосъемки под косым углом зрения и освещения.

Тем не менее, некоторые все же применяли прямое освещение, дававшее противоположные действительности результаты.

Естественно, что это влекло за собой до момента исправления ошибки самые нежелательные последствия.

Совершенно очевидно, что отмечаемое значение судебной фотографии обязывает всех посвящающих себя данной отрасли работы к тщательному и детальному изучению всевозможных постоянных, временных и случайных условий, от которых зависит необходимая для дела объективная истина фотографического изображения.

Поэтому трудно представить себе, чтобы лицо, берущееся за выполнение такой в высокой степени ответственной работы, могло пребывать в спокойном неведении о свойствах различных объектов с их недостатками, о качественных показателях фотографических эмульсий, о значении различных видов диафрагм и светофильтров, о влиянии относительного отверстия объектива на правильность и точность изображения, о спектральных свойствах световых лучей от разных источников освещения, о необходимости точного учета особенностей химических препаратов в зависимости от их происхождения, о значении кислого фиксажа и т. п.

Однако оказывается, что такого рода знания могут быть неизвестны некоторым из числа тех, кому они больше всего нужны. В этом отношении особенно показательна заметка В. Павловского, помещенная в № 8 журнала «Советское фото» за 1937 год, о моей книге «Судебная фотография».

При «оценке» этой книги В. Павловский пользуется приемами, которые не укладываются в понятие критики. Серьезная, строгая, иногда беспощадная критика, указывающая действительные ошибки и пути к их исправлению, и желательна, и необходима для развития знания. Но нельзя найти каких-нибудь разумных оснований для такой «критики», в которой, вместо рассмотрения недостатков, делается попытка очернить личные качества автора и редактора труда. Подобные попытки вытекают чаще всего из бессилия «критикующего» судить о том, в чем он сам мало компетентен.

Такова «критика» В. Павловского.

Недостаток знаний В. Павловский «компенсирует» несколькими способами. Свою фамилию он сопровождает отметкой: «Киевский институт научно-судебной экспертизы», создавая тем впечатление (для незнающих), что он является будто бы авторитетным представителем научного учреждения. Силе доводов он предпочитает (для незнающих) туманность неразъясненных намеков: «примеры говорят сами за себя», «не знаешь, что сказать», «вызывает удивление» и т. п. Простое и понятное описание двоякого применения ультрафиолетовых лучей для выявления невидимого он заменяет «ученьми» (для незнающих) словами об «остаточной фосфоресценции», «контактировании» и «коротковолновой радиации».

Некоторые, «приводимые на удачу примеры, которые говорят сами за себя», представляют собой либо подлежащее без сказуемого («теплое состояние эмульсии»), либо придаточное предложение без главного («светофильтр, который»... и т. д.) и поэтому ни о чем вообще говорить не могут, но представляют некоторый материал для характеристики «критических» приемов самого В. Павловского.

Остальные «примеры», «говорящие сами за себя», дают основание заключить — отчасти — о незнании В. Павловского о таких простых истинах, как, например, те, которые относятся к кривизне поля изображения, всесторонним свойствам диафрагмы и даже к значению нейтрализации щелочи проявителя кислотой фиксажа,— отчасти же — о непонимании им разницы между аппаратом Бертильона и метрическим объективом,

между цветоделительным процессом в целом и отдельными методами усиления, между озобромом по Манли и озобромом по Фаворскому (ср. состав).

Вместо того чтобы желать другим лучших сведений по химии, В. Павловскому следовало бы познакомиться практически с работой железным проявителем для проверки собственных химических знаний.

Относительно достаточно хорошо известного в судебной фотографии факта, что свет магния беден желтыми и зелеными лучами и поэтому не подходит для ортохроматических пластинок, В. Павловский может узнать путем опыта и прочесть об этом, например, в руководстве Урбана, изд. 1910 г., стр. 20. При желании другого литературного источника можно указать на «Судебную фотографию» Поппа, который, с своей стороны, говорит о том же и советует пользоваться в подобных случаях специальными «световыми патронами».

По поводу «удивления» В. Павловского относительно упоминания в книге заграничных препаратов при описании тех или других фотографических рецептов, следует иметь в виду, что необходимость получения точных результатов от определенного препарата обязывает точно знать его испытанные свойства в соответствии с его происхождением, но не обязывает добывать его там, где был выработан определенный его состав. Наивно думать, например, что гамбургскую колбасу или венские сосиски можно достать только в Гамбурге или в Вене.

По отношению к рис. 29 утверждение В. Павловского просто неверно: рисунок относится к оригиналу «Лейки», как это ясно отмечено в тексте книги.

И, наконец, рассуждения по поводу опечатки (1 500 вместо 1 050) не имеют какой-нибудь ценности, как не имели бы цены рассуждения по поводу опечаток в заметке В. Павловского, в которых значится, что длина световых волн измеряется миллиметрами, а Фаворскому принадлежит метод «Изоброма».

Есть основание надеяться, что в ближайшем будущем последует осуществление проекта организации центрального института научно-судебной экспертизы, и это откроет возможность поставить на должную высоту как работу местных институтов той же специальности, так и квалификацию отдельных работников в области криминалистики вообще и в частности — судебной фотографии.

С. Потапов

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

О ПОДГОТОВКЕ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ПОТРЕБКООПЕРАЦИИ МАТЕРИАЛОВ О РАСТРАТАХ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ОРГАНАМ РАССЛЕДОВАНИЯ

Своевременная и правильная подготовка материалов по делам о растратах для передачи органам расследования является одним из важных условий успешной борьбы в растратчиками и расхитителями социалистической кооперативной собственности.

От полноты и правильности оформления материалов, подготовленных организациями потребкооперации, зависит быстрое расследование дел о растратах и надлежащее их разрешение органами суда.

Поэтому Прокуратура Союза ССР и президиум Центросоюза СССР и РСФСР предлагают при передаче дел о растратах органам расследования руководствоваться следующим:

1. На имя органа расследования (милиции, следователя или прокуратуры), которому направляется дело для привлечения к уголовной ответственности обвиняемого в растрате, составляется заявление.

В заявлении кратко излагается, в чем состоит преступление, какая сумма похищена или растрачена, где и при каких условиях растрата была совершена, когда было выявлено данное преступление и кого, по мнению организации потребкооперации, нужно привлечь к уголовной ответственности, а также указываются лица, могущие быть свидетелями по настоящему делу.

2. О личности привлекаемого (или привлекаемых) в заявлении необходимо дать самые полные сведения: указать имя, отчество, фамилию, возраст привлекаемого, домашний адрес, номер паспорта или временного удостоверения, должность и срок его работы в данной организации.

К заявлению необходимо приложить фотографическую карточку привлекаемого, если она имеется у организации потребкооперации.

3. К заявлению о возбуждении уголовного преследования организации потребкооперации обязаны прилагать следующие документы:

а) акт ревизии соответствующего предприятия, организации, потребкооперации (лавки, сельмага, хлебопекарни, раймага, склада, базы и т. д.), где обнаружена недостача (растрата) материальных ценностей.

В акте, в итоге сверки натурных остатков материальных ценностей с книжными данными должен быть назван точный размер недостачи с обозначением, за какое время, где и у кого именно установлена недостача.

Если существующий учет позволяет, то должно быть указано, по товарам или по деньгам установлена недостача.

В акте также указывается, применена ли и из какого расчета скидка на естественную убыль товара.

Если акт не подписан бухгалтером организации потребкооперации, в предприятии которой обнаружена растрата (например, бухгалтером сельпо при ревизии лавки сельпо, бухгалтером райпотребсоюза при ревизии райунивермага и т. д.), то к акту должно быть приложено заключение бухгалтера по существу акта, в частности, по вопросу о расхождениях между данными бухгалтерии и данными подотчетного лица.

б) Все документы, которые представлялись подотчетным лицом при сдаче им отчета, но

не были приняты бухгалтерией организации, а равно документы, вызывающие сомнение в их подлинности или правильности, в частности, документы, которые содержат в себе подчистки, перечеркивания, недопустимые исправления и т. п., с объяснениями, почему эти документы не были приняты при сдаче отчета и в каком отношении они являются дефектными.

в) Объяснения лица, у которого была выявлена недостача (или растрата), если эти объяснения были им даны.

В тех случаях, когда организация потребкооперации не имеет возможности представить объяснения подотчетного лица (в случае его отъезда или уклонения от явки), она должна представить справку о том, что подотчетное лицо ею своевременно вызывалось. Такой справкой, например, может служить копия письма, посланного подотчетному лицу.

Заявления, направленные органам расследования (§ 1), должны быть подписаны председателем правления организации потребкооперации или его заместителем, либо председателем (членом) ревизионной комиссии или ревизором (инструктором) вышестоящей организации.

5. При наличии мелкой недостачи, происшедшей у данного работника впервые и притом вследствие неопытности, просчета или других действий работника, не содержащих признаков уголовного преступления,— уголовное преследование не возбуждается.

В этом случае администрация организации потребкооперации (правление сельпо, райпотребсоюза и т. п.) может наложить на виновного дисциплинарное взыскание и обязать его возместить понесенный от недостачи убыток в общегражданском порядке.

6. Дела о растратах следует передавать органам расследования немедленно после того, как совершение преступления организации потребкооперации стало известно, но, во всяком случае, не позднее 10 дней с момента проверки (ревизии) предприятия или подотчетного лица.

7. При получении от организации потребкооперации заявления о возбуждении уголовного преследования, орган расследования обязан разрешить вопрос о полноте представляемых материалов и, в случае надобности, немедленно дать необходимые указания организации потребкооперации о дополнительном представлении материалов или о производстве новой (или дополнительной) ревизии.

8. Бухгалтерская экспертиза по делам о растратах может назначаться только в процессе следствия, в случаях и порядке, установленном в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик. Стоимость экспертизы не должна относиться на счет потребкооперации.

Возлагать на организации потребкооперации обязанности представления заключения экспертизы при возбуждении и расследовании дела категорически воспрещается.

9. В отношении сроков расследования должно строго соблюдаться постановление СНК СССР от 16 февраля 1933 г. «О мероприятиях по усилению борьбы с хищениями и растратами в государственных и кооперативных торговых предприятиях» (С. З. СССР 1933 г. № 13, ст. 76).

В случаях необходимости продления этого срока, обязательно должна быть испрошена санкция вышестоящего прокурора.

10. Органы расследования обязаны по каждому делу своевременно извещать заинтересованную организацию потребкооперации о допущении ее в качестве гражданского истца или об отказе в этом, о передаче дела в суд или о прекращении производства по делу и т. п.

Прокурор Союза ССР
А. Вышинский

Зам. председателя президиума Центросоюза
А. Кухтин

26 декабря 1937 г.
№ 89/Н4556

О ПОРЯДКЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ КОЛХОЗОВ

Существующий порядок привлечения к ответственности председателей колхозов должен быть в основном сохранен и даже расширен в отношении колхозного и советского актива на селе (члены правлений колхозов, председатели ревизионных комиссий колхозов, председатели сельсоветов).

Однако, в целях устранения излишней волокиты по делам, Прокуратура Союза считает необходимым установить в дальнейшем следующий порядок направления этих дел:

По всем делам, касающимся лиц указанных выше категорий, райпрокуроры, при наличии достаточных оснований для предъявления обвинения, испрашивают санкцию у областного (республиканского) прокурора.

По окончании следствия дело с обвинительным заключением направляется в суд. Вторичного получения санкции для направления дела в суд (как это было раньше) не требуется, но одновременно с направлением дела райпрокуроры посылают копию обвинительного заключения областному (республиканскому) прокурору.

Прокурор Союза ССР
А. Вышинский

4 января 1938 г.
№ 1/26.

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВЕДЕНИЮ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ МЕЖДУ ОРГАНАМИ МИЛИЦИИ, СЛЕДОВАТЕЛЯМИ И ВЕДОМСТВЕННЫМИ ИНСПЕКЦИЯМИ

В связи с запросами, поступающими с мест, относительно разграничения обязанностей по ведению следственных дел между органами милиции, следователями и ведомственными инспекциями, разъясняем:

1. Расследование по делам о преступлениях государственных, контрреволюционных и особо опасных против порядка управления (за исключением дел, отнесенных к ведению НКВД по Управлению государственной безопасности), о хищениях социалистической собственности (закон 7 августа 1932 года), о выпуске недоброкачественной и некомплектной продукции (закон 8 декабря 1933 г.), об обворовывании потребителя и обмане Советского государства (закон 25 июля 1934 г.) ведется следователями.

Следователи ведут расследование также по следующим делам: о должностных и хозяйственных преступлениях, о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 151—155 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик.

2. Расследование по делам: о хищениях социалистической собственности и вредительстве (в порядке приказа НКВД СССР № 00118 1937 г.), о бандитизме, грабежах — вооруженных и невооруженных, разбое, об убийстве, скотоконокрадстве, о кражах квалифицированных и простых, о хулиганстве, мошенничестве и аферах, о нарушениях паспортного режима, о подделке паспортов и других документов, о спекуляции, о нарушении правил общественной безопасности и порядка, о злостном уклонении от платежа алиментов, об оставлении родителями малолетних детей без поддержки и понуждении детей к занятию нищенством и по всем остальным делам, возникшим в результате агентурно-оперативной работы милиции — ведется органами милиции.

Расследование дел, возбужденных органами милиции, заканчивается милицией независимо от их характера и ст.ст. УК, по которым они возбуждены.

Дела, законченные органами милиции и передаваемые прокурору для направления в суд, не должны передаваться следователям для повторного производства следственных действий в порядке ст. 109 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик.

По делам, находящимся в производстве органов прокуратуры, милиция, по предложению прокурора, производит розыск лиц, уклоняющихся и скрывающихся от следствия и суда, а также другие неотложные оперативные действия.

По делам, расследуемым органами милиции, прокуратура осуществляет надзор в соответствии с Положением о прокуратуре Союза ССР и УПК.

3. Ведомственные инспекции (налоговая, санитарная, техническая, торговая, трудовая и др.) возбуждаемые ими дела о производственных нарушениях, задержке выплаты зарплаты, переманивании рабочей силы, нарушении коллективного договора и тарифных соглашений, перерасходе топлива, нарушений правил торговли, о санитарных и технических нарушениях, нарушениях финансовой дисциплины и правил кредитной реформы и т. п.— направляют прокурору. Последний либо направляет дело в суд, либо передает следователю для производства предварительного расследования, либо возвращает дело со своими указаниями ведомственной инспекции для расследования, либо прекращает дело.

4. Расследование не производится по всем мелким делам и незначительным нарушениям, когда характер совершенного правонарушения не вызывает сомнения и, притом, когда точно установлены конкретные участники проступка, как-то: дела о мелком самоуправстве, а также дела, возникающие по жалобам потерпевших в порядке частного обвинения.

Все эти дела народный суд принимает к своему производству на основании поступивших к ним протоколов милиции или жалоб и заявлений граждан.

Прокурор Союза ССР

А. Вышинский

Заместитель наркома внутренних дел СССР
Комдив **Чернышев**

8 января 1938 г.

№ 7.

О СРОКАХ РАССЛЕДОВАНИЯ ДЕЛ, ПО КОТОРЫМ ОБВИНЯЕМЫЕ СОДЕРЖАТСЯ ПОД СТРАЖЕЙ

Поступающие в Прокуратуру Союза ССР сведения свидетельствуют о том, что вопреки многократным неоднократным указаниям расследование дел, по которым обвиняемые содержатся под стражей, производится крайне медленно, чем нарушается нормальный ход работы мест заключения.

Ввиду изложенного предлагаю:

1. В двухдекадный срок проверить все находящиеся в производстве следователей дела, по которым обвиняемые содержатся под стражей, и установить жесткие сроки окончания этих дел.

2. В пятидневный срок закончить все дела, находящиеся в производстве прокуроров (утверждение обвинительных заключений, дача санкций и т. п.).

3. В дальнейшем, с целью установления оперативного контроля за прохождением дел, по которым содержатся арестованные, ввести в областных (краевых) прокуратурах специальный учет арестованных.

4. К 20 февраля с. г. донести мне об исполнении настоящего распоряжения.

Прокурор Союза ССР

А. Вышинский

10 января 1938 г.

№ 2/26.

Ответственный редактор А. Я. ВЫШИНСКИЙ.

Рукопись поступила в издательство 7/II 1938 г. Сдано в производство 8 и 15/II 193
Подписано к печати 25/II 1938 г. 9 п. л. 23,35 авт. лист. Формат 70×107 Ю—4п.; № 16. В одном бум. листе 212 000

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28. Технический редактор И. РУШКОВСК

Уполномоч. Главлита РСФСР № Б—25321. Зак. № 182. Тираж 25000

18-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Письмо т. Иванова и ответ т. Сталина 1
Информационное сообщение об очередном Пленуме ЦК ВКП(б) 4
Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков 4

1-я СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР

Речь председателя Совнаркома СССР депутата В. М. Молотова 9
Доклад председателя Мандатной Комиссии депутата Щербакова А. С. . 12
Доклад председателя Мандатной Комиссии депутата Нурпеисова Садык 14
Речь депутата А. А. Жданова 16
Речь депутата С. В. Косиора 19
Речь депутата М. Д. Багирова 20
Речь товарища В. М. Молотова об образовании Правительства СССР . . . 21
Речь депутата Г. И. Петровского 24
Информационное сообщение о заседании Совета Союза 12 января 1938 г. 26
Информационное сообщение о заседании Совета Национальностей 12 января 1938 г. 26
Информационное сообщение о заседании Совета Союза 13 января 1938 г. 28
Информационное сообщение о заседании Совета Союза 14 января 1938 г. 29
Информационное сообщение о заседании Совета Национальностей 14 января 1938 г. 29
Информационное сообщение о совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей 15 января 1938 г. 30
Информационное сообщение о совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей 17 января 1938 г. 32
Информационное сообщение о совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей 19 января 1938 г. 33
А. Вышинский — Итоги первой сессии 34
Я. Горбулев — Решения январского пленума ЦК ВКП(б) 39
Е. Ширвиндт — 90 лет «Манифеста Коммунистической партии» 43
М. Савицкий — 20 лет Красной армии 46
С. Фиделев — Новый социалистический закон о жилищах 51
Б. Борисов — О порядке применения жилищного закона от 17 октября 1937 г. 54
Е. Домбровский — Правоспособность 60
А. Цыпкин — Материальная истина в советском суде 69
А. Винберг — Каким должно быть заключение эксперта 72
С. Богуславская — Еще о жалобах и жалобщиках 76
Н. Полянский — Дела об оскорблении величества в царских военных судах 79
Л. Шейнин — Прошлое и настоящее 82
С. Г. — Об одном приказе Наркомюста СССР 87
В. Покровский — Об одной жалобе 89
И. Гаврилович — «Дурак в цвету» 90
А. И. — Не сказка, а быль 91
Обмен опытом 92
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза 105
59 Пленум Верховного Суда Союза ССР 116
Актив Прокуратуры Союза 126
Письма в редакцию 141
Официальный отдел 142